

Вадим Вознесенский Евангелие рукотворных богов

Аннотация

Мир уже стал забывать, каким он был до Сумеречных Войн. Потерян счет времени. Исчезли с карты страны, архипелаги и моря. Нет городов — есть руины, где бушует радиация, где могут выжить лишь метаморфы. А что люди? Какие-то люди уцелели. Тлеют еще очаги цивилизации. Но где былое величие, где технологии прошлого? В своем развитии люди откатились в феодализм, их быт и уклад примитивен, их нравы грубы, их оружие — мечи и арбалеты. Лишь некоторые счастливицы владеют чудом сохранившимся оружием прежних времен. Но нет людям покоя и теперь. И не будет, пока в этом мире есть еще и Чужие. Противостоять Чужим обычным людям не под силу. Но все же среди людей находятся такие, кто может сражаться с ними на равных. Один из них — Ключник. Солдат, которого обучили пользоваться любым оружием — сложным образцом военной мысли и вполне, казалось бы, мирным предметом. Человек, утративший свое настоящее имя. А когда человек утрачивает имя, он становится или призраком, или... богом.

Вадим Вознесенский

Евангелие рукотворных богов

*Посвящается моему Ангелу - дочке Анюте.
Сумевшей задержаться в нашем мире всего на четыре месяца.
Сто двадцать шесть дней.
И все это время боровшейся за жизнь с упорством настоящего бойца*

*В чреве серого дня заворочался гром.
Слишком пошлый реквием после боя.
Что ты делаешь здесь с одиноким мечом?
Ты исполнил свой долг - уходи же, воин.*

*Здесь ни жизни, ни смерти, ни мира, ни битв,
Ни великих врагов, ни великих героев.
Здесь никто не услышит твоих молитв -
Боги бросили нас. Уходи же, воин.*

*Лай бешеных псов, вой черных волков,
Слаще смеха гиен и шакальего воя.
Ты чужой на пиру довольных скотов,
Что остались в живых - уходи же, воин.*

*Стала грязью кровь, стала гнилью вода,
А глазницы душ забиты золою.
Но пока в небесах хоть одна есть звезда,
Этот мир еще жив. Уходи же, воин.*

*Знаю, трудно бросать тех, с кем был ты в боях.
Знаю, стоит один много меньше, чем двое.
Но последняя битва здесь только моя.
Ты не выступишь в ней. Уходи же, воин.*

Иллет (Наталья Некрасова)

ПРОЛОГ

Кто знает... Сгорбленный батрак роет канаву для орошения умирающего поля. Быть может каждым ударом мотыги, дробя комья сухой земли, он порождает вселенные. Где истина... Ребенок нищего одетый в тряпье увлеченно играет грубо выструганными фигурками. Возможно, переставляя своих зверей, он сталкивает в беспощадной битве величайшие армии одного из множества существующих миров. Познай необъятное. Змея в бессильной злобе пожирает свой хвост. Бесконечной чередой, подобно миражам в пустыне, возникают, растворяются в дымке и вновь возрождаются легендарные цивилизации.

Горячее дыхание пустыни отнимало остатки сил, несло жар и песок, впивающийся тысячами игл в обветренные лица, срывающий лохмотья кожи с иссушенных губ. Гром действительно походил на сына бога, как и пели менестрели на городских ярмарках, восхваляя его многочисленные подвиги. Семи футов роста и богатырского телосложения, с развевающимся плащом венецианского шелка, парой мечей за спиной и упруго перекачивающимися мышцами под тронутой южным солнцем кожей. Таким даже на самых темных улицах злочных районов портовых городов стараются не переходить дорогу. Он действительно выглядел внушительно, этот северный варвар, вождь многочисленного уже союза племен, осмелившийся бросить вызов могучей империи.

- Мы прошли, - и голос его также был подобен рыку льва, как похожи на гриву длинные пепельные волосы, - всего одиннадцать дней...

Да, одиннадцать дней безумного перехода, броска через равнодушную пустыню, одиннадцать дней под взором безжалостного Бога Солнца.

- Ведун умирает, - я посмотрел на Грома, с уважением, единственный из отряда он, казалось, смог бы пройти еще столько же и в том же темпе, - мы потеряли связь.

- Мы все равно не успеем, - вождь прикрыл глаза, повернулся лицом к барханам и медленно втянул воздух.

Приподняв нос и раздувая ноздри, он несколько раз повел головой из стороны в сторону, как степной волк, выслеживающий добычу.

- Я чувствую их, все так же - не страдают от жажды и полны сил, в их мыслях лишь азарт охотника, настигающего дичь, через три часа будут здесь.

- Они сыны пустыни, их верблюды могут обходиться без воды... И у них нет женщин и детей.

Пять тысяч черных наездников - серьезная сила, особенно если противостоит едва двум сотням вымотанных северян. Гром ощущал их, слышал оттенки эмоций, мог даже оценить физическое состояние дромадеров. И видел своих людей. Легко ступив с бархана он заскользил вниз по осыпающемуся песку. Я еще раз обернулся - вдали, сквозь плывущее марево поднимались клубы пыли. Даже без Ведуна, без сверхъестественного нюха Грома было ясно - нам наступают на пятки и после перевала мы сможем рассмотреть орнамент на пополах преследователей.

Внизу вождь остановился у носилок, привьюченных между двух лошадей. Выразительно посмотрел на сопровождающего бойца. Дорогие трофеи - неуязвимые доспехи, плоды побед и грабежей, были брошены в пути. Одежду большинства воинов составляли длинные, ниже колен, туники, платки, повязанные на манер кочевников вокруг лица, сандалии с высокой шнуровкой. Я устало улыбнулся, нет нужды читать мысли - Гром не одобрял такой экипировки, но сам отдал приказ избавиться от лишнего веса.

- Плохо, князь, - отрапортовал солдат.

Ведун действительно умирал - впалые щеки, выпирающие глазные яблоки под пергаментными веками, еле ощутимые движения грудной клетки. Он выглядел глубоким старцем, вся его сила, вся молодая энергия ушла на открытие Пути и сейчас ее остатки уходили через образовавшиеся надрывы в материи мира. Он подарил нам два дня опережения преследователей, а мы не могли дать ему глоток воды. Гром склонил голову и

положил мозолистую ладонь на лоб волхва, но, не успев прикоснуться, резко отдернул руку, словно обжегшись. Гримаса боли исказила лицо, он вздохнул и передернул плечами.

- В нем нет сил, чтобы удержать жизнь, - я вздохнул, без Ведуна наши и без того мизерные шансы сводились к нулю.

- Ты не понимаешь. Очень глубоко погрузился, когда я пытаюсь дотянуться до его сознания - как в воронку затягивает. Он был на той стороне один слишком долго.

- Нас бы нагнали еще в начале пути, если б Ведун не морочил.

Тенью пронеслась мысль, что все мучения перехода и все старания волхва, пропали в пустую. Что, приняв бой в начале бегства, мы бы избавили себя от этой пытки пустыней, да и отдали свои жизни гораздо дороже. Тогда, опьяненные еще горячкой уличной резни у стен дворца Секретной столицы, возможно, мы могли организовать оборону захваченной цитадели. Там не было надежды на спасение. В сердце враждебного государства неоткуда ждать помощи. Но это была бы красивая смерть. Такой конец пути чертовски льстил бы моим спутникам. Религия этого смелого народа поощряет подобный переход. К сожалению, это противоречит моим личным принципам и за жизнь я буду цепляться как всегда, до последнего, срывая в кровь ногти и дробя в крошку сжатые зубы. Да и насколько представляю сложившийся порядок, мне нет места в их посмертии.

- Мы встретим имперцев на перевале, - тихо сказал Гром, - женщины и дети на лошадях могут попробовать успеть до отлива.

Истощенные женщины на не менее истощенных лошадях... Северяне неплохие лучники и на стенах ущелья можно продержаться какое-то время. Попробовать устроить оползень. Я кивнул - не стоять же на месте.

- На перевал!, - рявкнул вождь, - Там спешимся.

Воины приободрились, новость о предстоящей, пусть и последней драке, придала сил. С улыбками помогли детям и наиболее слабым из женщин сесть верхом, взяли под уздцы лошадей. До цепи невысоких гор было около пяти миль - есть время не спеша пройтись, привести в порядок мысли, отдохнуть и подготовиться к битве. Все-таки они мне нравились, за десяток лет ставшие моими новыми родичами люди. Наверно, когда-то давно я сам был таким, смелым и безрассудным, открытым и честным, умел любить и ненавидеть. Когда-то давно... очень, очень давно.

Тронулись. Гром с Проводником в главе колонны обсуждая, вероятно, план защиты перевала, и тонкой цепочкой растянувшиеся чуть больше трехсот человек и двух сотен лошадей.

- Похоже, славный был поход, - незаметно со мной поравнялся Дед - самый старый дружинник Грома, - и богатая добыча.

- Которую пришлось бросить в пустыне, - отозвался кто-то сзади.

- Не поверю, чтоб Старый не припрятал несколько сотен монет в седельной сумке, - весело послышалось спереди.

- Да пару наложниц!, - хохотнули в строю.

- Семьи старейшин, лет двадцать назад - за такой выкуп мы бы себе по клану купили, - вздохнул Дед.

Лет двадцать назад, когда племена еще и не думали объединяться, а молодой Гром ходил оруженосцем у кого-то из князей. Теперь другое время, старик. Теперь эта горстка измученных гордых женщин и старающихся казаться невозмутимыми подростков - залог целостности союза, кровью и потом скрепившего многочисленные общины.

- Мы не для этого их спасали, Дед, - протянул я, - но они действительно многого стоят.

- Просто... просто великий был поход.

- Да, о нас сложат красивые баллады, матросы будут распевать их в пьяных трактирах и прекрасные девы уронят слезу, а безусые юнцы, очистив от ржи дедовские мечи уйдут из дома в поисках славы.

- Не смейся, это достойно пера барда. Другой раз из кабацкой драки рождается поэма, а здесь такое дело...

- Было бы неплохо самим пожать плоды популярности и поднять добрую кружку эля в приличной таверне.

- Ты ведь наш родич, брат, - улыбнулся ветеран, - в Валгалле все попируем.

- Попируем, - согласился я и кивнул назад, - вместе с теми детьми шайтана.

- Откуда они взялись на свою голову, - вздохнул Дед, - почему Ведун не почувствовал, у Грома тоже дар не слабый, да и так наши многие могут...

Интересный вопрос. Только поставлен неправильно. Почему не заметили - у них тоже маги есть, кто его знает, какими фокусами владеют. Иное дело откуда пять тысяч отборных имперцев ни с того ни с сего оказались у стен Секретной столицы, вдали от Дельты - места высадки варваров, от основного войска, сдерживающего прорыв вверх по Реке?

- Похоже, предали нас, - понизил голос собеседник, - рейд в тайне готовился, не многие знали, Вожди, да и то не все.

- Ловушка? Смерть Грома сейчас ничего не даст - слишком поздно.

- Смерть Грома и заложники, не забывай.

- Ты мудрый воин, Дед.

- Я старый воин. Помоги Грому, он мне как сын.

- Я буду сражаться с ним плечо к плечу, - наш разговор все больше переставал мне нравиться.

- Ты приносишь удачу... - Дед промолчал, -... и я видел, как ты дрался в цитадели.

Скверно, не думал, что остались свидетели. Приношу удачу - нашел любимца богов, от других братьев я такого не слышал. Как по мне, так скорее источник неприятностей.

- В горячке боя, тебе показалось, пьяные от крови, мы все были как берсерки, - я хлопнул старика по плечу и прибавил шаг, давая понять, что разговор закончен. Лопатками и затылком чувствуя буравящий задумчивый взгляд голубых глаз Деда поспешил догонять Грома.

Вождь уже отпустил Проводника и шел один, спокойно рассматривая приближающиеся скалы. Я всегда поражался его умению править. Не отдавать команды, не манипулировать людьми, а именно править. Он был прирожденный лидер и порой даже я сам попадал под действие его харизмы. Такие становятся основателями великих династий, через века достойно несущих героическую кровь первого в роду, а также объектами многочисленных легенд, будоражащих слух праздных обывателей. Если доживут до седины.

Последнее нам не грозило.

Некоторое время шли молча.

- Погоня слишком близко, мы успеем закрепитьсь? - я никогда не понимал механизм их способностей, но, за последнее время, научился доверять беспрекословно.

- Успеем, имперцы тоже не торопятся, у подножья догонит передовой разъезд, там и сменим порядки.

- Ты видишь будущее, Гром?

- Это очень редкий дар. Я слышу и оцениваю расстояние.

- Ты слышишь их количество?

- Да, сотня.

Вряд ли они станут нападать - попытаются замедлить, держась за пределами досягаемости луков и трепля нервы короткими наскоками. Оставить несколько десятков воинов и связать им передвижение - достаточно тяжело на открытой местности. К тому же верная смерть. Несколько раньше, чем на перевале.

- Это будет у входа в ущелье, достаточно тридцати дружинников, скорее всего, они не сунутся, - Гром полуулыбнулся на мой вопросительный взгляд, - и я не умею читать мысли. А тебя я даже не чувствую.

А вот это интересно, полезную информацию узнаешь за несколько часов до смерти.

- Вообще?

- Никогда не говорил об этом, наверно, во всех наших прежних переделках всегда оставалась надежда. Может расскажешь?

- О чем Гром? До того, как ты меня освободил, я помню лишь каменные нары, вонь нечистот и гнилую похлебку через день.

Я был почти честен с вождем - разве можно назвать воспоминаниями те обрывки кошмаров, что посещали каждую ночь. А о существовании в темнице тем более думать не хотелось.

- Надо было порасспросить твоих тюремщиков, прежде чем убивать. Свет с тобой, сегодня все мы унесем свои тайны в могилы.

- Нам нечем платить возницам колесниц, доставляющим души погибших в бою к воротам рая.

- Ты научился говорить как истинный северянин. Мы рассчитаемся смертями врагов.

- Такой вид оплаты всегда в ходу у богов.

- Ты в них не веришь.

- Я им не верю.

Перевал приближался. Красная, безжизненная и раскаленная, как сама пустыня, цепь гор, разрезанная, словно кривым кинжалом местных кочевников неровной полосой ущелья. Путь был достаточно удобным - еще Древние проложили здесь дорогу. Местами загроможденная оползнями и осевшими промоинами она, тем не менее представляла собой проходимый маршрут и идеальное место для засад. Не поверю, что Гром, разрабатывая этот вариант отхода, не предусмотрел сложившегося поворота событий. Отступление в пустыню, выход к морю, к ожидающему флоту и, в случае близкой погони, защита перевала. Никогда не стоило недооценивать его талант стратега.

У начала подъема мы остановились. Те несколько миль, пройденных в спокойном темпе, дали все-таки возможность отдохнуть и восстановить силы. Однако пыль, поднимаемая преследователями, теперь взвивалась в воздух практически за соседним барханом.

- Близко, - прошептал Гром, - это хорошо, может и влетят в ущелье не раздумывая.

Он дал команду спешиться всем, чтобы лошади не перетруждались на подъеме, вызвал трех десятников, распорядился рассредоточить их отряды среди многочисленных насыпей камней на дороге. Подумал, добавил по отряду лучников на стены. Мы лишились четверти отряда. Один к двум, при явном позиционном превосходстве - неплохой расклад, быть может, часть из них еще сможет присоединиться к нам наверху. Чуть прибавив шаг, оставшиеся потянулись вперед, я пристроился в конце колонны, необходимо было обдумать в одиночестве сложившееся положение.

Семьи обязательно должны спастись и нам действительно необходимо принять последний бой. Причем держаться долго, минимум - часа два-три, лучше пол дня, и в любом случае, пока всех не перебьют. Пять тысяч, пусть растянутых в колонну, против полутора-двух сотен - верная смерть, отступать некуда. Проводник идет со спасенными. На сотню человек его маловато, еще два-три сопровождающих были бы не лишними. Для северян попасть в охрану будет наказанием, несмываемое пятно позора - бросить братьев погибать, спасая твою жизнь. Напроситься самому, чем вызвать презрение товарищей и отверженность предателя по возвращении? Ну, эту беду я бы пережил. Остаться и вытащить Грома, попытаться уйти в горы, понадеявшись на собственную способность к выживанию и репутацию счастливчика?

Внизу уже завязывалась схватка с разездом местных. Они все-таки сунулись в ущелье - крохотные фигурки наездников сбившихся беспорядочными островками огрызались с высоты своих верблюдов от стрел и наскакивающих пеших варваров. Вверху узким голубым клином в багровую стену гор врезалась полоска чистого неба. Даже сглаживаемые ветрами на протяжении многих веков почти вертикальные откосы мрачно нависали над дорогой. Горстка людей кажущаяся еще меньше в угрюмой тени скал упорно продвигалась навстречу источнику света, словно уходя в безоблачные небеса...

На высоте порядка двух сотен футов в верхней точке ущелья к правой стене непостижимым образом, будто ласточкино гнездо, прикрепились серое грубое строение.

Главенствующее над дорогой, оно, вероятно, открывало вид на обе стороны перевала. Я не помнил, чтобы бывал в этих местах, но вид его определенно навевал смутные образы воспоминаний. Почти бегом нагнал Грома, шедшего вместе с десятниками и внимательно изучавшего окружающий рельеф в поисках удобных позиций.

- Видишь форт? - указал я в сторону стены.

- Крепкие стены, горизонтальные бойницы - для самострелов в самый раз. А лучникам неудобно, можно два-три человека, туда больше и не поместится. Оставшиеся в живых отходить туда будут, хорошее место для встречи с вечностью.

- Храм забытого бога, - подсказал Проводник, - руны на стенах.

- Древних?

- Из новых, Одан, - всмотрелся в знаки кто-то из воинов.

- Безумца... Одан Хан - его почитали на востоке, говорят, это он развязал Сумеречную Войну.

"... и вызвал он гнев богов, и скрылся на земле, и покарали боги землю, принявшую непокорного, и погрузили землю во Тьму..."

Безумцу просто положено быть параноиком. Я знал это, знал о гонениях на приверженцев, знал о культе сопротивления. И еще знал о тайнах его святилищ. Слишком маленький, впрочем, его храмы, приспособленные для войн сооружения, никогда не отличались размерами, расположенный в ключевом месте - да, он мог скрывать в себе один секрет. Если не был разграблен профессионалами. Одан был солдатом, его алтари не отличались богатым убранством и не привлекали простых грабителей.

- Мне нужно его осмотреть, Гром.

- Возьми с собой лучников, пусть займут позицию.

- Я должен быть один.

- Ты же не общаешься с богами.

- И сейчас не собираюсь.

- Не задерживайся, - Гром отвернулся и занялся расстановкой дружинников.

К форту вела узкая крутая тропинка-лесенка. Раньше она была оснащена перилами, о которых теперь свидетельствовали лишь остатки железных крючьев в стене, поэтому маршрут был весьма рискованный и преодолел я его, упираясь всеми конечностями, минуты за три.

С небольшой площадки у входа в помещение открывался величественный вид. На западе - бескрайняя пустыня, рябью песчаных волн скрывающаяся за горизонтом. Практически у входа в ущелье - кулак имперцев. Они еще задержатся здесь, увидев разбросанные тела и одиноко кричащих верблюдов. Они не бросятся сломя голову, будут идти медленно и осторожно, заглядывая по каждый камень, даря нам драгоценные минуты. Они знают, что победят, но каждый из них в отдельности очень хочет остаться в живых. Я видел около десятка наших, шатаясь, они поднимались вверх, вытирая мечи о горсти с песком. Они победили в одном бою и спешили погибнуть в другом для того, чтобы выиграть главную битву. На востоке, переливаясь в лучах солнца, густой синевой с яркими белоголубыми полосами рифов раскинулось море, прекрасное на протяжении множества эпох. Оно подступало почти к самым горам, лаская их подножье приливом. В четверти перехода на юг, я не видел - знал, в уютной бухте нас ждала часть флота, на отдохнувших лошадях они могут спастись, наши подопечные. Свежий ветер приятно охлаждал лицо, я скучал по нему, я забыл, как это восстанавливает силы. Внизу торопливо сустились дружинники Грома а поредевший караван уходил дальше. Еще есть время и его надо использовать с пользой - я шагнул в прохладный полумрак храма.

Дверей не было, вглубь вел настолько узкий проход, что пришлось протискиваться боком. От стен веяло стариной, даже не веками - тысячелетиями. Мощные каменные блоки толщиной порядка четырех футов были испещрены временем, швы соединений подогнаны с идеальной точностью и лишь тончайшие, с волос, щели выдавали их наличие. Внутри, как и следовало ожидать, не было никаких украшений. Четыре ряда каменных ступеней-скамей у

четырех стен единственного тесного помещения и массивный куб алтаря посередине. Скучным источником света служили три узких бойницы, расположенные, в нарушение современных требований фортификации не вертикально, для лучников, а горизонтально. Я мельком заглянул в западный проем - пройденная нами часть перевала была, как на ладони.

Быстрее. Тайник есть, я был уверен в этом, вопрос, где он может находиться и на месте ли содержимое. Под плитой алтаря - банально и слишком очевидно, однако я присел, уперся спиной в его шероховатую поверхность, ногами в единственную ближайшую ступень. Он был чертовски тяжелый, этот камень, пришлось напрячься. Превозмогая боль в связках и кровавую пелену в глазах почувствовал знакомый прилив бешенства и выброс в кровь дозы адреналина. Алтарь сдвинулся больше, чем на фут. Пусто. Я поднялся и обошел камень вокруг. Думай! Ладонью смахнул песок на полу, упал на колени и начал быстро расчищать поверхность. Кое-что - похоже, алтарь двигали и до меня, следы на плитах указывали, что его перемещали в том же направлении, но еще дальше. Я вернулся, взялся за камень уже руками, рывком выпрямил полусогнутые ноги. Раз! Плита стала на определенное царапинами место. Зачем адепты храма устанавливали ее сюда? Я вскочил на алтарь и осмотрел потолок. Ничего. Бросил взгляд по сторонам. Вот! А ведь простая задачка - используя сдвинутый камень в качестве опоры, теперь я мог таким же методом переместить в сторону ступень, расположенную у глухой стены, что примыкала к скале. Еще одно невероятное усилие, и моему зору открылся неширокий проем в плитах, вырубленный более грубо и намного позднее самого строения, чуть выше уровня пола. Ничего не видно. Я погрузил внутрь руки, углубление, уходившее резко вниз и вглубь, было заполнено вязкой маслянистой жидкостью с резким неприятным запахом. И там нащупывался тяжелый сверток.

Посмотрим, что за подарок оставил мне забытый безумный бог. Массивный и длинный, многократно обернутый промасленными тряпками и пергаментом предмет. Ну не мумия же священника, в самом деле.

Бережно я разрезал стягивающие узлы, развернул расползающиеся в руках клочья материи. Очень, очень хорошо. Признаться, я ожидал чего-то попроще. А это... царский дар - я ласково погладил лишенную инкрустаций ребристую поверхность рукояти. Шесть футов смерти и разрушения для всего окружающего. Мощный и эффективный в умелых руках древний артефакт. Передо мной в ворохе тряпья, излучая уверенность в завтрашнем дне, матово поблескивал вороненой сталью мой очень старый знакомый - Корд.

ГЛАВА 1

Спроси у уличного проповедника, собирающего когда медяки подаяний, а когда и тумачи стражников. Спроси его - каким путем приходят боги в обреченный мир. И зачем. Для спасения? Не стоит слепо доверять пророку, ведь он может оказаться и шарлатаном в поисках подачки на пропитание. Известно одно: боги не приходят просто так. Или вот. Знахарь на поле битвы врачует смертельно побитого воина, надежды нет и тот корчится в страшных муках. Но лекарь в раздумье, прервать его пытку, или потянуть время в надежде на чудо. Дрогнула ли рука, держащая инструмент хирурга, если б знала - в страданиях тела рождается агония Мира?

Удар грома заставляет любую живность бросаться в лес в поисках защиты.

Так и люди, не те, кто носит оружие, при первых признаках беды стремятся спасти себя и семьи в местах, кажущихся безопасными. Они бросаются в глубину рукотворных пещер и переживают гибель города. Они ютятся там безумствующей толпой, питаются плесенью и грибами, возвращенными в темноте катакомб. И вот у двоих из них, еще не совсем утративших человеческий облик и держащихся друг друга появляется ребенок, что само по себе уже чудо - большинство женщин бесплодно. Девочка. Здоровая и нормально развитая. Проходит десятилетие. Люди робко выходят на поверхность - город покинула Смерть. Остались лишь банды пришлых, словно гиены, роющихся на развалинах. Люди находят в городе свое место

под солнцем. После ужасов тоннелей существование наверху кажется раем. Девочка растет нелюдимою и скоро уходит с какими-то бродягами. Родителям уже все равно - красивый ребенок может накликать беду их мирной общине. Зачем нужна девочка банде бродяг? Ее пользуют. В двенадцать лет - первый выкидыш. Ее продают, выменивают, проигрывают. Ее хозяйка зачастую больна чумой, но ее судьба милует, она лишь хорошеет. И поднимается в цене. Молчаливый ребенок, она безропотно терпит, словно ждет чего-то. Но иногда говорит странные вещи. Бывает, что они сбываются. Хозяйка не обращает внимания - сейчас все сумасшедшие предсказывают и пророчествуют. И продолжают пользоваться телом. Только стараются никогда не заглядывать в пропасть ее синих глаз...

А время идет, время не останавливается по малозначительным поводам - оно лишь чередой событий на нити судьбы Мира.

Зима заканчивалась. Морозы в наступившем году выдались на редкость лютые. В этих диких местах - Свободных Землях, конечно, всегда было поспокойнее - не так бесчинствовали шайки многочисленных мародеров, разбредшиеся по окрестностям после войны, не так распространялись голод и эпидемии, вызванные нарушением системы поставок и отсутствием сколько-либо действенной системы управления. Боевые действия вообще обошли край стороной, а коренные жители издавна привыкли полагаться на свои собственные силы. Большей частью население располагалось в небольших поселках, способных самостоятельно обеспечить потребности в продуктах питания и средствах обогрева.

Остальной свет кипел. Начавшие появляться последние несколько лет торговцы, единственный источник сведений о внешнем мире, рассказывали отцу, что Запад теперь представляет выжженную пустыню, остатки населения ютятся чуть ли не в подземельях погибнувших городов, лишённые остатков солнечного света, постепенно перерождаясь под действием неизвестных болезней. Жители встречающихся местами сохранившихся островков жизни пожирают друг друга в беспощадной борьбе за выживание.

Север - тот вернулся к первозданной природе. Война, как и здесь, носила там эпизодический характер. Народу, однако, жило не в пример меньше, поэтому выжившие племена аборигенов, на протяжении последних лет ста приручаемых Империей к цивилизации, со спокойной совестью вернулись к полудикому существованию. Они с незапамятных времен умели справляться с полярными морозами, поэтому наступление ледника лишь немного изменило маршруты их кочевий и местоположения стойбищ.

Свободные Земли тянулись на Восток, покрытые многочисленными лесами, разрезаемые, словно рубцами от ударов кнута, руслами могучих рек. Реки были как живительные артерии - вдоль их берегов то тут то там возникали независимые общины, способные успешно противостоять невзгодам военного лихолетья и сурового климата. Они использовали для торговли и общения водные пути и, по сути, являли собой очаги цивилизации. Такое положение дел сохранялось на всех восточных территориях, и, постепенно вытесняемая, жизнь, тем не менее, простиралась до вод Океана.

Южнее пролегал Великий Восточный Путь. Война прокатилась по нему сметающей все волной, оставив после себя лишь руины городов, запах пожаров, да стаи раздобревших на мертвячине хищников. И это была единственная дорога на Запад, который будто распространял по ней свои тлетворные миазмы. Также Путь отделял Земли от южных стран.

До войны в том направлении леса постепенно сходили на нет, вытесняемые сначала буйной степью, затем, за цепью гор, переходящей в суровую пустыню. Население соседей пострадало от этой странной войны не в меньшей степени. С испокон веков являвшиеся колыбелями древнейших цивилизаций, южные державы отличались высокой плотностью проживания подданных. Потому и выжившие после Удара принялись делить оставшийся кусок хлеба с обреченной жестокостью, методично преумножая количество жертв. Их растительность и животный мир, соответствующие более теплообильному климату, намного болезненнее перенесли приближение ледников и уменьшение солнечной активности. Что представляли теперь территории процветающих ранее государств толком не знал никто,

однако со слов беженцев, время от времени просачивающихся через Путь было понятно, что дела там немногим лучше, чем на Западе. Старожилы не препятствовали расселению пришельцев, справедливо полагая, что лишние руки могут только послужить на пользу общему делу.

О более дальних краях Мира и вовсе никакой информации не было.

С начала Войны прошло уже 18 лет и многим начинало казаться, что жизнь начинает возвращаться в спокойное, пускай новое и сильно измененное русло.

Двенадцатилетнего мальчишку-сына старейшины, проснувшегося ранним утром в главной избе небольшого хутора-острога, в прошлом поселка, носящего название Ручей, наверное, мало интересовали особенности существующей карты мироздания. Им, родившемуся После, история До воспринималась словно красивая сказка о непостижимых чудесах и только иногда извлекаемые взрослыми из тайников таинственные артефакты отчасти подтверждали легенды о том, что Было. Те, кому трудно было поверить в их сверхъестественные качества, изредка, в периоды наибольшей активности Стаи, получали возможность убедиться в правоте рассказчиков. Гораздо больше паренька волновали простые ребячьи сплетни, одной из наиболее обсуждаемых новостей, например, было появление одинокого дракона, замеченного высоко в небе в одном из соседних поселков. А сильнее всего в этот предрассветный час его волновала необходимость-нужда идти на улицу.

Ни он, ни его спящие братья, ни отец и соседи, не знали, не могли предположить череду каких происшествий послужат события этого утра. И уж тем более лишь единицам существ в этом Мире было известно, к каким чудовищным, непоправимым последствиям это приведет.

В зимние месяцы солнце пробивалось сквозь пепельную дымку всего на 5-6 часов, но и сейчас о наступающем утре подсказывал лишь какой-то врожденный внутренний механизм, скрупулезно отсчитывающий пробегающие часы и минуты. Паренек с неохотой потянулся, сел на постели из шкур, сунул босые ноги в теплые меховые сапоги, поднялся, набросил теплую длиннополую шубу и выскочил на улицу. За толстыми двойными дверями, обитыми плотным войлоком, всюду трещал мороз. Не удивительно, что так лютует Стая в последнее время. Меньше луны остается до ярмарки, знаменующей пришествие короткого и прохладного лета, а погода стоит такая, что плевки застывает на лету. Весенние ярмарки-торжища устраивались практически во всех крупных поселениях Свободных Земель. На них стекались семьи за многие сотни верст с целью продажи собственных товаров, пополнения необходимых запасов на следующую зиму, а также участия в разнообразных гуляниях и обмена новостями. К счастью, хуторянам до Устья, местного торгового центра, было рукой подать - пару дней вниз по реке на просторных лодках. Мальчишка с нетерпением ждал схода льдов, в этом году его впервые обещали взять на торжище.

Покончив с делами паренек задержался на улице. Спать совершенно не хотелось, такой морозище освежал получше ушата холодной воды на голову и он пробежался до дозорной вышки. Там караулил ночь старший брат, двадцатидвухлетний Слав, родившийся еще до войны, а потому незаменимый член общины и уважаемый человек. Слав сидел на ворохе шкур, укутанный поверх кожуха в толстый тулуп и полудремал-полубодрился, попыхивая парком из под низко надвинутого капюшона.

- Ванко, не спишь тебе, - поприветствовал он младшего, мгновенно собравшись, лишь заскрипели под ногами мальчика ступени лестницы, - подежурить хочешь? Намерзнешься еще, беги в избу.

- Как оно тут, - поинтересовался Ванко, - озорует?

- Спокойно, не шелохнется, - развел в стороны плечи брат и переложил со сгиба локтя на настил вышки тяжелый самострел с железными листами-излучинами. Еще три таких же, взведенных, стояли прислоненные к ограждению.

Хорошо было стоять так, упершись в перила, оглядывать окрестности в поисках опасности, осознавая, что от тебя сейчас зависит благополучие целого рода. На расстояние двух арбалетных выстрелов от стены хутора тянулась полоса выжженной земли. Летом на ней успевали собрать нехитрый урожай, зимой открытое пространство предупреждало

нападения обнаглевших волков, и, в любое время года, вместе с пятисаженным частоколом, спасало от бродяжьих ватаг. Ванко осмотрелся. С трех сторон хутор обступал лес, в который вели около десятка охотничьих троп, теряющихся глубоко в чащобе, южнее несла свои воды Кута. Вдоль реки летом тянулась дорога на восток - в другие поселки, до Устья, на запад, вверх по течению - к похожим маленьким хуторам, за истоком то пропадая, то вновь появляясь, сворачивающая на юг и доходившая, по словам старших аж до Пути. Зимой роль тракта выполняло закованное в лед русло.

Мальчишка вдруг напрягся и толкнул брата, - Глянь!

На границе видимости в темноте на белом фоне льда мелькнула на мгновение и замерла черная точка.

- Где, не вижу, - пружинисто вскочил Слав и начал присматриваться в направлении, указанном младшим братом, - померещилось, иди досыпай.

- Не померещилось, смотри же, оно движется!

Едва различимое пятно на границе между черной ночью и белым панцирем льда с какой-то упрямой настойчивостью, медленно, дергано приближалось. Теперь и Слав заметил движение, сжав покрепче самострел, он напряженно следил за ним. Внезапно это что-то рванулось, приподнялось вверх, приняло форму человеческой фигуры и вновь опало.

- Человек, ты видел, - дернул за рукав Ванко, - там человек.

- Может, оборотень какой, - хмыкнул Слав, - стрелой что ли пощекотать?

- Слав, там человек, может ему помощь нужна?

- Ну да, человек - ночью, один, тварь это, - вскинул к плечу самострел брат.

- Не надо, Слав, ты же видел - человек, вдруг соседи, вдруг беда случилась, а ты его...

Дозорный на секунду задумался, опустил оружие:

- Буди Сивого и старших.

Через небольшой промежуток времени отец и еще четверо дюжих поселенцев стояли на вышке в компании со Славом и настырным Ванко.

- Ну что там?

- Затих, не шевелится. Пару раз поднимался, похоже, правда человек, - доложил старший брат.

- Надо вытаскивать, прикрывайте, - старейшина взмахом руки отрядил двоих мужиков остаться наверху.

За стену вышли вчетвером - двое по сторонам, со взведенными самострелами, Слав и отец с факелами в центре. Каждый шаг отзывался звонким треском застывшего наста в морозном воздухе, нарушая безмолвие ледяной пустыни. Сопровождающие нервно водили арбалетами по сторонам - ночь и стужа обволакивали, несли ощущение опасности и безысходности.

- Не суетись, - вполголоса прикрикнул старейшина, - друг друга перебьете.

Расстояние, казавшееся с высоты частокола небольшим, на деле оказалось приличным. Постепенно в лежащей бесформенной куче стали проявляться черты распластанного человеческого тела. К нему из темноты вели взрыхленные борозды снега, щедро окропленные кристаллами замерзающей крови. Внезапно шкуры, прикрывающие несчастного зашевелились, тот резко дернулся, встал на колени и рывком поднялся, опираясь двумя руками на кривой посох-корягу, подобранный, вероятно, где-то на берегу. Спасатели отшатнулись - всем своим видом, суровым и обреченным, путник напоминал старуху Смерть, как ее описывали в ночных рассказах при свете камина. Достаточно высокий и широкоплечий, он стоял, пошатываясь, явно стараясь не ступить на правую ногу. Длинная накидка из волчьих шкур делавшая фигуру еще более сторбленной и зловещей была изодрана в клочья и беспорядочно свисала, беззвучно колышась в порывах ветра. В изрытом под ногами снегом отчетливо проступали следы крови, маслянистыми багровыми отблесками отливали в свете факелов остатки одежды и меховая оторочка унтов. Глубокая страшная рана с неровными рваными краями и свисающими ошметками кожи перечеркивала подбородок, щеку и уходила вверх в тень низко надвинутого широкого капюшона. Оттуда,

словно из бездны, зловещими искрами полыхали глаза. Руки, держащие посох тоже были изодраны, обнажены и отливали синеватой белизной - отморожены. Незнакомец проклокотал что-то невнятное, попытался выпрямиться, расправить плечи, ветер еще раз пошевелил лохмотья, его повело и он рухнул навзничь не издав больше ни звука.

Все это заняло мгновенья, многократно растянувшиеся для присутствующих, но сухой скрип снега под упавшим телом вызвал уколы озноба даже у привыкших к лютomu морозу охотников.

- Как тебя... - протянул Сивый, - берите, ребята, потащили.

В избе, в неровном свете свечей удалось внимательнее осмотреть гостя. Вид его действительно был жуток. Само по себе сухое и изможденное, тело пришельца было изодрано местами до кости чьими-то острыми зубами.

- Под Стаю попал, не иначе, - присвистывали выдавшие виды охотники, бережно отмачивая задубевшие и примерзшие к коже кровавые ошметки одежды. Правая часть лица, руки и ноги словно тупой бритвой располосовали мощные челюсти.

- От Стаи не уходят, - пробормотал Слав, отжимая окровавленную тряпку.

- А этот ушел, сам посмотри - эти раны ни с чем не спутаешь.

- Да ладно, все равно не жилец. Сюда глянь, а это не их работа - кость перекусить волколаку не по силам.

Правая нога распухла, голенище унта пришлось аккуратно разрезать - чуть ниже колена из посиневшей плоти белел осколок кости.

- Досталось охотнику.

- Да не похож на охотника, скорее воин. Броня вон, тесак знатный.

Грудь, живот, спина незнакомца практически не пострадали, действительно защищенные безумно дорогим доспехом из Прошлого. Мягкий, удобный и легкий он, тем не менее, способен был выдержать прямое попадание арбалетного болта. Огромный, в локоть длиной, нож был закреплен на груди в странных ножнах, рукоятью вниз.

- Воин, - подтвердил старейшина.

Он бережно снял с пострадавшего доспех, извлек и рассмотрел оружие. Остатки крови были видны и на нем, однако, в отличие от остального имущества, лезвие было тщательно вычищено. Впрочем, кроме одежды да ножа, иной поклажи у гостя и не было, видно, растерял в пути.

- Самого можно по частям собирать, а нож вытер, прежде чем убрать - воин, уважение к оружию имеет.

Словно возмущенный тем, что чужак прикоснулся к его снаряжению, странник повернул обезображенное лицо в сторону старосты и захрипел.

- Не бойся, ничего ему не станется. Ну, мужики, давайте шкуру зашивать, ты уж не серчай, родной, если где криво получится, - угрюмо пошутил старейшина.

Привычные к такому, охотники взялись за иголки и первые неровные стежки легли на тщательно промытые раны. Спасенный бредил, шептал что-то неразборчивое, но боль переносил спокойно, не дергался, не метался, не кричал, словом, не мешал работать. Будто в завершение всех его злоключений, вдобавок к многочисленным ранам, ушибам да к перелому на коже конечностей проступали белые пятна обморожения.

- Держись, братишка, нам тебе еще кости править.

Появление раненного стало самым знаменательным событием зимы в бедном на новости хуторе. Ванко сутками просиживал возле спасенного, смачивал губы водой, пытался поить горячим бульоном и помогал менять компрессы. Состояние больного не улучшалось, пунцовым цветом налились края зашитых ран, потемнели обмороженные руки, не уменьшалась опухоль в привязанной к доске-шине ноге. Знающие люди посматривали и лишь качали головами: "Крепко за жизнь цепляется, другой бы давно отошел".

С другой стороны, явных ухудшений тоже не наблюдалось. "Куда уж хуже?", - пожимали плечами скептики, но, после лечения распоротой щеки, бред стал внятнее и разборчивее, со временем, отрывочные фразы начинали складываться в бессмысленные, но

связанные выражения. Мальчишке нравилось слушать бесконечное бормотание незнакомца. Словно тебе досталось несколько измятых обожженных листов-фрагментов, вырванных из большой книги. Ты читаешь их и каждый из них интересен, но не имеет ни конца, ни начала, и, сам по себе, не связан ни с одним из других.

Несчастный часто общался с невидимой собеседницей, то задавая непонятные вопросы, то умоляя простить за предательство. Иногда с его уст срывались короткие команды, подтверждающие его былую принадлежность к служивому племени, выкрики, будто душа все еще продолжала воевать где-то на забытом поле брани. Бывало он проклинал кого-то далекого, уже ушедшего, до кого не могли никак дотянуться его безжизненные руки.

Паренек вечерами пересказывал услышанное взрослым, но обрывки бреда не могли пролить свет на главный вопрос - откуда в зимнем ночном лесу взялся израненный одинокий человек. Нельзя сказать, что хутор был оторван от мира - он находился на пути в Устье Куты к Елене и летом мимо в обе стороны сновали караваны торговцев, изредка останавливающиеся на ночлег. Несколько раз охотникам приходилось отбиваться от разбойников, банды которых прорывались дальше от Пути в поисках наживы. Но все, даже бродяги и паломники, перемещались сплоченными группами, способными противостоять опасности - в новом жестком мире не было места одиночкам.

Ночь сменялась днем и к середине второй седмицы все уже привыкли к раненному, к его стонам и свистящему надрывному дыханию, балансирующий на эфемерной грани между смертью и жизнью человек воспринимался окружающими практически как член общины. Мороз не торопясь, но с каждым днем все ощутимее, отступал. На ледоход в скорое время, правда, надеяться не приходилось, потому ярмарка в этом году могла отложиться дней на десять. Вечерами охотники начали доставать из сундуков рыбачьи снасти, пришло время проверять их состояние, править и чинить в ожидании короткого лета. Работу свою они сопровождали однообразными байками да привычными шутками, женщины время от времени развевали скуку красивыми, но печальными и тоскливыми песнями. Одним из таких унылых вечеров в главную избу вломился дозорный:

- Чужие на дороге, человек тридцать верхом!

В нынешние времена отряд из тридцати воинов представлял собой серьезную силу. Боеспособных мужчин хутор мог противопоставить целых шестнадцать человек, за высоким частоколом можно относительно безопасно отсидеться, отстреливаясь из самострелов, но если гости позволяли себе лошадей, то и вооружены они могли быть соответствующе. Хорошего мало, проехали б лучше мимо, по своим делам, да кто на ночь глядя от теплого угла откажется. Молча мужчины похватили оружие и высыпали на улицу, завернув детей, сунувшихся было за ними.

Изнутри к частоколу вела насыпь, охотники занимали позиции, пританцовывая на морозе да поудобнее устраивая самострелы, заинтересованно выглядывали меж заостренных зубьев. Почти три дюжины всадников на укутанных в длинные стеганные попоны лошадях и не думали проезжать. Отряд уверенно свернул с русла реки и ровной колонной по два открыто направился к запертым воротам хутора.

- Хозяева! - привстал на стременах головной, ехавший по правую руку, - что смотрите хмуро, впустите погреться.

- Всех пускать, больно кровью ссать, - мрачно отозвался старейшина.

- Мы люди мирные, разве что бражкой угостить можем - от нее и правда ночью побегае, - засмеялся собеседник, - тебя звать то как, батько?

- А батькой и зови, сынок, - не менял тон Сивый, - ехали б вы и дальше, если по мирному.

- В Каймонке вчера ночь гостевали, так Кулак говорил: хороший Сивый хозяин, радушный. Выходит, соврал, куркуль толстожопый?

- От такой оравы избавиться, соврал, как есть соврал, - охотно подтвердил отец, - а может вы Кулака на углях от его же хутора пытали, я почему знаю?

- Зачем на углях, у камина, за доброй кружкой, впускай, батько, в долгу не останемся.

- Уж вы то заплатите, с такими должниками голой задницей в снегу ночевать буду.

- Не кипятись, хозяин, - подал голос второй наездник, до этого молча слушавший перепалку, - пусти меня одного, поговорим, а там решишь.

Сивый задумался. Похоже, этот чужак здесь отдавал приказы, хutorяне вряд ли рисковали, впустив одного человека. Да и заложником может быть, в случае чего.

- Скажи своим, чтоб отошли на выстрел, - принял решение старейшина.

Вожак кивнул и сделал знак своим. Так же молча, словно призраки, сопровождающие его воины разделились на два рукава, разъехались в стороны, по широкой дуге развернулись, вновь собрались в колонну и откатились на порядочное расстояние.

"Ишь, словно на параде, как в старые времена, - промелькнуло у Сивого, - видно, перед каждым зимовьем так выкаблучиваются."

Когда гость остался один, старейшина приказал открыть ворота. Массивная дубовая створка отошла ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель смог пройти всадник. Под пристальными взглядами охотников и хищно нацеленными самострелами, не спешиваясь, незнакомец въехал во двор. Слав, стоявший на насыпи у самого входа, нервно снял ладони с пускового рычага, вытер о штанину, перехватил основание по удобнее. Раньше умели готовить бойцов - голыми руками десятков народу положить могли, боли не чувствовали, от оружия уворачивались. Ну, попробуй, порыпайся, посмотрим, как от болта уйдешь. Сивый к тому времени спустился вниз и стоял посреди двора, сложив руки на груди. Всадник неспешно подъехал, легко соскочил с коня, отбросил капюшон и стащил теплую шерстяную шапочку-маску с прорезями, не позволяющую морозному ветру добраться до щек. Среднего роста, не коренастый, в отличие от старейшины, а скорее сухощавый, но крепко сбитый и подтянутый, возрастом он не уступал Сивому. Волевое лицо, покрытое сетью морщин, спокойный и цепкий взгляд - похоже, что командовать этот человек научился еще до Войны. Он распахнул полы длинной шубы, демонстрируя отсутствие оружия:

- Я с добром пришел, Сивый.

- Сивый-то Сивый, а тебя я знать не знаю.

- Мы с тобой свои имена, старик, еще до Войны забыли, зови Полком, меня под этим прозвищем весь Путь знает.

"Ну, точно, бандюги, на Пути нормальных всех давно вырезали, - перешепнулись мужики на насыпи, - эти добром не уйдут"

- Ну пойдем в тепло, Полк, ты своих предупредил, чтоб не нервничали?

- Час подождут.

- А потом?

- Не бойся, хозяин, раньше управимся.

Сивый пожал плечами, распорядился глаз с чужаков не спускать и повел гостя в избу. Там они уединились в тесной камерке, являющейся личными апартаментами старейшины, прикрыли поплотнее дверь и около получаса беседовали о чем-то. Когда вожаки вышли, мрачно-задумчивый Сивый буркнул Славу, чтобы тот отворял ворота, бабам собирать на стол, одному из охотников - помочь управиться с лошадьми. Невозмутимый Полк взметнулся в седло и выехал встречать своих.

- Чего он хотел, отец? - наклонил пониже голову Слав.

Сивый лишь махнул рукой, мол, глупость, внимания не стоящая.

Гости на самом деле оказались компанией веселой и шумной, потрапезничали от души, угостили хозяев медом, те в долгу не остались, достали из кладовой брагу, вечер затянулся допоздна. Сидели, болтали о всякой всячине, хвастались охотничьими трофеями, не задирались. Большинство приезжих оказались парнями молодыми и незлобливыми, беспрекословно подчиняющимися каждому жесту Полка. Вместе с тем по внешнему виду, по снаряжению было видно, что все бойцы серьезные подобранные и подготовленные с умом. Глубоко за полночь, когда сморенные люди начали укладываться - хозяева по своим закуткам, гости в центральной избе кто на лавах, кто так на полу, внимание Полка привлекли стоны раненного за ширмой в углу.

- Путника подобрали десяти дней как, - пояснил расслабленный, захмелевший Слав, - Стая подрала, ноги переломал, обмерз весь - доходит.

- Не уходят из под Стаи, - повторил, когда-то уже сказанное самим Славом, Полк.

- И этот не уйдет, - пьяно подтвердил Слав, - задержался он на этом свете, крепкий мужик, но Старуха свое возьмет - не жилец.

- У меня Лекарь есть, толковый, моих с того края вытаскивал, скажу чтобы завтра глянул, - пообещал вождь.

- Ну, пусть глянет, если денег не возьмет, - зевнул охотник.

- Когда ты их последний раз видел, деньги-то?

- И то правда...

Рано утром отряд засуетился в путь. Полк вновь перешептывался с Сивым, а к Славу подошел высокий плечистый боец. Слав, охотник бывалый, обратил внимание и на почти кошачью грацию, не вяжущуюся с массивной фигурой, и на отрешенно-бесноватый хищный взгляд гостя. С кем, с кем, а с этим один на один, да пожалуй и вдвоем с напарником, не отважился бы выйти не обделенный силой Ваньков брат. Было в госте что-то зловещее и в то же время печальное, словно волка на цепь посадили, из блюдца жрать заставляют, а мимо овцы ходят. Рядом совсем, но не достать, он и не дергается, да и сытый вроде, только натура да инстинкты спокойно жить не дают. Еще больше удивился Слав, когда этот волчара представился Лекарем и попросил к больному проводить, такими руками шеи сворачивать, чтоб не мучились, а он, видишь, кости правит.

Они зашли в отгороженный угол, потеснили Ванька, дежурившего у раненного. Лекарь спокойными отточенными жестами осмотрел тело.

- Ну, портные, вам бабы кожухи лучше штопают, - мрачно вздохнул он, вытирая руки о тряпицу.

Спасенный, по своему обыкновению, вроде как бодрствовал - взхлеб расставлял толи охотников по номерам, толи бойцов в засаде, то скороговоркой, то растягивая, глотая слова отдавал команды.

- Ну, Сивый, не неволю, подумай, на ярмарке соберетесь все, тоже обсудите. Мы там будем, поговорим, я слов на ветер не бросаю. - раздался совсем рядом голос Полка, - Ну что тут у них?

Полог распахнулся и в угол протиснулись командир гостей и старейшина.

- Сдохнет, - вяло ответил Лекарь, - надо руки резать, эту по локоть, а эту всю, к чертовой матери... и ногу. Хотя, нога потерпит, сразу все отхватить - сердце не выдержит. Обратно будем идти - посмотрю, может и оставлю. А руки сейчас сделаем, много времени не надо, зашью хоть по-людски.

- Может ты ему и морду перешьешь? - поинтересовался Сивый, - Кому он нужен без рук-ног, да еще с такой рожей? - кивнул он на изуродованное распухшее лицо, - Крепкий мужик, оклемается, если божья воля будет, а нет, так похороним, как человека, нечего обрубком смерти ждать.

- Так давай я сразу зарезу, и вам спокойнее и ему страдать меньше.

- Как были все лекари, только кромсать могли, так и остались, пусть так пока, совсем худо будет - резать дело нехитрое, сами управимся.

- Ну смотри, я предложил, - ухмыльнулся Лекарь.

Ванко встревожено переводил взгляд с одного спорящего на другого. Резать своего подопечного он не позволил бы никому. Раненный замолчал и лежал смирно, только глаза его, как обычно, то замирали в какой-то точке, то начинали метаться с неуловимой быстротой. На этот раз они остановились на Лекаре.

- Док?!, - растянуто и хрипло, но разборчиво процедил он.

Все замерли в затянувшейся паузе.

- Док, мать твою! - взвился, выгнулся дугой в постели спасенный, - Да штопай же ему брюхо - сейчас кишки вывалятся!

Раненный вновь провалился в пропасть давно прошедшего боя, упомянул Дока еще

несколько раз, обозвал сукой и вновь затих. Лекарь внимательно, как-то странно, с болью всмотрелся в лицо лежавшего перед ним человека.

- Знаешь его? - поинтересовался Полк

- Кто его разберет - половины лица, считай, нет, - пожал плечами Лекарь, - может и встречались где, а может просто бредит...

- Ладно, поехали, нам сегодня в поле ночевать, до встречи на торгу, Сивый, добей бедолагу, все знают - труп, никто не осудит.

- Езжай с богом, сами разберемся, - буркнул в ответ старейшина

ГЛАВА 2

Попроси слепца описать полет бабочки. Как дрожат ажурные усики и трепещут лепестки крыльев, переливаясь яркими красками в лучах восходящего солнца. Заставь глупца разьяснять таинства мироздания, секрет зарождения Жизни и бесконечность Вселенной. Лжецу не составит труда рассуждать о прекрасных местах, куда не разу не ступала его нога. Хочешь побольше узнать о Богах и Героях? Рассказать? Так слушай, но помни: все мы слепы, неразумны и лживы.

Куда приходят люди, чтобы отрешиться от забот прожитого дня, забыть ужасы и боль постигших утрат? На обочине Дороги разместился трактир. Трактир, каких много существовало до войны и немало осталось после, теперь это не только приют для уставших путников, это и торговый центр, и центр развлечений, и центр новостей. Трактир - сосредоточение Жизни. Что делают люди, когда, вкусив утех, предлагаемых Трактиром, осознают, что не в состоянии рассчитаться, либо просто их неугомонный нрав рвется наружу, сметая преграды? Они ломают мебель, бьют посуду, избивают бармена, портят отдых другим постояльцам. Трактир берет себе вышибалу. Наш вышибала высок и неплохо сложен, словом, выглядит почти как настоящий вышибала. Почти, за исключением одного "но" - он мертвецки пьян. Точнее, все время, когда он не спит - он мертвецки пьян. Интересующиеся подсчитывали - за день он выпивает больше любого посетителя. Однако его состояние не мешает работе, когда приходит время, вышибала действует точно и холодно, словно голем. Единственное, он не всегда умеет остановиться и часто убивает противников, но это служит только на руку репутации трактира - гости стараются вести себя достойно в любой ситуации. Хозяева довольны вышибалой, он непритязателен: пища, выпивка да кров, и беспрекословен, похоже, хозяева имеют власть над ним. Он сидит в своем темном углу, наедине с бутылкой браги и остывшей похлебкой, посетители боятся его, обслуга чурается, он одинок в этом самом людном на сотни миль вокруг месте. Его не считают человеком, даже Хозяин не считает его человеком, он - цепной Пес. Он знает об этом и ему все равно, потому что он знает еще, о чем не догадываются никто из окружающих, то, что на самом деле он мертв.

Он умер, умер очень-очень давно и запах тлена медленно разрушает его уставшее сознание.

Много может быть у горстки людей, оставшейся наедине с безжалостным миром праздников? Их будни заполняет борьба за существование - упрямая, отчаянная битва с окружающим: погодой, дикими животными, своими соплеменниками, утратившими человеческий облик. У людей просто не осталось знаменательных дат. В богов верят, наверное, даже больше, чем раньше, но поклоняются в спешке, на ходу - есть ли смысл говорить с теми, кто отвернулся? Возможно, окончание каждого прожитого дня в этой суровой действительности - праздник? Нет, встреча нового утра лишь облегчение, не более. Весенняя ярмарка - действительно праздник. Люди издревле отмечают уход зимы, радуясь возрождению Жизни, они веселятся и на короткое мгновение забывают о проблемах. Первый день ярмарки - праздник вдвойне, его ждут целый год, мерзнут, голодают, трясутся в страхе... и ждут. Он наступает и, кажется, ликование сердец передается самой природе - она преподносит сюрприз, обычная пелена облаков расплзается по швам и являет Миру ярко

синюю полоску неба с ослепительно горящим солнцем.

Сивый с родичами прибыли к причалам Осетрова одними из первых, тремя днями ранее, отправившись только Кута освободилась ото льда, хотелось занять места получше вблизи городских стен, да и прицениться было бы неплохо еще до начала ярмарки. К третьему дню хуторяне вели себя в городе чуть ли не на правах старожилов - были в курсе всех сплетен, шныряли по всему торжищу в поисках знакомых, помогали размещаться, участвовали в ночных патрулях. Жизнь бурлила. Не осталось без внимания и вчерашнее появление отряда Полка. В отличие от остальных, всадники чинно проследовали внутрь городских стен и разместились под их прикрытием где-то по домам горожан. С командиром отряда были знакомы большинство прибывших старейшин, похоже, до начала ярмарки он успел посетить многие близлежащие поселки. Сам же Полк уже второй день просиживал в городском совете.

Торг представляет собой расчищенный от довоенных построек пустырь у стен города, ограниченный с одной стороны Кутой, с другой - вьющейся вдоль брошенных домов старого города дорогой, дальше сопками да лесом. Вблизи ворот место оставляли свободным - тут стоял высокий деревянный помост, по обе стороны от него шли палатки с товарами местных торговцев, Главные ряды. Все место прекрасно простреливалось с высоты ворот - там несли службу хорошо вооруженные городские стражники. С этого места и началась история ярмарки в устье Куты. Это потом, с годами, все большие количества приезжих стали занимать остальное пространство, разбивать лагеря и торговать, не отходя от стоянок, формировать свои ряды с учетом специфики продаваемого, земляческой и клановой принадлежности. Сердце торжища было здесь.

Утро, солнце в кои-то веки во всю мощь светит, посидеть, понежиться в теплом дыхании, а Ванко уже на ногах. Ему не до развлечений, у него задание. Он ходит, присматривается, прислушивается. Что с мальчишки взять, ну, вертится у всех под ногами, природа у них такая, неугомонная, подзатыльник заслужит или пинка пониже спины всем на утеху, это если сильно обнаглеет. Одним словом - никаких подозрений. Вчера понял - от того, что ходишь раскрыв рот да глазеешь по сторонам толку мало. Искать надо. Возле каждой стоянки пришлых поотираться, где и под полог заглянуть, о чем говорят послушать.

Прибывших в этом году как никогда много, и сборище они представляют на редкость разношерстное.

Чужаки особенно интересны. Местные они все на одно лицо - хозяева, размеренные, домовитые, как барсуки. Но не смотри, что спокойные, тронь - порвут на тряпки, охотники, за арбалетом тянуться не долго. Другое дело пришлые. Часть, видно, беженцы: голодные, запуганные, по сторонам зыркают, в поисках лучшей жизни судьба с насиженных мест согнала - это зайцы. Повезет, примкнут к чьему либо хозяйству, выживут, найдут место покинутое, поселятся, обустроят - тоже шанс есть, а не повезет - сгинут в дороге, им в этом другие помогут. Эти другие тоже ярко на общем фоне выделяются - волки. Организованы стаями человек по пять-шесть, присматриваются, вооружены чем попало, кто на загляденье, а кто - смех один. Ищут. Могут в охрану торговцам наняться, могут с охотниками в промысел, а могут и наоборот - на узкой тропе караван потрепать. Отчаянные люди. На ярмарке им баловать не дают, всем миром быстро упокоят, но хищная натура она за версту видна.

Еще одни - бродяги. Их не поймешь, музыканты, факиры, прорицатели, игроки, им душа на месте сидеть не дает, снуют от места к месту, когда с полным брюхом, а иногда и с пустым. Зато, конечно, с ними интереснее всего. Что за ярмарка без скоморохов? А какие песни поют... Ноги сами к ним в кружок тащат.

- Под небом голубым, - перебирает по струнам и мурашки по коже, толи от восторга, толи от печали, - есть город золотой...

По каким тропам, в какие миры судьба их скитаться забрасывала - ведь до слез стихи пробирают. И дым от костерка за спиной сам словно в очертаниях затейливых дворцов клубится. Заглянуть в глаза барду - много, ох много повидал музыкант. Пальцы тонкие по

инструменту скользят, но бывалый человек посмотрит, поймет - с оружием эти руки не хуже управляются.

Немало всякого рода проповедников, Война вообще воспринимается большинством религий, как конец света, а потому пророков порождает бесчисленное множество.

Народ собирается и внимает им - людям интересно, что ждет впереди, хочется верить, что беды закончились, что теперь все наладится. Ванко тем более не пропускает ни одного такого сборища. Времени у него много, хозяйственными делами особенно не загружают, и паренек не оставляет без внимания ни одного уличного оратора, ни одной гадалки, ни одного предсказателя. У мальчика есть цель, тайная миссия и он, по-взрослому серьезно, относится к выполнению поставленной задачи.

- Драконы пришли очистить наш мир, погрязший во грехе, - рассуждал дородного вида мужчина в ладной одежде, - люди забыли о Богах, посчитали себя равными им. Боги терпели и ждали раскаяния. Люди предавались утехам и плевали в небо. Боги посылали знамения заблудшим и откровения прозревшим. Люди смеялись и творили не угодное. Боги открыли в наш мир дорогу драконам. Драконы пришли и очистили нас своим благодатным пламенем. Подобно древним праведникам, спасающимся в Потопе, мы, братья, пережили адский обряд перерождения. Порочное кануло в небытие и мы стоим на пороге нового Эдема, чистого и безгрешного.

- Да уж, Эдем, - пронеслось в толпе, - младенцев рождаем мертвых, а из выживших больше половины на первом году теряем.

- Нельзя попасть из ада в рай, не пройдя чистилища. Мы сделали один шаг, но лишь достойные, избранные, заслужившие трудом и молитвами истинное прощение, смогут сделать второй.

- И долго нас чистить будут?

- Лишь те, кому дано право принимать решения, знают ответ на вопрос. Удел драконов - наблюдать и делать выводы. От нашего благочестия и их благосклонности зависит будущее.

- Драконы - посланники богов?

- Боги открыли путь. Дракон есть воплощение Бога, суть Бога, ипостась Бога. Дракон есть Бог, почитание Дракона - почитание Бога.

- Ты сам-то дракона видел?

- Кто не видел Дракона, парящего в небе в сиянии солнечных лучей? Кто не видел Дракона взирающего с высоты на землю, на каждого из нас, на поступки наши и их последствия?

- Ты его живьем, вблизи, видел? Говорил с ним?

- Я не достоин. Но есть люди, к кому обращались Драконы со своими откровениями. А я лишь ученик, апостол Великого Поводыря.

- Что делать скажи.

- Жить. Трудится. Терпеть невзгоды. Превозмогать неудачи... И молиться.

- Ну, тогда нам прямая дорога в царство божие.

- Да будет так, братья.

Добрые пророчества - добрый, благосостоятельный вид пастыря. За стол пригласят, скарб пожертвуют, от недругов защитят. Другой вон - худой, взлохмоченный, руки костлявые, лохмотья ветхие, лишь глаза огнем полыхают:

- Нет вам прощения, Зло ступило на землю. Кто кается, умрет легко. Кто умер раньше, того пощадили справедливые боги. Умершие не знают лишений. Умершие почивают в райских куцах. Лишь вы, отверженные оставлены в умирающем мире разделить его боль и страдания. Крылатые змеи носятся в небе, пожирая безгрешных младенцев, кровожадные хищники терзают отбившихся от стада! Мир погружается в сумерки, солнце отвернуло свой взор - тьма и лед сковывают тело земли! Покайтесь, отриньте мирское, сбросьте одежды, уйдите в ночь, очиститесь смертью!

И народ мимо проходит, не задерживается, людям надежда нужна, вера в будущее, а

умереть они всегда успеют. Хотя послушать - кому можно верить? Взять драконов. Старики говорят - не встречали их раньше. То есть все знали, что они были, вот только тысячу лет как пропали, а теперь вдруг появились. Не то, чтобы кишело, но нет-нет, да и увидят высоко в облаках парящий крылатый силуэт. Причем их появление тесно связывали с началом войны. Про то, как драконы людей жрали, как города палили рассказчиков много было, но толком тоже никто не видел, а может, просто свидетелей по понятным причинам не осталось. Для чего-то ведь слетелись - не падалью же перекусить, коей в первые годы скопилось немало. Видно, пришло их время. Вся война какая-то странная была, ни с того ни с сего, вроде нормально жили, вдруг полыхнуло по всему свету и все - лишь головешки тлеют на пожарищах и мародеры режут глотки друг другу да всем подряд. Так старики рассказывают.

А вот торговцы. Без них сидел бы народ по норам, почитай они все оторванные друг от друга поселения вместе собирают. Идут сквозь непогоду, везут отшельникам лекарства, соль, оружие, обереги - то, без чего не прожить. К их караванам все остальные пристраиваются: и наемники, и беженцы, и бродяги. Конечно, не только самое необходимое продают купцы. Бывают вещи менее нужные, но тоже спросом пользующиеся - украшения, утварь всякая, табак, книги. Или, вот, непонятно к чему - рабы.

Рабы отдельный разговор. Пока не увидишь, не поймешь. На маленьком хуторе только всем вместе прожить можно, общим трудом. Какая разница - старейшина ты или простой охотник, разве можно другим человеком владеть, чтобы он за тебя работу делал? За тебя никто работу не сделает, если сам не можешь - кому ты нужен такой, жизнь заставит, лишний рот кормить общине не под силу. И вообще как узнать - раб или нет, Ванко раньше невдомек было, на лбу ведь у него не написано. А увидел - сразу понял. Кто обычные люди, кто, сразу понятно, сильно не в себе, а кого и людьми назвать тяжело - куклы исковерканные, но в глазах у всех такое стоит... в стократ хуже, чем у беженцев. А у некоторых прям на лбу, кстати, страшные неровные шрамы-буквы складываются в это жуткое слово "Раб".

Разных людей ярмарка вместе собирает.

А найти надо одного.

Вот и ходит. Большую темную палатку он заметил еще накануне. По виду наемники, только, вопреки обыкновению, много - человек двадцать, даже несколько женщин есть. И палаток вблизи оказалось четыре штуки, просто три поменьше, стоят квадратом. Хозяева свой лагерь на отшибе разбили, в гущу не лезут, большинство на месте сидит, угрюмые все. Подозрительно - чего на торг приезжать, если не ходить никуда. Ванко несколько раз мимо прошелся, ничего не услышал интересного, тихо, слышны разговоры, но больше по хозяйству. Ближе идти не решился - к началу ярмарки народ в центр подтягивается, здесь безлюдно, пусто, одинокий мальчишка внимание привлекает. Отметил для себя на будущее и побежал туда, где людей побольше.

Все свободное пространство между Главными рядами напротив помоста плотно забито гостями. Они переминаются на месте и переговариваются друг с другом, от чего над полем стоит ровный монотонный гул, в ожидании доброго слова хозяев-осетровцев, знаменующего начало.

Тем временем волна пошла по столпившимся - начинается.

Ванко протиснулся поближе и привстал на цыпочки, стараясь не пропустить ни одного мгновенья. На помосте уже расположились уверенного вида четверо мужчин. Все уже преклонного возраста, добротнo одетые - городской совет. Стражники наверху напряглись, от их внимания сейчас многое зависит - по традиции старейшины к людям без оружия и без охраны выходят.

- Мир вам, гости, - обратился один из горожан, высокий и сухопарый, - еще год прошел, и в устье Куты рады вновь видеть лица своих старых друзей и новых знакомых. Закончилось время долгих речей. Всем знакомы наши честные правила?

Нестройный гомон в ответ - правила ярмарки просты и суровы в жестоком мире. Здесь нет каторги и забыли о штрафах. Общество гуманно, изгнание означает верную гибель - зачем продлевать муки, преступления караются быстрой смертью.

- Гости! Торгуйте и веселитесь! - восторженный рев, сухопарый выждал минуту и, вздернув руку, дождался, пока чуть схлынет радостный порыв, - Гости! Доброе дело - это место всегда открыто любому, кому есть, что сказать. К вам хочет обратиться достойный человек, выслушайте, гости, его слова не лишены смысла!

Люди готовы слушать - совет не станет просить за пустое, сказанное будет словами совета. Легко, одним движением взмывает на возвышение Полк.

- Мир вам! Я вижу - лучшие из проживающих окрест собрались здесь. Вы вправе знать и вам доверено принимать решения.

Старейшины согласны, в словах старого командира истина, но многие догадываются, о чем пойдет речь, и глухо ропшут.

- Прошло время долгих речей, это правда, - продолжает Полк, - наступает время решительных дел, я знаю, о чем говорю, люди. Мы смогли выжить в нахлынувшем хаосе - пора встать на ноги и высоко поднять голову.

- Мы стоим на ногах, колен ни перед кем не гнем!

- Я пришел с юго-запада, с Пути, вы не знаете, что там творится - банды объединяются, земли опустошены, пар ищет выход из кипящего котла. На юге им делать нечего, сможете вы удержать орду, если она прорвется на север? Считай, у вас и Войны-то и не было, а они до сих пор воюют. В одиночку не справитесь, обложат, как лося, и будут по куску отхватывать - за частоколами не отсидитесь.

- Да я за зиму три нападения отбил, еще и поживился, чего пугаешь?

- Это не орда, это ватаги бродяжки, с Пути вытесненные - а за ними и беда придет.

- А ты, выходит, защитишь?

- Один нет. Вместе единиться надо. Моя дружина - костяк. Десятки боев прошли, каждый троих стоит, ваше ополчение - с каждого поселка от количества мужчин, определимся сколько. Центр здесь, в Устье. В местах возможного прорыва - форты. Разрабатываем систему связи между поселениями, чиним дороги, при необходимости - быстро перебрасываем войска. Если все правильно организуем, к нам даже сунуться побоятся.

- Ладно сказываешь, детей наших забрать хочешь? У нас каждая пара рук на счету.

- Кормить твою дружину кто будет?

- Леса от Стаи тоже очистишь? - разногласо, шумно всколыхнулась толпа.

- Хуже зверя, чем человек, я еще не встречал и Стаи не боюсь - от нее урона немного, по возможности будем истреблять, конечно. А дети ваши всех вас защищать станут, кормить их придется всем миром, говорю, здесь центр, часть продуктов отрядите, совет решать станет: что на содержание, что в запас. Вдруг голод где, сами понимаете, всегда помочь сможем.

- Ого, кормильцев возьмешь, продукты отдай, а ты не слышал, что здесь, почитай все, к концу зимы похлебку из коры жрать начинают? Совет решать будет? А ты при нем кем - князем?

- Боевым советником, воеводой - кем угодно. Да поймите вы, жить надо сообща начинать, заново все строить.

- А драконов не боишься? Ты построишь, они разрушат.

- Драконы в людские дела не вмешиваются.

- Ну-ну, вокруг посмотри, чья работа?

- Говорил я тебе, Полк, - вмешался Сивый, - не нужна нам твоя дружина, сами свои уделы всяко защитить сумеем. И оброк тебе везти никому не с руки. Не вернешь сейчас былого, пусть годы пройдут, зарубцуются.

- Невольно да заставляю я вас не вправе. Только знайте - в Осетрове разумные люди живут, они моим советам вняли. Вам я, если понадобится и попросите, всегда помогу. Только потом не обижайтесь - когда вы мою помощь получите, придется и мои условия принять.

С таким люди согласны были, пока все гладко, зачем уклад менять, а постучится беда -

есть к кому гонцов слать. Там уж, чтоб не сглазить, к городу в подчинение намного лучше, чем на кол в своем же хозяйстве. Пошумели еще немного, да разошлись делами заниматься - торговать и развлекаться. Ванко тоже с места сорвался.

Первым делом пошел к палаткам, где невольниками торговали. Местным этот товар, понятно, ни к чему, а купцы и наемники живо интересуются - видно, есть в них необходимость. Выглянул из-за спин. Страшно. Сидят на земле, понурые, руки ремнями связаны, а покупатели их, что овец, осматривают. Пробежал вдоль ряда невольничьего, благо он небольшой - четыре палатки и у последней остановился. Первые три свой товар на улице выставляют, а в этой гостей внутрь запускают. У входа в палатку стоит противного вида старик, с входящими шутками перебрасывается. Ванко рядом постоял - по разговору понятно, что женщины внутри.

Ох, как надо туда!

Боком, осторожно паренек пристроился возле пары наемников, чуть было не уже юркнул, как удар в ухо сбил с ног, наполнил голову тонкими трелями колокольцев и воздух вокруг громким гоготом собравшихся.

- Куда, мой маленький, - жуткое, морщинистое, в клочьях волос лицо старика всплыло на общем расплывающемся фоне, - ты ко мне сюда вечером приходи, а сейчас нельзя.

Ванко страха не почувствовал. Парализующий ужас, вот как это называется. Паническое состояние, правда, не помешало на четвереньках быстро ретироваться на безопасное расстояние. Встал, отряхнулся, потряс головой - шумит. Жуткий старик, а в палатку надо обязательно попасть.

Надо для виду уйти, по другим рядам походить, попозже тылами подобраться - так и поступил. Зашел сбоку, край шатра приподнял, лег на живот и, скребя сапогами, протиснулся внутрь.

Глаза к полумраку привыкли быстро, но, только паренек бросил взгляд на окружающее, захлопнул крепко веки и спиной, на карачках, бросился прочь. Запутался в полотнище, вывалился наружу, начал барахтаться. Женщин привередливые покупатели осматривали не в пример дотошнее, чем мужчин, от того и скрывалось это от посторонних взглядов. Прервал Ванково трепыханье тяжелый пинок в ребра. Цепкая костлявая рука сзади тисками сжала шею и извлекла мальчишку на свет.

- Не терпится поближе познакомиться? - желтые с кровянистой сеткой глаза в упор уставились на мальчика, - Ну, пойдем, сладенький.

Свои слова и решительность старик подтвердил резким тычком коленом в пах. Низ живота обожгло огнем, в глазах потемнело, не в состоянии противиться, несчастный послушно последовал за мучителем.

- Эй, пидор, пацана оставь в покое, - спокойный хрипловатый голос, словно прохожий муху назойливую отгоняет.

- Ты ему может отцом будешь?

- Мразь, закрой рот и отпусти ребенка, - напротив старика стоял недавний Ваньков знакомый, как всегда лениво-сонный, Лекарь.

- За мразь, мил человек, ты мне сейчас ответишь, а за маленького засранца виру заплатишь, он ко мне сам пришел, я его за уши не тащил - законы знаем.

Видимо на законы работоторговцев Лекарю было глубоко наплевать, он молча положил руку на плечо мальчика, дед уже не держал шею, и собрался проследовать дальше.

- Нехорошо старого человека обижать, - старик слащаво растянул бескровные губы над черным провалом беззубого рта в жутком подобии улыбки, - защитите, люди добрые.

За спиной и по бокам от Лекаря, мрачно поигрывая короткими дубинками, какими успокаивают невольников, ухмыляясь, стояло четверо устрашающего вида верзил-работоторговцев.

- Пойдем в палатку, человеке, поговорим, - стариковых помощников не мучили давешние сомнения Слава, по поводу застывшего льда в глазах безоружного Лекаря, или, стоя сзади, они просто не встречали его взгляд, - пойдем, не бойся, - один из них тихонько

постучал дубинкой по плечу Ванькова спасителя.

Лекарь не пошевелился, стоял, без тени интереса глядя в глаза старику. Тот улыбался, а мальчик чувствовал, что его сейчас стошнит от страха.

- Ну же, дядя, ножками, - тупой конец палки грубо ткнулся в поясницу целителя, - дедушку обижать смелый был, а теперь в штаны наклал?

Лекарь был неподвижен, у Ванко подкашивались ноги, и он бы уже грохнулся, не будь на плече большой теплой руки.

- Иди, сука, тебя люди по-хорошему просят, - улыбка сползла с лица старого, и мутноватый взгляд впился с колючей злостью.

Ванко не понял, каким образом Лекарь оказался лицом к нападающим. Он не знал, как сам очутился за спиной бойца. И уж тем более он не имел представления, почему тыкавший дубинкой стал с хрипом оседать, судорожно скребя пальцами по неестественно распухшему горлу. Миг - и второй нападающий застывает в широком замахе, юлой вертится перед Лекарем, сложившись пополам и высоко подняв руку, из которой уже выпало оружие. Хруст, глухой и короткий - в локте и запястье она перегибается, как не может гнуться рука нормального человека, веревкой опадает, а ее хозяин пинком отправляется навстречу третьему нападающему. Удар сердца - дубинка четвертого рассекает воздух, где мгновение назад была голова защищающегося - тот уже позади, колени верзилы подгибаются, он словно приседает. Вихрь, едва уловимое движение, нападавший будто хочет заглянуть себе за спину, резко развернув голову. Первый уже не хрипит и таким же бездыханным кулом на него мягко сползает тело четвертого. Второй, тот который с рукой бледен и неподвижен, но, скорее всего, жив, напарник, сбитый его телом, в ужасе пятится назад, его благоразумие - залог личного благополучия в будущем. Сколько раз можно мигнуть за этот ничтожный промежуток времени? Ванко успел дважды. Сколько раз успел хлопнуть глазами старик, никто не считал - он не успел главного. Он не успел ретироваться, потому что тем же слитным движением справа от него вырастает Лекарь и коротко бьет ногой. На этот раз треск сухой и скрежещущий - колено работоторговца сгибается внутрь.

- Ну, показывай дорогу, дедушка, - все также лениво шепчет целитель, забирая из ослабевших рук нечто безумно опасное, воронено-матовое, короткое и тупое и укладывая поверженного в грязь.

Муха не отстала и прохожий быстрым движением ловит ее на лету, сжимает кулак и бросает исковерканное тело себе под ноги - там она дергается в конвульсиях и перебирает лапками, человек продолжает путь.

- На голых баб посмотреть захотелось, - в голосе Лекаря нет эмоций, словно он разговаривает во сне.

Он даже не запыхался, замечает Ванко.

- Я... я не знал.

- Пацаненок... да... мы в твои годы...

Некоторое время они идут молча, Ванька потихоньку отпускает и в нем вновь просыпается любопытство и бесстрашие.

- Как больной ваш, жив еще?

- Пока не встал, но уже в сознании, разговаривает.

- А руки как, отрезали?

- Нет, заживают.

Ваньку не хочется вспоминать, как жутко, безобразно и отталкивающе, кусками отделялась от белеющих костей гниющая черная плоть. До сих пор жжет запястье в том месте, где его охватывали сухие и гладкие тонкие пальцы-когти, покрытые хрупким пергаментом вновь нарастающей кожи. И стоит перед глазами лицо: одна половина - просто лицо смертельно больного человека, другая - ошибка нерадивого гончара, бросившего на половине свою работу и смявшего, перекутившего податливую глину. Безжизненный, неподвижный и никогда не закрывающийся глаз и белые губы, изогнутые в правом углу в вечной печальной усмешке, шепчущие заклинанием "Пацан, найди, найди, пацан".

- Гангрена и заживают, - прошептал под нос непонятное Лекарь, видно, его все-таки можно еще удивить, - будем назад возвращаться, обязательно посмотрю.

Торжище шло своим чередом и к следующему утру загулявший ночью Слав рассказывал землякам занимательную историю о том, как эти выродки-торговцы людьми похитили намеренно маленького мальчика. Отец ребенка на их беду был мужик не промах, пришел в лагерь и перебил хозяев с охраной, освободил и сына и невольников, положив уйму народа. Работоторговлю здесь не приветствовали, а потому особых разбирательств по происшествию не последовало. Непосредственный участник конфликта - Ванко мог бы многое пояснить домочадцам, однако понял, что афишировать свою роль в столь громком деле не стоит, промолчал.

Вместе с тем ярмарка удалась на редкость богатой и зрелищной, даже бывалые купцы, не раз бывавшие в местах и получше, признавали, что в подобном захолустье не ожидали увидеть такого стечения народа.

Практически каждый день отмечался маленькими происшествиями: где-то факир дыхнул пламенем и спалил несколько палаток, в другом месте с окраины на торжище забрела стая волков, подрала гостей, и их гоняли меж стоянок всем миром, то в Куте выловили тело утопленника, который накануне пьяным разгуливал по лагерю. Кому что на роду написано, от предопределенности не уйдешь - выжившие после Войны твердо верили в судьбу и старались не противиться ее капризам. Во второй половине случилось еще одно событие, ставшее, наверное, роковым в жизни маленького хутора Сивого.

Ванковы поиски казались безуспешными. Он рыскал повсюду, совал нос во все подозрительные на его взгляд места, но никого, подходящего под описание своего израненного друга, не встречал. Он примелькался во всех углах торгового поля и, со своей вездесущностью, стал многими узнаваемым участником всего ярмарочного действа.

- Куда спешишь, пострел? - зачастую приветствовали его то у одного, то у другого котла, - Заходи на кашу!

Миновали пока пристального мальчишечьего внимания лишь злосчастная палатка работоторговцев - на бросок копья боялся подходить к ней паренек, и лагерь наемников, взятый на заметку еще в начале ярмарки.

Эти люди продолжали держаться особняком, за пределы обжитой территории старались не выходить, вели себя вызывающе и остальными гостями воспринимались враждебно. Кто-то рассказывал, что некоторые караванчики, подвергавшиеся нападениям за время своих странствий, опознали в них своих обидчиков, поговаривали, что здесь, на ярмарке, наемники присматриваются к будущим жертвам.

Случай помог Ваньку поближе познакомиться со странными гостями.

Он бесцельно, если смотреть со стороны, прохаживался недалеко от интересующей стоянки, когда из-за палаток показался долговязый малый лет семнадцати.

- Эй, деревня, иди сюда быстро, - окликнул он паренька, махнув рукой, чтобы стоящий в одиночестве Ванко не подумал, будто тот обращается к деревьям на опушке.

- Ну, - Ванко приблизился, пытался выглядеть уверенно и независимо.

- Гну, за мной иди, - молодой наемник нырнул под растяжку и приподнял полог, натянутый между палатками и скрывающий внутренне пространство от случайных глаз, - вынеси по шуструму.

Напротив мальчика стояло большое ведро, до верха полное нечистот. Все отходы жизнедеятельности посетители Осетровского торгового доверяли спокойным водам текущей неподалеку Куты. Ванко вздохнул - отсюда тащить тяжелое и грозящее расплескаться ведро было прилично. Однако делать нечего, отказаться не позволяли ни необходимость побольше узнать о хозяевах лагеря, ни, тем более, приказной тон собеседника, могущего, в случае чего устроить взбучку не хуже зловредного старика.

Когда дело было сделано, Ванко на правах знакомого сунулся с пустым вонючим ведром внутрь лагеря. Его нанимателя видно не было, поблизости на стуле с матерчатыми спинкой и сиденьем, высоко закинув на такой же раскладной стол длинные ноги в

обтягивающих кожаных штанах и сапогах с короткими голенищами, сидела симпатичная девица и ковыряла под ногтями кончиком узкого ножа.

- Вау! - неожиданно в двух вершках от щеки мальчика, упруго войдя в древесину и звонко вибрируя во вкопанном столбе, обдав лицо легким движением воздуха, возник стилет, - Каакие гости! Откуда ты, такой красивый?

В руке незнакомки уже танцевал родной брат дрожащего перед носом Ванко ножа. Поблескивая хищным лезвием, оружие завораживающе плясало, перекатываясь между пальцами, лезвие - рукоятка, словно привязанное.

- Просили, вот, я и вынес, - кивнул в сторону емкости Ванко.

- Фи, - смешно сморщила носик наемница, - Серый, слушай, наш Черенок еще сопли подобрать не успел, а уже вместо себя дерьмо таскать запрягает.

Из большой палатки показались двое: один среднего роста, коренастый и лысый, с глазами слегка навывкат, второй - чуть повыше, худощавый, с мелкими чертами лица и весь какой-то гибкий.

- Чего там? - поинтересовался худой.

- А вон - Черенок золотаря нанял.

Все уставились на Ванко, словно невесту откуда посреди дикого леса его повстречали. Под пристальными взглядами паренек чувствовал себя неудобно, тем более ему не было понятно - смеются его новые знакомые или всерьез говорят. Здоровое желание бросится наутек он в себе подавил - уж очень зловеще сверкало лезвие, описывая восьмерки вокруг пальцев девушки.

- Где этот урод? - процедил пучеглазый.

Его напарник заглянул в одну палатку, другую, нырнул внутрь, после чего оттуда вывалился подгоняемый затрепачиной Черенок.

- Краб, ну что я... - подбежал он к коренастому, но не успел закончить, резко выброшенный локоть с хрустом встретился с переносицей и отбросил его назад.

Ванко с удивлением отметил, что на правой руке Краба отсутствуют средний и указательный пальцы. Черенок повалился на спину, потом неуклюже сел и прижал к лицу ладонь, из-под пригоршни потекла кровь.

- Кто это? - коренастая фигура надвинулась на барахтающегося наемника.

- Пацан, он тут по всему базару шастает, - всхлипнул Черенок.

- Что. Он. Здесь. Делает? - раздельно выплевывая слова, продолжал Краб.

- Ведро выносил, - заскулил юноша, - Краб, ну он бездомный наверно, по всему базару околачивается, его то тут, то там подкармливают, я видел. Думал пусть поработает, жратвы бы дали.

- Ага, думал, - нога в тяжелом сапоге хлестко приложилась в плечо, отчего Черенок вновь опрокинулся, - Стерве расскажи, она сказки любит. Благодетель хренов. Пошел вон!

Взгляд, которым наградили Ванко исподлобья, не обещал ничего хорошего, однако мальчишка его даже не заметил, так как на него теперь уставились рабы глаза Краба.

- Ты кто?

- Ванко.

- Чего вынюхиваешь?

- Дяденька, кушать очень хочется, - решил поддержать Черенка Ванко.

- Не похож ты на оборванца, в городе живешь?

- Ага, - шмыгнул носом Ванко, завираясь окончательно.

- Краб, не мучай ребенка, что он, сам попросился? - вступилась Стерва и кошачьим движением обняла паренька за плечи, - Смотри, я вот его себе оставлю, усыновлю, таакой милашка.

- Хомячка лучше заведи, - хмыкнул Краб, - так, шкет, вали отсюда, еще раз встречу - уши с языком на суп пушу.

Отведать такого блюда, впрочем, как и менять родителей, особенного желания не было, поэтому дважды упрашивать Ванко не пришлось и отдышаться он смог, лишь добравшись до

родной палатки. Последним, что он услышал в лагере наемников, были тихие слова, сказанные Серым: "В дело, Краб, надо быстрее - у людей от скуки мозги киснут".

И дело, похоже, не заставило себя ждать - к концу второго дня к городу выбрел окровавленный полуживой караванщик, член одного из выбывших накануне торговых обозов. Рассказанное им прозвучало шокирующее: многочисленный купеческий отряд был до последнего перебит в полудне пути нападающими, похожими по приметам на расположившихся лагерем наемников. Возбужденная толпа хлынула к предполагаемым обидчикам. Ванко и тут не остался в стороне и всему происшедшему оказался непосредственным свидетелем. Навстречу готовившим уже колья поострее мужикам вышли всего четверо: Краб с Серым и двое, знакомых мальчику лишь наглядно.

- Ну что надо, бараны? - не дав опомниться резко начал Серый.

- Ты нам не пастух, а мы тебе не овцы, - огрызнулся кто-то.

- А кто вы? Стадо! Один блеет - остальные подмекеивают. Что столпились? Крови волчьей попробовать хотите? Кишки свернет! - Серый прошелся перед столпившимися, действительно походил он на волка в этот момент, поджарого, смертельно опасного и готового прыгнуть, - А!? Бараны! Кому рога свернуть?

- Ты потише давай, порвем ведь ненароком!

- Паарвете?! Если затопчете только, быдло! А мне своей шкуры не жалко! Она и так латанная-перелатанная! Что!? Зато сколько вас мы положим - штабелями, Стая до зимы пировать будет!

Народ напирать уже переставал - оно подумать, кому досталось? Купцам, так эти знают, чем рискуют, если на охране сэкономили, с чего теперь простому люду под молотки идти? Да и наемники по всему звери опасные, тут четверо, вооружены лишь ножами, но за тонкой тканью палаток такие вещи ждать могут - кровью умоешься.

- Ты не ерепенься, а разобраться надо, - зашумели пришедшие.

- Так разбирайся, кто тебе не дает, - спокойно ответил Краб и положил руку на плечо - оттащил Серого, - вот как разберешься, доказать сможешь, приходи, нам расскажешь, а мы послушаем.

- Да кто они такие - нас судить, - надрывался Серый, - Краб, дай я их расшматаю!

- Шли бы вы по домам, не видите - ему совсем башню снесло, натворит дел, всем только хуже будет. Я вам зла не желаю.

Понуро, втянув плечи, порывая для виду, медленно начали расходиться люди. Только внимательные могли бы заметить в сгущающихся сумерках как понимающе переглянулись-ухмыльнулись Краб и Серый, возвращаясь в палатку. Ночь прошла без былого веселья, в угрюмом пьянстве и лишь самые озверевшие время от времени порывались пойти кончать отмороzków. Благоразумные их удерживали - резни не хотел никто. Понятное дело, что утром никто не расстроился, а многие вздохнули с облегчением - наемники сняли лагерь и лишь остывшие кострища напоминали об убывших в неизвестном направлении. Дело, однако, этим не кончилось.

Ближе к вечеру с западной стороны клубы пыли на дороге известили о приближении конного отряда. Вновь загудел торг - не сулит ли беды появление неизвестных? Схватились за оружие, но потом вздохнули с облегчением - во главе всадников скакал Полк. Влетел на Главные ряды, погарцевал для виду и красиво соскочил с лошади. Дружинники резво посбрасывали с седел три пыльных связанных тюка-тела.

- Ваши знакомые? - поинтересовался Полк.

В двоих из окровавленных и вяло ворочающихся пленников опознать кого-либо было сложно - непримечательные личности, зато третьи признали многие. На ее ладную задницу засматривались половина мужиков на ярмарке - Стерва.

- А, валки, добегались, - радостно зашумели собравшиеся, - а остальные твари где?

- Падальщиков выше по течению кормят, - ответил Полк и приподнял за локти Стерву,

- Миледи, вам есть, что сказать уважаемым гостям?

На измазанном и окровавленном лице Стервы вдруг блеснула белозубая улыбка:

- Ой, блевать от вас тянет, пошли бы, помылись - хлевом сильно шмонит!

Всколыхнулась, взревела толпа:

- На колья! По кругу бабу!

Другие перешептывались:

- Огонь малышка, с такой бы покувыркаться!

- Она тебе яйца отгрызет, не подавится.

А Ванко Стерву было жаль. Сила в ней чувствовалась, шальная и необузданная но очень притягательная.

- Что делать с ними будешь? - поинтересовались у вожака.

- По закону. Только кончим тихо - не звери мы кровавые зрелища устраивать, и вам не позволю, не по-людски это видом крови и мучений взор услаждать. Ночь переночуют а поутру отведем в лес и кончим, - вскочил в седло Полк и дал знак забрать пленников.

В багряной дымке заходящего солнца величественным монументом застыла фигура всадника. Еле развевающийся длинный плащ, будто сложенные крылья, придавал сходство со спустившимся с небес ангелом-спасителем. Полк казался выше и мощнее, его осанка, уверенный вид говорили, кричали о том, что этот человек не умеет сотрясать воздух пустыми словами. Он пришел сюда навсегда.

- И впредь на нашей земле я непотребства терпеть не намерен. Так будет!

ГЛАВА 3

Сельский дурачек, плод кровосмесительной связи своих родителей, пригревшись на центральной площади, самозабвенно лепит из конских катышков нечто, напоминающее отдаленно фигурку человека. Похоже, он мнит себя Творцом и твердит об этом прохожим. Люди снисходительно улыбаются, он безобиден и кроток, он не в состоянии вызвать гнев богов. Великий ученый-алхимик в своем храме знаний, среди реторт и пробирок изучает тайнопись человеческого кода. Он жаждет сделать человека совершеннее: сильнее, умнее, быстрее и знает, как это сделать. Но догадывается ли он, беспечный, что порождает Чудовище?

Что станет мир без торговли? Не думайте, что караваны просто везут товар, в алчной надежде потуже набить кошелек владельцев. Караваны несут свежий воздух, с их приходом в сердца людей оживает надежда - они не чувствуют, что оторваны от всего мира, потому что их с другими удаленными и разрозненными поселениями-бусинами связывает в ожерелье Жизни тончайшая нить - караванная тропа. Конечно, купцов уважают. Естественно, купцы извлекают прибыль, но посудите - их работа в стократ опаснее и сложнее, чем труд земледельца. Сейчас караваны не те, что раньше, караван теперь в первую очередь слаженная боевая единица, караванщики - братья по оружию, несущие в своих душах груз ответственности за судьбы тех, к кому ведет их тропа. Разумеется, купцы богаты и могут позволить себе многое, чтобы снять скопившееся напряжение. Купец, владелец одного из самых процветающих на Пути караванов, всегда слыл горячим поклонником женской красоты. Последняя из приобретенных превосходила всех, виденных им ранее. Юное и стройное, почти детское тело рабыни будило желание, воспламеняло волнение в чреслах даже у тех, кто отвергал женственность в детях, предпочитая для утех зрелых любовниц. Она услаждала взор хозяина, но ровно до тех пор, пока тот не взвел ее на ложе. Там его постигло величайшее разочарование - приобретенная оказалась пустышкой. В ее молчаливости и замкнутости и раньше усматривали скудоумие, теперь же все убедились окончательно - баснословная цена была отдана за идиотку. В постели рабыня лежала безвольным мешком, не понимала, что от нее хотят и лишь пялилась в потолок своими огромными глазами. Не стоит винить купца в том, что вместо даров любви и нежности, он начал ласкать свою наложницу плетеной нагайкой. Сложный, змеящийся узор меж ее лопаток был ничем иным, как следами регулярных и изощренных порок. Впрочем, ей было все равно - при каждом ударе кнута она только вздрагивала и сжималась точно так же, как раньше, когда хозяин

входил в нее.

Ей было абсолютно все равно, совсем немного оставалось до Встречи, и каждая клеточка измученного тела ощущала приближение этого события.

Верно говорят - очень многие из новшеств являются ничем иным, как давно забытыми, либо просто претерпевшими изменения явлениями. "Старая сказка на новый лад", - прокомментировал Сивый рассказ своего соседа Кулака о бытующих в среде караванщиков верованиях. Вечер у костра между вытащенных на берег лодками, когда весело потрескивают поленья, выбрасывая в небо фонтаны светлячков-искр, обжигающим жаром дышат угли, подернутые белым пеплом и мерцающие красно-оранжевыми сполохами - что может быть приятнее и умиротвореннее после продолжительного шумного веселья-торжища. Семь дней пролетели единой чередой встреч, сделок, братания и гуляний. Новые знакомства, необычные события, невероятные рассказы: ярмарка привнесла в скупую на разнообразие обыденность массу впечатлений и поселенцы делились ими друг с другом, восполняя и дополняя полученную информацию. Назад возвращались собравшись несколькими родами, ночуя на суше - летом в лесу было относительно спокойно, и засиживаясь, по сложившейся за неделю привычке, допоздна.

- Вспомни, как прежде: храмы, золото, обряды... просто сейчас упростили все, предание сделали, - рассуждал Сивый, - а суть такая же.

- А вдруг и правда - ходит, - возражал Кулак, квадратного вида мужик с лопатообразной бородой.

- Кто его видел?

- Понимаешь, торговцы как толкуют: гонимый и отверженный, страдает, скитается и не осознает до поры предначертанного ему.

- А осознает?

- Повернет мир к возрождению либо гибели окончательной.

- В сказку хочешь поверить, придет за тебя и все сделает?

- Да пойми ты, это не религия это как, ну, пророчество. Многие говорят. Ты в церковь раньше ходил?

- Ходил и детей водил.

- Про второе пришествие слышал?

Со вторым пришествием тесно связывали наступление конца света последователи нескольких древних культов. Смерть и разрушения следовали по стопам вернувшегося бога, страшными муками грешникам грозили в своих процветающих приходах неистовые пастыри.

- Ну, завернул, второе пришествие, он может еще и мертвых поднимет?

- Ни во что ты, Сивый, не веришь и верить не хочешь - как ты живешь, о чем перед сном думаешь, на что надеешься?

- А во что верить? В драконов? Кто Войну развязал? В Бога? Прокляты мы все! Я в себя верю, уберегу, сохраню род - будем выкарабкиваться. А так - никому мы, нафиг, не нужны! Ты говоришь - спаситель ходит, тебе с того что? Ну и пусть себе, драконы, вон, тоже летают, толку, может и придет пора, спялят нас уже до конца или за руку в светлое будущее поведут. Легенды, пророчества... выживать надо, про другое голова болит.

- Кочевники рассказывают, тот, кто его повстречает, кто ему руку подаст - станет соратником и вместе с ним будет вершить судьбы мира.

- Тебе, Кулак, видно миром поуправлять никак не терпится, хутора своего мало, - беззлобно ухмыльнулся Сивый и хлопнул собеседника по плечу.

Кулак наклонился к костру, подобрал вывалившуюся ветку, пошевелил ей в углях и раскурил от занявшегося конца короткую самодельную трубку. Табак. Лишь возвращаясь с богатой ярмарки можно было позволить себе такую роскошь. Глубоко затянулся - по телу пробежала волна тепла и успокоения.

- Ага, я бы уж их всех репу садить поучил.

- Пускай Полк учит, он у нас башковитый.

- И ему не веришь?

- Ему... я его понимаю. Он княжить хочет, как встарь. В городе осел, округу подминать начинает, горы золотые обещал, только не выйдет ничего.

- Почему? Многие к нему пришли.

- Ну, навел он порядок на ярмарке, город, согласен, от всяких бед оборонить его дружинникам по силам. Только поселки наши по всей Куте разбросаны - сотни верст, а он и дальше, за Устье, вниз по Елене замахнулся. Непосильную ношу на себя берет. Пусть пока под боком разберется, а там посмотрим.

- Посмотрим, - кивнул Кулак, - тут я с тобой согласен, Напастей еще тех не видели, от которых он беречь рвется.

- То-то и оно.

Лес тихо шумит, шелестит листвою. Будто и не было Войны, будто не осталось за спиной почти уже двух десятков лет растерянности, испуганного недоумения и отчаянного желания выжить. Спокойные, мирные звуки природы. словно не рыщут в глубине странные, невиданные ранее создания - огромных размеров волки с почти человеческими глазами. Едва ощутимое дуновение ветра, шевелящего прибрежный камыш и несущего радостную свежесть приближающегося утра. Запах наступающей весны в месяц, считавшийся до Войны первым месяцем лета. Люди сидят у костра, курят, беседуют - картинка из потерянного прошлого, артель рыбаков на привале. Нет вчера и нет завтра, есть только сейчас - расслабленно текущая действительность, словно вырванная из уже уничтоженной, кажущейся чужой реальности. Люди отдыхают. Люди научились наслаждаться каждым мгновением. Они познали вкус родниковой воды и куска черствого хлеба. Теперь они знают цену прожитого дня. Да, они многому научились за этот короткий, в половину поколения, промежуток времени, но и многое забыли. Например, они уже не умеют удивляться - их не беспокоит, тревожит, да, парящий в небе дракон; они остались бы равнодушными, узнав, что солнечные горячие пляжи далеких вожаемых стран теперь скованы льдом; они спокойно принимают даже то, что смертельно израненный человек без квалифицированной помощи через месяц сам становится на ноги.

- Хорошо как, - вздохнул Кулак, - давно так тихо не было. А? Может и наладится? Кута смотри - чистая, как встарь.

Свежи были воспоминания - воды реки, несущие свернувшиеся сывороткой грязно-серые хлопья пепельной пены. В первые годы грязь ползла по течению сплошным комковатым ковром, позже, как правило, после таяния снега или дождей, в мутноватой воде вновь появлялась странная взвесь.

- Очищается помаленьку.

- А я вот боюсь. Тебе порой не кажется, смотришь на лес - вроде все как прежде, и в то же время немного не так. Как будто меняется незаметно. Ты птиц когда в последний раз видел? И зверье в лесу порой такое встретишь... Про волколаков и не говорю.

- Да, сосед, тебя послушать - хоть в петлю, пойдем по палаткам, молодые пусть службу бдят.

Старики поднимаются, подбирают с чурок, на которых сидели теплые мохнатые шубы и расходятся по стоянкам. Старики... сколько им было, когда началась Война? Двадцать пять-тридцать лет, не больше. А посмотреть сейчас - выглядят на все семьдесят. И то правда, год после Войны один за два разменивается и то лишь тем, кто выжил.

Назад вверх по течению возвращаться не в пример тяжелее, приходится постоянно работать веслами, часто останавливаться на привалы, однако правду люди говорят - путь домой из гостей в два раза короче кажется. Пять дней плавания - и за поворотом реки вырастают очертания родного хутора - ладный смоленый часток из разобранных изб старого поселка, смотровая вышка с деревянными щитами, обшитыми дубленой кожей, в прошлом году подправленные сходни-пристань. Из-за ограды колоннами, подпирающими свинцовое небо, поднимаются вверх полосы дыма. Отлегал от сердца - в селении все в порядке, уберегли боги от непрошенных гостей, живы оставшиеся родичи. А Ванко

соскучился еще и по новому жителю хутора. Ведь разобраться - своими руками выхаживал, как котенка с пальца кормил. Спасенного незнакомца иначе, как Ванковым крестником и не называл никто. Пока сам не узнаешь - не поймешь радости и удовлетворения, когда безнадежно больной, вот уже четыре недели говоривший разве только с духами, вдруг осмысленно смотрит в твое лицо и с трудом, но отчетливо внятно произносит:

- Ка-а-ак де-ела, п-пацан?

Язык плохо слушается гостя - насквозь разорванная щека срослась уродливой маской, неестественно растягивая рот и перекашивая челюсть. Ладони отказываются повиноваться хозяину - они лишены плоти и хрупкая пленка молодой кожи плотно обтягивает лишь тонкие кости и сухожилия, грозя лопнуть при каждом движении. Не обнаруженные сразу переломанные ребра и ключица срослись, как пришлось, поэтому тело человека несимметрично выгибается вправо. Из живого мертвеца он превратился в беспомощного калеку, но, один раз придя в себя, тот уже не позволяет беспометству овладеть сознанием.

- Хорошо, а твой?

- Нормально, где я?

Короткие фразы неповоротливым языком превращаются в надрывное растянутое мычание, но понимать собеседника Ванко не составляет большого труда.

- Хутор Сивого, моего отца - Ручей.

- Давно?

- Почти месяц.

- Скоро торг?

- Завтра едем.

- Я с вами.

- Нельзя, никак нельзя! Не довезем мы тебя, ты ведь очнулся только!

- Зовут как?

- Ванко Сивый, а тебя?

И тут незнакомец задумывается, будто забыл свое имя, и закрывает левый глаз. Он закрыл бы и правый, но безобразное веко лишь нелепо дергается и гость оставляет тщетные попытки. Он замирает на несколько мгновений, потом его передергивает и из горла раздается неприятный клокочущий хрип. Ванко в замешательстве осознает, что слышит надрывный смех.

В последовавшем непонятном бормотании паренек выхватывает лишь одно слово.

- Рахан? - переспрашивает он

- Да, - отвечает спасенный, после чего неожиданно резко и сильно сжимает запястье мальчика своими жуткими, на первый взгляд, лишенными мышц пальцами и быстро, жарко, приблизив вплотную кажущееся безумным лицо, излагает свою просьбу. Потом он откидывается назад и бесконечным заклинанием шепчет:

- Найди, пацан!

Ванко сидел на носу лодки, всматривался в приближающиеся родные стены, вспоминал события двухнедельной давности и гадал - в каком состоянии встретит его Рахан. Было немного неловко - не оправдал надежд и не выполнил задания, но при этом сделал все, что мог, совесть мальчика была чиста. Вдали уже можно было различить фигурку караульного на вышке и скапливающихся на берегу муравьев-людей. Очевидно, путешественников уже заметил бдительный смотрящий и у маленькой пристани собрались встречающие.

Дружественные объятия остававшихся охотников и слезы на глазах бросившихся обнимать женщин - достойная награда вернувшимся путешественникам. В маленькой закрытой общине отсутствие каждого члена ощущается достаточно остро. Полное неведение о судьбе отправившихся в далекую дорогу заставляло домочадцев каждый день с тревогой вглядываться в ту сторону, куда ушли половина боеспособных мужчин рода. Поэтому их возвращение без потерь и в полном здравии стало отличным поводом для праздника.

Ванко диву давался: в всеобщей суеде и приготовлениях создавалось впечатление, что на хуторе живет в два раза больше народа - все высыпали во двор и деловито сновали между

постройками, собирая на стол. Паренек осмотрелся - во всеобщем радостном слегка хаотичном движении резко выделялась отстраненная одинокая фигура. Человек сидел на положенном на бок бревне у длинного коровьего хлева, понутив голову, положив на колени руки с опущенными ладонями. Мешковатый поношенный балахон с капюшоном, похоже, был извлечен из кучи старья, хранившегося на чердаке главной избы. Темно-серые потертые брюки с выцветшей алой каймой сбоку, наверное, были найдены там же. Скрывающий лицо капюшон и знакомая перекошенность в плечах, пронизывающая весь облик отрешенность, ошибиться было невозможно - Рахан нашел в себе силы выйти погреться в скупых лучах солнца. Сивый сказал после:

- Правильно, что он рожу закрывает - бабы и без того дитя выносить не могут.

И действительно, жительницы хутора, проходя мимо, не отваживались даже глянуть в сторону бедняги и какая-то непреодолимая сила заставляла их огибать ссутулившуюся фигуру на почтительном расстоянии. Ванко не брезговал - настоящим мужчинам не подобает смущаться при виде шрамов, полученных в бою.

- Рахан, - окликнул он, подходя почти вплотную.

- А, привет, пацан, - Ванко встретил усталый взгляд гостя, - как сплавали?

Рахан во время разговора все еще коверкал речь: растягивал гласные, глотал звуки, трудно давались "р" и "с".

- Хорошо, торговали удачно, солью запаслись.

- Не встретил?

- Я искал, не было, все стоянки осмотрел.

- Ничего, не переживай, уже скоро, я знаю.

- А ты как? Ходишь уже?

- Как видишь. Марионетка ломанная.

Позднее Ванко убедился - своими резкими переваливающимися движениями Рахан действительно походил на тех неуклюжих кукол, с которыми выступали бродячие артисты на ярмарке, управляя конечностями деревянных рабов при помощи грубых нитей. Нога и та, вроде бы тщательно выправленная Сивым, после выздоровления оказалась короче левой.

- Интересно было? - спросил Рахан.

Спросил, скорее всего, просто так - глаза были пустые, словно сознание человека перенеслось в иной далекий мир. Ванко присел рядом.

- Интересно. Весело. Я там Полка видел и Лекаря, ну, который тебя смотрел. Ох и здоров он драться - четверых бугаев пожил, двоих голыми руками насмерть. Про тебя спрашивал.

- Про меня? С чего? - оживился, слегка встревожился Рахан

Видно было, что визит Лекаря не остался в памяти пребывавшего в горячке человека. Ванко в двух словах рассказал о посещении, о том, как рекомендовали резать руки, упомянул, что Рахан будто даже узнал врача.

- Может быть, - задумался мужчина, - говоришь, без оружия с четырьмя управился? Неужели кто-то еще в живых остался...

- Кто?

- А, не важно. У кого он служит? У Полка? Что за он?

Пришлось рассказывать и о Полке, вспомнил Ванко об обещании Лекаря заглянуть в гости проведать больного.

- Ну-ну, посмотрим на твоего эскулапа, - пожал плечами Рахан.

За разговором время подготовки к застолью пролетело быстро. Позвали Ванко, не забыли и о госте. Стол накрыли в главной избе, достали из кладовок последние запасы - наступает лето, а значит будет новый урожай, и вновь заполнятся порядком опустевшие ледовые схроны. Впрочем, Сивый был хозяином рачительным и даже сейчас, после зимовки, кухаркам было чем попотчевать родичей. Как положено подняли сразу ковш с медом за возвращение. Все разговоры, понятное дело - об ярмарке. Вернувшиеся наперебой делились впечатлениями, пересказывали истории, услышанные у других, либо те, участниками

которых стали сами.

Рахан присел в угол стола так, чтобы здоровая половина лица была обращена к собравшимся. Странно, но видно было, что к своему уродству он относится абсолютно безразлично, просто не хочет смущать трапезничающих малоприятным зрелищем. Он не спеша плотно поел и собрался было попрощаться с хозяевами, застольные разговоры, похоже, его не интересовали, когда напротив, подвинув хуторян, уселся Сивый.

- Ну как, мил человек, оклемался немного?

- Жить буду, отец.

- Что ж тебя так угораздило?

- Да знаешь, как бывает - ищешь что-то безуспешно, потом вдруг узнаешь, что вот оно, совсем рядом, только руку протяни. Тут тебя и переклинивает. Бросаешься очертя голову. Вот и я кинулся. Сил не рассчитал, не успел за день дойти, ночь в поле встретил. Все просто.

- И зачем же ты так стремился?

- Все мы стремимся каждый к своему, - покачал головой Рахан, - Без чего мне не жить, тебе может и даром не надо.

- Не хочешь говорить - и ладно. А кто ты, откуда будешь - тоже секрет?

- Кто я? Бродяга. Пришел с запада - там таких много Война оставила. А здесь у вас словно и не было ничего.

- Войну помнишь?

- Я в ней участвовал.

Вот так обыкновенно - участвовал в войне, о которой толком-то и сказать никто ничего не мог.

- Я знаю о ней не больше твоего, отец, - предупредил дальнейшие расспросы Рахан.

- Какой я тебе отец - мне тогда тридцати не было, ты, если оружие держал, тоже не пацаном воевал.

- Да, приложила тебя жизнь, считал, постарше будешь.

Зато по изувеченному изможденному лицу собеседника возраст определить было достаточно сложно. Длинные русые волосы, схваченные на затылке в хвост, однако, сединой тронуты не были. Определенно, подумал Сивый, полтинника ему все же не дашь.

- С оружием, выходит, управляться умеешь, - сделал вывод старейшина.

- Какой из меня теперь вояка, - хмуро усмехнулся бывший солдат и протянул Сивому руки.

Тонкие белесые пальцы мелко подрагивали и больше походили когти хищных птиц, каких полно было до Войны по лесам. Плоть на ладонях практически отсутствовала, кожа чуть не просвечивалась и больше походила на перепонки гусиных лап.

- А еще что делать способный?

- То, чему раньше учился, теперь вряд ли кому понадобится. Ты не беспокойся, я тебе обузой не стану - недельку еще подтянусь и дальше пойду. Отплатить, жаль, мне тебе за заботу нечем.

- Ты это брось, - махнул Сивый, - что мы, не люди. И жить здесь будешь, пока не поправишься.

- Да ну, кости все равно уже не выправятся, да и руки... Послушай, возьми мой жилет, - Рахан выпрямился, попытался расправить плечи, досадливо сморщился и снова ссутулился-скособочился, - Мне сейчас его уже не одеть. А вещь хорошая - любой удар держит, он и до войны бешенных денег стоил.

- К чему он, я человек мирный, - прищурился старейшина.

- Не скажи, времена, сам видишь. А нет - продашь, знающие люди неплохую цену дадут.

- Ну, отказываться не стану, а ты все-таки не торопись, поживи у нас маленько.

- Боюсь, боюсь не успеть, извини.

- Тебе виднее.

- Не обидишься, оставлю я вас, пока слабый совсем, утомляюсь быстро.

- Конечно, отдыхай.

Сивый встал и протянул гостю руку. Рахан на миг замешкался, потом ответил на рукопожатие. Жутковатое ощущение, словно скелет ладонь стискивает, оценил старейшина, но виду не подал, пожал осторожно, однако тонкие пальцы оказались неожиданно сильными. Глава рода едва заметно кивнул, калека оперся рукой о столешницу и натружено приподнялся.

- Счастливо.

- Иди с богом.

Вечер отпраздновали, а утром следующего дня все уже будто позабыли о минувших праздниках. И без того короткое лето не позволяло расслабляться - за оставшиеся четыре месяца относительного тепла необходимо запастись на долгие холода.

Рахан и тот проникся общим порывом - сидел на своем бревне и мастерил костыль. Ванко несколько раз пробежал мимо, времени, однако у него не было, работой были заняты все. К полудню мальчишку от физического труда освободили и отправили наблюдать на вышку, на поле не хватало мужских рук.

С самой высокой точки открывался отличный вид - река, лес, открытое пространство окрест хутора с копошащимися людьми и дорога вдоль берега с клубящейся на горизонте пылью. К поселению вновь приближались гости.

Предупрежденные Ванко, поселенцы организованно стянулись под защиту стен, считанные мгновенья - и пространства между заостренными кольями ошетинились хищными жалами самострелов. Обученные суровой жизнью, хуторяне при возникновении опасности действовали быстро и слаженно. Потянулись минуты ожидания. Напряженные мужчины всматривались в сторону дороги, кто - поглаживая ложе арбалета, кто - массируя переносицу, готовя глаза к прицельной стрельбе.

- Что там, - опираясь на аккуратную трость-костыль взобрался на насыпь к Сивому Рахан.

- А черт-те ее... от города идут, может, Полк со своими.

- Так чего прячемся?

Старейшина недоуменно посмотрел на пришельца - разве первый день живет в смутное время этот человек?

- Береженого боги сэберегут.

- А не боишься - Полк силой прибрать вас вздумает?

- Не сейчас - ему пока и города хватит.

- А город - он большой?

- Устье-то? Там до войны тыщ шестьдесят жило, так себе по тем меркам. Но узловой - Елену с Трактом и метрополией связывал. Сейчас, говорят, тысяч десять населения, в Осетрово огородились, так раньше порт назывался.

- По нынешним временам - полис. А центр здесь где был?

- Иркут - я сам оттуда. Провинция в полмиллиона и точка неподалеку стояла. Вот и шарахнули по нему, еле ноги унес. Ну, гляди - подходят.

На этот раз кавалькада всадников явно не собиралась сворачивать к воротам поселения. Неспешной рысью мимо настороженных жителей проследовали знакомые наездники - дружина Полка. Свои-то свои, а ухо остро держать надо, жизнь наступила дикая, кругом лес полный волков и человек человеку того и гляди лютым зверем обернуться готов. Уже собрался было Сивый вздохнуть с облегчением, как от удалявшейся группы отделился человек, махнул рукой остальным и чуть не галопом устремился к хутору. Принесла, нелегкая. Отряд, впрочем, движения не прекратил и менять его направления не стал.

Через мгновение у частокола гарцевал на невысоком мохнатом коне молчаливый Лекарь.

- Впусти его, - попросил Рахан.

- А то, попробуй не привить, - пробурчал старейшина, - знакомец, все-таки?

- Похоже.

- Работы неспорно, а они шныряют, людей смущают. Открывайте створки, да в поле все, отбой!

Рахан, в подобных вопросах человек бывалый, сразу приметил - тренировкам по сбору населения для обороны хутора здесь уделяли внимание. Пускай несколько неуклюже, но без лишней суеты мужики отложили оружие и вернулись к прерванным делам. Внутри остались лишь старейшина да бывший солдат.

- Мир тебе, - приветствовал Лекаря спускающийся вниз Сивый, - я понимаю, не со мной ты повидаться приехал?

- И тебе мир, хозяин, правильно понимаешь.

- Ну, мешать не стану, сейчас на стол соберут.

- Не надо, благодарю, мне еще своих догонять.

На нет и суда нет - у главы поселения проблем по горло, да и мешать разговору этих людей желания нет. Оба странные, а значит опасные и тайны их Сивого не интересуют, себе дороже.

Тем временем Лекарь напряженно всматривался в искалеченного человека. Тот в ответ смотрел спокойно, без эмоций, всем своим видом демонстрируя безразличие. Молчание затянулось.

- Ключник? - наконец решился гость.

- То, что от него осталось, Док, здравствуй.

- Здоров, мог сразу догадаться, потолкуем?

Со стороны было видно, что встреча принесла обоим некоторое облегчение, однако особой радости это ни у одного из говоривших не вызывает.

- Пойдем на берег, на солнце кости прогреем, там поспокойнее.

Они вышли за стену и не торопясь направились через поле к берегу Куты.

- Как тебя сюда занесло? - поинтересовался Лекарь

- Долгая история, а сам?

- Да тоже...

Казалось, собеседникам трудно друг с другом общаться. Нечто связывало их, общее прошлое тяготило и не позволяло расслабиться, тяжелым гнетом подавляло эмоции встретившихся товарищей.

Они дошли до невысокого обрыва, уселись рядом на прогретую траву и, не разговаривая, стали следить за ровным бегом волн. Стоило видаться ради того, что бы не осмелиться взглянуть в глаза друг другу?

- Мы не враги? - нарушил долгую паузу тот, кого Док назвал Ключником.

- Нет, нам нечего делить, - ответил Лекарь.

- Хорошо. Я знал, что увижу тебя.

- А я должен был догадаться.

- Почему?

Они говорили коротко и односложно, с трудом подбирая и тщательно взвешивая каждое слово.

- Специфика. Ты со своими железками, я с медикаментами. Нам необходимо сохранять профессиональные навыки, поэтому было заложено чуть меньше агрессии и несколько больше рассудительности.

- Что они с нами сделали Док? - Рахан вновь рассматривал свои дрожащие ужасные руки.

Человек, долгое время демонстрирующий окружающим свое отстраненное отношение к обстоятельствам, сейчас пребывал в состоянии, близком к истерике. Прошедшее умеет вернуться окольным путем и нанести предательский удар в самое незащищенное, лишь ему известное место.

- Не знаю. Поверь, я ведь специалист высокого уровня, как и ты, как каждый из нас, но не могу даже предположить, каким образом Росген добился полученных результатов.

- Я думал - химия.

- Нет, - покачал головой Лекарь, - или не только. Слишком продолжительное действие. И черт его знает, какие побочные эффекты. У нас ведь с тобой невероятный потенциал живучести.

- Живучести? - Рахана трясло.

- Живучести, не выживаемости, психику к таким раскладам не готовили. Вот здесь, - Док постучал себя по темни, - мы самые обычные люди.

- Обычные? - похоже, в существующей действительности Ключника удерживали лишь обрывки фраз Лекаря.

На грани срыва, в одном шаге от безумия - это состояние стало бы признаком шизофрении для Дока, если б не было таким знакомым.

- Обычные, Ключник, - повторил он, успокаивающе положив руку на плечо собеседника, - самые обычные. Слабые и беззащитные, просто в наших жилах теперь черте что, вместо крови.

Какое-то время они вновь молча смотрят на воду - поникший обессиленный Рахан и спокойный печальный Лекарь. Оцени танец языков очищающего пламени, пожирающего бывшие некогда лесными великанами головешки, или игру перекатов вездесущей воды, ласкающей прибрежный песок, вымытый из несокрушимой породы. Насладись зрелищем, затаив дыхание. Это успокаивает. И этому обучают, чтобы ты смог охладить возбужденный реактор в своем мозгу.

- Ты не прав, Док, - Ключник постепенно приходит в себя, - мы вообще не люди, мы монстры.

- Порой мне тоже так кажется, иногда я чувствую, что, одарив одним, нас лишили другого.

- И чего же?

- Души.

- У нас похитили все. Душу? Ты веришь в бога?

- Нет, ты ведь знаешь.

- Слышал, местные уже поклоняются драконам?

Рахан досадливо сплюнул, словно упомянул о чем-то мерзком, жутком и не имеющем права на бытие.

- Не суди их, - невозмутимость Лекаря нельзя нарушить, - люди не знают ЧТО они такое.

- А что знаем мы?

- Тебе нужен ответ?

- Можешь считать меня сумасшедшим, - Ключник поднял глаза на впервые улыбнувшегося Лекаря и скупно ухмыльнулся сам, - ничего смешного, но я знал человека, способного пролить свет на все вопросы.

- И где он?

- Пропал.

- Как думаешь жить дальше?

- Верну долги, там посмотрим.

- Приходи к нам.

- Вы знаете, чего хотите?

- Мира, развития, люди хотят поднять голову, люди желают стать такими, как прежде.

- Люди сами все просрали и мир этот уже не спасти, не тешь себя надеждой, теперь люди - паразиты, вид скоро передохнет и без посторонней помощи.

- Полк хотя бы пробует все исправить.

- А почему не сам?

- Не замечал? Мы с тобой не можем отдавать приказы, я думаю, где-то на задворках сознания прописана роль исполнителя, советчика, но никак не лидера.

- Гипноз, мать его.

- Тех спецов, что могли его ломануть, уже сожрали волки... Знаешь, Ключник, возьми

вот это, - Лекарь протянул небольшой треугольного очертания предмет, завернутый в темную тряпицу, - забрал у одного мудака, у меня свой есть, а тут еще шесть пчелок осталось, может пригодится.

- Ну спасибо, я свое добро все растерял.

Люди встали и попрощались. Попрощались, как равные, как уважающие друг друга два близких человека, как друзья.

Почему никто не верит в случайности? Откуда слепая уверенность в том, что любое происшествие является закономерным следствием предшествующих явлений? Три старухи тупыми ножницами кромсают нити людских судеб, вяжут в узелки на память отрезки значимых событий. Им дело, в каком месте и какая нить окажется в конкретное время под скрещивающимися лезвиями их инструментов? Да им наплевать, они вообще ни черта не видят. А вот гляди ж ты - звенящая тетива жизни одного человека раз за разом оказывается в досягаемости их костлявых рук. Стечение обстоятельств?

В том, что Ванко взяли на охоту, впервые в жизни доверили легкий арбалет и определили место в цепи, не было ничего удивительного. В двенадцать лет пора взрослеть - потом, может, и не успеешь. В том, что паренек слегка сбился и вышел к реке несколько западнее точки сбора, тоже тяжело усмотреть вмешательство внешних сил - он ведь не заблудился, просто в его возрасте рано быть безошибочным следопытом. Когда мальчик увидел на дороге двух всадников, то даже не испугался - они-то его не заметили. А в тот момент, когда он узнал в одном из них Полка, настороженность сменилась радостью - этого человека Ванко по праву считал защитником оскорбленных и вообще хорошим знакомым. Он подошел и поздоровался, командир, как и следовало ожидать, высказал приветствие и участие. Его спутник был немногословен, лицо второго наездника плотно скрывал стальной шлем с глухим забралом-щелью. Некоторое время они оставались на месте, разговаривая ни о чем, до тех пор, пока вдаль не показались родичи мальчика, обеспокоенные его отсутствием.

- Ну, беги, малыш, и мы тоже не станем задерживаться, мир тебе, - подмигнул Полк.

- Доброго урожая, - ответил Ванко и совсем уже было собрался бежать к своим, да только совершенно СЛУЧАЙНО бросил взгляд на руки его спутника, сжимающие поводья.

Он поднял полные ужаса глаза и в узком провале забрала незнакомца прочитал понимание и не меньшую обеспокоенность, после чего во всю прыть бросился к охотникам.

Ванко, бывало, испытывая неподдельный страх, вслушивался в вечерние сказки старших об оживших покойниках. И пускай ночные кошмары в свете дня всегда кажутся пустыми опасениями, нельзя строго осуждать ребенка, испугавшегося при виде такого зрелища.

Увидевшего, что узкие кожаные ремни крепко сжимает знакомая кисть. Зловещая трехпалая клешня казенного дружинниками преступника Краба.

ГЛАВА 4

Возьми поудобнее тяжелую инкунабулу священных писаний, перелистай плотные желтые страницы. Вдохни полную грудь воздуха и благоговейно проводи пальцами по запыленным строкам. Узри, как пламенеющие буквы складываются в слова заветных текстов. Здесь ты найдешь все потаенные знания мира. Секреты его Властителей и откровения об устройстве Жизни. Вот Обетованное и Творец в окружении сияющих Ангелов. Извечным антагонизмом Геенна, где Иблис полноправный хозяин и Окаянные - челядь его. Прочти фолиант и захлопни кованый оклад. Еще остались вопросы? Да. Узнал ли ты что за боги правят в Чистилище и какие серафимы у них в услужении?

Есть люди, рожденные для правления, есть люди, способные лишь пресмыкаться на самом дне. Иначе как объяснить, что грозный боец со смертоносными навыками безропотно подчиняется своему Хозяину - слабому и тщедушному, пускай и влиятельному, человеку? Почему один радеет о собственном благополучии и процветании, не взирая на бушующие за

стенами ветры перемен, а другой замыкается в скорлупе одиночества и довольствуется объедками с барского стола, с готовностью повинуюсь и с жадной пуская кровь по одному мановению руки? В критической обстановке выживают не сильные телом, а гибкие духом. Кто-то ломается, как могучее дерево, сраженное грозovým разрядом, с треском рушась на землю и подминая под собой все живое. Так скажете вы и будете, наверное, правы. Хозяин даже не боится своего слуги, он относится к нему как к собаке, преданность которой можно заслужить обглоданной костью, а свободу ограничить длиной цепи. В принципе, Хозяин ничего не боится - он член могущественного клана, одно упоминание о котором остужает буйные головы. Но он расчетлив - зачем привлекать к решению мелких проблем своего заведения свору гончих, когда во дворе сидит на крепкой привязи матерый волкодав? Но однажды Пес удивляет Хозяина. В один из дней тот по своему обыкновению с утра занимает далекий темный угол и лишь глаза изредка стекольно поблескивают из сгущающегося под лестницей мрака. Все как всегда - там его столик и никто из завсегдатаев не претендует на сомнительную уединенность этого места. Однако именно в этот день приезжают новые посетители. Конечно, им нет дела до прислуги, но девушка-рабыня, имущество главы прибывших, словно по найденной тропе направляется к молчаливому Псу. Гибкий стан и незримая аура заставляют постояльцев непроизвольно оборачиваться вслед девушке, но все впечатление портит пустой отсутствующий взгляд на прекрасном лице. Она с безрассудством безумной, не обращая внимания на налитые кровью, мутные от переполняющего организм алкоголя глаза, кладет свою изящную руку на мощное плечо. Не плачь, говорит она, поглаживая вздыбившиеся на затылке волосы. Не плачь? Удивляется Хозяин, невольный свидетель сцены. Никогда, ни одного раза не видел он слез в глазах своего слуги.

Разве может появиться вода в давно иссушенном, засыпанном пеплом колодце, стоящем посреди пышущей адским жаром пустыни?

Когда сгущается сумерки, лес наполняется шуршащими мелодиями ночной жизни. Здесь почти нет резких звуков, только изредка, где-то вдали отголосками обрывается крик жертвы, настигнутой хищниками. Чаше в наступившей тишине слышен лишь шелест ветвей под весом древесных обитателей, потрескивание и скрип стволов-великанов, эхо мелких шагов осторожных травоядных. Движения мягких лап сумеречных охотников, как правило, не может уловить ни один орган слуха. Опытный лесовик в состоянии вычленить из общей какофонии любой звук, определить место, из которого он проистекает, и принадлежность к какому-либо событию. Если он способен его сопоставить с чем-то, слышанным ранее. Поэтому всегда заставляет насторожиться, обратиться во внимание все, выходящее за границы опознаваемого, пусть даже удаленное, еле уловимое, находящееся на пороге чувствительности человеческого уха. Как, например, тихий глухой хлопок в глубине леса, словно выход газов, выталкивающий пробку из закупоренной бутылки браги. Что может испугать часового на укрепленной вышке, осматривающего чащобу из-за высокого частокола, отдаленного от первых рядов деревьев на расстояние, вдвое превышающее дальность действия любого оружия? Да ничего, он ощущает себя в полной безопасности и лишь оборачивается в сторону услышанного. А раскаленный комок смерти с коротким свистом уже покрывает кажущееся непреодолимым расстояние. Безжалостная, не знающая преград магия предыдущих поколений. Хрустящий звук лопнувшей перезревшей тыквы - над бровью охранника возникает аккуратная красная точка, а затылок взрывается, раскрываясь кровавым цветком, разбрасывая веером алую пыльцу и рисуя сзади на ограждении стекающий замысловатый узор. Не успевает тело стражника сползти на настил, как из леса уже бросаются к воротам хутора быстрые черные фигуры.

В действиях нападающих наблюдается немалый опыт в проведении подобных операций. Три, пять, четырнадцать силуэтов бесшумными тенями молниеносно пересекают открытое пространство и застывают в темноте под прикрытием пятисаженных стен. Мгновение - и укутанные в мягкие тряпки стальные кошки синхронно взмывают вверх, перелетают через частокол и рывком закрепляются, вонзая в податливую деревянную плоть

свои острые зубья. Также слаженно устремляются по натянутым канатам гибкие силуэты. Нижние удерживают тросы в напряжении, чтобы облегчить поднимающимся их продвижение, последних резво втаскивают наверх, благо устроенная изнутри насыпь позволяет беспрепятственно находиться у вершины ограды. Все это занимает мгновения - настолько отточены манипуляции незваных гостей. Затем они разбиваются попарно и неуловимо растекаются по избам в поисках новых жертв.

Шестнадцать взрослых мужчин в поселении и более чем в два раза больше женщин и несколько детей, тоже способных постоять за себя, в равных условиях смогли бы оказать серьезное сопротивление налетчикам. Если бы не были застигнутыми врасплох в своих постелях и не умирали, как овцы, с брызжущими фонтанами крови из перерезанных гортаней. Семейные на хуторе жили в отдельных избах, лишь в лютые морозы перебираясь в головную постройку - обиталище Сивого. С этих небольших домов и началась гибель всего поселка.

Часть пришедших все время оставалась снаружи, когда остальные парами врываются внутрь и начинают орудовать своими длинными ножами. Шесть домов уже остались позади, безмолвно чернея провалами распахнутых дверей. Жизнь покинула уютные стены и неказистое внутреннее убранство, бывшее таким родным для скорчившихся на кроватях уже остывающих хозяев, было изуродовано, как кистью безумца, багряными подтекающими мазками. Здесь не щадили ни женщин, ни детей, не утруждали себя поиском ценностей, казалось, единственной целью убийц была бездумная кровавая жатва.

В седьмом доме присутствие посторонних было обнаружено.

Здоровяк Слав очнулся от дремы, лишь почувствовав легкий скрип половиц на пороге. Отметил резкое движение уходящих в тень силуэтов на фоне подсвеченного затуманенными звездами дверного портала и мягко скатился с ложа, нашаривая под кроватью рукоять секиры. Не иначе, как обладая кошачьим зрением, нападающие синхронно бросились навстречу ему.

Не дурак подражаться, Слав, не задумываясь, интуитивно воспользовался стесненностью - как был на четвереньках, резко кувыркнулся под ноги одному из убийц и ткнул вверх наугад топором в середине движения. Будь у него остроносый кинжал, подкошенный незнакомец уже собирал бы кишки со скользкого пола - настолько удачным оказался проведенный прием. Пока упавший барахтался на циновке, восстанавливая сбитое обухом дыхание, Слав вскочил и развернулся лицом ко второму пришельцу. Тот мягко перескочил через лежащего товарища, обманно качнул туловищем в одну сторону, в другую, провоцируя хозяина на ответные действия.

- Сука, - прошипел Слав.

Он не обучался даже основам оружейного боя, зато был хорошим охотником и не раз участвовал в травле одиночных волколаков, где умение уходить от молниеносных когтей и исходящих ядовитой слюной клыков было неизменным атрибутом науки выживания. А чем отличается разъяренный ловкий зверь от вооруженного татя? Вот только не было со Славом бок о бок верных товарищей, способных вовремя отвлечь, уколоть опасного хищника. На стороне нападающего был опыт, хозяину помогали врожденная сноровка, темнота и знание своего дома. Противники быстро обменялись выпадами, успешно отразив атаки, и замерли на мгновение. С улицы помогать убийцам не торопились, видимо справедливо рассудив, что увеличение количества людей лишь увеличит общую сумятицу внутри.

Тем временем второй нападающий начал приходить в себя, Слав понял, что еще мгновение, и ему придется противостоять двоим. Промедление вело к неминуемой гибели - в серьезности намерений ночных гостей охотник не сомневался, поэтому ускользающее время вынуждало его к решительным действиям.

Неожиданный ход при атаке топором показал на днях невольный постоялец Рахан, наблюдавший, греясь на солнце, как, баловства ради, метает во вкопанный столб свою секиру Слав.

Широкий открытый замах с правого плеча дает противнику время отклониться в

сторону от направления удара, чтобы потом атаковать проваливающегося вслед за тяжелым оружием человека. Обмани его - несколько измени траекторию и вместо ожидаемого движения сверху вниз направь секиру по дуге влево, слегка отклони корпус и дай топору свободно описать небольшую петлю. Это позволит и увести по инерции туловище с линии возможной контратаки, и изо всех сил по диагонали обрушить обух на врага.

Эффектный прием был несколько раз отработан с хромым учителем и теперь Слав попытался применить его на практике. Взмахнув и глухо крикнув, во время драки он не издавал громких звуков, чтобы не сбить дыхание, подался вперед, а оружие начало свой отретпетированный танец.

К сожалению, для достижения подлинного мастерства не достаточно природной смекалки и одной-двух тренировок. Не стал исключением и Слав, когда в конце дуги его повело чуть больше, чем нужно и, вместо ухода из-под ножа, развернуло к убийце спиной. Хана! - мелькнуло в голове у охотника и он затылком почувствовал стальное острие, змеей устремившееся куда-то под лопатку. Однако его продолжало закручивать, а смертельный удар все не следовал. Боковым расплывчатым зрением Слав уловил некое отмахивающееся движение тесака противника, словно тот рубил кустарник, спутывающий его ноги. Волчком крутнувшись вокруг оси сын Сивого все-таки довел топор до цели. С мягким хрустом предназначенная больше для колки дров секира вошла в висок нападающего, где и застряла, вырываясь из вспотевших рук вместе с падающим телом.

Слав мельком глянул вниз и сфокусировал взгляд на причине задержки нападавшего. Заныло сердце - лунным пятном в темноте проступало бледное лицо жены Сандры искаженное черным провалом раскрытого в немом крике рта. Из-под копны разметавшихся русых волос ползала по щеке кровавая дорожка, но мертвые руки все также крепко сжимали голени поверженного противника.

Одновременно, не зрением - глаза были прикованы к отдавшей жизнь за мужа Сандре, а тем невероятным шестым чувством, которое предупреждает человека об опасности раньше всех иных органов, Слав ощутил бросившегося в атаку второго убийцу.

Любой инструктор, любой мастер боевого искусства азбучной истиной вдалбливает в сознание своих подопечных умение отрешиться и не поддаваться эмоциям, как необходимую составляющую в исходе смертельного поединка. Охотник не был настоящим воином, да и где теперь найдешь хорошего наставника, поэтому не смог заставить разум преобладать над слепой, застилающей глаза красной пеленой, яростью. Вытаскивать топор, увязший в расколоте черепе, времени не оставалось и безоружный Слав согнувшись, по бычьему врезался в подошедшего вплотную противника. Как не странно это и спасло ему жизнь. Он двинул плечом и перехватил не ожидавшего такого поворота врага в поясице, получил болезненный, но не критический удар рукояткой по позвоночнику и изо всех сил припечатал сопротивляющееся тело спиной к стене. Наверное, при этом недруг приложился и затылком, потому как на долю мгновения обмяк. Этого мига хватило Славу, чтобы разжать объятия, выпрямиться и провести хороший удар правой снизу под ребра. В ярмарочных потешных боях стенка на стенку охотник таким образом зачастую выводил из строя даже самых опасных партнеров. И сейчас, не дожидаясь, пока убийца восстановит дыхание, Слав выхватил из его ослабевших пальцев нож и нанес несколько размашистых рубящих ударов, остановившись, лишь когда тело забилося в агонии, а собственная нательная рубаха, как росчерками пера, окрасилась кровавыми брызгами.

Слегка отпустило. Слав вновь обернулся к распластанному на полу белеющему силуэту. Не выпуская из пальцев влажную липкую рукоять, на слабеющих ногах он подошел к жене, опустил на колени.

Что стоит жизнь человека в гигантской мясорубке охватившей мир? Горы трупов несчастных, вываливших толпами на улицы - в мертвых городах до сих пор мостовые покрыты ровным слоем истлевших трещащих под ногами костей. Кто считал количество жертв? И что стоит гибель близкого, разделившего с тобой в последние годы все страдания, отпущенные безжалостной судьбой? Страдания и маленькие радости, скупо даримые

упрямой природой. Смерть человека - ничто в бесконечном круговороте, смерть человека - все в маленькой вселенной двух сердец.

Слав отложил нож и провел окровавленными ладонями по безжизненному лицу. В двери мелькнули еще две темные фигуры. Нападавшие устали ждать и пришли разрешить создавшиеся затруднения. Охотник подхватил оружие, тяжело поднялся и закричал. Закричал во всю силу легких, как раненный волколак, застигнутый в прыжке стальным болтом. Взвыл, вкладывая в крик всю испытанную ярость и постигнувшую боль, поднимая на ноги всех оставшихся в живых сородичей. Больше не надо экономить силы и беречь дыхание, продлевая молчаливую схватку. Слав не был глупцом: две одержанные победы, одна ценой жизни любимой, вторая итог счастливого стечения обстоятельств - предел возможностей его скромного ангела, отмеривающего порции удачи. И большое достижение в боевой карьере молодого охотника. Он расправил плечи и спокойно пошел навстречу Смерти, явившейся на этот раз в образе двух плечистых наемников. По случаю возникшего сопротивления, нападающие сменили удобные для заклания ножи на кривые ятаганы.

Профессионалам, одинаково умеющим и в одиночку отбиваться от наседающей толпы и группой добивать хорошо обученного воина, на устранение проблемы хватило полуминуты. Однако они задержались в доме Слава. Когда изнутри в ночь вынырнули быстрые силуэты, в руке одного покоился округлый предмет.

Чтобы выполнить то, что при помощи узкого лезвия ятагана сделал один из нападавших, действительно необходимо некоторое время и непреодолимое желание осуществить задуманное. И то, что он это сделал, не смотря на чудовищность и отталкивающую бессмысленность, могло бы вселить в сопротивляющихся толику надежды. Если справиться с охватившим ужасом и волей подавить чувства - не признак ли содеянное, что противник остро переживает неудачу? Что он досадует непредвиденной задержке и потере членов отряда, а значит - подвержен обычным людским эмоциям? Что по другую сторону не бездушные холодные призраки, а существа из плоти и крови?

Наемник широко размахнулся и метнул свою ношу. Пронзительно зазвенело бьющееся безумно дорогое стекло. В избу Сивого влетела и, разбрызгивая по полу багровые сгустки, покатила в середину комнаты голова его сына.

Кто-то с шумом выдыхает воздух, протяжно скулит женщина. Один из молодых, ошалело сверкнув глазами и перехватив покрепче рукоять топора, бросается наружу.

- Стоять! - вопит Сивый, однако лязг скрепящегося оружия и короткий оборвавшийся крик свидетельствуют о еще одной смерти.

Резко, пинком распахивается вовнутрь дверь. На пороге возникают двое, затянутые в кожу, из-за высоких черных наплечников кажущиеся гигантами. Упруго щелкает спуск, пронзительной мелодией вибрируют стальные дуги - одного гостя отбрасывает тяжелым болтом. Несколько арбалетов взведенные всегда ждут своего часа, развешанные на стенах горницы остриями вверх. Вслед первой стреле летит другая, но напарник поверженного уворачивается, отскакивает назад, в темноту.

Старейшина видел смерть. Когда-то, вместе с обезумевшей людской волной, он громил лавки и рвал в клочья слабых, богатством которых был единственный кусок хлеба. В последнюю нормальную зиму восемнадцать лет назад, в ночи, окутавшей землю на трое суток, он научился убивать и больше никогда не забывал уроков. У него в руках уже новый самострел, прежний брошен женщинам - те резво орудуют накладным воротом, натягивая сладострастно изгибающиеся железные крылья. Стоящий рядом охотник взводит свой не мудрствуя - упирается ногой в металлическое стремя и, расправляя спину, в полмощи устанавливает зацеп.

- Дверь, - командует Сивый, - свет!

Мигом захлопывается массивная створка, лязгает затвор, пронесшимся вихрем задуваются лучины. Тишина сопровождается еле слышным прерывистым дыханием, темнота слегка подсвечивается из чернильных квадратов окон.

- Давай, давай, робяты, к проемам, - шепчет старейшина и шестеро оставшихся мужчин

занимают места на трех направлениях.

Четвертая стена глухая, за нее можно не беспокоиться - толстые стволы вековых сосен защитят от недругов, да и поджечь сырые замшелые бока дело не простое. В подтверждение мыслей вновь бьется одно из стекол и на полу уже полыхает смолистый факел. Без команды одна из женщин бросает на него мокрую тряпку.

Единым вздохом промелькнули для обороняющихся первые мгновения боевой горячки и теперь томительным бременем потянулось ожидание. Не отрывая глаз от светлеющих окон, стрелки в темноте дома напряженно водят самострелами, сопровождают острыми стальными наконечниками стрел движущиеся на улице тени. Снова радостно взвизгивает тетива, характерный всхлип снаружи - еще одним врагом становится меньше.

- Хорошо-хорошо, - вполголоса пробормотал Сивый, - глядишь, до утра протянем, а там оно попроще.

- Куда проще, сколько их там кто знает? - возразили из темноты.

- Не дрейфь, прорвемся.

Страшно. Женщины собрали детей у безопасной стены, начали утешать, другие остались рядом с мужчинами, готовые оказать помощь, подать оружие. Ванко тоже хотел было присоединиться - почти взрослый, да и стрелять приловчился неплохо.

- Сиди, - одними губами прошипел один из старших, - надо будет - позовем.

- Давайте бабы, кто с малыми, лезьте наверх, - еле слышно отдает команду старейшина, - как они внутрь ломанутся - прыгайте через слуховое окно и в лес, если не осилим, к Кулаку пробирайтесь с рассветом. За день успеете.

Быстро, стараясь не мелькнуть в проемах, по очереди начали взбираться по крутой приставной лестнице на чердак молодые женщины и плачущая детвора. Тем временем с улицы к бледному освещению раннего утра начали прибавляться неровные блики открытого пламени.

- Хозяин! - грубо окрикнули снаружи, - поболтать надо.

- Поболтай, - отозвался Сивый.

- Выходи по-хорошему.

- И что?

- Там посмотрим.

- Куда смотреть? Какого вам от нас надо?

- Ты выходи - разберемся.

- На свет покажись.

- Старый, мы тут с тобой не торгуемся, сами вылезете из норы все живые останетесь.

Живые? Повод задуматься. Какой прок вообще от небольшого охотничьего хутора? Богатств особых здесь не сыскать, припасов после зимовки никаких, скотина тоже не откормилась еще. С другой стороны - в такие времена и ржавый топор находка ценная. Сам по себе укрепленный и обустроенный форпост - куда как не лакомый кусок. И жизнь прежних хозяев здесь сухаря заплесневевшего не стоит.

- В живых оставите, неужто? - притворно удивился старейшина.

- Толку нам от ваших трупов, пыхти потом, закапывай. Что мне врать - баб заберем, детей продадим, а мужики, валите к чертям, выживете без оружия - ваше счастье.

- А как не согласимся?

- Времени у нас много, надоест - костер сделаем и лопатой после рыть не надо.

Насчет костра говоривший, пожалуй, припугнул. Зажечь главную избу и все - не остановить будет жадные языки пламени, полыхнет весь хутор трескучим пожарищем. А вот по поводу уготованной судьбы похоже на правду. Но смысла мужчинам сдаваться нет, жен с отпрысками по любому пощадят, отец же, своими руками чада в неволю передававший жизни не достоин. Рассветет, улица из окон как на ладони - погрызаться еще могут громоздкие арбалеты.

Кошачьими движениями плывет в темноте по дуге вдоль проема ссутулившаяся, слившаяся с тяжелым самострелом фигура охотника. Бесшумно крадется, меняет угол обзора

в поисках хозяина резкого голоса, ориентируется на источники света лучший стрелок рода, пока заговаривает врагам зубы старейшина. Замер, остановился. Затаил дыхание, как в полевании на дикого зверя, плавно нажал рычаг. И опять пение ушедшей стрелы отзывается победным маршем и яростным чертыханием в конце ее полета.

- Ну, сука, ты у меня не один день умирать станешь, - рычаг снаружи.

- Сам по ходу не сдохни, - сплевывает Сивый.

Переговоры прекращаются, но атака сразу не следует.

Тягостно и невыносимо ударами пульса в висках отмериваются секунды бездействия и кровь, словно густея, медленно, толчками движется в венах. Все напряжены до предела. Стрелки также мягко танцуют около окон, выискивая новых жертв, сами держась в спасительной тени. Сколько времени продлится противостояние? Защитники не знают - снаружи осталось девять наемников. Нападающие могут только догадываться - внутри их ждет шестеро готовых на все охотников, старик и восемь женщин. Затаившиеся на чердаке не в счет.

Спокойно шуршат песчинки, истекая воронкой в хрустальном конусе вселенских часов, отсчитывают последние мгновения умирающего мира.

Ванко поудобнее устроился на трухлявых опилках и листве, устилающих пол чердака. Через прорехи в прохудившейся после зимних ветров крыше обстановка как на ладони. Опустошенно, не по-домашнему, раскрыты двери семейных изб. Еще не умер хутор, а по улицам уже будто смерть прошла. Безжизненно. Ощущение, словно мертвые в своих домах затягивают в безмолвное послесмертие окружающее пространство. Оживление со стороны глухой стены - цепочкой просочились к ней темные тени. Прижались в ряд к округлым бревнам и потекли в стороны к углам, к незащищенным окнам.

Эх, промашку дал старейшина - надо бы и наверх снарядить пару охотников отсеки бы стрелами непрошенных гостей. А может и наоборот - специально решил не привлекать внимание к чердаку, дать шанс спастись хоть части подопечных.

Ужом на животе мальчик скользнул к люку, свесил голову.

- Сзади, с боков крадутся, в окна! - скороговоркой зашептал он в темноту.

- Хоронись, сынок, сейчас начнется. Смотри, если что, с малышами за старшего будешь, бегом в лес, спасай род.

Ванко отполз и вместе со всеми затаился у чердачного окошка, аккуратно со стороны злосчастной тыльной стены. Поэтому он уже не видел, только слышал по звону стекол, треску переплетов и звукам падения тяжелых предметов, как началась последняя атака.

Почти одновременно в два противоположных окна, ломая все на своем пути, влетели и шумно покатались по настилу массивные деревянные чурки, подобранные, наверное, где-то на заднем дворе. Запоздало щелкнули самострелы, пронизывая болтами пустое пространство, не дожидаясь, пока перезарядят свое оружие уставшие от ожидания защитники, вламываются внутрь с каждой стороны один за другим несколько наемников.

Ловко, руками вперед в узкие проемы, они приземлялись на скрипящие осколки стекла и кувырком уходили в стороны с линии обстрела. Сивый не стрелял вместе со всеми. Не зря медлил палец на спусковой скобе, однако движения противника были настолько стремительны, что стрела лишь чиркнула по ребристому упругому наплечнику, не причинив сколько-нибудь существенного вреда. Недруг вскочил на ноги перед старейшиной, тот наотмашь ударил самострелом, стальные крылья высекли искры, встретив на своем пути лезвие ятагана.

Отчего родившиеся после Войны, как правило, значительно уступают в силе и ловкости тем, кто вышел из лона матери до Страшной Ночи? Какие ужасные силы были освобождены из оков полторы дюжины лет назад, что люди, встретившие первые порывы Урагана в зрелом возрасте оказались выносливее взрослых во время и после Сумерков мира. Быть может, потому кажущийся древним стариком человек практически на равных противостоит дерзкому напору, когда другие в бессилии гибнут под стремительными росчерками безжалостного металла?

Через момент после начала от стены дома напротив третьего окна молниеносно отделяется гибкая фигура и, плавными движениями неестественно уклоняясь от выстрелов защищающих этот проем и не обращающих на сумятицу за спиной охотников, влетает внутрь. Не так, как предыдущие нападающие, именно воспаряет, как ангел, как демон, в дребезге и хрусте, единым движением сгруппировавшись в момент удара и твердо становясь на ноги при приземлении. Из ниоткуда в руках его возникают сверкающие лезвия. Тело изящным маятником раскачивается из стороны в сторону, сталь рисует в воздухе замысловатые пируэты в мгновение сметая двух вставших на пути мужчин.

Схватка затихает также быстро, как и начиналась - в одном углу охотник и две женщины за его спиной щетинятся топорами от наседающих троих наемников, в центре кружат Сивый со своим противником, последний из явившихся с интересом осматривает поле боя. Остальные уже мертвы и ноги оскальзываются на пропитанных их кровью досках пола.

- Может, урод, легкой смерти ищешь? - вкрадчиво спрашивает воин, со стороны наблюдая за поединком старейшины.

Падает защитник женщин, в последнем движении стараясь дотянуться оружием до своего убийцы. Старик, будто булавой, орудует тяжелым арбалетом, отбивая яростные атаки.

- Ну, полюбуйся сначала, как твоим детям кишки выпускают, - советует неподвижно стоящий владелец двух зловещих клинков.

Всхлипывает, захлебываясь кровью женщина. Несколько взмахов - вторая обезоружена, схвачена за волосы и брошена в руки главаря. Слав скорбел над телом жены, так с чем же сравнить горе Сивого, наблюдающего, как свирепо уничтожаются все, бывшие смыслом его нелегкой жизни эти долгие годы.

- Смотри, - волосы женщины намотаны на кулак, голова запрокинута назад.

Она немо, по рыбы открывает рот, дугой вперед выгибается тонкое тело, ткань рубахи натягивается на груди. Девушка еле скулит, белое сукно на животе наливается кровью и медленно, слегка поворачиваясь из стороны в сторону, изнутри, разрывая плоть, выныривает хищное стальное лезвие. Сивый не смотрит, он сражается - это его последний бой и смерть хотя бы одного противника может стать достойным завершением трудного пути. Ему не дают такой возможности. Сзади два клинка, скрещенные, словно ножницы, ловко подрубают сухожилие и старик опускается на колено. Главарь оскаливается: сейчас будет потеха - слабое утешение после гибели пятерых соратников в таком, казалось бы, легком деле.

Некоторым временем раньше с чердака ссыпаются маленькие фигуры.

- Бегом в лес, - командует Ванко.

Однако какой из него вождь, здесь есть взрослые девушки, они деловито собирают детей и ведут в нужном направлении. Все устремляются к еще запертым воротам и только Ванко непонятно какой силой тащит в противоположную сторону - к стоящему в глубине двора амбару.

Оглянись мальчик назад, он бы увидел, как бесшумно бросаются им вслед четыре наемника, прикрывавших снаружи своих товарищей. Страшные в объемистых доспехах они разделяются - двое за группой детей, двое за одиноким мальчиком.

Что влечет паренька в амбар, какие секреты таит в себе эта постройка? Да никаких, просто там, в одном из закутков, обустроил свое обиталище новый друг -Рахан-Ключник.

Ванко, запыхавшись, ворвался в строение, в темноте пробежал по коридору вдоль стойл и опустевших кладовок, свернул в знакомый угол и распахнул низкую неприметную дверь.

Маленькая каморка с высоким потолком и небольшим оконцем, очищенная от пыли и паутины, украшенная грубым столом и деревянным лежаком, крытым охапкой соломы. Раньше в ней, наверное, хранили хозяйственную утварь, теперь комнатка стала временным пристанищем неприхотливого солдата. Скучные рассветные лучи обеспечивали, тем не менее, сносное освещение. Мальчик недоуменно оглянулся, впрочем, ничего удивительного - помещение было пусто.

Ванко еще секунду постоял в нерешительности, пока в наступившей тишине не услышал зловещий скрип прикрываемых створок широких амбарных ворот. Паренек бросился назад, выскочил в узкое пространство прохода и оцепенел. Навстречу ему перебежками двигались черные силуэты. Хищные крадущиеся перемещения ссутуленных теней не предвещали ничего хорошего. Мальчик в ужасе юркнул в пустое стойло и забился в угол в надежде, что остался незамеченным. Прелый запах соломы, как веяние тления в темном склепе - Ванко мог только уповать, что drobный стук зубов не выдаст его месторасположения. А шелестящие тихие звуки шагов неотвратно приближались, загробным скрежетом потрясая рассудок.

Первый преследователь стремительным броском проскочил мимо. Мальчик боялся дышать. Второй сгустком тьмы замер в проеме денника всматриваясь в скупое освещенный промежуток между низкими перегородками.

- Ну че, говнюк, свела нас житуха? - Ванко еще сильнее вжался спиной в необструганные доски, судорожно упираясь пятками, будто хотел просочиться в щели.

Знакомый голос. Неприятный, по юношеский ломкий, слышанный ранее и с властными нотками и в заискивающем исполнении, причем совсем недавно и в тоже время вовсе в другой жизни, где было место радости и развлечениям - на ярмарке. Неожиданная встреча. Мальчик рад бы был крепко зажмуриться и не видеть происходящего, но тело не повиновалось, он заворожено смотрел на своего палача, не в силах даже закричать.

К готовым к переходу и находящимся на одре, на черных крыльях мрака неотвратно является в веянии могильного холода безучастный бог Танат. Тяжелым тусклым мечом вороненой стали срезает он тонкую прядь волос умирающего, исторгая измученную душу в бескрайние просторы Безмолвных пустошей.

Боковым зрением, за плечом надвигающегося преследователя Ванко с трепетом наблюдает образ величественного ангела смерти. Леденящий кровь. Отсутствуют человеческие черты в его облики - лишь бледный осто, покрытый бесформенным саваном, и искаженный мукой лик. Нет ничего ужаснее этого зрелища, не так страшен даже разъяренный Черенок, невольным обидчиком которого мальчик стал на торжище. Подумать - молодой наемник тоже, наверное, Неживой, убитый где-то в устье Куты, а вот стоит, оскаленный, глаза жаждой крови горят, но нет, не он воплощает Смерть, настоящая смерть таится у него позади. Бесшумная, видимая, похоже, только напуганному мальчику. Черенок не чувствует мрачного соседства, он начинает игру беспощадного хищника с затравленной жертвой.

Наемник нечленораздельно мычит и нервно поигрывает клинком - предвкушение убийства будоражит и пьянит не хуже дурманных паров, вдыхаемых для достижения боевого безумства. Но вдруг его утробный рык обрывается сдавленным хрипом и он, безжизненный, валится на бок, брезгливо отброшенный в сторону Ангелом. Смерти безразлично, кто оказывается у нее на пути, но сегодня цель ее прихода не запуганный ребенок, видимо она пришла за Черенком или за его напарником, неподвижно лежащим в двух шагах дальше по проходу. Смерть жадно склоняется над телом наемника и быстрыми движениями осматривает снаряжение.

- Хлам, - бормочет себе под нос.

Не поднимаясь, вытирает о штанину поверженного большой массивный нож, измазанный кровью. Разве течет кровь в венах подъятой нежити? Не все ли равно Смерти, в каком состоянии находится ее, должно быть ржавым, оружие?

ГЛАВА 5

Где-то на окраине, а быть может и прямо здесь, среди нас, бредет, спотыкаясь и сбивая ноги существо, обреченное избавить мир от страданий. Идет и присматривается к людям в поисках достойных, на кого смогло бы положиться жаждущее перемен божество. Нас много и все мы рождены для отважных поступков. С колыбели, с молоком матери впитали мы

стремление к подвижничеству. Но как узнать среди толп оборванцев тебя, Великий, если не ведомо сердцу обличье господне? Кем ты сможешь предстать перед нами: рабом бессловесным, беглым преступником, мужчиной, женщиной или вовсе малым ребенком?

Кто знает, какие мысли роятся в голове Пса? Так ли нужна ему вожденная свобода, эфемерный призрак неограниченных возможностей? Или злосчастная цепь мешает ему лишь, когда Пес бросается на человека, находящегося вне пределов его досягаемости? Может, это необузданной ярости необходимы оковы, сдерживающие ее в рамках условностей? Прочные стальные звенья защищают отнюдь не людей, они сохраняют самого Зверя от окружающих и их мира. И не собственными ли руками кованы грубые толстые кольца, целостность которых он тщательно бдит, успешно скрывая от всех свою слабость за маской брызжущего слюной животного? Кто рассмотрит под грубой шкурой Душу? Лишь детям и юродивым дано узреть сокрытое за каменными скрижалями. Безумный ребенок в стократ прозорливее любого оракула. Не плачь, говорит она, ибо видит источающее слезы сердце. Пес должен бросится и разорвать, как требует его натура в отношении преступивших запретную грань. Но он встречается взглядом, и уже не может оторваться, купаясь в теплой синеве ее глаз. Глаз, излучавших до этого лишь бореальный холод. И он нежно берет ее руку, в первый раз за долгие годы ощущая себя, нет, еще не Человеком, но все же способным к переменам существом. Они сидят друг напротив друга и говорят на понятном языке непонятными словами, а чаще просто молчат. Им не мешают - хозяевам Пса все равно, чем он занят, лишь бы выполнял свои обязанности, когда придет время. Владельцы девочки, скорее девушки, тем паче равнодушны - не мешает добрым людям докучливыми вопросами, и ладно, все равно быть ей проданной на ближайшей ярмарке. Караван остается на ночь, а утром следующего дня уходит. В глазах Пса тоска и он порывается вслед печально притихшей рабыне. Строгий оклик Хозяина оставляет его на месте и он, поджав хвост, уходит в свой угол. Все возвращается на круги своя? Через неделю внимательные слуги докладывают - Пес воздержался от пищи и дешевого алкоголя. Дальше хуже - пару дней спустя он отказывается делать работу, смотрит молча, как бесчинствует пьяный громила и не поводит ухом на приказы. Такое поведение недопустимо и Хозяин распоряжается наказать Пса. Ночью, чтобы не портить репутацию заведения. Экзекуция заканчивается на удивление быстро, в результате Хозяин приходит в себя привязанным к разделочному столу и некому ему помочь, потому что мертвы и челядь и приближенные. А Пес берет в руки мясницкий нож и до утра не дает своему бывшему господину умереть. По совести, трактирщик не заслуживает тяжелой медленной смерти, но еще слишком силен Зверь в его мучителе. Когда восходит солнце, из занимающегося огнем трактира выходит не помнящий своего имени мужчина и направляется на восток. Теперь у него есть Цель. Цель, не позволяющая вновь сорваться в глубокую пропасть, из которой он только начал выбираться.

Цель, рожденная последними словами, которые еще несколько лет молитвой будут повторять его иссушенные уста: "Не плачь, мы еще встретимся".

Ванко медленно приходит в себя. Сгорбленная фигура в полумраке действительно выглядит жутко и нереально. Отталкивающая внешность сродни демоническому созданию. Но все эти особенности свойственны не сверхъестественному существу, а вполне материальному Ключнику.

- Рахан?! - облегченно прошептал мальчик.

- Тихо, пацан, - Ключник поднялся и повлек паренька за собой в конец амбара, к маленькой двери в тыльной части строения.

Они прошли мимо второго налетчика, беззвучно умерщвленного Раханом, тот на мгновение задержался, ловко обшарил останки и удовлетворенно хмыкнул. Повозился еще некоторое время и выпрямился, держа в руках добротные сапоги на высокой шнуровке. Ванко смущенно улыбнулся - ангелы смерти тоже не гнушаются мародерством.

Еще добычей Ключника оказались пара удобных для метания хороших ножей и потертые замшевые перчатки, которые солдат тут же натянул на свои искалеченные руки. Сапоги он быстро перевязал и забросил на плечо, ножи отправились за пояс, не задерживаясь

больше, Рахан подтолкнул мальчишку к выходу.

У двери он выглянул, осмотрелся и кивнул головой - чисто. Ключник чуть наклонился и глянул на Ванко. Он приложил обтянутый черной кожей палец к губам, затем легко махнул ладонью себе за спину. Мальчик утвердительно покачал головой, чего здесь непонятного - тихо двигайся сзади, похожими жестами обменивались и на охоте.

Рахан с пареньком нырнули в спасительную тень, отбрасываемую частоколом, и начали красться вдоль него к выходу из хутора: Ванко плавно переставляя ногу с пятки на носок, как учил опытный Слав, Ключник - нелепо переваливаясь и хромя, но при этом не менее бесшумно.

Через какое-то время солдат застыл каменным идолом и предостерегающим мановением остановил мальчика. В наступающем рассвете стали видны запертые на тяжелый засов ворота. Трупы девушек и детей, настигнутых у массивных створок бездушными убийцами. И двоих наемников, спокойно спящих меж распластанных тел. Рахан по-звериному напрягся, в руках его появились только что приобретенные ножи. Ванко тоже замер, словно это ему нужно было метнуть сейчас на неслышанное расстояние, шагов тридцать, отточенные лезвия. Затаил дыхание. Ключника, похоже, удаленность до цели ничуть не смущала.

Хлопнула дверь главной избы.

- Что ты собираешься делать? - озабоченный женский голос, похоже, хозяйка его была основательно взвинчена.

- А что? Еще немного поговорим и на кол, пусть смотрит, как хозяйство горит, - ответил главарь.

- Серый, у тебя мозги двинулись, меня и так от всего этого тошнит, не дури.

- Ты больно чистая хочешь остаться, а я свои слова на ветер не бросаю - пусть дед покорячится.

- Психопат.

- Шлюха.

Вот так. Все старые знакомые собрались в обреченном поселке. Уж больно много умерших воскресают в один день, чтобы испить крови незащитного ребенка. Ключник спиной оттеснил Ванко, отступил назад и тихонько проскользнул в ближайшую избу, как оказалось - жилище Слава. Мельком, обернувшись на пороге, мальчик рассмотрел, как вытаскивают на улицу окровавленное, но стонущее и вяло сопротивляющееся тело отца. Затем он шагнул внутрь и увиденное - обезглавленное тело брата, труп его жены, мертвые наемники на хлюпающем, залитом кровью полу окончательно добило паренька. Он упал на колени рядом с братом и тихо заплакал. Рахан как-то беспомощно положил ему руку на плечо, слегка похлопал, постоял нерешительно, потом одернулся и с безразличной деловитостью принялся за становившийся привычным обыск покойников. Приятели погибших, похоже, уже избавили своих компаньонов от ненужных по ту сторону черты предметов, а потому Ключник вскоре сел на кровать и начал зашнуровывать новые сапоги.

На дворе Серый попытался собрать подчиненных и обнаружил потерю еще двоих бойцов. Он орал на всех, размахивая кулаками, несколько раз пнул истекающего Сивого, который лежал связанным и натружено смеялся сквозь выбитые зубы, наблюдая бешенную злобу противника.

- Какой, нахрен, пацан? Двоих как свиней зарезали! Что ржешь, падла? Кто там у тебя угол обжил?

- Калека, в лесу подобрали, - закашлялся Сивый, - еле ноги переставляет, ну и вояки у тебя...

- Тварь! - главарь с размаха двинул кулаком в лицо и старик обмяк, - Найдите его, ублюдки.

Первыми полыхнули амбар и главная изба. Сперва их основательно обыскивали, затем обкладывали соломой и поджигали. Когда строения занялись, слаженно, уже по четверо начали потрошить семейные дома.

- Здесь он, здесь, никто из хутора не вышел, - увещевал Серый, - Эй! Калека! Выходи, хоть посмотрю на тебя.

Все это время Ключник спокойно сидел внутри жилища Слава и из глубины комнаты наблюдал за происходящим на улице. Он снял с одного из мертвых наемников его доспех - плотно нашитые на кожаную основу широкие полосы черного ребристого и упругого материала, скептически осмотрел его и набросил себе на плечи. Когда начали проверять дома, он жестом приказал Ванко спрятаться под кровать. Обыск налетчики проводили достаточно тщательно, поэтому широкое ложе вряд ли могло стать надежным убежищем. Мальчик хотел было обратить на это внимание, но, встретив выразительный взгляд одноглазого Рахана, покорно лег на живот и протиснулся в пыльный полумрак. Какая разница, где умирать? Может, и проще - всадят стрелу и даже вытаскивать не станут, пыток да мучений избежешь.

Паренек с изумлением увидел в узкую щель, как Ключник опустился на корточки возле лежащего тела и зачерпнул с половиц начинающую сгустками запекаться кровь. Он собирал ее с пола и втирал в лицо, словно умывался либо пил из пригоршни. В который уже за сегодня раз мороз пробежал по коже Ванко: так много ужасного довелось увидеть несчастному мальчику. Что за дьявольский обряд совершает сейчас его защитник? Наверное, он все-таки тронулся умом или перед мальчиком не человек, а один из страшных волколаков, принявших людское обличие.

Неожиданно кровать приподнялась и Рахан бесцеремонно затолкнул ногой тело раздетого им наемника вплотную к Ванко. Остекленевшие глаза на изуродованном смертью лице оказались напротив мальчика. Вместе с окоченевшим трупом в тесном практически замкнутом пространстве, Ванко, тем не менее, постепенно начал терять способность пугаться. И пусть жуткая гримаса на расколоте черепа закрывает весь обзор, смрад немытого тела позывает на рвоту, а негнущаяся рука жестко упирается в бок - откуда-то в мальчике рождается уверенность. Спокойная вера в Ключника. Жаль только, что из-за мрачного соседа теперь совершенно не видно, что творится в помещении. А посмотреть есть на что.

С медленным скрипом отворяется входная дверь и в проеме возникают жала сразу четырех арбалетов. Крест-накрест, два на высоте человеческого роста, два на уровне поясицы. Их владельцы ощупывают, осматривают открывшееся пространство. Внутри кровь и мертвецы, как и в остальных домах, только хозяин этого жилища унес с собой еще и наемников. Вон он лежит обезглавленный рядом с женой и два неудачливых налетчика тоже недалеко, раскинув руки, дополняют угрюмую обстановку. Угрюмую и убогую. Разве можно спрятаться в таких хоромаш? Разве что под кровать или за печь, ну, можно пол простучать, на чердак заглянуть, распотрошить шкаф - привычное дело, может и добром разжиться.

Двое остаются у входа, все также контролируя помещение, остальные, прикрывая друг друга заглядывают во все укромные уголки. Добираются и до кровати. Долгожданная удача - там явно кто-то прячется. Радостное улюлюканье и все четверо уже толпятся у ложа, увесисто пинают ногами найденного и не сводят с него арбалеты.

- Руки вперед и тихо вылазим, - хрипло приказывает один из наемников.

Однако спрятавшийся не спешит выполнять команду. Он вообще не шевелится.

Все увлечены и никто не обращает внимания, что происходит за их спинами. Если бы хотя бы один обернулся, то смог увидеть шокирующее зрелище, а может, и спасти себе жизнь. Потому что скрюченная и неестественно вывернутая рука одного из лежащих позади трупов начинает двигаться. И его голова, покрытая коркой крови, сгустками и белеющими осколками расщепленной кости отрывается от пола. Все это совершается не медленными рывками, как предпочитают описывать пробуждение нежити, а обескураживающее молниеносно.

Недавний мертвец броском оказывается на ногах и два ножа в его руках одновременно вонзаются под доспехи, где-то в район поясицы тем двоим, кто находится ближе к нему. Тем же плавным движением он выдергивает лезвия и в пол оборота метает их одно за другим

в оставшихся. Сталь находит незащищенное горло одного и поражает в пах другого. Последнее не смертельно, но очень болезненно, поэтому наемник надрывно взывает и не может противиться, когда огромный тесак, со свистом рассекая воздух, пробивает нехитрый панцирь и поражает сердце.

Ванко был лишен возможности наблюдать, оно и к лучшему - остался бы заикой, глядя на поднятие мертвого. И так, когда загораживающее обзор тело грубо выдернулось из-под кровати, а напротив возникло и без того безобразное, теперь еще измазанное кровью лицо Ключника, мальчик вздрогнул и судорожно сглотнул.

- Давай, выбирайся, - Рахан протянул руку и помог выкарабкаться.

- Как ты их? - паренек ошарашено осмотрелся.

Если раньше маленькая комната казалась завалена мертвецами, прибавление еще четырех покойников превратило помещение в страшный жертвенник, алтарь одержимого психопата.

- Застал врасплох, - Ключник сбросил доспех и подобрал один из арбалетов.

По-прежнему не приближаясь к окнам, он бегло осмотрел двор. Пусто. Оставшиеся разумно рассредоточились, предупрежденные воплем. Не удивительно.

И тем более не удивительно, чем занялся Рахан. Конечно - с маниакальной методичностью выворачивать карманы своим жертвам. "Опомнись!" - взывало все в душе наблюдавшего такую беспечность мальчика. За дверью враги, с минуты на минуту могут хлынуть внутрь толпы нападающих, а Ключник беззаботно копается в чужих вещах. Других проблем ему нет.

- Не беспокойся, - поднял взгляд боец, словно прочитав мысли Ванко, - их осталось трое, они сейчас выжидают, потом подберутся поближе и начнут переговоры. Вот тогда времени уже не останется. Отдыхай... Ого!

Рахан вытащил из подсумка и удовлетворенно подбросил в руке небольшой металлический сосуд. Тускло зеленый овальный предмет с коротким толстым штырем в верхней части удобно умещался в ладони и на вид был абсолютно бесполезен.

- Видал? - подростку показалось, что в единственном глазе Ключника вспыхнула на миг и тут же угасла в тусклом тоскливом мареве искра почти мальчишеского восторга.

Ванко с безразличием пожал плечами - внешне вовсе зряшная вещица. Разве что с каким-нибудь чудодейственным свойством.

- А что это?

- Эхо войны, - ухмыльнулся-оскалился Рахан, - последний аргумент.

Мальчик понимающе кивнул, он слышал о могущественных духах, заточенных в пыльных, мутных бутылках. Вот только узилище всесильного демона Ванко представлялось несколько иначе, чем невзрачная обшарпанная банка.

- Что-то засиделись мы, - в полголоса проворчал Ключник.

Он подхватил мертвеца, которого только что обшаривал. Легко, за пояс и за шиворот, поднял и понес, как носят ягнят в овчарне. Это казалось неестественным, хромая и переваливаясь, истощенный Рахан, похоже, почти не тяготился грузом.

Он подковылял к двери, пинком распахнул ее, качнул свою ношу и резко выбросил вперед. Тело, описав пологую дугу, мешком ухнуло на землю в паре саженей от входа.

Ничего не произошло - никто не бросился в отворившийся проем, никто не послал стрелу в быстро скрывшегося солдата. Тишина. Минута, другая расслабляющей тишины, прерывается внезапно пронзительным свистом.

- Ты, там, в доме! - кричит откуда-то издалека главарь нападавших.

- Да! - отвечает Ключник.

- Что с моими людьми творишь?

- Убиваю, не видишь?

- Разозлил ты меня!

- Да мне как-то...

- И что дальше думаешь?

Рахан сел на кровать и начал массировать поврежденную ногу. Ванко не переставал удивляться - насколько необычная личность стала его спутником. Боец молчал, но он не размышлял над услышанным, просто держал паузу. Словно раздумывающий в затруднительном положении человек.

- Ну? - не выдержали снаружи.

- А черт его знает.

- Жить хочешь?

- Допустим.

- Есть вариант.

- Рассказывай.

Ключник заинтересован? Ни коим образом! Растирает голень, как ни в чем не бывало.

- У меня тут уйма народу полегло, теперь люди нужны, выходи, к себе приму, ты я вижу - не промах!

- А гарантии?

- Все по-честному - кровью повяжешься.

- Это как?

- Тут ваш старик еще шевелится - тебе и кончать.

- А иначе?...

- Иначе я из этой избушки сейчас факел сделаю, углей, вон, хватает.

Углей действительно хватало - больше половины хутора уже исчезало в веселой пляске прожорливых языков пламени.

- Подумать надо, дед меня от смерти спас!

- Он тебя и сейчас спасти может, подумай, только не долго, а то я нервный!

Ванко весь сжался - страшный выбор, убийство отца. Нет! - чуть было не закричал, но мягкая замша черной перчатки плотно охватила рот.

- Тихо, - одними губами откликнулся Рахан, - сиди не высовывайся.

- Эй, я терпение теряю! - снова первым подал голос Серый.

- Не суетись, выхожу я!

- Только медленно!

Солдат еще раз махнул мальчику, не шевелись мол, и спокойно шагнул к двери.

На улице уже рассвело, поэтому вышедший на невысокое крыльцо на мгновение зажмурился. На фоне темных бревен избы стоял, опустив взведенный самострел и нахмуренно глядя вперед, высокий и худой человек в свободном коротком бесцветном балахоне и синих вылинявших штанах, заправленных в неожиданно хорошие шнурованные сапоги. Рядом, чуть позади, прильнула к стене невысокая черная фигура. Облик появившегося выражал усталую обреченность, притаившийся же в тени походил на хищного зверя, готового к броску. И зверь прыгнул.

К выпирающему кадыку Ключника прижался, натягивая грубую кожу, стальной клык узкого лезвия.

- Осторожно, не поранься, - промурлыкали ему в ухо, - зачем тебе оружие?

Руки солдата медленно поползли вверх.

- Не дергайся, арбалет брось! - уже резче приказал пленитель.

Рахан опустил самострел и начал бесцельно водить им из стороны в сторону, будто не зная, куда положить.

- Бросай, не стесняйся, - говоривший был почти на голову ниже Ключника, поэтому стоял немного сбоку, - давай, давай!

Солдат пожал плечами и отпустил рукоятку. Тяжелое оружие устремилось вниз и звучно приложилось угловатой железной излучиной к носку захватчика.

- Ах ты! - взвизгнул недруг и затанцевал на одной ноге.

Ключник ловко подцепил вооруженную руку, отвел в сторону и изящным движением крутанул ее владельца перед собой. Недавний хозяин положения тут же оказался лицом к солдату, резко дернулся, опрокинулся на грудь Рахана и начал бессильно сползать. Тот

оттолкнул тело и схватил с земли еще подпрыгивающий арбалет. Из спины противника, подрагивая, торчал оперенный хвост, а в двадцати шагах впереди бойко перезаряжал, чертыхаясь, свое оружие второй наемник. Но Ключник уже, не целясь, сухо щелкнул спуском. Самострел был сработан на совесть - затвор не сорвался при падении и стрела плотно сидела в своем ложе, зато, когда пришло время, она, радостно пискнув, устремилась к цели, впилаясь глубоко в живот последнего напарника Серого.

Главарь на миг опешил. А когда пришел в себя, утробно зарычал и со змеиным шелестом потянул из-за спины свои клинки. Рахан отбросил бесполезный пустой арбалет - от врага его отделяло чуть больше дюжины саженой. Серый плавно развел лезвия, описал концами окружности и вдруг начал завораживающе вращать саблями, рисуя вокруг себя замысловатые фигуры. Сталь, свистя, сливалась с воздухом, была всюду и нигде одновременно, а тело наемника скользило в такт околдовывающим движениям. Виртуозный исполнитель смертоносного искусства, танцующий металл - лишь продолжение тренированных рук. И неуклюжий Ключник - просто умеющий подкрасться, обмануть и перерезать горло, бесстрастно наблюдающий приближение Мастера. Есть ли у него шансы?

Ванко сидел на кровати, подобрав ноги и не решаясь выглянуть наружу. Он слышал голоса, слышал звуки падающих тел и стреляющих арбалетов. Напрягся, когда все стихло, и чуть не подпрыгнул, когда грянул гром. Не обычные раскаты, а странный удар, хлопок, сопровождающийся металлическим лязгом и рокотом эха. Что-то значительное случилось во дворе - рядовые события не сопровождаются такими эффектами. Но высовываться все равно не хотелось, осторожность научилась одерживать верх над любопытством в суровых условиях послевоенного бытия. Поэтому оставалось только гадать, о пришествии каких демонов извещает грохочущее знамение. Гадать до тех пор, пока внутрь не заглянул Ключник.

- Пошли, пацан.

- Что там случилось?

Рахан неопределенно махнул:

- Все уже.

Они вышли и спустились с крыльца. Почти правильным треугольником, законченной магической фигурой колдовского обряда, вокруг были разбросаны тела бандитов. В воздухе витал сизый дымок и пахло чем-то прогоркло кисловатым. Может быть, именно такими свойствами обладали миазмы серы, неперемного атрибута явления дьявольских сущностей, о коих, помнил Ванко, рассказывали ярмарочные проповедники.

- Это, грохнуло, ты вызвал духа из той банки?

- Духа из банки? - Ключник на миг задумался, фыркнул, извлек из-за пазухи давешний зеленый сосуд, - Ты ее имеешь ввиду? Нет, этого джина мы пока прибережем. Сейчас был другой подарок.

Он еще немного промолчал, потом добавил, скорее для себя:

- Боже как вы все исказили...

Ванко уже тянул Рахана в сторону, туда, где лежало, истекая кровью, тело отца. Сивый был еще жив, он видел и, в отличие от сына, понимал происходящее.

- Ты умеешь... убивать, - приветствовал он Ключника.

- Это они не умеют защищаться, старик.

- Не скажи...

- Зачем они пришли?

- Не... не знаю, - старейшина закашлялся и из горла сгустками потекла темная, почти черная кровь, - мне все, не бросай мальчика.

- Со мной он пропадет, обещаю, отведу к людям.

- Спасибо на том. Так больно, помоги и мне.

Рахан кивнул и его рука поползла к поясу.

- Постой, - Сивый выразительно посмотрел в сторону Ванко.

- Пацан, - солдат окликнул мальчика, - сбегай в дом, принеси простыню.

Сын старейшины с готовностью бросился к бывшему убежищу. Только дверь за ним захлопнулась, Сивый снова заговорил:

- В тебе нет чувств, давай.

- Упокойся с миром, - узкий стилет молниеносно, хирургически точно вонзился старику за ухо и мгновенно вернулся в петлю на ремне Ключника.

Смерть врагов давно стала привычной для Рахана, убийства друзей и невинных тоже не ложились на душу неподъемным бременем. Принесенная простынь, несколько часов назад еще помнившая тепло тела старшего брата Ванко, теперь легла саваном на лицо его отца.

- Он умер, мальчик, - отвел взгляд от рыдающего паренька солдат и добавил, - как подобает воину, гордись им, пойдем.

Но уйти сразу им не удалось - оказалось, кроме них на хуторе были еще живые.

Только Ванко начал подниматься с колен, у крыльца наметилось шевеление. Подстреленный своими наемник застонал и, опершись на руки, попытался встать. Находившийся чуть дальше, рядом с Серым, Ключник бросился вперед, как волк, почуяв добычу. Раненный ухитрился сесть, привалился плечом к бревнам стены и начал звонко материться, когда над ним неумолимым роком навис защитник хутора.

- Стой, Рахан, не надо! - мальчик узнал голос и что-то, в глубине души, противилось тому, чтобы стать свидетелем повторной смерти его обладателя.

Не надо так не надо - пленник угрозы не представлял, да и узнать у него можно было про неожиданное нападение побольше, чем от Сивого. Поэтому солдат ограничился легким пинком и выразительным жестом - раненный вытащил из-за пояса пару стилетов и отбросил в сторону. Ванко оказался рядом и присел на корточки.

- Больно?

Пленник охватил рукой плечо и по-звериному затравленно посматривал на мальчика и его напарника.

- Ну-ка! - Ключник сдернул с головы раненного кожаную шапочку-подшлемник и захватил двумя пальцами длинную прядь рассыпавшихся черных как смоль волос, - может поразвлечешься с тобой для начала, дамочка?

- Нашел чем пугать, - мертвенно-бледная наемница ухитрилась вызывающе поднять подбородок, - хотя... ты себя в зеркале видел?

Ключник только зловеще растянул губы. Если бы он хотел, он мог бы сказать, как неправильно, как ужасно то, что молодая и, в общем-то, красивая девушка с леденящим хладнокровием участвует в кровавых убийствах. Что в наступившие времена, действительно, женщину трудно напугать, угрожая насильственным актом. Ключник многое мог сказать и об этом, и о многом другом. Если бы хотел. Но желания говорить не было. Во-первых, он настолько привык к подобному, что его уже не удивляло ничто из увиденного, во-вторых, и это будет правдивее, ему было наплевать на все, что творится в окончательно свихнувшемся мире. На все, включая и самого себя. Если разобраться, не нужна была даже причина ночной атаки, а допрос... Допрашивать пленного заставляла некая, привитая в иную эпоху, дремлющая внутри и изредка прорывающаяся сквозь завесу безразличия, привычка.

- Смелая, люблю таких, - Рахан приблизился вплотную к девушке, незаточенной кромкой своего тесака надавил на нижнее веко, натягивая кожу, - я сейчас с твоей мордашкой поработаю, не хуже моей станет. Начнешь в зеркало смотреть, а будет вот это отражаться, - он провел пальцем вокруг своего лица, - нас с тобой даже путать начнут, хочешь?

- Да пошел ты, - наемница скосила взгляд вниз, где, упираясь в щеку, заворачивающе играла гранями отточенная полоса металла.

Не хотелось верить, но безучастный вид Ключника не давал повода сомневаться - даже таким грубым инструментом солдат без труда, одним движением извлечет глазное яблоко.

- Рахан, стой, она... она мне жизнь спасла! - Ванко не мог не вмешаться.

Мало того, что мальчику не верилось, не хотелось даже предполагать, до каких пределов может зайти его друг, в глубине души он, наверное, понимал - этот человек

способен на все, скорее паренек просто боялся. Боялся, если станет очевидцем бесчеловечности своего защитника, то больше никогда не сможет относиться к нему, как к другу, не сможет доверять. А еще вспомнилось былые ощущения, испытанные на ярмарке. Чувства мальчишеской восхищенности и печальной скорби, когда он впервые встретил яркую Стерву и когда ее волокли дружинники Полка на расправу.

- Пацан, она бы тебе кишки сейчас выпустила, не поморщилась, а? - Ключник продолжал поигрывать ножом у лица пленницы, - Говорить будем?

- О чем? - тихо переспросила наемница, грустно, так, что у Ванко защемило в груди.

- Зачем это все? Вы сюда не за наживой пришли, да и взять на хуторе нечего, ты лучше меня знаешь.

- Акция, Краб приказал, а почему именно здесь - не знаю, не мы решаем.

- Краб - этот? - кивнул в сторону Серого Ключник.

- Нет, - встрял Ванко, видевший, как тяжело даются раненной Стерве слова, - его тут нет.

- Кончи меня, а? - спокойно посмотрела в глаза солдату пленница, - Надоело все...

Рахан вдруг бросил тесак в ножны и уселся на ступень рядом со Стервой вытянув вперед искалеченную ногу.

- Смерти хочешь? Я палачом не подвизывался.

- Я видела, - прошептала под нос наемница.

Ключник повел бровью на подвижной половине лица, помолчал.

- Так то для хороших людей...

- Все равно ведь сдохну, - махнула ладонью в сторону торчащей стрелы девушка.

- Покашляй, - Рахан не изменял себе, его поведение никак не вязалось с обстановкой, вот и минуту назад он готов был резать человека на куски, а сейчас разыгрывал мирного целителя.

Стерва несколько раз кашлянула, придерживая плечо здоровой рукой и морщась от боли.

- Жить будешь, если без заражения обойдется.

Ключник задумался на секунду, потом повернулся к девушке и начал расстегивать на ней кожаную куртку.

- Все-таки позабавиться решил, - краем рта усмехнулась Стерва.

Рахан подцепил ножом отверстие в одежде, из которого торчал оперенный наконечник, резким движением полоснул куртку донизу.

- Я своего последнего как-то не так представляла, - раненная вытянула руки, помогая снять грубую кожанку.

Ключник расправился с рубашкой так же, как до этого с курткой. Ванко невольно покраснел - небольшие упругие груди и заодно торчащие покрытые гусиной кожей соски не часто удавалось наблюдать на подчинявшемся строгим законам хуторе. Точнее, за исключением памятного посещения палатки работорговцев, обнаженное женское тело, да еще такое соблазнительное, он наблюдал впервые.

- Хорош глазеть, принеси огня, - распорядился Рахан.

Чего-чего, а огня вокруг хватало - завывая и потрескивая, полыхало половина домов, поэтому много времени на его поиски пареньку не понадобилось.

Ключник тем временем извлек из кармана небольшой, около дюйма длиной, металлический цилиндр с закругленным наконечником, скovyрнул его ножом и высыпал на расстеленную тряпицу горку черного порошка.

- Не жалко? - краем глаза Стерва наблюдала за манипуляциями.

- Жалко, - Рахан повертел в пальцах маленький золотистый купол, закрывавший цилиндр, подбросил в ладони и зашвырнул подальше.

Последующее - завораживающий акт языческого целительства, огненное очищение в исполнении Ключника. Он аккуратно ощупывает стрелу, отчего девушка сдержанно постанывает, а потом резко толкает вперед - наконечник выходит насквозь, брызжет кровь и

с протяжным воплем пленная теряет сознание.

- Придерживай, - мальчик подхватывает Стерву со здорового бока.

Рахан обламывает оперение - тело в руках Ванко судорожно дергается. Щепоть странного порошка на переломанное древко, солдат зажимает в пальцах зазубренный наконечник, в другую руку берет тлеющую головешку.

- Поехали! - он толкает углем в слом и выдергивает стрелу из груди.

Шипение, треск искр и запах паленого мяса - наемница взывает и приходит в себя. Что это - лечение или изощренная пытка? Также быстро Ключник бросает остатки порошка на края раны и прижигает спереди и сзади, бинтует ее располосованной стервиной рубахой.

- Снадобья какие были у вас? - спрашивает он у глотающей слезы наемницы.

- У Серого посмотри, - сквозь зубы отвечает она.

Рахан идет к трупам и вытряхивает подсумки, осматривает пригоршню маленьких склянок и вытертых грязно желтых бумажных пакетиков с неразборчивыми надписями.

- Мусор все, Лекаря б сюда... может, вот это хоть как сгодится...

Ключник отбирает один конверт и начинает надирать его поперек узкими полосами. Из открывшихся маленьких кармашков высыпает в ладонь скомковавшиеся гранулы белой пудры, забрасывает всю горсть Стерве в рот и дает запить из подобранной у главаря фляжки.

Стерва кривится, потом по-рыбьи округляет губы.

- Ух... знал бы ты, что он в свою баклагу наливает...

- Ничего, тебе сейчас полезно.

Ванко рассматривает отброшенный изодранный пакет. Он умеет читать и может разобрать название: Кладид.

Черное и белое. Огонь и горечь. Мальчик слышал легенды о живой и мертвой воде. Мертвой действительно обрабатывали раны погибших героев, заставляя сойтись изодранные края кожи. Живой же кропили губы, возвращая жизнь омертвевшим членам. Чудесные снадобья оказались порошком. А может, просто время иссушило влагу из таинственных эликсиров? Воистину, чуден мир за стенами маленького хутора. Интересно, какое имя у черного средства?

А так ли важен мальчику ничего не значащий термин? Ключник вот, например, хоть и не алхимик, но смог бы вспомнить, да что ему с того? Вспомнить истинное имя Темного Духа, кого заточают в железные стены и под свинцовые пробки. Если Ванко спросил, солдат сказал бы - Кордит. Но когда бы он узнал, о чем размышляет паренек, то немало удивился - ни за что не пришли б самому в голову столь странные аналогии.

- Спасибо, - Стерва поморщилась и потянулась за флягой, - Дай еще глотнуть, кишки согреть.

Видно, что наемнице без засевшего внутри куса древесины стало полегче. Ключник снял крышку и понюхал содержимое:

- Да, отборное пойло.

- Хлебни и сам.

Но калека не хочет давать волю своим личным бесам.

Рахан покачал головой и передал сосуд девушке.

- Странная вы пара, - Стерва делает большой глоток, - что дальше со мной будет?

Видела бы она себя со стороны, куда уж страннее картина - за стеной частокола, в окружении горящих изб, сидят посреди хутора три непохожих друг на друга человека. Рядом разбросаны мертвые тела, кто просто так, кто укрытый саваном, еще больше пожирается погребальным костром, сложенным на месте бывших очагов. Обнаженная по пояс девушка с перевязанным плечом и флягой крепкого перегона в руках. Изуродованный калека в нелепом балахоне, занятый взведением самострела. Мальчик в добротной, слегка измазанной, крестьянской одежде, который старательно старается не бросать взгляды на наготу спутницы. Семья сумасшедших на трагически закончившемся деревенском пикнике.

- У меня к тебе ничего нет, - Ключник зарядил оружие и отложил в сторону, - С пацаном вы квиты, разойдемся каждый себе.

Солдат поднялся и начал собираться. Взял удобный заплечный мешок Серого, попробовал его сабли - нет, орудовать таким вооружением он, похоже, не обучался, отбросил в сторону. Сложил в подобранный берестяной колчан все найденные стрелы, прошелся по домам, которые еще не занялись огнем, вынес немного снеди и несколько плотных одеял. Набросил Стерве на плечи прихваченную где-то перелатанную куртку, положил к ногам чистую мужскую рубаху. Спасаться с идущего ко дну корабля было ему не впервой.

Все это время девушка сидела и рассматривала фляжку.

- Нравитесь вы мне оба, - подала она голос, - вот вам подарок: из ворот не высовывайтесь, напротив в лесу стрелок... Краб.

- А достанет?

- Есть из чего.

- Настоящее оружие?

- Угу.

- И что там?

- Я не очень разбираюсь.

- Хорошо, выйдем сзади через ограду.

Ванко посмотрел на спутника - уже знакомая искра мелькнула в глубине бесцветного глаза. Уходить они смогут только на лодке, а как выбраться к маленькому причалу, не появившись на открытом пространстве возле ворот? И интерес, так редко оживляющий взгляд калеки - нет, не пройдет он мимо затаившегося обладателя боевого артефакта. А раненная Стерва одна в лесу не выживет.

- Рахан, может возьмем ее?

Зачем спутники не нуждающемуся в общении бродяге? Ключник задумался, но до устья по течению дело нехитрое, а дальше и сами справятся.

- Пойдешь? - кивнул он наемнице.

- Ну спасибо, хоть малыш заступился. К людям выберемся, потом я вас стеснять не стану.

Маленький отряд по веревкам спустился с частокола, после чего Ключник оставил попутчиков у ограды, а сам лесом, в обход начал выбираться к месту, где со слов девушки, находился в засаде Краб.

Ходить по чаще, не смотря на хромоту, он мог не хуже настоящего охотника, передвигался быстро и бесшумно, ориентировался, словно в чистом поле, поэтому своего соперника обнаружил довольно быстро. Точнее, то, что от него осталось.

Почти на самом краю наступающего подлеска, на небольшом удобном взгорке копошилась над окровавленными лохмотьями громадная серая туша.

Наверное, калека был по-настоящему бесшумен лишь для несовершенных человеческих органов. Только он приблизился, как зверь оторвался от трапезы и поднял голову в сторону Рахана. Невиданный зверь. В холке почти по пояс взрослому человеку, тонкие поджарые лапы и широкая, покрытая густой жесткой шерстью грудь. Совсем не собачий, голый, как будто в чешуе, длинный и по-змеиному извивающийся, хвост. Вытянутая заостренная морда с рядами острых, истекающих кровавой слюной клыков, тонким, живущим своей жизнью языком. Волком это животное можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. Чудовище уставилось своими красными глазами с по-человечески большим белком вокруг радужной оболочки на замершего солдата. Тварь не собиралась делиться своей добычей, будь то ароматная сочная плоть или бесполезное снаряжение жертвы. При всей своей силе и ловкости Ключник в нынешнем состоянии не мог противостоять стремительной дикой энергии.

Зверь наклонил голову и утробно зарычал.

ГЛАВА 6

Нищий оборванец стучит своим издавшим виды посохом в окованные металлом

гигантские створки городских ворот. Бездомная псина клочьями шерсти на ошпаренных ребрах смущает взоры благополучных обывателей. Нужны ли вы в оазисе спокойствия и умиротворенной безмятежности? Добрый стражник, зевая, бросит вниз с высоты дозорной башни обглоданную кость. Иной угостит разящей сталью и станет лениво наблюдать, как верещит в агонии несчастная тварь. А слышали ли они о Четвертой печати, скрывающей под собой чуму и мор, смерть от голода, болезней и диких животных? Посмотри внимательно на бродяг, толпящихся у входа в твой дом. В лучах заходящего солнца в тени одного из них увидишь призрак Бледного Всадника Апокалипсиса.

Стая. Какая сила заставляет группу животных действовать настолько слаженно и эффективно, что опытные полководцы вынуждены признавать лучшую организованность и дисциплину в рядах обделенных сознанием тварей? Обученные, хорошо вооруженные отряды могут лишь защищаться и пятиться, отступать под напором неестественно многочисленного, до полусотни взрослых особей, сообщества ужасных псов. Вы можете представить стаю в пятьдесят голов? Пять, десять не больше. Конечно, такая прорва хищников не может прокормиться, находясь все время вместе. Поэтому, как правило, те, кого называют волколаками, рыщут по лесу тройками-парами, реже поодиночке. Однако каким непостижимым образом, при необходимости, эти твари могут собраться неизвестно откуда в количестве, соразмерном возникающей угрозе? Еще большее удивление вызвал бы у вздумавшего вдруг понаблюдать за поведением животных тот факт, что, при всей кажущейся рациональности в действиях, у них отсутствует всякая иерархия. Нет старших и младших, главенствующих и подчиненных, самое важное - нет лидера, Вожака. Стая - будто инструмент чьей-то злой или, скорее, чужой, безразличной воли. Глупые люди. Стаей движет один инстинкт, нет-нет, не убийства - щенячьей любви и преданности. Слепого чувства к своей Хозяйке. Конечно, когда они не ощущают рядом объект своего обожания, они способны на некоторые вольности - по сути, они ведь просто собаки, хотя и необычные. Хуже, если на грани восприятия, затихающим отголоском слышны обрывки тоски и невнятного призыва. Они ведь просто собаки и не способны читать мысли и понимать речь - только эмоции. Еще трагичнее, когда всем своим существом ни один из псов не в состоянии оценить - здесь ли Любимая, или они сейчас одиноки в этом маленьком мире, а чувства, пробивающиеся сквозь шум помех, исходят совсем с другого края Вселенной. Да, они убивают, убивают легко, играя, уходя от любого оружия, сводя с ума и предугадывая действия. Убивают для пропитания, но это чаще других животных, иногда подчиняясь безошибочному чутью, нашептывающему внутри голосу, что Так Надо, а бывает, и просто так - все в безумном мире подвержены стрессам. Но чаще они все же выполняют привычную работу. Помогают неведомому Пастуху, стеречь неразумное стадо, но не от волков - от самого себя. Когда голосом, когда зубами, и чем бестолковее и упрямее особь, тем через большую Боль ей придется пройти, прежде чем познать волю Пастыря.

Мало кому известно, но в иных реальностях, под другими звездами страшных псов прозывают не иначе, как Божьими Овчарками.

Нос лодки уверенно рассекает водную гладь, оставляя за собой две расходящиеся в противоположные стороны невысокие волны. Ванко низко склонился над бортом. Отражение колеблется, разбивается на части, разбегается окружностями под ударами крупных капель дождя. Дождь. Как давно ему стали доверять, а не прятаться в ужасе под крыши при первых брызгах? Дождь вперемишку с пеплом - еще не забыты темные подтеки сажи, что оставляла после себя падающая с неба вода. Тогда трудно было поверить в животворящие свойства влаги. Дождь не смывал грязь - он ее приносил. Грязь страшную, источающую странные болезни - слабость, головную боль и рвоту. Обжигающую, до волдырей, сочащихся гнойными выделениями, разъедающую волосы. Нет, далеко не каждое выпадение осадков сопровождалось такими испражнениями, но, единожды наблюдая такие симптомы, люди содрогались при виде первой капли. И медленно, очень медленно, в течение десятилетия учились потом без опаски подставлять лицо под упругие струи. Мальчик радовался дождю. Неосознанно, в глубине души каждого человека чистая вода - признак

обновления и возрождения.

Стерва тоже любит неспешным течением. Посередине челнока, прислонившись к борту и опустив кисть в прохладный поток. Сегодня ей уже лучше, спала горячка, охватившая девушку после ранения и мучившая всю ночь. Помогли ли лекарства, выбранные Ключником наугад, или крепкий организм сам справился с повреждением, кто его знает? Рахан утром размотал тряпки, осмотрел струпья, удовлетворенно хмыкнул и сменил повязку.

- Нормально.

- Шрамы страшные будут?

- Жить останешься.

Сейчас он клевал носом на корме, склонив голову после ночи у руля. Нипочем моросающий дождь, капюшон защищает от воды и скрывает изуродованное лицо. Вчера на рассвете, в робких лучах восходящего солнца, выбравшийся из леса Ключник выглядел несколько обескуражено. Хромал, опустив руки и не оглядываясь. Не ответил на вопросы, молча подхватил пожитки, проследовал к сходам, отвязал лодку покрепче и устроился у кормила. Всем видом показал, что расслабляться и ждать кого бы то ни было не намерен. Ванко со Стервой бегом бросились к суденышку.

Только отчалив и удалившись на приличное расстояние, Рахан позволил себе пояснить девушке:

- Волки.

- Что?!

- Волки. Волколаки.

- Много?

- Трое. Может больше.

- Не может быть. Как ты ушел?

- Просто. Развернулся и ушел.

- Так не бывает.

- Знаю. Они стояли и смотрели, рычали, - Ключник покачал головой, - недовольные, как будто подгоняли.

Стерва недоверчиво посмотрела на солдата:

- Где Краб?

- Он остался. На завтрак.

- А оружие?

- Не дали подойти.

- Странно, никогда не слышала, чтобы они добычу отпустили.

- Рахан, ты от них во второй раз ушел? - встрял Ванко

- Да ну? - наемница заинтересовалась.

- Было. Зимой ночью. Вели. Играли, как с мышью. Или гнали. Не поймешь - то обложат, то вытесняют, за ноги хватали вполсилы. Пока я огрызаться не начал. Убил... несколько. Тогда они озверели, откуда не возьмись, целая свора. Я с обрыва прыгнул. Так и не понял - сам спасся или все-таки выпустили.

Ключник поежился. Неприятные воспоминания даже для, казалось бы, лишенного чувств солдата. Как задавленный копошащейся массой, ломающей клыки о прочный доспех, с трудом, по дюйму, оставляя за собой след из крови, не только своей, ползет по снегу задыхающийся и с каждым клещением челюстей лишаящийся куска собственной плоти мужчина. Он движется к обрыву, крутым двадцатиметровым утесом нависающему над скованной белой броней льда реке. И там, на краю бездны, человек, окровавленный кусок мяса, раздираемый болью, взмахивает ножом, отбрасывает последним усилием несколько урчащих тел, подминает под себя крупного волка и хрипло смеется. Шаг, и он уходит. Вниз. Удары о промерзшие камни, сначала немного амортизированные сжатым в руках мохнатым туловищем, потом иссеченные ладони расслабляются, и уже ничто не защищает в сорвавшемся неконтролируемом падении. Треск костей. Тело отказывается группироваться. Короткая дорога длиною в двадцать метров. Высотой в двадцать метров. Мгновенья, но

каждый встреченный камень - яркая вспышка на растянувшемся пути. Вышибает дух соприкосновение со льдом. Облегчение, можно приоткрыть рот и выплюнуть режущие язык осколки зубов. Каждый вдох - преодоление огненных объятий. Пронзительный шум в сочащихся кровью ушах и где-то далеко, в недостижимой высоте, разочарованный вой. Протяжный вой - последний звук в утасующем сознании...

- Да, странные твари, - Стерва прерывает ход мыслей, - так это они тебя так? Да ты счастливчик. Знаешь, как называют их на юге? Адские Гончие.

Адские Гончие... Божьи Овчарки... Не слишком ли противоречивы эпитеты? А стоит ли вдумываться в такие мелочи? Дремлющему сейчас калеке, например, все равно, как именуют тварей, что до кости вонзали зубы в его конечности. И уж тем более, разглагольствовать в добро это или во зло и кому это надо он бы не стал. Оставим философам, нежащимся в благополучии и привыкшим делить мир на черное и белое, размышлять над подобными странностями. Тем же, смысл существования которых сводится лишь к выживанию, невдомек. Они не знают ведомого маленькой сове, сидящей на мохнатой ветке склоненного над водой дерева и внимательно, осознанно наблюдающей за неторопливым скольжением судна с тремя пассажирами. Известного, что нет преисподней, как нет и эдема, что посмертие всем одно, за исключением лишенных этого дара несчастных, и что роль в собственном упокоении каждый выбирает сам.

Позвольте... сова? Леса уже почти два десятилетия не наполнялись привычным птичьим пением, хозяева небес - драконы, парящие в недостижимой высоте, и никто не смеет соревноваться с ними, ни одной твари больше не дано право опираться лишь на воздух. А тут - сова. Впрочем, Стерва, заметь это странное создание, не придавала бы значения - в полете, расправив крылья, она ее не увидит, а так, сидящая на ветке, необычная, но ставшая обыкновенной, очередная прихоть сошедшей с ума природы. Ключник же спит и нет ему дела до этого маленького посланника из прошлого, поэтому оставим без внимания, в тайне, присутствие пернатого наблюдателя.

- Давно он с вами? - наемница спрашивает мальчика вполголоса, чтобы не потревожить кормчего.

- Недавно, в конце зимы вышел ночью к хутору.

- А подрали его когда?

- Тогда и подрали, все думали - умрет, отец потом говорил, как на собаке зажило.

- Да, рубцы то на свежие совсем не похожи...

Стерва задумчиво посмотрела на спящего. А ведь мир действительно полон ужасных существ и где гарантии, что ночные бредни не имеют под собой ни слова истины. Вдруг истории об оборотнях, вампирах и прочей нечисти не просто страшилки для темных поселян?

- Мальчик, а его ведь волколаки покусали.

Ванко вздрогнул. Да, рассказы об укушенных на хуторе слышали, но серьезно к ним никто не относился, а применительно к Ключнику вообще не упоминали. О сверхъестественных свойствах лесных обитателей, с другой стороны, говорили уверенно и сомнению тоже не подвергали. Вот так так... Мало мальчику одной загадки.

- Как он себя вел, ничего необычного? - еще тише, осторожно говорит Стерва.

- Раненный - лежал, без сознания, потом... разговаривал мало, в стороне держался, он очень слабый был, - паренек будто оправдывался, защищая друга.

- А когда напали, когда он дрался, как это происходило? - настаивает наемница.

- Ну... он с ножами хорошо может, и так, и метает метко, из самострела стрелял...

Ванко запнулся, вспомнив недавний ужас - склонившегося над трупом Рахана, черпающего ладонью кровь вперемешку с расщепленной костью и слизкими желтовато-серыми комками. Но то ведь отвратительный способ маскировки, не более, так?

- Что? - оживилась Стерва.

Мальчик рассказал, она лишь уважительно кивнула:

- Толково. Ладно, что там, все равно мы с тобой в этом ничего не смыслим, может и

правда - сказки, кто его разберет. В нормальной драке, без уловок, он, увечный, серьезной опасности представлять не должен, так что поживем - увидим.

Нельзя сказать что вчерашние события не оставили след в душе мальчика. Гибель отца, братьев, друзей, уничтожение хутора - от этого щемило сердце и временами так накатывало, что хотелось просто кричать, все слезы были выплаканы накануне, однако, увы, детям дано легче переносить горечь утрат. Вдобавок присутствие рядом Ключника однозначно действовало успокаивающе, за последнее время кажущийся беспомощным калека прочно вошел в жизнь и стал близким и родным человеком. Общение со Стервой тоже могло скрасить горечь, если бы не один момент. Вопрос давно вертелся на языке, казалось неудобным и страшно не хотелось его задавать, но Ванко решился:

- С... терва, - почему-то тяжело давалась такое обращение к девушке, - ты, это... ну... живая?

- В смысле?

- Не мертвая? Тогда, на ярмарке...

- А! - наемница неожиданно звонко рассмеялась, - повезло тебе с компанией - оборотень и нежить... Не бойся, никого там не убили, это было... представление. Для черни.

Мальчик облегченно перевел дыхание - странные у них все-таки представления, после чего, как прежде, устался на воду, ласкающую борта лодки.

Ключник спит. То есть не совсем спит - глубокого, расслабляющего сна, когда душа, если она есть, действительно отдыхает, уносясь в безоблачные дали, этого подарка, способного охладить воспаленный рассудок, он давно лишен. Его удел - балансирование на границе забвения и бодрствования, когда мозг будоражат полузабытые миражи-мысли, неотличимые от действительности, навеянные причудливыми капризами сознания. В данный момент, эхом недавнего разговора, он словно снова приходит в себя, распластанный на стылом панцире замерзшей реки. Приходит в чувство и видит в нескольких шагах безвольно изогнувшееся под неестественным углом косматое тело и пару живых, горящих в темноте, уставившихся ему в лицо разумных глаз. Взгляд, проникающий прямо в душу. Порождающий внутри сознания, не образы, не картинки - ощущения. Чувство сродства, некоей приобщенности, соучастия и единства. Неуловимая, как свет далекой звезды, печаль и плотно заволакивающее, зудящее сомнение. Рахан сжимает в непослушной руке нож - его рукоять ни за что, ни при каких условиях не способны выпустить привычные пальцы. Мужчина устал, предательски подкрадывается мысль: все, не двигайся, замерзание вкупе с потерей крови - легкий способ расстаться с жизнью. Но мгновенно нетерпеливая злоба, не своя, чужая, накатывает волной, смывая постыдную слабость.

Ключник пробует пошевелиться. Руки ноги слушаются, тяжело, больно, но непрерываемо исполняют волю владельца. Он пытается осмотреться - вокруг белая пустыня, тонущая в густой, непроглядной тьме. О нет! Никаких ориентиров - наверное, находясь без сознания, он еще двигался и удалился от берега. А волк? Он что, полз вслед? Впрочем, разве это не сон? Небо - плотно затянуто тучами, звезды не в силах подсказать дорогу. Вниз по течению реки, где-то совсем рядом, если верить потертой древней карте, поселок Ручей, к которому он стремился, вверх - Каймоново, в дневном переходе для здорового, подготовленного человека. Вот только кто знает в какой это стороне. Лежать нельзя, бездвижие - смерть, Рахан поднимается на четвереньки и направляется прочь от волка. Недовольное рычание. Чего тебе? Человек оборачивается и вновь упирается в холодный взгляд. Новые ощущения - раздражение, пренебрежительное превосходство над беспомощной тупостью. Тебе виднее, дитя природы, Ключник меняет направление - волк снова хрипит. Ключник тычется из стороны в сторону, пока вслед его движению не наступает тишина. Туда? Рахан еще раз оглядывается и чувствует удовлетворение и, в глубине, прежние тоску и сомнение. Видно волку лучше известно, что нужно делать человеку, мужчина сплевывает и начинает обреченно бороздить снег в указанном направлении. Снег, лед, мороз, то тупая, то резкая боль, очередная вспышка - сознание вновь покидает его. Но покидает медленно, еще слышны отголоски недавнего присутствия в нем

чуждого существа и на какое-то мгновение Ключник вдруг становится лежащим на льду волком.

Зверь тяжело приподнялся на передние лапы, задняя часть осталась лежать, неподвижная, заваленная на бок. Волк бессильно свесил голову его передернуло и вырвало кровавыми сгустками. Он еще ниже склонился, вонзил когти в лед и напрягся. Тело начала бить крупная дрожь, раздался хруст, спину дугой выгнуло вверх и хищник пошевелил задом. Поднялся, пошатываясь, подволакивая ноги, двинулся во мрак. Темнота. На этот раз окончательная.

Что это? Бред или воспоминания? Игра воображения, бессмысленное сновидение? Рахану очень не нравится то, что он видит, чем бы это не оказалось.

Сны, привычные Ключнику, они не несут успокоения, когда он очинается от дремы, термин "свежий и отдохнувший" никогда не характеризует его состояние. Зато, что бы не случилось, солдат приходит в себя молниеносно, словно и не грезил только что в бреду, а все время был в засаде, выжидая удобный момент. Полезная способность, однако отдал бы Рахан, что имеет, за присущую всему живому, даже растениям, возможность забыться в глубоком сне.

И сейчас, только на пути возникает малейший порог, опасная стремнина, кормчий открывает глаза, правит, меняет курс и снова проваливается в свое небодрствование.

Темнеет. Лодка скользит по воде, приставать к берегу на ночлег - непозволительная роскошь и неоправданный риск, поэтому пассажиры меняются ролями и теперь уже лишь один Ключник, болезненно изогнувшись, внимательно всматривается вперед. Стерва и Ванко, окутавшись в одеяла, вытянувшись в длину судна и прижавшись боками друг к другу тихо посапывают. Черная маслянисто поблескивающая вода, черное затянутое облаками небо, безмолвный черный лес на обступивших с боков сопках и белый плотный туман наползающий на зеркало реки с берегов.

Безмолвие. Одинокая лодка, как ладья Харона пересекающая лишенную брода реку Ненависть-Стикс и Ключник - ее безобразный кормщик. Тот, кто побирается медной монетой-оболом покойников, что кладут в рот умершему по древнему обычаю и который не гнушается извлекать костлявыми пальцами из-под распухших языков бесстрастный демон. Тот, кто везет бессмертные души к Залу Последнего Суда. Нелепая, жуткая аллегория, но лишь Грядущему известно, насколько верным может оказаться сравнение...

Путешествие до устья с одной остановкой в поселке Янталь для пополнения припасов заняло два дня. Не доплывая до первых безлюдных построек, Стерва потребовала причалить к берегу и там, потягиваясь и разминая отекавшие члены, посвежевшая девушка заявила, что была довольна компанией, но теперь, увы, их дороги вынужденно расходятся.

- Нравитесь вы мне, мальчики, но в Осетрово мне делать нечего, обойду стороной. На север, вниз по Елене, там, говорят края богатые, может замуж выйду, детишек напложу...

Стерва улыбнулась, потрепала Ванко за вихры и мельком глянула на Ключника. Лишенный эмоций взгляд в ответ. Мертвые, один на самом деле, второй такой же пустой и отсутствующий, глаза зомби. Девушке вдруг нестерпимо стало жаль паренька. Она увидела его судьбу. Ребенок, привязавшийся к одержимому, ведомому одному ему известной целью. Обуза, стесняющая одиночку в его походе в никуда. Мальчик никому не нужен в городе, но будет брошен, оставлен у дверей какого-нибудь трактира и будущее его - голод, прозябание и борьба за существование на задворках общества. Ключник лишь отведет его к людям, выполнив данный себе обет, отплатив за бессонные ночи, проведенные у постели смертельно раненного. Мужчине все равно.

Прощание затягивалось.

- Послушай, ты вообще - человек? - Стерва обратилась к камню.

Рахан всю дорогу говорил мало, вопросы чаще игнорировал, либо отвечал односложно, не утруждая извлекать себя из омута собственных мыслей. Однако сейчас снизошел. Взгляд в сторону девушки, направленный сквозь, вдруг сфокусировался и Стерва увидела человека, растерянного и грустного:

- Не знаю...

- Пацана пожалей, ты то точно плакать не будешь, гляди, может еще когда и встретимся...

Тень пробежала по изуродованному лицу. Ключник неожиданно обмяк, словно стержень выдернули из искривленного тела и оно безвольно повисло на своем посохе-костыле. Стерва с удивлением заметила, как слезятся, наполненные пониманием чего-то важного глаза солдата.

- Пока, парнишка, - девушка еще раз погладила плечо Ванко, недоуменно пожала плечами и двинулась прочь.

Сделав несколько шагов, она обернулась. В сторону города удалялся, хромая, опираясь с одной стороны на посох, с другой - положив руку на плечо мальчика, сторбившись плелся, опустив плечи, жалкий, беспомощный старик. Откуда ей знать, какой смысл можно вложить в незамысловатые слова прощания? Каких призраков вызывают они, за три года, слившихся в одно нескончаемое странствие, тысячу дней одинокого пути против ветров и выюг, за все это время бесед с единственным собеседником - самим собой, ставшие уже не словами, а лишенным обычного понимания заклинанием. Обретение умения думать - страшный, ненужный дар. Еще встретимся. Откуда это знать хрупкой девушке, самой, чтобы не сойти с ума просто забывшей свое прошлое...

Стерва забросила на плечо рюкзак и споро пошла в сторону леса. Осетрово, где ей на самом деле не очень хотелось показываться, лишь часть большого города, узкой полосой вытянувшегося на тридцать верст вдоль русла Куты до устья с Еленой, она выйдет к жилью много восточнее, там, где еще можно встретить действительно свободных людей.

Толстый Том среди проживающих близ стен Осетрова считался одним из самых преуспевающих. Большинство оставшихся жителей устья Куты, кому не посчастливилось найти места внутри отгороженной территории острога, основным занятием в период проведения ярмарки избирали предоставление ночлега прибывающим купцам. Но только такие прожженные дельцы, как Том, могли позволить себе содержать номера на протяжении всего года. В Осетрово, находящееся на пересечении торговых маршрутов, часто забредали разного рода путники, однако внутрь стен крепости, сформированных частью из высоких старых кирпичных зданий, переложенных в проемах уже послевоенной кладкой, а где и остатками разобранных деревянных изб, изобилующих в округе, так вот внутрь к себе горожане никого старались не впускать. За исключением особо важных гостей. Остальным же доставались места в нескольких гостиницах, которые содержались за счет города в неприбыльные времена, зато летом исправно делились выручкой в обмен на регулярное патрулирование. Такие постоянные дворы, разбросанные то тут то там на территории останков старого города протяженностью почти в день пути, обнесенные частоколом из все тех же разобранных покинутых домов, тоже являлись центрами с уютящимися вокруг обжитыми постройками. Заведение Тома находилось ближе всех к бывшему порту, а потому почти всегда наполнялось посетителями и процветало. Ворота его двора практически в любое время оставались открытыми, городская стража, да и остальные осетровцы, были завсегдатаями его таверны.

В общем, Том, стоящий за длинной стойкой и протиравший выщербленные бокалы, не жаловался на судьбу и мог себе позволить выбирать постояльцев.

Зашедшие внутрь зала из морозящих сумерек улицы двое ему не понравились сразу. Кому может приглянуться ссутуленный колченогий бродяга в поношенном тряпье и низко надвинутом капюшоне с чумазым мальчишкой, тащащимся следом. Нищим оборванцам можно найти место и поскромнее.

- Эгей, господа, - всем внешним видом, тем не менее, Том излучал профессиональную доброжелательность, - у нас нет свободных мест, пару верст восточнее есть другой двор.

- Мы только переночуем, хозяин.

Голос прищельца оказался глухой и невнятный, словно нечто мешало ему говорить, а ладонь в черной перчатке выглядела неестественно. Несколько позже Том понял, отчего в

первое мгновение укололо холодом при виде легшей на стойку руки. Да оттого, что кожа перчатки свисала на кисти складками, а тонкие пальцы лишь угадывались, создавая впечатление, что внутри одежд находится лишь костяк скелета.

Однако, под ладонью оказался довод, против которого Тому оказалось трудно возразить.

Содержимое вещевых мешков убитых наемников в основном не могло удовлетворить потребностей Ключника-воина, отшельника, но для обитателей цивилизованных мест оно было крайне необходимым. В качестве средств расчета здесь все еще использовали старые, истертые и в тысячу крат обесцененные деньги, но гораздо большую ценность сохранили испокон веков чтимые в этих местах маленькие кусочки мягкого желтого металла. Дороже было только оружие и лекарства. Сейчас на потертой поверхности поблескивали несколько немалых крупинок золота.

- Одну ночь? - переспросил трактирщик, смахивая в пригоршню оплату, что мог запросить и за неделю.

- Ужин, завтрак, обед и припасы на два дня.

- По рукам, - впрочем, жутковатую руку гостя Том бы пожать не решился.

Толстый трактирщик провел гостей в комнату и предупредил, что на ужин в его заведении начинают собираться, как окончательно стемнеет. Узкая каморка с единственным лежаком без каких-либо спальных принадлежностей, на две трети забитое досками пыльное окно, ржавая железная печь - так неприхотливо выглядят апартаменты одного из лучших постоянных дворов в округе. Надо сказать, после покачивающихся бортов лодки, Ванко и такие покои мигом показались уютными, а Рахану, видно, было все равно где коротать ночь. Ключник оставил утомившегося мальчика в комнате, пообещав позвать на ужин, а сам спустился вниз к занявшему свое место Тому.

- Хозяин, надо пацана пристроить, может, у тебя работа найдется.

- Своих дармоедов не прокормить, - трактирщик, не прекращая елозить тряпкой свою утварь, покосился в сторону гостя.

- Знаешь, кому надо?

- Продать хочешь?

- Дурак ты. С людьми оставить.

- Сам ты дурак - кому он, нахрен, надо, нахлебник, подумай сам, здесь народу и так навалом.

- Может, в Осетрово?

- Ты из какой глухомани приперся? Да вас и к воротам не подпустят, на копыа посадят.

- А что так?

- Город!

Не нравился Тому собеседник, сильно не нравился. Накидку с головы сбросил, рожа отвратная, нормальные гости придут - кусок в горло не полезет. Вопросы задает, словно деревенщина, но держится уверенно, будто трактир его, томов, забегаловка распоследняя.

- Слушай, хозяин, а если я за пацана приплачу, чтоб приютили?

Как есть, дурак. Денег оставит. Сам за порог, а мальчишку через день взашей выгонят. Сказать, или сам додумается, что нельзя в наши дни на честность людскую надеяться, продать не продадут паренька, но и кормить не станут - все сердобольные сами с голода пухнут. Том снисходительно глянул на гостя. Рахан оскалился:

- Ясно - без гарантий.

Правильно все понял, лыбится так, не простой бродяга, хотя, все простые давно костями по канавам белеют, а кто на дороге выжить смог - волк, не хуже тех, которые по лесу шастают. И не смотри, что калечный из себя. Трактирщик народу за жизнь повидал много, душевных историй наслушался немеряно и в людях по долгу службы разбираться научился. От нового знакомого исходил стойкий запах немытого тела, гари и неприятностей.

Бродяга бросил на столешницу горсть довоенных медных монет, взял горячего брусничного отвара, посидел, молча отхлебывая из железной кружки и рассматривая

старавшегося казаться невозмутимым хозяина. Том, однако, проявлять желание пообщаться не торопился. Одноглазый взял еще стакан для своего пацана, бросил: "жрать позовешь" и направился к себе. Трактирщика прям покорило - командует оборванец, как посыльным, но, избавившись от неприятного общества, все-таки вздохнулось свободно.

Само собой разумеется, к ужину напрягаться звать хозяин не соизволил и Рахан с Ванко вышли снова вниз лишь когда шум в зале явственно указал на начало трапезы.

Ключник спустился не спеша, мальчик следовал за ним, и внимание всех посетителей вдруг переключилось на его несуразную фигуру. Обычно такие уроды в уважаемом заведении Толстого Тома не появлялись. Еще раз гость вызвал раздражение хозяина, когда тот увидел, сколько он ест. Сухой и тощий, бродяга потреблял пищу в невероятных количествах, но не жадно, изголодавшись, а не спеша, тщательно пережевывая, долго, монотонно и не обращая внимание на то, что отправляет себе в рот.словно не дорогую собачье-свиную вырезку, коей славилось заведение, перемалывали иссеченные шрамами челюсти, а нечто совершенно заурядное или, наоборот, подобным деликатесом приходилось давиться гостю изо дня в день. В какое-то мгновение Том вдруг осознал, что плата за постой оказалась несоизмеримой с ущербом, который может нанести репутации заведения такой клиент. Откормившись, по другому это не назовешь, Ключник оставил своего пацана за столом, а сам начал нетактично-безапелляционно навязываться к другим посетителям с глупыми вопросами. Том, вопреки обыкновениям, прямо пожалел, что в таверне нет давешних завсегдатаев - городской стражи или дружинников новоиспеченного защитника Полка. Уж они-то бы успокоили беспардонного постояльца. Ключник развязано, ну принял бы браги, тогда понятно, а так ведь ни-ни, только отвар на травяном сборе, не взирая на недовольные взгляды, принялся вязаться и спрашивать. На очень скользкие темы спрашивать - как часто проходят караваны, сколько их обычно на ярмарку прибывает, есть ли постоянные обозы, случается ли такое, что пропадают гости, не выставляется на торгу товар, неизвестно откуда появившийся, рабы, например, или банды в местных краях чем занимаются, кто заправляет ими, тому подобные проблемы. Чушь, прямо в лоб вопросы задает, кто ж ему ответит, тем более у Тома влиятельные люди собираются, они во всяких сомнительных делах замешены, дурак кривой здесь не ответы найдет, а только проблемы, большие проблемы на свою голову. На свою, да заодно и трактирщику авторитет подпортит - вот, сука, ох, зря Том на барыш польстился, как бы хуже не оказалось по жизни.

Повидал хозяин двора всякого сброда, начинал ведь тоже с палатки задрипанной, последнему идиоту понятно, что творит урод колченогий полное безумие, за смертью гонится, но ведь до чего уверенно себя ведет - люди его назойливость терпят, так чего он, бестолковый, добиться хочет? Не иначе, самого Тома опозорить. Чешет затылок трактирщик и вздыхает - все, завтра с пустыми лавками встретит вечер его кабака, и хорошо бы, чтоб за прилавком остался старый владелец. Беда. Чего ему надо? На что надеется, думает, мол, да, ему ответят, ну, пощипали караван иноземный, добро себе прикарманили, рабов с молотка, охрану в реку... безумец. Вслушаться - по грани, на лезвии танцует ущербный, пацана бы пожалел:

- А правда, пропал перед самой ярмаркой торговый обоз богатый прямо здесь в устье? - спрашивает, да горожане за такие слухи похоронят в глубоком омуте, что ему ответят, ну, конечно:

- Чушь, слухи, уважаемый.

Дознатчик безумный.

А не понять Тому, хоть и опыта у него скопилось на десяток хроник, не постичь, потому, что в свои полвека возраста он чаще простое отребье встречал, не осознать - не нужны правдивые ответы оборванному бродяге. На честность в таких вопросах он и не надеется, а вот ложь, ложь Ключник как собака след ощущает. И тени, что в глазах мелькают видит, и изменения голоса да смятенные жесты примечает - чувства сейчас у него обострены, нормальному человеку и не снилось. По душам можно и потом поговорить, главное, найти с кем. Выследить и пообщаться наедине, используя богатый арсенал навыков, полученных

солдатом в далекие, еще довоенные годы. Знай об этом трактирщик, уже крутили бы руки Рахану дюжие помощники. Вот только справились ли?

Тем временем внутрь, к облегчению хозяина, ввалились четверо вооруженных дружинников - патруль. Теперь, с приходом в Осетрово Полка со своими, прежняя городская стража если и заглядывала к Тому, то просто отдохнуть. Защита внешних территорий осуществлялась только наемниками и с работой этой они справлялись почти без нареканий.

- Как дела, Толстый? - старший группы облокотился о стойку и подхватил горячую кружку настоя.

- Нормально, может, покрепче чего? - пришедший был из приближенных Полка, такому не грех и плеснуть за счет заведения.

- Не надо, всю ночь еще работать, ничего подозрительного?

- Ну... Постоялец новый, вон, кривой, - кивнул Том в сторону Ключника, - вопросы задает сомнительные.

- Посмотрим.

Дружинник медленно подошел к сидящему Рахану, навис над ним всей своей внушительной фигурой. Сзади подтянулись остальные патрульные. Ключник, не выказывая беспокойства, не мигая, смотрел снизу вверх.

- Откуда будешь?

- С запада иду.

- А ищешь что?

Калека неопределенно пожал плечами:

- Да так, знакомого хочу найти.

- Знакового?

- Он с караваном на ярмарку не дошел, вот интересуюсь, нельзя?

- Можно. Придешь завтра в город - расскажешь, что знаешь, может, помогут. А здесь людям отдыхать не мешай.

- Как скажешь, - Рахан отвернулся.

- Не кипятись, тут тебе все равно никто ничего не скажет.

- Да ладно...

- И вообще, смотри, у нас беззакония не потерпят.

- В курсе.

Дружинник еще постоял, покачиваясь на носках, рассматривая сидящего. Странно поговорили, не поймешь, но мужик вроде нормальный. Действительно - ладно. Он глянул на Тома, махнул рукой, мол, не беспокойся и быстро пробежался взглядом по остальным посетителям. И внезапно застыл на притаившемся в углу Ванко.

Мальчик тоже внимательно рассматривал патрульного. Первая встреча с отрядом Полка. Уж не этот ли человек гарцевал у ворот хутора, заговаривая зубы Сивому, да и потом всю ночь травил байки, развлекая поселенцев? Точно, он. Узнал, подойдет? Не пошел, вернулся к трактирщику, спросил что-то. Тот ответил, махнул рукой в сторону Ключника. Дружинник глянул, поскреб затылок, обменялся еще парой фраз, попрощался, кликнул своих да вышел. А ведь верно узнал. Рахана он тогда не видел, а мальчишка то постоянно рядом отирался. Ну и дракон с ним, не захотел приветить - его дело. Больно надо, Ванко возвратился к прерванному делу - смакованию сладкого и душистого горячего напитка.

Том удивился еще больше - патрульные на настырного постояльца никак не отреагировали, а пацан, его спутник, старшего заинтересовал. Видел где-то, говорит, но что примечательно - озабочен был, словно с привидением встретился. Дела. Надо признать, после беседы с дружинниками калека утихомирился, забрал мальчика и наверх поковылял.

- Спать будем, - буркнул Ключник, - завтра в город, задержимся тут, тебя еще, пострел, пристроить надо.

- Как пристроить? - Ванко даже ерзать перестал, укладываясь поудобнее под боком солдата на узкой койке, - Я с тобой.

- Нельзя со мной, опасно. Здесь спокойно, не пожалеешь, что остался.

Объясняться на такие темы Рахан и прежде не умел, а за последние годы и вовсе разучился. Он вздохнул, неловко погладил притихшего мальчика:

- Спи.

Где уж тут заснешь, лучший друг бросает как безделушку надоевшую.

Ворочался Ванко долго, слышал, как утихомирились внизу гости, как сустилась челядь, гремя посудой, грохнули ставни, прошелестели последние звуки шагов и наступила тишина. А паренек все не спал.

Мышинные шорохи за стеной, внезапно напряглось тело Ключника, однако Ванко не успел осознать, что происходит что-то ненормальное, как с треском слетела с петель хлипкая дверь. Рахан, впрочем, оказался на ногах еще раньше.

Разве встречается такое, что рефлекс человека предшествует действию, их побуждающему? Реакция бывает замедленная, бывает молниеносная, но кто-нибудь слышал о реакции-предчувствии? Способности заглянуть на мгновение в будущее, на долю секунды вперед, неосознанно отреагировать на опасность? Итог невероятной обостренности восприятия, умение уловить признаки скапливающейся в пространстве напряженности. Мечта любого бойца - знать куда ударит противник прежде, чем тот сам это поймет. Миф, сказка? Ключнику, похоже, такое удавалось.

Иначе чем объяснить, что лишь замахнулся снаружи неведомый нападающий, намереваясь высадить дверь, солдат уже прижался спиной к стене сбоку проема. Как калека ухитрился полоснуть своим тесаком нырнувшего снизу в изящном кувырке, полоснуть не наотмашь, куда придется, а коротко провести по горлу сгруппировавшегося человека так, что тот закончил движение и распластался, раскинув руки? А Рахан уже метнул нож в противоположную сторону, туда, где в узкое пространство окна вперед ногами влетал другой противник. И громоздкое оружие вошло в тело с хирургической точностью, не задев конечности, между ребрами. Тем не менее, все закончилось также быстро, как и началось. Потому что в затылок Ключнику из полумрака коридора уткнулось Оружие. Не грубый самострел или отточенная пика, а зловещее произведение мастеров погибшей цивилизации. Даже ни разу не видя до этого старое оружие, всегда можно понять назначение такого дышащего смертью предмета. Только загляни в черный зев, в бездонную глубину, способную выплюнуть огненный язык или еще неизвестно что, но многократно более убийственное, чем честная сталь кинжала. Она затягивает, эта дыра, гипнотизирует, лишает способности рассуждать и сковывает члены. На Ванко, по крайней мере, вид Оружия оказал такое действие.

- Руки! - невидимый владелец артефакта распорядился коротко и резко.

Рахан приподнял ладони вверх. Его слегка подтолкнули, он сделал шаг вперед, освободив место и из тени вышел вечерний дружинник. Его-то сжавшийся на кровати мальчик никак не ожидал здесь увидеть.

- На колени! - Ключник повиновался безропотно, с разрушительными способностями упирающейся в голову вещи он был знаком не понаслышке. Дружинник носком сапога подцепил голень пленного в районе щиколотки и забросил его ноги одна на другую, затем закинул на шею веревочную удавку и ей же быстро стянул запястья.

- Не рыпайся! - он подошел к одному распластанному телу, к другому, пощупал пульс, - Паскуда!

Прыжком оказался у беззащитного Рахана и ударил ногой в поддых, затем, уже упавшего, несколько раз пнул в голову.

- Не забей, - посоветовали снаружи.

- Пусть не надеется, я его еще долго кончать буду, забирайте мальчишку и этого волоките, разговор длинный намечается... Двоих людей! Из лучших, как я Полку в глаза смотреть буду?

С лестницы связанного Ключника сбросили. Толкнули вниз и спокойно наблюдали, как он считает ребрами растрескавшиеся ступени. Потом подняли пинками и вытолкали наружу, перебросили через луку седла и конными последовали в город. Ванко не били. Особо не

церемонились, но и жестокости, как с Раханом, не проявляли. До стен Осетрова добрались быстро, ворота перед наездниками открылись сразу, без вопросов, лишь застучали по каменным плитам подковы лошадей - ждали.

Мальчик сидел с несильно связанными руками перед одним из дружинников и смог с интересом, бояться он просто устал, рассмотреть каков он внутри - город в устье Куты. Подивиться было на что. Во-первых - чистота. Отсутствовали свалок мусора, что ржавеющими нагромождениями загромождали внешние территории, не встречались обожженные, полуразрушенные остовы зданий, дороги с тщательно заделанными выбоинами говорили о том, что за ними следят с должной аккуратностью - все в Осетрове создавало впечатление, будто осталось в прежнем, довоенном виде. Ванко бы не поверил, если узнал, что раньше здесь было даже хуже. Во-вторых - свет. Тускловатый, но мягкий и ровный, льющийся из расставленных вдоль улиц фонарей, из перевернутых стеклянных колб, из отдельных окон, не иначе - волшебный, тоже пришедший из прошлого. Завораживающий. В-третьих - стекла. Дома, каменные, высоченные, по пять, а некоторые и больше этажей, не палились на мир черными провалами битых окон, первые уровни, все заложенные кирпичом, а выше - бликующие в отсветах огней прозрачные стекла. Богатство. Да мало ли - если ночью город вызывает такие впечатления, то что можно сказать, взглянув на него днем?

Путешествие их скоро закончилось. Лошадей остановили у невысокого строения на берегу реки, ссадили мальчика и кулем сгрузили его попутчика. Старший ногой толкнул лежащего мешком Ключника, склонился над ним:

- Твою мать! Не дышит!

- Ты ему удавку ослабь, перетянуло, пока по лестнице кувырчался.

Дружинник потянул веревку - действительно, привязанные к другому концу заломанные назад руки при каждом неловком движении заставляли ее глубоко впиваться в шею. Рахан остался бездвижен.

- Сдохнуть вздумал? - Ключника хлестнули по лицу.

- Мэд, знаешь чем ты ему помочь сможешь? - усмехнулся кто-то, - Вдохни в его жизнь! Рот в рот!

- Счас сам к нему целоваться полезешь! Дыши, тварь! - старший патрульный что есть силы, сверху вниз, двинул калеку основанием кулака в грудь.

Рахан дернулся, закашлялся и судорожно начал хватать воздух давясь мокротами.

- Живучий, гад.

Ключник поднял голову и улыбнулся. Перекошенное страшное лицо, все окровавленное, черный неровный зев рта на маслянисто багряном фоне - так улыбаются призраки, демоны, отдававшие людской плоти. Или лютые звери, загнанные в угол многочисленными ловцами, но уверенные в собственной силе и превосходстве.

- Еще тебя переживу.

- Ах ты! - Мэд снова бросился на лежащего, но его оттащили.

- Прикончишь, а ему через пару дней еще с Полком толковать.

- Забей на него, Мэд, нам еще шалман трясти.

Дружинника кое-как успокоили, пленников заволокли в подвал и заперли в просторном сыром помещении с узкими зарешеченными окнами под потолком. Влажные стены и холодный каменный, в трещинах, пол, гнилостный запах нечистот и крыс - темница, как ее и привыкли представлять. Бесцеремонно брошенный лицом вперед, Ключник подождал мгновение после того, как закрыли за спинами двери, потом поднялся. Руки за затылком все еще были связаны, локти, правда, он все время, при любых падениях, плотно прижимал к вискам, защищая голову. Однако теперь солдат уже не выглядел столь беспомощным, как лежащий придушенным хлесткой удавкой. Рахан потянулся и сморщился, когда что-то закрипело в плече.

- Тебе не больно? - поинтересовался Ванко.

- Больно, конечно.

- Терпишь?

- Терплю.

Терпеть Ключник умел - зато он не мог терять сознание от боли, не обладал способностью при превышении предела чувствительности впадать в такое состояние, когда все уже все равно. Защитные механизмы, позволяющие облегчить страдания в угоду боеспособности, у него не работали. Боль - это злость, злость, обдуманная, холодная - это высокая эффективность действий. Отключать боль нельзя, боль - самосохранение, предохраняющее от неоправданного безрассудства. Невозможно обострить все чувства - слух, зрение, осязание и снизить восприимчивость нервных окончаний. Так рассуждали Просвещенные, мнения же Ключника об этом никто не спрашивал. А со временем можно научиться лишь безразлично терпеть.

- Развяжи, - Рахан повернулся спиной и опустился перед мальчиком на колени.

Ванко впился зубами в неподатливые узлы, долго жевал веревку, вращая челюстями и, наконец, замысловатое плетение поползло, потянулось застывшей петлей и, через минуту манипуляций, Ключник смог облегченно развести ладони, затем быстро развязал самого мальчика. Он еще раз повел плечом и вновь скривился, стиснул зубы.

- Что? - паренек встревожено заглянул в глаза.

- Ключица, по старому перелому разошлась, оно к лучшему, сейчас вправлю по-человечески.

Как можно править самому себе сломанную кость Ванко представлял плохо, но, на всякий случай, смотреть не хотел - боль, поди, жуткая.

- Не бойся, - Рахан сдернул с себя балахон и нательную рубаху.

Аккуратно, одинаково ловко пользуясь обеими руками разорвал рубаху на полосы и подал одну мальчику.

- Прихватишь здесь, как я скажу, - провел пальцем линию от локтя поврежденного плеча поперек туловища.

Боязно и любопытно - Ванко, не отрываясь, следил за действиями спутника. Тот свернул балахон в тугой валик, подложил под подмышку и здоровой рукой со стоном потянул больную вдоль груди.

- Вяжи! - мальчик, суетясь зафиксировал, а Ключник после плотно прибинтовал руку к телу, отчего вдобавок к хромоте на правую ногу, отсутствию правого глаза, оказался еще и со спеленанной левой рукой.

Кажется безумным желание человека, кому, судя по сложившемуся положению, и жить-то осталось недолго, за пару дней до смерти исправить дефекты своей осанки. Видимо, Рахан, испытывал сомнения на счет высказанных Мэдом обещаний, или приучился довольствоваться сегодняшним днем. Удивительно, увидев обнаженный торс калеки, Ванко впервые заметил изменения, происходящие с его другом. Тело уже не казалось болезненно истощенным - сквозь тонкую кожу бугрилась сухошавая гибкая мускулатура.

- Пацан, а дружинник ведь на тебя повелся, - Ключник поудобнее устроился на сваленном в кучу вонючем тряпье, - где вы с ним пересекались?

- Что? - не понял Ванко.

- Он тебя знает?

- Да, с Полком на хуторе был.

- Полк... Расскажи больше про него.

Мальчик начинает вспоминать, Ключник цепляется за подробности, переспрашивает, кивая головой самому себе. Хутор, ярмарка, Рахан умеет слушать, окончание торга, пленение и казнь... казнь? Стервы.

- Теперь про Краба.

Про Краба так про Краба, времени до утра много, а заснуть уже точно не удастся. Солдат слушает и хмыкает себе под нос.

- Что еще?

- Все... Нет! В лесу! Полк и... и Краб!

- Продолжай.

В это мгновение скрипит ржавый засов двери.

Интересно, отчего замки и петли темниц никогда не смазаны? Что мешает заплечных дел мастеру капнуть хоть дегтя на несложные механизмы? Наверное, нельзя. По каким-то загадочным правилам дверь в застенки должна открываться со зловещим скрежетом, услаждающим музыкальный слух палача и внося смятение в скорбное состояние пленников. Или ему некогда бегать с масленкой - все мысли заняты предстоящей Работой...

Дверь открывается. Ключник не реагирует - быть может, сейчас он не ждет опасности.

ГЛАВА 7

Бескорыстные помощники, адепты познания помогут тебе пройти таинственный ритуал. Вольют в твои члены утроенные силы, одарят звериным чутьем, сверхъестественной скоростью и ничего не попросят взамен. Ты застынешь на краю утеса, радостно ощущая пульсации мощи, и Город у твоих ног сможет надеяться на помощь. Но почему на грязных улицах при твоём появлении захлопывают ставни и матери с визгом тащат детей с пыльных мостовых? Недоумеваешь? Остановись на секунду и брось взор на дрожащее отражение в мутной луже. Отчего же отпрянул? Не нравится искаженная яростью морда, уродливый горб или когтистые лапы? Коварные шутки богов. Зато, может быть, это маленькое озарение отвлечет тебя от желания заглянуть в свою собственную Душу?

Огненный Сет, ставший дьяволом непосвященных, Сатана рабского племени. Прозываемый Лукавым, Локки, да еще тысячей имен. Бог абсолютной чистоты. Твоими руками иные творят поступки, что смогли бы бросить тень на жаждущих казаться Справедливыми и Непорочными. Кто, как не ты, Сет-Тифон, Тайфун, сметающий плоды досадных просчетов, очищаешь миры для следующих опытов. Как хаос - неизменное преддверие порядка, так и все новое невозможно построить без отрицания старого. Для тебя не существует понятий Честь и Грязь, стремление твоё - безучастная Истина и в этом ты честен. Тобой пугают слабых духом, ибо, да, выходя из-под контроля, сеешь безусловное уничтожение, стихийные бедствия идут вслед, а маньяки и самоубийцы признают своим покровителем. И на тебя сваливают неподъемное бремя необходимых, но сомнительных деяний. Бог-Разрушитель, трикстер, антагонист и соратник предвечного Созидателя, одинокий и гордый в своей незавидной участи, воплощение человеческого стремления к Свободе. Порождения твои - страшные, но сильные существа, хтонические чудища, волею предначертания призванные помогать зачинателю в самых мрачных, отвратных местах. Кто, из стоявших на пороге Аменти, не встречал твоего потомка - огнедышащего Кербера-Фенрира? Безобразное чудовище? Но сколько тоски и боли застыло в не знающих страха, безжалостных трех парах глаз Бессменного Стража. Глупец возразит - бесполезное создание, влачащее безрадостную жизнь у зловещих врат, пределы которых и так не отважится преступить ни одно живое существо. Неправда, ужасная тварь неразделима от Входа, мускулистое тело, рвущее стальные звенья, отточенные когти, оставляющие глубокие борозды в гранитных плитах - это лишь образ, символ могучей силы, связующей и разделяющей Две Стороны. И кому, как не ему предначертано, явив себя на поверхности, принять участие в Рагнроке - убийстве мира, убийстве ради возрождения. Насколько прочна цепь гномьей работы? А его эскорт - верные щенки, кровожадное племя, возвращенные на берегах Черной реки, уже рыщут меж реальностей, исполняя чужую волю. Не злую и не добрую, нет в Божественном ни Добра, ни Зла, потому и стая не носит в истинном прозвании своем присущности к Силам, а лишь принадлежность к месту обитания.

Не Божьи Овчарки и не Адские Гончие - рожденные в долине Стикса по праву носят имя Стигийских Собак.

- Продолжай, - повторяет Ключник, но внимание Ванко занято открытой дверью.

- Милости просим, - говорят снаружи и оттуда таким же образом, как накануне Рахан, появляется еще один гость.

Со связанными за спиной руками он бежит в попытке восстановить равновесие, спотыкается и падает, бороздя щекой по шершавому полу. Сзади скрежещет засов, а новый сокамерник, не шевелясь, смачно матерится.

- Помоги, - распоряжается Ключник.

Ванко подходит и расправляется с узлами, вновь прибегая к помощи зубов, потом с недоумением смотрит, как их товарищ по несчастью садится на полу и начинает массировать побелевшие ладони.

Кровь, текущая из носа, распухшая разбитая губа, глаз, заплывший пунцовым синяком, ободранная щека и сквозь эту маску - сверкающие в улыбке зубы.

- Тесен мир, мальчики!

- Угу, - кивает Рахан.

- Стерва! - радуется Ванко.

- Опять по уши в дерьме, - подводит итог наемница.

Некоторым свойственна незримая тяга к неприятностям и, как следствие, способность встречать друг друга в самых неподходящих местах. Можно как угодно долго рассуждать о хаотичном рисунке линий вероятности, помимо чужой воли складывающихся в узор, если не верить проповедникам, что на каждом углу твердят о предначертанном пророчествами. С другой стороны, вполне логично, что люди, представляющие опасность, должны в конце концов оказаться в тюрьме. Ключник догадывался кому и чем угрожает их присутствие.

Стерва вскочила на ноги и начала тарабанить пяткой в обитую железом дверь.

- Пить хочу, воды!

Через пару минут звенящего грохота послышались шаги с той стороны и девушку сначала послали в такие места, где воду найти несколько проблематично, а потом посоветовали уняться, пока ее не напоили чем-то, что навряд ли утолит ее жажду.

Стерва еще раз грохнула по металлу, неблагозвучно отозвалась о своих пленителях и о говорившем стражнике в частности, после чего бухнулась рядом с Ключником и прижала к себе Ванко.

- Вот уж не надеялась рожу твоего дружка снова увидеть, - шмыгнула она разбитым носом.

- Продолжай, - Рахан настойчиво вернул мальчика к прерванному разговору.

Сентенции наемницы он безразлично пропускал мимо ушей.

А Ванко снова вернулся на лесную дорогу.

- Мертвый! - хмыкнула Стерва, когда мальчик дошел до опознания Краба, - Как же!

- А ты его знаешь? - Ключник переключился на девушку.

- Кого, Краба? - она смешно округлила глаза и выразительно глянула на Ванко, ничего не помнит бедняга, видно, сильно по голове били.

Мальчик прыснул в кулак.

- Полка! - шутить Рахан был не намерен.

- Так видела на ярмарке...

- А вместе с Крабом?

- Ну чего ты привязался, мы что, в суде?

- Думаешь, еще отпустят? Так я расскажу, что ты с нами шла!

- Вот тварь!

- Ладно, и так все понятно. Не бойся - не моя это война, только пацана жалко.

- Пацана жалко, - согласилась Стерва, - я не знала, что все из-за него.

- Нельзя его было сюда вести.

- Я правда не знала. Ключник, а, ты ведь меня точно не сдашь?

Рахан тяжело посмотрел ей в глаза. Конечно, если это хоть как-то могло помочь в сложившейся ситуации, он, не задумываясь, рассказал бы Мэду или Полку о знакомстве с девушкой, а так...

- Смысла нет.

Стерва облегченно вздохнула, отсутствие смысла - убедительный аргумент для

рационального бесчувственного Ключника, она в это верила.

- Спасибо, тогда может и выкручусь, - наемница задумчиво посмотрела на темный потолок, - Полк и Краб, они вообще...

- Э, не надо, - прервал ее солдат, - лучше вон пацаненка научи, что говорить. Подумай, вдруг и его вытащить сможешь.

Рахан откинулся назад, вытянул ноги и мгновенно провалился в свою дрему - у Стервы даже предательски защемило в груди от подобного хладнокровия. Однако она не решилась бы спросить калеку: будь у него хоть мизерный шанс спастись, не отрекся ли б он и от девушки и от мальчика? Не решилась бы, потому что не знала ответ. Все таки легче оставаться героем, когда уже нет надежды. А надеяться Рахану не на что - слишком много крови, вдобавок, пока наемницу тащили сюда, она слышала краем уха, что солдат положил двоих из ближнего круга Полка. Но такое хладнокровие... даже какая-то беспечная невозмутимость... не будь он таким уродом, Стерва рисковала влюбиться по уши.

Ключник заснул, девушка задумалась. Действительно заступиться за Ванко? Так у самой положение шаткое. Но ведь свидетелей на хуторе больше не осталось, а мальчик что - ребенок неразумный, он и не понял ничего, и не рассказывал, может, никому. И то правда - Рахан только что узнал... а поверит кто? А если не выгорит - Стерве хана. Вот, черт. Думай, подруга.

Толстый Том обычно ложился поздно, вернее даже наоборот - рано, рано утром. Сначала надо дожидаться, пока угомонятся последние гости, затем проконтролировать уборку, после - посчитать прибыль, спланировать на завтра задания приказчику, в заботах до постели доберешься лишь перед рассветом. А сегодня еще и дружинники растревожили. Не зря беспокойно на душе стало, только увидел вечером того калеку с мальчишкой - пояснять, в чем дело, Мэд не стал, да только и дураку понятно, что гости его опасные люди были. За простыми среди ночи не приходят и после них в простынях завернутые тела не выносят. Да и шут с ними - стража свое дело сделала. А когда все проблемы позади, так приятно выйти во двор, в предрассветный прохладный воздух, вдохнуть полной грудью и выкурить не спеша маленькую трубку бесценного табака, что может себе позволить только преуспевающий человек.

Том не любил изменять своим привычкам. И сейчас, раскуривая люльку и потягиваясь, он с удовлетворением окидывал взглядом обширный двор. Том много добился в эпоху Конца света. Ворота высотой чуть не в два человеческих роста скрывают от внешних невзгод обширное пространство размером с поле для игры в мяч, постройки, хозяйственные и жилые окружают его, соединенные меж собой стенами каменной кладки. И везде порядок - крепкое хозяйство, надежный приют для любого путника. Только откуда шевеление в дальнем углу, там, где сваливают мусор, прежде чем вывезти подальше от трактира, не захламлять расчищенный вокруг стен участок? Темная тень копошится, роется, что-то вынюхивая. Здесь, внутри? Непорядок. Бродяга, нищий попрошайка забрался на территорию в поисках пропитания? А где матерые псы, что спускают на ночь с цепей? Может, загнали в конуры, когда нагрянули дружинники, да выпустить забыли? Кто-то из челяди заслужил серьезную выволочку, пусть дрыхнет пока. Все самому. Том нырнул в дом и через минуту показался снаружи с взведенным самострелом и двинулся к тени. В сереющем рассвете существо выглядело лишь сгорбленным сгустком мрака. Что оно там роется? Ищет остатки пищи?

Трактирщик уже подобрался на расстояние, с которого промахнуться практически невозможно, однако никак не мог рассмотреть свою будущую жертву. Он остановился, начал выглядывать, вытягиваясь, когда практически под ногами заметил одну из своих собак. Мохнатое тело в луже крови и голова, запрокинутая так, что кажется отделенной от туловища. А куска шеи, горла словно нет. Том попятился, тьма в углу потекла в его сторону и из сумрака сначала блеснули две красные точки, а потом медленно материализовался крупный широкогрудый и тонконогий зверь. Узкая морда и прижатые острые уши. Волк, имеющий, конечно, мало общего с обычными серыми хищниками, теми, что лишь иногда сопровождают таких тварей, скуля и заискивая. Волколак, как говорят охотники.

Надвигающийся неотвратно и не по-собачьи плавно, исподлобья буравя бесстрастным взглядом и по-змеиному облизывая тонким языком кончики острых клыков. Так близко к Осетрову эти порождения ада не приближались, не говоря уже о внутреннем дворе трактира. Если бы Том был трусом, он не достиг бы и малой толики того, что имел. Трактирщик дождался, пока зверь приблизится на дистанцию уверенного попадания, вскинул арбалет и спустил тетиву. Мгновением раньше волк, не прекращая движения, припал на правую лапу, стрела просвистела на дюйм выше плеча и с характерным звуком вошла в дерево постройки за его спиной. Сзади раздалось, Том готов был поклясться, хриплое хихикание. Вторая тварь вынырнула из темноты и отсекала путь к бегству. Трактирщик закричал, как кричат обреченные, отчаянно и безнадежно. Звери прыгнули одновременно, спереди и сзади, стальные капканы челюстей разом сомкнулись на руке, держащей разряженный самострел и на покрытом седой щетиной горле. Беднягу развернуло и он рухнул на землю. С последним выдохом, в угасающие глаза Тома безразлично, совсем по-человечески, посмотрел один из его убийц. Почему в этом взгляде трактирщику вдруг померещилось искривленное шрамами лицо давешнего постояльца?

Судьба выпавших на вопль домочадцев не многим отличалась от участи их хозяина. Твари ломались внутрь трактира и, как волки в овчарне, начинали безжалостную резню в тесном пространстве коридоров. Выжили в несчастном заведении лишь те, кто забаррикадировался внутри своих комнат и, трясясь от страха, забившись по углам, охватив головы дрожащими руками, скулили в тон скрежету когтей по дверям. Когда окончательно рассвело, страшные звери исчезли бесследно. Постоялый двор Толстого Тома стал первой жертвой нашествия.

Ключник спал, изредка судорожно дергаясь и скребя скрюченными пальцами тряпье под собой, Ванко подобрался к зарешеченному окошку, смотрел на утреннюю улицу и не мешал Стерве - она думала.

И снова шаги и снова скрип дверей, и Рахан, мгновенно очнувшийся, с интересом приподнимается на локте.

- Как дела? - на пороге стоит Мэд и оружие в его руках столь же неотвратно смотрит в лицо Ключнику, позади - так же вооруженные стражники.

- Мэд! - кричит Стерва и порывается броситься навстречу.

- Сидеть! С тобой после поговорим. Ты! - дружинник кивает головой калеке, - Сюда!

Тот не шелохнется:

- Тебе надо, ты и иди.

В два прыжка Мэд оказывается у Ключника, калека тяжело поднимается - левая рука плотно прибинтована к телу.

- Ну! - дружинник перехватывает оружие за два конца на манер обычного посоха и атакует - отталкивает от себя и бьет основанием. Рахан некоторое время уходит от ударов, блокирует одной рукой, сопротивляется неукротимому вихрю, но пропускает тычок и оседает на пол. Мэд добивает ногой, калека прикрывается, но от удара безвольно откидывается на спину. Победитель сверху, упирается в грудь подошвой и смотрит в глаза.

- Не так ты и крут! - Мэд удовлетворенно сплевывает и, развернувшись, уходит, - Завтра Полк будет, поговорим, а потом...

Пришедшие покидают темницу, но у двери остается ведро, наполовину наполненное водой.

- Зря ты его раздражаешь, Мэд вообще не такой плохой, только психованный, - лишь захлопнулась дверь, Стерва поспешила помочь Рахану.

Ключник между тем поднялся сам и сделал это легко и непринужденно, намного проще, чем при приближении дружинника. Вид он при этом имел такой, или это лишь показалось Ванко, словно втридорога продал стеклянные бусы деревенской красавице.

Что стоит пропустить пару ударов, продемонстрировать беспомощность и скованность в движениях, дать противнику ощутить превосходство? Да ничего, если это поможет в будущем заставить врасплох потерявшего бдительность. О таких вещах, конечно, Рахан

предпочитал не распространяться кому бы то ни было.

Солдат ослабил бинты внизу и освободил руку - выше локтя она все также оставалась плотно прижатой к телу, но предплечье оказалось подвижным. Ключник несколько раз сжал кулак, помассировал кисть, не две действующие конечности, но, если можно так сказать, полторы - это может оказаться неожиданностью при следующем визите. Рахан подождал, пока принесут ведро и напьются его сокамерники, затем не спеша сам утолил жажду, зачерпывая воду в пригоршню.

День потянулся монотонно. Впрочем, вся жизнь в последние годы стала монотонной и скучной, если не считать развлечением постоянную борьбу. Борьбу с голодом в безрезультатных поисках пропитания, попытках вырастить в изменившихся условиях хоть что ни будь, пригодное в пищу, найти корм, позволяющий выжить в нескончаемую зиму скудной и убогой скотине. Борьбу с природой, обрушившей сначала трое суток непроглядной тьмы, затем ураганные ветры, сметающие каменные постройки, как соломенные хижины и разносящие клочья пожаров по всей земле, а потом - долгую, долгую зиму и короткое лето, пасмурные дни и резкое похолодание, наступление ледников. Борьбу с болезнями - новыми, никогда не виданными, принесенными войной, и старыми, от которых не осталось лекарств, которые разучились лечить, уповая на всеобщее благосостояние. Борьбу с дикими животными, появившимися неизвестно откуда, яростными и неуязвимыми, и с теми, что делили раньше мир с человеком, но теперь словно озверели, почувствовав слабость бывшего хозяина природы. Борьбу со своими соплеменниками - напуганными, отчаявшимися людьми, которые в своей безжалостности в стократ превосходили любого хищника. Наверное, минуты бездействия и скуки теперь воспринимались как величайший дар, вожделенный отдых, пускай и отмеренный сроком заключения, вслед за которым - Пустота.

Стерва сочинила легенду и попыталась рассказать Ванко новый вариант развития событий на хуторе. Мальчик вроде бы все понимал, но, по натуре честный, лишь пытался повторить, изложить версию своими словами, начинал сбиваться и путаться. Наемница безрезультатно старалась подсказывать, переводить в нужное русло, до тех пор, пока к обучению в середине дня не подключился дремавший до этого Ключник. Он уселся напротив паренька, взял за плечо, уставился в глаза и, чуть раскачиваясь, медленно, тягуче повторил несколько раз Как Это Было. Не просто перечислил факты, придуманные Стервой, а рассказал до малейших подробностей, вплел в текст чувства и эмоции, кои должен был испытать ребенок в тех или иных ситуациях, добиваясь того, чтобы правда в воспоминаниях тесно переплеталась с элементами вымысла.

- Ты испугался, ты очень испугался, ты зажмурил глаза, ты сильно испугался? - почти на распев декламировал Рахан.

- Да, испугался, - заморожено, будто сонный, эхом отзывался мальчик.

Закончив с таким обучением, Ключник поменял тактику и начал допрашивать вышедшего из транса Ванко. Он резко и грубо, цепляясь за все те же мелочи, чуть не доводя до слез вытаскивал из мальчика втолкованную информацию. В конце дня паренек уже сам поверил, что в глаза не видел Стервы на хуторе, к Рахану прибилсл случайно, путешествовали они вдвоем, встречу с Полком, ну да, вроде помнит, значения не придал, никому не рассказывал, наемницу знает, конечно, с ярмарки, испугался только, думал мертвая, и так далее. Стерва слушала и диву давалась - сама считала себя хитрой и изворотливой, но по умению лгать ох как далеко ей было до кажущегося прямым и далеким от интриг Ключника. Побывай она, как Ванко, рядом с солдатом во всех описываемых событиях, быть может, уже не так удивлялась бы контрастам в его действиях и поведении.

Вечер наступил незаметно. Никакой еды за день так и не принесли, словно забыли о пленниках, но особого дискомфорта это не вызвало - день голодания, не самое страшное испытание для привыкших к более жестоким лишениям людей. С приходом темноты обстановка, по крайней мере на улице, оживилась. Стерва и Ванко прилипли к маленькому оконцу и всматривались в растревоженный муравейник города. Топот ног и отблески

пылающих факелов, крики, грохот и громовые раскаты - все говорило о том, что не все ладно за стенами Осетрова.

- Что у них там? - переспрашивал Стерва у Ванко, вслушивающегося в доносившиеся с улицы обрывки команд и выкриков.

- Держать прорыв... перебросить людей... прикрывать... ругаются, - пересказывал мальчик.

Ключник спал.

Суэта не прекращалась всю ночь, а ближе к утру шевеление за стенами темницы возвестило о скором прибытии гостей. Рахан ожил также молниеносно, как и всегда, и с неестественной хромой грацией ринулся к двери и замер в темном углу рядом со створом. Заскрипели петли, в отворившемся проеме возникла рука с факелом. Пришедший не спешил оказаться под сводами камеры - сначала он попытался осветить внутреннее пространство, не переступая порог. Ключник не дал ему это сделать. Он перехватил руку противника и резко дернул на себя. Ночной гость с треском приложился лицом в косяк и стал заваливаться назад. Солдат уже был в проеме и вновь потянул противника к себе и, когда тот практически навалился на него, зацепил за затылок наполовину прибинтованной рукой, сделал шаг назад и с силой опустил на выброшенное вверх колено. Хруст в районе лица прозвучал еще отчетливее, практически одновременно Ключник свободной рукой вцепился за пояс, сделал какую-то немыслимую подножку и захватывающим кульбитом отправил гостя на середину камеры. Это, как и все, что творил калека во время драки заняло мгновенья - Стерва не успела и рта раскрыть, как Рахан уже был в коридоре, готовый заняться спутниками вошедшего.

Там было пусто.

А сзади, внутри темницы, зашевелился и начал подниматься поверженный противник. То, что он нашел в себе силы после столь чувствительных ударов, делало ему честь, однако продолжать схватку с неистовым Раханом казалось, по крайней мере Стерве, сущим безумством. Тем более последний оказался рядом и уже заносил ногу в крепком тяжелом сапоге. Следующий удар гость не пропустил - отбил скрещенными руками, сам, не вставая, крутанулся на корточках и подсек Ключника. Высоко подбросив ноги, солдат ухнул вниз, но не плашмя, а, изогнувшись, на лопатки, пружиной выпрямился и, как мячик, отскочил назад, перевернулся и замер в боевой стойке. На долю секунды противники застыли друг напротив друга.

- Угомонись! - начал было вошедший, но Рахан уже атаковал.

Начавшийся бой заворожил и повидавшую всякого Стерву и не искушенного в стилях мордобоя Ванко. Это не было похоже на ярмарочную кулачную драку, когда соперники кружат друг напротив друга и обмениваются тяжелыми ударами, лишь изредка подключая ноги. Это не было борьбой, когда противники, сопя, сцепляются друг с другом и подсечкой норовят бросить вниз, взять на излом конечность. Это не было ни тем, ни другим. Это был Танец, в котором недруги состязались в ловкости и рациональности движений. Где ошибившийся получал удары, от коих нельзя было увернуться, повинувшись собственной инерции оказывался в таких положениях, что встреча с полом либо стеной, или кулаком неприятеля сулила непоправимые повреждения, подвергался захватам, в которых лишь нечеловеческая сноровка и выносливость партнеров позволяла не остаться без конечностей. Страшный, но увлекательный гибельный танец. И Рахан в нем проигрывал. Пришелец постепенно отходил от первого потрясения, а Ключник, хромой, пусть хромота его странным образом и попадала в резонанс с обманными раскачивающимися движениями, практически однорукий, хотя скованная по локоть рука прекрасно отражала нападение на среднем уровне, Ключник медленно сдавал позиции. Однако у опытной Стервы откуда-то создалось впечатление, что противник нет, не щадит старого солдата, но ведет бой ювелирно - так, чтобы свести количество наносимого вреда к минимуму. Рахан, напротив, действовал с беспощадной жестокостью, любая помарка со стороны оппонента грозила не просто травмой - смертью. Это не могло долго продолжаться и это закончилось: в неуловимое мгновение

другу Ванко не хватило стремительности и он оказался на коленях, с заведенной за спиной рукой, и сдавленным изгибом локтя горлом. Более того - неизвестно откуда возникший в охватившей шею руке неприятеля внушительный тесак гипнотически поблескивал лезвием перед глазами.

- Ключник, уймись, я тебя не убивать пришел! - прошипел гость.

- Ну вы, мальчики, даете, - ангельским голоском пропела Стерва.

Она бывала свидетельницей, что может творить с врагами Лекарь, но впервые встретила человека, который, учитывая собственную неполноценность, смог продержаться против него столько времени. От Рахана она такого точно не ожидала, и теперь, наконец, поняла, кого тот напоминал ей все время своей сонной неторопливостью - конечно же Лекаря вне вспышек его боевой активности!

- Все, Ключник, отпускаю! - предупредил ночной визитер - Док.

- Да, все, - прохрипел придушенный калека и свободной ладонью прибинтованной руки похлопал по локтю дружинника.

Только Лекарь выпустил Ключника из своих объятий, тот откатился вперед и развернулся, замер, готовый к прыжку, бешено вращая налитым кровью глазом. Лекарь же, где стоял, плюхнулся на пол и свесил с коленей ладони, поигрывая зажатым в кончиках пальцев тесаком. Досталось ему изрядно - красные подтеки из обеих ноздрей, из переносицы между заплывающих не хуже, чем у Стервы, глаз кровь тоже чуть не толчками все лицо заливает, зубы пошатал, вроде на месте. Рахан, не мигая, следил за движениями Дока.

- Хороший нож, наш? Как ты его сохранить ухитрился? - спокойно поинтересовался Лекарь.

- Это все, что у меня осталось, - тяжело дыша процедил Рахан.

- У меня и этого не нет.

- И!? - пожал плечами калека.

- Да лови! - без замаха, лишь поведя кистью, Лекарь бросил нож вперед, он несколько раз перевернулся в воздухе и упал ровно между ног Ключника.

Тот не пошевелился.

- Мальчики, а вы знакомы? - нарушила молчание Стерва.

Док посмотрел на нее. По-доброму, по-отечески и слегка улыбнулся. Девушка заткнулась.

- Док, что ты хочешь? - Рахан уже контролировал себя.

- Ключник, хреново все вышло.

- А то! Я только защищался.

- Да знаю - пацан твой, вон, совсем не в тему нарисовался, а меня тогда рядом не оказалось.

- И что, сразу весь хутор на пики?

- Все равно надо было кого-то прижать для острастки, они и ломанулись...

- Грязно твой Полк работает.

- Тут больше Краб, а Полк решил - сам засветился, пусть сам и разруливает... Разрулил.

- Бля, мира и развития они хотят... - Ключник выразительно покачал головой.

- Что ты понимаешь, такое сейчас время, нельзя рыцарем в белых доспехах, только силой... Чего я перед тобой оправдываюсь, - видно, Лекарю и правда было неловко, - тебе же все и так похрену...

- Похрену, - легко согласился Ключник, - пока меня мордой по ступенькам елозить не начинают.

- И тут говно... - вздохнул Док, - хотя с твоей способностью находить приключения на жопу... Далось тебе это Осетрово, валил бы стороной...

- Значит, надо было, - резко прервал Рахан.

- Все бы нормально вышло, только Полк вниз по Лене пошел, мне навстречу, я там в Улькане гостил, смотрел, как люди обустроились. А Мэд, он отмороженный, когда без присмотра. Тут и Краб без вести пропал, и пацан твой замаячил, и ты двух людей в

пустяковой операции положил - у любого крыша зашевелится. Мы только пришли, еле прорвались - я сразу к тебе.

- А Полк что не соизволил?

- Он сожалеет, что так вышло, и не может - в городе завал.

- А что там?

- Бред какой-то. Волки, новые. Как взбесились. Людей жрут, стая пришла, предместья все вырезали, на стены бросаются, даже тут, внутри откуда-то появляются. Я и раньше догадывался, что не простые мутанты, а сейчас... бред! - Док был растерян.

На Ключника вдруг накатил волна той звериной тоски, что испытал он, будучи во сне этим самым волком. Он потряс головой, отгоняя наваждение.

- Давай по делу, Док.

- По делу, так по делу. Смерть твоя никому не нужна, пацан тоже пусть живет, но, понимать должен, в Осетрово вам заказано. Ты уходишь, вещи там, за дверью, все, что у Тома забрали да я жратвы еще подбросил и так, по мелочи. Уходишь сам, прикрывать не стану.

- Чистым остаться хочешь?

- Ты знаешь сколько наших людей положил?

- Не надо за мной трупы считать - я двадцать лет назад сбился!

- Ладно-ладно. Уходишь сам, и уходишь вверх по Куте, лодку на пристани возьмешь, тут такая неразбериха, может и незамеченным получится. Вверх погони не будет, - Лекарь смотрел прямо в глаза, - но в поселках лучше не показывайся, сдадут - мыотреагируем.

- На запад гонишь? А ты подумал, что мне там с ребенком делать?

- Ключник, это единственный вариант. В этих местах пацану оставаться нельзя. Доберешься до Разлива, сворачивай на юг, сможешь дойти до гор - там и люди живут, и чисто. А здесь мальчишке смерть - много знает.

Рахан задумался. Он не сделал того, что хотел в Осетрово, и шансов исправить положение сейчас не было. Слишком примечательный, да еще с мальчишкой - они действительно сильно рисковали на подконтрольных Полку территориях. Конечно, в одиночку такие мелочи не смутили бы солдата, но Ванко... бросить его, не оставить на попечение пусть и в сомнительном окружении, а бросить без возможности выжить, поступить так он уже не мог. Значит назад, отступать на запад, вытаскивать парнишку, а потом возвращаться и начинать все сначала. Подобное в планы Ключника не входило. Конечно, был еще один вариант...

- Ключник, время! - поторопил недавнего противника Лекарь.

- У меня есть выбор?

- Нет. Я сейчас уйду, ты выдвигаешься минут через пять, выход свободный - все на стенах.

- Последний вопрос, - ни один мускул не дернулся на и без того неподвижном лице, хотя внутренне Рахан напрягся, - что с ней делать собираешься?

Пленник кивнул в сторону Стервы и этим дал повод задуматься Лекарю. Наемница во всей этой истории тоже элемент нежелательный. Ее отряд погиб, а она выжила, к своим не вернулась, пробиралась на восток, но это все еще цветочки. Ягодки - то, что она узнала сейчас. Доку свидетели не нужны, а значит наверняка девушка приговорена.

Стерва пришла к таким же умозаключениям и молнией рванулась мимо сидящего Лекаря к открытой двери, но Рахан, Рахан!, подсек ногу наемнице и мгновенно оседлал ее, прижав к полу.

- Отдай девчонку мне.

- Ха, и когда это вы спелись?

- Мы шли вместе от хутора.

Все становилось на свои места и, похоже, устраивало Дока. Ключник, заметив это, облегченно вздохнул.

- Ну?

- Девочка, - Док обратился к Стерве, - ты все поняла?
- Твари вы, и Полк, и ты, и урод дружок твой, - тащиться на юг у наемницы большого желания не было, но ситуация к капризам не располагала.

- Она согласна, - Рахан похлопал девушку.
- Да? - деланно удивился Лекарь
- Да! - судя по тону, к такому ответу Стерву вынуждала тяжелая рука Ключника, сжимающая плечо.

- Смотри, сама сказала, встречу - убью, - от наигранности Дока не осталось следа и он встал, - прощай, Ключник.

- Прощай, - Рахан проводил Лекаря взглядом до дверей и там окликнул, - Док!

- Ну? - тот обернулся

- Полк - Полкан?

- Да... то есть нет, не наш Папа, так, просто мужик толковый, до войны командовал... топтунами, кажется.

- Ааа, ну, пока.

- Пока, - и Лекарь быстро скрылся за поворотом коридора.

Ключник слез со Стервы, встал и молча выслушал все, что думала девушка по поводу его лично, перспектив совместного путешествия и местных порядков. Ключник не реагировал, но когда наемница остановилась перевести дух, кивнул Ванко:

- Пошли, - мальчик беспрекословно двинулся рядом, девушка, вздохнув, поплелась следом.

За дверью в тускло освещенном коридоре на самом деле оказался мешок Рахана, набитый много плотнее, чем раньше, рядом лежал другой мешок, поменьше, предназначенный, очевидно, для Ванко, и два толстых связанных в кольца одеяла. Солдат покопался в мешках, рассовал некоторые предметы по карманам, снарядился сам и бросил второй комплект Стерве, мальчик остался налегке.

- Уходим.

Дорога наверх много времени не отняла и, несколькими мгновениями позже, беглецы оказались на тускло освещенной улице. Ключник задержался, осмотрел фонари и хмыкнул:

- Могут, если захотят... Где здесь река?

- В ту сторону, - кивнула наемница, - там и пристани.

Бегом, стараясь держаться темной стороны, спутники добрались до портовой зоны. Старый, настоящий порт находился выше, загроможденный большими, давно уже не используемыми судами, а здесь вероятно раньше была пристань для легкой частной флотилии. Небольшие лодки, покачивающиеся на волнах казались хрупкими скорлупками рядом со ставшими на вечную, наверное, стоянку баржами с обшитыми железом бортами. Однако отдельные шлюпки были очень неплохи - удобные для путешествия троих человек, но не настолько большие, чтобы нельзя было идти на одной паре весел, они вдобавок были оснащены еще и парусами. Удивительно, но за всю дорогу беглецам навстречу не попала ни одна живая душа и порт тоже встретил их гробовым безмолвием. Ключник привередливо исследовал все суда и наконец выбрал лодку, по одному ему известным признакам отличающуюся от остальных.

- Ты под парусом ходить умеешь? - окликнул он Стерву.

- Не-а, - протянула девушка.

- Будем учиться, - Рахан забросил под лавку вещи и сел на весла, - отвязывай.

Стерва, недовольно бурча, полезла к носу и сразу же чертыхнулась:

- Во, смотри, уплыли! - лодка соединялась с пирсом толстой ржавой цепью со здоровенным, не менее ржавым замком.

Ключник, вздохнув, тоже перебрался в носовую часть.

- Видал? - наемница провела ладонью по ряду колец, вбитых в камень пристани, и свисающих с них цепей, - Здесь тебе не хутор - бери не хочу!

Рахан молча подергал звенья, "Ну-ну, может, порвешь?" - усмехнулась Стерва, потом

осмотрел замок. Потянулся и достал нож, что отдал ему Лекарь.

- Как я сразу не догадалась! Разрежешь! - не унималась наемница.

Калека аккуратно отцепил тонкое колечко, закрепленное у рукоятки, легко выпрямил упругую проволоку и отогнул кончик.

- О! - Стерва откровенно потешалась, до тех пор, пока Рахан не вставил импровизированную отмычку в скважину и, после трех-четырех ковыряющих движений, не отбросил дужку замка.

- Не зря тебя Ключником прозвали, да? - только и нашлась девушка.

- Наверное, - проворчал Рахан, - гребем.

Одетый в камень берег негостеприимного Осетрова начал медленно удаляться.

Не один здравомыслящий командир не отваживается вести своих людей в ночную атаку. В темноте приходят лишь тати, уверенные в беззащитности своих жертв. Бой ночью - почти наверняка безумная резня, где рубят наобум, не разбирая своих и чужих, оскальзываясь в крови и повинаясь лишь инстинктам. Нет, благородные воины строят свои полки в свете дня, блеске начищенных доспехов и пестроте плюмажей. Война прекрасна под басовитую дробь барабанов и мерную поступь закованных в броню лошадей. Так романтично, когда сотни веллитов единым движением натягивают свои луки, а лавина конницы с шага переходит в галоп. Прекрасно и романтично до тех пор, пока первая стрела не найдет незащищенную плоть, а остановленные частоколом копий всадники не покатаются кубарем под алебарды пешего строя. Но даже тогда в войне остается нечто... честное. Увы, сейчас так не воюют.

Нападающие - не воры и не воины, ночь для них - лучшее время суток, мотивы - неподвластны человеческому разуму. Они научили людей воевать по-своему, в ужасе защищая свою шкуру и забыв о достоинстве и жалости. Благородство, как же. В город пришли дикие звери.

Ключник смотрел на Осетрово и видел вспышки огня, а иногда и светящимся пунктиром рассекающие тьму трассы, он слышал глухие хлопки и дробные трели - наверное, ситуация вынудила оборонявшихся прибегнуть к помощи бережно хранимого оружия предков. А еще он чувствовал. Чувствовал отрешенную радость хищника, уловившего отчаяние в глазах жертвы, и яростный азарт борьбы с не поддавшимся страху. И хотел, хотел оказаться там, выныривать из тьмы в растерянную толпу и терзать, кромсать податливые тела. Нет, конечно, его еще не изгибало колесом и внезапно растущие мышцы не рвали в клочья одежды. Косматая шерсть не покрывала лицо и пальцы, удлиняясь, не превращались в когти. Просто он ощущал зловещие эманации, исходящие от кровожадных тварей. Странная связь возникла между человеком и волколаками. Что вело этих чертовых псов по стопам Ключника и какая страшная печать лежала на нем? Он бы схватился за голову, если бы одна рука не была, как и прежде, зафиксирована повязкой, а вторая не лежала на деревянной рукояти.

Ключник со Стервой налегли на весла.

ГЛАВА 8

Лютый зверь, ненавидимый всеми, припав к земле, неотрывно следует известной лишь ему путеводной нити. Он может сбиться, может потерять след, но толи сверхъестественное чутье, толи воля провидения все равно неумолимо подталкивает его в нужном направлении. Препятствия не в счет - он беспощадно сметет каждого, осмелившегося преградить дорогу. Тварь клином разрывает реальность, оставляя позади лишь смерть и пустошь. Но не смей рассуждать о торжестве Тьмы. Гроссмейстер тоже сначала убирает с доски фигуры, прежде чем начать новую партию.

То было великое время, воистину. Пускай говорят, что люди утратили веру и отвернулись от богов - в вещественном мире им оставался лишь шаг, чтобы самим стать Творцами. Вера? Зачем питать своими эмоциями нематериальные сущности, принимающие

разные обличья ради неведомых целей. Помни, понятия Добра и Зла придумал Человек. Люди шли к счастью, добиваясь всего своими руками. Общечеловеческие ценности - откровения и заповеди, навязанные свыше? Нет, просто нормальные принципы жизнедеятельности, направленные на всеобщее благосостояние. А многочисленные храмы распространенных и не очень религий, разбросанные то тут, то там? Седобородые прелаты давно забыли, какого поклонения требуют боги. Да и вдумайся - кому возносят молитвы у золотых алтарей? Мессии и Сидкхарты, Воины Духа, Пророки, разве были они богами? Они люди! Люди верили в людей, а боги, истинные боги, отвернулись от мира, но это не принесло несчастий. Человек сам, без посторонней помощи, покорил землю, небо, море, научился подчинять себе духов энергий, еще какой-нибудь век, и человечество достигло бы своей золотой эры. Если бы не пришла беда. Надо признать, боги здесь были не причем. Люди винили людей, но кто знает... С одним нельзя не согласиться - человечество было отброшено назад и получило болезненный удар. И вновь стало нуждаться в богах. Нуждались ли боги в людях? Но при этом связи с потусторонним лишь укрепились. Мир практически вернулся к первородному состоянию, освобожденные океаны энергии истончили мембраны реальностей и сюда, как прежде, давным-давно, вновь нашли дорогу самые диковинные твари. И речь идет даже не о пресловутых волках - теперь ведь мало кто изумляется, услышав о виденном в лесу грифоне или, например, единороге. Конечно, полагать, что грифон - просто крылатая кошка, а единорог - рогатая лошадь нелепо, эти образы лишь попытка человеческого воображения овеществить Непознаваемое.

Однако самые удивительные существа, всеми виденные вдали, но ПРАКТИЧЕСКИ никем не рассмотренные воочию, явились в мир совсем другим путем.

Неподъемное бремя - ответственность. Когда собственная жизнь давно обесценилась в своих же глазах и единственное, что еще удерживает на этой стороне - призрачная цель, в глубине души самому не понятная одержимость. Когда абсолютно все равно, в каких условиях придется коротать ночь или чем удастся пропитаться - присутствие рядом двух человек, нуждающихся в твоей помощи, кажется досадной обузой. Именно поэтому командование маленьким отрядом после дня пути взяла на себя Стерва. Ключник послушно работал веслами, помогал осваивать парус, но сам находился где-то далеко - совсем в другом месте. Только Ванко иногда удавалось выдернуть угрюмого спутника из глубин безразличности.

Мальчика интересовало абсолютно все - непривычная культура города и непонятные цели Полка, слышанные обрывки мифов и суть природных явлений. И если первые вопросы та же Стерва старательно игнорировала, то о строении мироздания девушка пыталась рассуждать. Увы, знания девушки ограничивались не менее обрывочными сведениями, почерпнутыми из противоречивых рассказов.

- Чушь, солнце и звезды - равнозначные небесные тела, - неожиданно прервал комментарий наемницы калека, - а луна, наоборот, такая же планета, как и наша.

- Но ведь размеры...

- Причем здесь размеры - разные расстояния.

- Небесная сфера...

- Нет никакой сферы, космос - бесконечное пространство с бесчисленным количеством миров.

- Там обитают боги?

- Не думаю.

- Ты не веришь в богов?...

На глазах изумленной наемницы беседующий с ними человек преображается. Как в древней сказке, где под грубыми формами деревянной игрушки таилась хрупкая плоть совсем иного существа, изношенная машина смерти - Ключник, вдруг оказывается захватывающим собеседником, словно нечто истинное, тщательно запрятанное и скрываемое от посторонних глаз неожиданно вырывается наружу. Он рассказывает, воодушевленно, увлеченно, пускай не всегда понятно, рассказывает о гипотезах, бытовавших в мире на краю

его гибели. Кем он все-таки был в той жизни - таким же бездушным солдатом или искателем, стремящимся к познанию? В любом случае сейчас перед Стервой и Ванко находится другой человек и нынешний Рахан - даже не тень, а зомби, ожившая оболочка того, погибшего вместе с цивилизацией.

- Боги... Их существование ничем не подтверждается. Энергетические формы, подчиняющиеся иным законам - да, факты никто не отрицал, но степень их влияния на объективную реальность крайне сомнительна...

- Космос... Наше представление о пространстве, в котором обитаем. Мы с вами ощущаем себя в трехмерной Вселенной. Не понимаешь? Тремя координатами описывается положение точки. Или проще - любой объект характеризуется высотой, шириной и глубиной. Наша трехмерная вселенная, если примитивно - бесконечный объем, наполненный похожими на нашу системами, ну, мирами...

- Конечно, между ними можно передвигаться. Да точно так же, как мы сейчас - практически. Естественно, не пешком и не на лодке. Но, в любом случае, в рамках трехмерной физики, всякий способ неэффективен - слишком большие расстояния при существующих скоростных ограничениях. Ну, это если дорога от вашего хутора на ярмарку занимала миллион лет, ты бы поехал? То-то, слишком много времени...

- Время... его накануне войны изучали вплотную. Оно - четвертое измерение, но не в том виде, как принято было считать ранее. Наше положение в нем на самом деле статично. Тут все сложнее, измерение-время нельзя разложить в привычную систему координат, его течение - не есть изменение абсолютной величины, а вот различия во временных координатах и обуславливают наличие параллельных реальностей. Что это значит? Прямо здесь и практически сейчас может находиться другой, точно такой же, а может и чуть-чуть отличный Ты и слушать такого же Меня. Нет, ты его не увидишь, нас разделяет мизерная доля единицы смещения времени...

- С духами это не имеет ничего общего, так по крайней мере считали. В том то и дело! Реальное мироздание гораздо шире нашего понимания, оно не трехмерно и не четырехмерно - измерений может быть пять, шесть, да сколько угодно! Предполагалось, что нематериальные сущности и есть население иных измерений нашего мира, может быть даже наши отражения, проекции энергетической составляющей личности, сны, наконец. Духи, призраки - скорее всего оттуда. А в параллельных мирах существуют просто наши аналоги...

Ключник осекается, замолкает так же внезапно, как и подключился к разговору, снова уходит в себя.

Приоткрылась дверь старого покосившегося дома и из узкого проема полилась музыка, отразился мягкий свет камина и показались кружащиеся в вальсе пары. Но потянуло сквозняком, со скрежетом захлопнулась дверь и дом вновь стал таким же мрачным, темным и нелюдимым. Видение.

- Так в богов ты все-таки веришь? - не отстает наемница.

Рахан, уже тот, привычный, не задумывается:

- Нет.

- А в пророчества?

- Нет.

- Судьбу?

- Нет.

Но Стерва не собирается сдаваться. Ключник в качестве собеседника ей понравился. Не обладай девушка гибким и пытливым умом - разве б выжила она на равных в грубом окружении наемников? Ютилась бы среди шалав.

- Откуда ты такой?

Рахан молчит - потерял интерес, но наемница уже общается вроде и не с ним. Теперь она обращается к Ванко:

- Сколько ему лет?

- Старше отца, - вспоминает мальчик рассказ Сивого.

- А отцу сколько было?

- Сорок семь.

Около пятидесяти... черт его знает - лицо в шрамах, возраст не определить. Но дерется, как дерется, с Лекарем чуть не на равных. И знакомы. Тот тоже загадка - появился из ниоткуда и о прошлом своем никому не распространялся, разве что с Полком откровенничал. Но Лекарю внешне точно столько не дашь. Полк, он из прошлого, так это же сразу видно.

- Искусством боя владеет в совершенстве, - рассуждает вслух Стерва, - грязно воюет и бесчестно, но свое дело знает.

Ключник приподнимает голову. Что она знает об искусстве боя, эта девчонка? В любой драке, что в кабацком мордобое, что в столкновении могущественных племен, главное - результат, а правильность методов определяется лишь их эффективностью.

- Но раньше ведь кулаками не бились - у предков другого оружия хватало, - продолжает девушка.

- Да? - удивляется Ванко.

- Нет, - подает голос Ключник, будто остальные слова и забыл.

- А как, как вы воевали?

- Как? Посмотри вокруг - тьма и стужа... довоевались!

Рахан отворачивается лицом по ходу лодки и смотрит на закат. Говорят, раньше закатом можно было любоваться. Садящееся солнце раскрашивало пронзительно синие небеса яркими красками. Сейчас все не так - на грязном фоне неестественно большой, холодный и размытый диск, отливающий кроваво-бурым. Всегда. Довоевались... Разговор закончен.

Ночью лодка не пристает к берегу. Ключнику нет разницы, когда не спать. В темноте он видит не многим хуже, чем днем. В крошечной тьме без звезд или под совсем тусклыми, едва различимыми их взглядами. Как исчадие, гнушающееся солнечного света. А еще ночью ему спокойнее - в это время он остается один. Хотя, быть может, в темноте на середине реки просто безопаснее. Размять ноги, поохотиться, приготовить пищу гораздо удобнее днем. Ночь - время для отдыха, только одни отдыхают телом, другие... другие, наверное, душой.

Парус слабо ловит движение воздуха, неслышно, почти незаметно увлекая маленькое судно вверх по течению, вслед уходящему солнцу. На запад. Медленно, но неотвратно, все-таки даже быстрее, чем это было бы просто на веслах. На запад. Для Ключника это дорога назад, туда, где ночь не просто время суток, туда, где ночь способна закрасться в сердце. Конечно, нет, не оттого, что на западе хаос и беззаконие правят миром - тоска и безысходность, те, волчи, а еще воспоминания черными призраками преграждают дорогу. Завтра во второй половине дня по расчетам Рахана они окажутся у мертвого поселка, еще одного пепелища, что злым роком отмечают путь солдата, не верящего ни в судьбу, ни в пророчества. Все, чего он касается, обращается в золу, словно в толстом слое пепла на душе еще тлеют, неконтролируемо, жаркие угли. Что ж, многое решится завтра, давно пора...

Ключник пустым взглядом скользит по прибрежной полосе. Он не чувствует, не осязает, не смотря на некие узы, как в это же время где-то умирает Лекарь.

Док медленно вращается вокруг своей оси, накрест разведя руки, в которых зажаты Каштаны - изящное оружие предков, вытянутые, в два кулака, рукояти, а сверху, перекалиной, продолговатая стальная коробка, заканчивающаяся узким жерлом раструба. Док вращается, то медленно, то ускоряясь, и в тоже время идет вперед, а железные монстры в его ладонях с голодным лязгом плюют снопами огненных искр и предплечья чуть дергаются от отдачи в такт выстрелам. Волки нападают. Бросаются на него не так, как на остальных, когда обаянная ужасом жертва петляет, хватаясь за стены, по темным коридорам здания правления - последнего оплота защитников Осетрова, а хищник почти что с радостью, оскальзываясь на поворотах и царапая бритвами когтей мрамор пола, настигает, сбивает с ног. И не так, как на последнюю группу смельчаков, под руководством Полка плотным строем вырывающуюся из темной тесной ловушки, которой стали кажущиеся неприступными каменные стены - вокруг их волки нахально кружат, стараясь выхватывать

людей поодиночке. Твари. Нечисть. Кто там говорил про серебряные наконечники? Ерунда! Бескомпромиссное оружие Лекаря - единственное, что сколь либо действительно может остановить этих существ. Увы, Дока атакуют не так бесхитростно. Тени выныривают из потайных углов, соревнуясь в реакции со знакомым Ключника и в скорости со смертью, что несут его аппараты. Пока рефлекс Лекаря не подводит. Подводит оружие - Док отбрасывает в сторону дымящийся иссякший артефакт и слитным движением выхватывает из-за спины другой образец военной мысли. Длинный, чем-то похожий на привычный самострел, но без разведенных в стороны излучин, он еще более зрелищен в использовании - его воздействие вырывает из тел куски плоти, хищников отбрасывает и они остаются лежать неподвижными кулями. Лекарь идет, но путь его не бесконечен, исчерпываются последние запасы, один из волков достает в прыжке, затем другой, третий, Док несколько мгновений еще удерживается на ногах и падает, погребенный копошащейся массой. Волки с треском рвут, толкаясь и напирая. После такого не выживают, хотя, кто знает, Ключнику когда-то ведь удалось подняться...

Осетрово доживает последние часы, а Рахан не знает, что за его спиной снова остается лишь выжженная пустыня, очередная веха в паломничестве по очагам жизни. Возвращаться туда также бесполезно, как и идти на запад. Нить опять ускользнет из жаждущих рук. Ключник об этом не подозревает - он думает о завтра.

Утром ветер посвежел и лодка пошла заметно быстрее, настолько, что уже после полудня взглядам беглецов представилось печальное зрелище - Ванко прямо заплакал. Хутор выгорел не весь, частокол вообще, благодаря защищающей изнутри насыпи, остался нетронутым, скрывая за собой руины, но даже издалека было видно - поселок мертв. Нет, давно уже не клубился дым над пожарищами, сколько, около седмицы прошло со страшной ночи, но от неповрежденных внешних построек прямо исходили волны безжизненности. И чем ближе подплывала лодка, тем более горькие чувства вызывали стены, лишённые души, и смеха, и печали, что некогда испытывались под родными сводами.

Рахан, между тем, уверенно правил к унылой пристани.

- Здесь остановимся? - Стерва потянулась и вопросительно глянула на кормчего.

- Поохотимся, а может и ночь перебудем.

- Бррр! - девушка поежилась, - На хуторе?

- Там безопасно.

- Там призраки! Тела ведь никто не упокоил.

Оставив заявление наемницы без комментариев, Ключник привязал покрепче лодку и, закинув на плечо пожитки двинулся к чуть приоткрытым воротам.

Трупы действительно никто не убирал, кому могла прийти в голову мысль заниматься захоронением - скорее всего с того времени, когда хутор покинули сегодняшние попутчики, навряд ли побывали здесь другие гости. Тела лежали точно так же, как были оставлены, только тлен и разложение уже до неузнаваемости обезобразило черты, распространяя непереносимый запах и собирая жужаще-копошащиеся полчища насекомых.

Рахан зашел внутрь и поднялся на насыпь к частоколу, площадка оказалась достаточной по размерам для маленького лагеря - разведения костра и обустройства спальных мест.

- Тут расположимся.

- А что не под крышей?

Ключник посмотрел на Стерву, как на неразумного ребенка:

- Там в каждом доме твои друзья мертвых поставляли - сама выносить будешь?

- Знаешь, Ключник, по-людски, может, стоит людей похоронить? Я со своими, что здесь лежат, не одну сотню верст прошла, а ты, никак, перед местными в долгу. Погребли бы вместе, пусть на том свете рассудят, чья правда.

Калека отвернулся и уперся ладонями в острия частокола. С высоты насыпи неплохо просматривались подходы к поселку и в свете, путь неярко, солнца лес казался безопасным и миролюбивым. А в спину затхло дышала смерть. Скольких он оставил вот так, на поживу

падальщикам, кого мог назвать своими друзьями или просто обязан был защитить. Наверное, чувство военного братства, когда в горячке боя, не взирая на смертельную опасность, несешь на себе раненого товарища, либо упрямо тащишь пусть уже даже мертвое тело, чтобы не досталось врагу на поругание, такая черта в наступившие времена являлась непозволительной роскошью. Либо была выжжена ослепительной вспышкой множества солнц, что даровало миру очищающее действие Истинного оружия. Как позаботиться о погребении, если вокруг тебя, не на один день пути, десятки, сотни тысяч трупов, наполняющих удушливым смрадом старые улицы недавно счастливого города, а ты идешь, оскальзываясь на полуразложившихся внутренностях и пытаешься не сойти с ума. Чего-чего, но мертвецов на своем веку Ключник повидал столько, что поневоле смог научиться не обращать на них внимания.

- Тебе надо, ты и копайся, - буркнул он через плечо.

- И сделаю! - наемница гордо подняла подбородок, - Может им это и не надо, так сама спокойнее спать буду!

- Ты, наверное, всех, кого со своими дружками резала, потом земле предавала, - не оборачиваясь, бросил Ключник.

Похоже, слова о спокойном сне все-таки его задели.

- Урод! - прошипела Стерва, уже спускаясь вниз.

Молчавший Ванко обеспокоено переводил взгляд с одного спорящего на другого, потом шмыгнул носом и побежал вслед за девушкой. Ключник вполоборота наблюдал за обоими.

- Снесите всех в один дом, будем уходить - подожжем, - посоветовал солдат, когда Стерва с Ванко начали выбирать место для общей могилы на плотно утрамбованном грунте внутреннего пространства хутора.

Затем он некоторое время смотрел, как девушка и мальчик, обмотав лица платками, но все равно даваясь от неконтролируемых позывов ко рвоте, тревожа мух, брезгливо подхватывают тела за свободные участки одежды и стаскивают к избе, где нашли смерть и Слав с женой и несколько наемников. А потом Ключник вздохнул и поковылял помогать. Зловоние не доставляло ему никаких неудобств, а силы во все еще тщедушном теле было столько, что солдат отослал Ванко разводить огонь у бивуака, да и Стерве посоветовал не мешать, а лишь придерживать двери, когда забрасывал внутрь мертвецов. Покончив с этой работой, Рахан подобрал некогда безразлично отброшенные и теперь валяющиеся без дела сабли Серого. Он вновь повертел их и задумчиво опробовал заточку. Нет, в его время таким точно не воевали, но в умелых руках хорошие клинки могли стать надежным и грозным помощником. А то, что клинки хороши мог понять любой, хоть мало-мальски сведущий в оружии человек. Не иначе, как богатую коллекцию какого-то столичного музея удалось разграбить их предыдущему хозяину. Тонкие и слегка изогнутые, сероватой стали с изящными разводами старинной кропотливойковки, разные и в тоже время одинаковые в своей хищной грациозности, прекрасно сбалансированные сабли, наверное, не раз пили кровь на протяжении многих поколений. Ключник перехватил их поудобнее, встал в стойку и попробовал несколько пассивных движений в исполнении Серого. Согласовать движения двух рук для синхронных блоков и выпадов, как это делал наемник, создавая вокруг себя смерч разящей и неуязвимой стали, Рахану не удалось. Может это было вызвано тем, что левая рука по-прежнему оставалась выше локтя прибинтованной к туловищу, но, скорее всего, Ключник просто не умел. Он еще раз оценивающе взвесил клинки в ладонях и, вонзив в землю менее понравившийся, нырнул в зловонную до рези в глазах от переполнявших гниющих тел тьму жилища Слава. Он вернулся оттуда быстро, неся в руках заплечные ножны, снятые по-видимому со спины Серого.

- Забери себе, - кивнул он Стерве на оставленную саблю, - вещь стоящая.

- Как скажешь, - по правде сказать, клинки всегда вызывали зависть не только у девушки, но и у всех знающих людей, даже если не пользоваться самой, продать саблю можно было очень неплохо, - На охоту сейчас пойдем?

- Нет, - Ключник взглянул на небо, - Скоро смеркаться начнет, завтра утром.

Не смотря на кажущуюся простоту, добывать пропитание рыбалкой в нынешние времена не рисковали. Охотясь в лесу, по крайней мере, можно было видеть свою дичь, а из темной воды порой показывались существа, один вид которых мог испортить аппетит на седмицу. Не всякий отважился бы даже смотреть на исходящую слизью тварь с глазами буркалами и плавниками, более похожими на кисти человеческих рук. Да и кажущиеся нормальными рыбы, говорят, были непригодными в пищу - видимо слишком много яда излилось после войны в реки.

Остаток дня провели интересно - Стерва показывала Ключнику те немногие приемы обращения с саблей, какие знала, тот повторял и вскоре овладел ими в совершенстве - чувство оружия у него было сверхъестественное. Ванко наблюдал и мотал на ус. После был вечер у костра, когда девушка развлекала мальчика пустой болтовней, а Рахан привычно молчал, погруженный в свои мысли. Ночь тоже прошла спокойно, Ванко уютно устроился между своими друзьями, нисколько не волнуясь от близкого соседства дома, полного трупов. А утром Ключник пошел на охоту. Один, не взирая на утверждения наемницы, что в одиночку хорошего зверя не возьмешь. И вернулся к полудню, волоча на спине тушу приличных размеров вепря.

- Ну, ты! - присвистнула Стерва, - И что нам теперь со всем этим делать?

- Мясо прокоптишь, сало засолишь, там в рюкзаке соль есть, на первое время хватит.

- Засолишь, прокоптишь... А сам?

- А я уйду.

Как гром среди ясного неба.

- В смысле?

Ключник посмотрел в сторону, как-то устало, испытывая неловкость от необходимости оправдываться, разъяснять очевидные вещи:

- Я должен вернуться.

- Куда?

- В Осетрово.

- Интересно, а нам что предлагаешь?

Предлагать Рахан ничего не хотел. У него были свои дела, в которые никак не вписывалось шатание по лесам в обществе девчонки и ребенка. Помог выбраться на безопасное расстояние, снабдил пищей на некоторое время, дальше, дальше пусть вертятся сами.

А что делать девушке, обремененной еще и мальчишкой, пусть смышленным, но не способным еще постоять за себя, оставленной практически среди леса. Их проблемы. Что Рахан, зря Стерву от Лекаря вытащил, пусть теперь нянчится. Хотя... никогда с той поры, когда изменилась в корне жизнь, не путешествовал Ключник в такой компании. А, что объяснять - все равно не поймут. Нет времени расслабляться, надо найти еще место смерти Краба, должно же там остаться его оружие - не век волкам его сторожить. Солдат повернулся и спокойно пошел прочь.

- Ты! - Стерва сорвалась, она прекрасно понимала, каково придется им одним, - Ты! Уходишь?!

- Я должен вернуться.

- Зачем? Бросаешь? От себя бежишь! Ты себя со стороны видел? Ты же зверь! Не лучше волколаков! Так со стороны виднее! Глаза твои под вопли умирающих там как сверкали! От запаха крови с ума сходишь!

Вот уж неправда - никогда не пьянил Ключника азарт убийства и он, не реагируя на крики наемницы, продолжает путь.

- Человека в себе душишь? Да этот пацан единственное, что тебя с жизнью связать может, отворачиваешься?

Тоже не так, совсем не это Рахана в мире удерживает, другая цель от безумия бережет. Ну, мальчишка, конечно, тоже не совсем безразличен, иначе разве спасал бы во всех

перипетиях?

Ключник идет.

- Всех, кто дорог, вот так оставляешь? Трус! Сдохнешь один, никто добрым словом не помянет!

Солдат остановился. Сзади видно было, как поднялись и опустились плечи в глубоком вздохе. Всех... скольких... и кого еще... Трус? А что, может быть... Вот только никому не ведомо, чего боится и что ненавидит хромой калека.

- До Разлива хоть доведи, до плотины - оттуда по большой воде на юг проще. Сам знаешь, как Кута от дороги отворачивает - места совсем дикие пойдут, - всхлипнула Стерва, сдаваясь.

Довести до Разлива. Гигантского болота-водоема, заполонившего поймы рек, охватывающего сопки, страшного места, грозящего в любой момент излиться неконтролируемым потоком, что сметет все на своем пути. Как отточенный меч, подвешенный на конском волосе, так и кажущиеся спокойными воды просто ждут момента, чтобы сорваться в бурный пенистый водоворот. Потому как единственное, что сдерживает их, с другой стороны и тоже, что создает такое опасное равновесие - это величественная Плотина, строение ушедшей цивилизации, одна из многих попыток предков обуздать могучих духов стихий. Ключник уже видел плотину, и видел покинутый город у ее подножия. Город, некогда не маленький, название... кажется, как-то связанное с Братьями, никто точно уже не помнит, никто не живет, город вызывал ощущения печальные и горькие, покинутое место, зарастающее невнятной растительностью и продуваемое всеми ветрами. Но плотина... плотина завораживала. Три сотни футов высоты и более пяти верст длиной, уже до краев переполненная водами скованной реки. Серый монолитный камень, сочащийся ищущими себе дорогу ручьями, нависающий над кажущимися крохотными верхушками могучих елей. Мертвое сооружение, брошенное создателями и угрожающее всему вокруг. Гордость империи, самый большой и глубокий рукотворный водоем теперь стал чуть не вдвое крупнее, затопив ранее плотно заселенные плодородные земли. Природа отыгрывается на потомках гордецов, но и, с другой стороны, скрывает под пока спокойными волнами остатки Пути, что раньше тянулся вдоль берегов, а значит защищает, предохраняет всю восточную часть континента от прорывов новообразовавшегося необузданного хаоса Запада. А вниз, на юг по разлившейся реке, сколько, пять, шесть сотен верст, за центром провинции, тоже, наверное, мертвым, там, дальше, как легенда, райское, кристальное, великое природное озеро, зажатое в грандиозном ущелье. И горы, искрящиеся белизной горы на его юго-восточном берегу, и чистая зелень, устилающая их подножья. Сумевший добраться до тех мест обретет покой. Так говорили странники. И первым шагом отсюда в достижении мифической страны был путь до Разлива. Дорога вдоль течения Куты была более менее обжита, но затем ныряла в леса, местами прерывалась обрушенными мостами через реки, убогое население разбросанных то тут то там вырождающихся поселков представляло опасность своей непредсказуемостью, одним словом, путь до Разлива нельзя было назвать легким. Что же, Ключник, идя с Запада, один раз пересек Разлив и преодолел участок до Куты, наверное, он смог бы оказать еще одну, последнюю, услугу своим попутчикам, проводив их в противоположном направлении.

- Ладно, ждите пока, - поразмыслив, буркнул солдат и быстро удалился в сторону леса. Наследие Краба не давало покоя, вот только вернется ли он потом в безмолвный хутор?

Место, на котором караулил-прикрывал в свое время нападавших Краб конечно же не изменилось. Только останки наемника на лесной проплешине выглядели куда старше, чем трупы на хуторе. Практически обглоданные кости в ворохе изодранного тряпья - тут старались лесные хищники и насекомые. Разворошенный линялый рюкзак богатством содержимого особо не отличался, понятно, что ценные вещи разбойники в ночное дело с собой не тащили, но оружие, оружие у такого человека, как Краб должно было быть на уровне. Ключник вытащил из кустов жеванный сапог с огрызком ноги и достал из-за голенища чудом сохранившийся нож. Нож неплохой, прилично сбалансированный и

качественнойковки - пойдет, лезвиеотправилосьсолдатузапазуху. Пройдянесколькодалее, Ключникостановилсяи замерчутьне с разочарованием. Дааа. Знайон, чтоздесьтакое - паратройкаволколаковнеостановила. С голымирукамибыпошелзатакимсокровищем. Выхлоп - бесшумноввинчивающийся, прошивающийпространствовпоискахочереднойжертвы, способныйнанемыслимомрасстоянии поразитьвоинавполномдоспехе, достаточноредкийдажевдовоенноевремяинструмент. Аобладатьтакимсейчасбылобынемыслимойудачей. Именнобылобы. ПотомучтоваляющеесяуногРаханаоружиебезнадежноиспорчено. Бритвеннымклыкамволков, видимо, нипочемтолстаясталь. Аещеимоченьнеподушенаследиепрошлого - металлВыхлопаисковерканнастолько, чтопользоватьсятеперьимсталбылишьбезумец. Да, жаль. Ключникнаклонилсяиотделилотконструкцииплоскуюкоробку, тожеизведавшуюостротуволчьихзубов. Поковырявшисьножом, онизвлекизнее трижелтыхзаостренныхцилиндра - заряды. Дажевкачестверазменногосредстваонипредставлялинемалуюценность - пригодится. Однакочего-тоздесьнехватало. Ключникеще разобшарилполяну, нервнотолкнул ногойостанкиКраба, прошелпо кругу, шарявтравеи, довольный, распрямился, держа в руке сегментную трубку снесколькимиколесиками по бокам и линзами стекол на торцах. Оптическая системаВыхлопа - устройство, позволяющеевидетьицелитьсянарасстоянияхпораженияоружия. Оченьполезнаявхозяйствевещь, истраннымобразомсовершеннонеповрежденная. Ну, хотьчто-то, Раханбережнозавернул оптику в тряпицуиположилвсумку. Пораидти.

- Сука твой Ключник, - Стерва пошевелила угли костра, - видела я таких. Думаешь ты ему надо или я? Сейчас кругом все не в себе, но те, кто в Войне участвовал - они напрочь отмороженные. Таким как мы с тобой проще - мы того, что раньше было, не видели или не помним. А эти знают, чего потеряли - шатаются теперь по свету неприкаянные. Не верю я ему - не вернется.

- Придет, - Ванко упрямо уверен.

Они вынуждены остаться на хуторе еще и эту ночь - приготовление мяса впрок займет много времени. Когда опустятся сумерки, без Рахана будет несладко, да и сейчас среди молчаливых безжизненных построек как-то жутковато. Даже если не задумываться о мрачном доме-склепе. Мало было историй о том, как приходят ночью убиенные мстить своим обидчикам, принимая самые ужасные образы, а иногда и вовсе не заботясь о внешнем виде, являясь так, как есть - что может быть страшнее изрядно полежавшего, непогребенного покойника? А в избе все они - и палачи и жертвы, все рядом, начнут отношения выяснять, все вокруг затопит неудержимая волна ненависти, нечего рядом с ними живым делать. Неприятное место. Ключник, со своим непробиваемым безразличием, все-таки вселял невозмутимость и своим спутникам. А сейчас... И лес ненормально зловеще безмолвен, а звуки, доносящиеся от развалин, наоборот, в тишине отчетливы и резки. Такие шипяще скрежещущие шевеления-поскрипывания. Кто знает, может это движением воздуха, легким сквозняком гоняет пепел, а вдруг это тени, голодные призраки уже скользят, шелестят среди руин? А ведь еще день только половину перевалил, что дальше-то будет? Лес тоже не так прост, его обитатели умеют приходить бесшумно - мгновение назад ни листочка не шелохнулось, и вдруг, стремительным росчерком, тварь, оскаленная сотней зубов, устремляется к твоему горлу.

Так и сидит Ванко, стараясь одновременно держать в поле зрения и кромку леса, и темные остовы сгоревших изб, только костер впереди спокойным потрескиванием и беззаботной игрой пламени немного мальчика расслабляет. Да лакомый запах готовящегося мяса зловонным испарением, изредка доносящимся со стороны мертвого дома, не дает будоражить желудок. Даже Стерва напряжена и тоже в сторону леса косится. Однако первым вздрогнул, заметил вынырнувший из чащи черный силуэт, чуть покачиваясь направляющийся к ним, Ванко.

- Идет, - облегченно вздыхает мальчик.

- Надо же, - деланно удивляется наемница.

А вернувшийся Ключник мрачен и неразговорчив. К такому состоянию солдата

спутники давно привыкли, они оба рады его присутствию, хоть одна вовсе не подает вида.

Последним поселком на Куте был Семигорск. Здесь Дорога продолжала змеиться на запад, а река резко сворачивала на юг, поэтому нужда в лодке отпала и Стерва предложила поменять ее на хуторе на припасы. Парусник был добротный и сторговать его местному старосте оказалось делом несложным. После они сидели вместе с седым вислоусым мужиком, управляющим маленьким поселением, тоже видевшим мир до Войны, и теперь грустно воспринимающим окружающее. Они делили с ним хлеб, отмечая по старому обычаю успешную сделку, и разговаривали.

- Что юг, что запад - все одно, - рассуждал староста, - думаете где-то лучше? Хорошо в тех местах, где нас нет, так говорят.

- А как там сейчас дальше, ходили ведь твои? - спрашивала Стерва.

- Что ходить, я и так знаю. В верховьях Куты никогда никто не жил, там и до войны, ну, пару заимок, да охотничьих зимовий. На запад, оно понятно, вдоль дороги поселки есть, только кто там живет не скажу, скорее - отребье разное. К нам подкатывали пару раз, отбились. Всяко лучше, Полк, знаете такого, обещал у нас серьезный форт ставить. Чего еще вам сказать?

- Куда идти сбиться тяжело, - говорит Ключник, - да и был я там недавно, только в морозы, летом в тех местах как, дорогу не подтапливает?

- Скажешь тоже - не подтапливает! Илим-батюшка разлился - не пройдешь, Шестаково, там раньше мост был, все под водой, болота и промоины чуть не от Железногорска начинаются. Как переправиться, даже не скажу.

- А обойти как?

- Ну, мил человек... Как! От Хребтовой, что на полпути до Железногорска, чуть на север Железная дорога уходит. Если по ней, тоже можно аккуратно к Разливу выйти. Только топтать там, сам понимаешь, долго да и ноги собьешь, опять же мост в каком состоянии никому не ведомо, скорее, не лучше, чем на Пути. Вот...

- На юг?

- По Куте вверх, в двух днях пути старая база охотников была, оттуда прям на запад тропа есть... однако идет только к Шестакову, так что... Ежели Железногорск обогнуть, то можно. И, кстати, стоит - в Железногорске опасно, банды.

Ключник криво растягивает губы - улыбается. Банды... он не считает серьезными противниками сборище голодных безумцев. Видел он железногорские банды, когда шел на восток - жалкие отбросы, в ужасе разбегающиеся с пути угрюмого убийцы. Нет тогда, конечно, Рахан и выглядел повнушительнее, и способен был на большее. Однако его не смущают такие мелочи, как внешний вид - чтобы разогнать по норам зарвавшееся отребье достаточно голой воли. Но он этого не говорит.

- Сколько времени напрямик до переправы?

- Дорогой в Железногорск два дня, а дальше не знаю - болото.

- Значит, так и пойдем.

- Удачи.

- И тебе, старик, доброго урожая.

- Мне что, зверье, вон, тьфу-тьфу, утихомирилось, волколаков вообще не видать, а к концу лета Полк придет форт возводить, может, поживем.

Рахан молчит. Он не хочет говорить, что упомянутые волколаки, похоже, следуют по его пути, как собаки, удерживаемые длинным, но крепким поводком. Интересно только, что задерживает их сейчас, наверное, застряли в обороняющемся Осетрове. А еще он тоже не знает главного - Полк никогда уже не сможет прийти в эти места, да и не надо это им, любые изменения - лишь отсрочка Неотвратимого.

Собеседники почти церемонно прощаются и расстаются, староста остается ждать, а спутники продолжают путь навстречу судьбе. Общей для троих.

Следующие несколько дней они идут.

Неутомительный пеший переход до Железногорска, сначала немного в гору, до

Хребтовой, после, совсем легкий, вниз. Практически мимоходом - стычка с небольшой ватагой, когда Ключник, легко уклонившись от пущенной в упор стрелы, обыденно, брезгливо даже, убивает двоих нападающих и спокойно дает разбежаться остальным. Дальше, уже в городе, только выглядящем мертвым, Рахан по-звериному принохивается и терпеливо застывает, не доходя до искусной ловушки, прочных сетей, что по мановению невидимых нитей способны перекрыть выходы из узкого пространства между двух высоких домов с окнами-бойницами. Опасное место можно обойти, но Ключнику лень вместо проторенного прямого пути плутать по незнакомым переулкам, захлавленным и не менее подозрительным. Поэтому он сначала молча ждет у входа в западню, затем проходит вдоль замаскированной в мусоре веревочной паутины, носком сапога подцепляет отрезок каната.

- Чего балуешь? - слышится спереди и сверху

- Пройти надо.

- Ну и иди себе.

- Взять с нас нечего.

- А это мы еще посмотрим.

- Ты уже смотрел. Три месяца назад.

- Ага, рожа у тебя не такая была, а нахальства, вижу, и сейчас меньше не стало.

- Так пропустишь?

- Иди уж, мля.

И они идут, Ключник лишь внимательно смотрит по сторонам и не достает руку из своего кармана.

- А что здесь было три месяца назад? - шепчет Стерва.

- Не хотели пускать, - в полный голос отвечает Рахан.

- Иди, иди давай! - недовольно торопят сверху.

В нескольких верстах за Железногорском начинается болото. Дорога местами размыта, местами просто скрывается под водой, худо-бедно, прощупывая путь шестами, оскальзываясь и падая, мокрые до нитки путники упрямо бредут на запад. Они ночуют на маленьком островке суши, с трудом разведя костер из сырых веток, жмутся друг к другу и трясутся от ночного холода. Они выходят таки к злосчастному мосту через Илим, о котором сейчас лишь напоминают иссеченные каменные колонны.

После переправы, тяжелой, на сколоченном наспех из всякого плавучего хлама плоту, окончательно промокшие сами и все-таки замочившие тщательно сберегаемые припасы, путники встречают еще одну ночь, не в силах даже разжечь огонь и только утром, продрогшие, заставляют себя собирать дрова и греют себя в тщетных попытках распалить костер. А непривычно расщедрившееся солнце, ведь скоро середина лета, ласкает их спины своими лучами и жизнь снова начинает обретать краски.

К полудню Стерва и Ванко уже томно валяются на подсохшей траве, одежда и прочие вещи развешены вокруг костра, Ключник заново пытается подкоптить размякшие ломти мяса.

- Скажи, - наемница выдернула из травы тоненькую метелку и закусила гибкий стебель, - Рахан, а если серьезно, что тебе так нужно в этом Осетрово?

- Я должен встретить... одного человека.

- Встрееетить... - задумчиво тянет девушка и поигрывает стебельком, - А тебе не кажется, что всех, кого надо, ты уже встретил?

Ключник внимательно, долго смотрит в лицо Стерве и грустно качает головой:

- Нет.

Спутники вернулись к этому разговору днем позже, когда отдохнув сутки, выдвинулись на последний участок пути до Разлива. Рахан, подогреваемый мыслью, что еще три-четыре дня и он сможет вернуться к прерванному поиску, стал положительно разговорчив.

- Я ведь многих знаю в Осетрово, - настаивала Стерва, - Все-таки?

- Навряд ли. Он... она, скорее всего рабыня, пришла с караваном.

- А, с караваном... тогда как пришла, так и ушла, чего ты к Устью тогда прицепился.
- Тот караван, он ушел в Осетрово, но на ярмарку не попал.
- Наемница замолкла, потом нерешительно отозвалась:
- Все группы, которые пропадали на Куте, это ведь Краба работа.
- Вот черт!

Ключник остановился - сам не ожидал от себя такой оплошности. Столько времени провести рядом с человеком, способным предоставить информацию на самую животрепещущую тему, и не задать ни одного вопроса!

- Халим... азиат, двенадцать повозок, в основном соль, по мелочи - оружие и лекарства, охрана - восемь бойцов, профессионалы, вооружены хорошо, вообще - богатый караван.
- Да, восемь цириков, по полной упакованных, дюжина телег - было.
- Что с рабами сделали? - судьба остальных Рахана совершенно не волновала, да и ясна она.

- Нам рабы без надобности, здесь это не практикуется - продать нельзя. Хотя, если нормальные, можем и отпустить, а тогда, их и немного было, кажется, кажется всех в расход пустили.

- Что?! - быть может, внешне Ключник почти не изменился, только взгляд вдруг стал взглядом неконтролируемого бешеного зверя.

- Постой! Точно, нет, один из всего каравана, одна в живых осталась!

- Кто?

- Девчонка, молоденькая, такая, вся из себя, - Стерва пренебрежительно фыркнула, - только зачарованная, пришибленная.

- И что с ней стало?

- Да пару дней с нами шаталась, кто-то даже подкатить пытался, а толку, потом ушла.

- Куда?

- Что ты привязался? Невеста, что ли? А вы друг другу подходите - красавица и чудовище, ага, только красавица - юродивая, а чудовище, ну, с чудовищем все и так ясно...

- Что было потом? - Ключник молниеносно оказался вплотную с наемницей и сгреб ее за грудки, приподнял одной рукой.

- Ну ты, потише! - девушка всхлипнула, раненное плечо все еще давало о себе знать, - А то ничего не скажу!

- Хорошо, - солдат опустил Стерву на землю, и распространяться, что пугать его таким заявлением глупо, не стал, - Извини.

- Да ты шальной, похлеще Мэда с покойным Серым вместе взятых, а я думала - спокойный, как удав.

Стерва отряхнулась и, довольная, что смогла наконец вывести из себя, смерила взглядом Ключника. Да, знай она, чем могут закончиться такие вспышки гнева, наверное, радовалась бы еще больше - тем что осталась, нет, конечно жива бы она осталась, но стимулировать разговорчивость Рахан привык совершенно иными методами. Радоваться нужно было тому, что осталась с исправно функционирующими конечностями и другими жизненно важными органами. Девушка, однако, своей удачи понимать не хотела и поэтому некоторое время победоносно молчала. Взявший себя в руки Ключник терпел.

- Были у нас несогласные, - не выдержала паузу наемница, - ты не подумай, хорошие ребята, бойцы отменные, только, ну, принципиальные, вот вроде тебя. Тоже методы Полка им не нравились, чистыми остаться хотели. Короче свалили они, спокойно, без шума, долю свою забрали и ушли, а девчонка вроде с ними увязалась.

- А в какую сторону подались, в курсе?

- Так туда же, куда и мы - на юг, в горы.

Ключник испытующе заглянул в глаза Стерве. Нет, не врет - значит нам туда дорога... Чтож, совместное путешествие продолжается.

Глаза в тени. Неподвижные черные монеты, обрамленные светлыми полукружьями. Немигающие. Владелица их лишь шевелит шеей, поворачивая голову в нужном

направлении, да коротко, незаметно перелетает с места на место, неотступно следуя пути нелепой троицы. Птица, которой здесь не должно быть - да-да, все та же странная сова. Сидит на ветке, словно вслушиваясь, осмысливая (разве такое возможно?), звучащие вдалеке слова. Наблюдает. Еле заметный шорох заставляет пернатого соглядая вздрогнуть, резко, впрочем, абсолютно бесшумно, развернуть голову почти назад, не меняя положения тела. Огненная молния в зелени листвы, но движения ночного охотника отточены и беспощадны - в кривых сильных когтях уже сжато пушистое рыжее тельце. Любопытные бусинки глаз и задорно сморщенный нос, тонкие кисточки на острых ушках и топорщащееся веером украшение-хвост - белка. Несчастный зверек на свою беду оказался в поле зрения холодного хищника. Вот только совсем не похожа белка на затравленную жертву. Она возмущенно трещит что-то на своем древнем наречии и нахально, что есть силы, хватая мелкими острыми зубами грубую морщинистую лапу. Сова по-человечески, словно обжегшись, поджигает конечность, кажется, еще мгновение, и она начнет дуть на пострадавший участок. Добычу птица тем не менее отпускает и бочком сторонится, давая зверьку место. А проныра-белка меряет негодующим взглядом недавнюю противницу, можно ведь было и сразу догадаться - разве могут интересовать те трое простую лесную тварь? Жительница Мирового Древа, что стремительно носится вверх-вниз меж ласкаемой ярким светом кроной и влажным полумраком, питающим корневища. Бессменная посредница, посыльная меж Небесным и Подземным - вездесущая ябеда Рататоск. Да, могущественные силы интересуются этим, представляющимся окончательно потерянным мирком и роли в нем хромого калеки, зарвавшейся девчонки и сопливого мальчика.

К полудню следующего дня путники, миновав несколько покинутых сел, вышли к еще одному затопленному городку. Из раскинувшейся сколько хватает взгляда громадной грязной лужи словно вырастали полуразвалившиеся стены, мелкая рябь волн гнала по покрытым водой улицам разлагающийся мусор и кривые стволы деревьев, торчащие то тут, то там, уже никогда не могли украситься зеленью листвы. Все серое и мутное, слякотный туман и ни с сего зарядивший мелкий дождь лишь придавал картине еще большую обреченность. На покосившихся железных опорах проржавленный жестяной лист извещал гостей о названии населенного пункта. Когда-то черными буквами на белом фоне, а теперь просто трудноразличимыми сквозь следы коррозии контурами здесь значилось: "Вадим", ну, или что-то в этом роде.

- Чего застряли, пошли, нам еще лодку искать, - Ключник сдернул с себя рубаху, промокшую в этой влажной взвеси, - Добро пожаловать, здесь начинается Разлив.

Потом, под хлопающим парусом подтекающей лодчонки, доставшейся им после еще одного обыденного убийства, когда Рахан неторопливо снял стягивающие тело повязки, Стерва и Ванко еще раз удивились. Они удивились тому, как плечи солдата за короткий срок еще больше округлились, налились упругой силой, а освободившаяся рука оказалась полностью работоспособной. Просто им было невдомек, что в процессе подготовки Ключника очень много внимания уделялось такому важному свойству живых организмов, как регенерация.

А впереди была еще долгая водная дорога, шесть сотен верст воды, а дальше - новые спутники, ледяные горы, обдуваемые всеми ветрами степи и сухие обжигающие пустыни. Таинственные и нелегкие странствия, неотъемлемая часть становления Воинов Духа, так необходимые алчным до бездумного почитания богам паломничества. Ставшие священными в бесчисленных пересказах набожных проповедников и горькие, полные лишений для непосредственных их участников. Путешествия, в которых, словами забытой легенды, в спину странникам дышали демоны ада а в лица радостно скалилась сама Смерть...

ГЛАВА 9

Ответ навскидку, не обременяя себя мучительным раздумьем. Скажи - кому доверишь судьбу прокаженного мира? Благодетелю судьбе, что не слышит голоса сердца? Нет, скорее

раскаившемуся убийце, отчаявшемуся в ожидании своей участи. Увлеченному собственным процветанием торговцу? Уж лучше клейменому рабу. Не ведающему бед, пышущему здоровьем юнцу? Тогда калеке, познавшему боль. Все просто - нельзя проникнуться пониманием, не испытав терзаний собственным телом. Оценит бремя страданий праздный обыватель? Нет, это дано поэту. Потерявший веру в душе никогда не сравнится с нищим проповедником. А впавший в маразм старец не сможет взглянуть на мир глазами ребенка. Наемник, калека, невольник, монах, менестрель и дитя - так сказано в Пророчестве.

В месте, которое здесь и которое везде. В странном пространстве, которое есть, и которого нет, скорее, оно вообще Непространство. Во время, которое сейчас, и которое никогда, а также вчера или завтра. На изнанке реальности, далеко за пределами всех измерений парит Нечто. Назови его Дворец Императора и воображение услужливо нарисует тонкие шпили с ажурными флюгерами, резные зубцы уходящих ввысь стен, бронзовые цепи, что удерживают тяжелый подвесной мост, переброшенный в Никуда. Скажи Остров и увидишь, как бирюзовые волны энергий омывают белоснежный песок пляжа, изогнутые пальмы изобилуют гроздьями спелых плодов и легкий дымок поднимается над тростниковой крышей хижины Отшельника. Или представь Темницу: замшелая кладка из неровных валунов, толстые ржавые прутья, перехваченные меж собой железными кольцами, и мрачные багровые отблески в узких бойницах - раскаленные жаровни ждут новых жертв Палача.

Не менее странные создания посещают иногда это место. Каждый волен видеть их по-своему. Увидим же так, как подобает истинным жителям нашего мира.

Женщина. Золотистые кудри непослушно выбиваются из сложной высокой прически. Правильное, мраморно отточенное лицо, прекрасное - холодное и живое одновременно. Одежда, скорее, ее отсутствие - тончайшее сплетение паутины в драгоценных искрах. Безукоризненной формы ноги в высоких сандалиях фривольно заброшены на подлокотник деревянного кресла. Она сидит, покачивая ступнями, и наматывает на мизинец солнечный локон. А маленькая сова, примостившись на спинке, невозмутимо чистит свои перышки.

Мужчина. Темноволосый и растрепанный. Его непокорные космы не созданы для черепаших гребней. Руки в обхвате больше бедра иного атлета. Шары мышц, как живые, играют под бронзовой кожей при каждом намеке на движение. Мощные ноги широко расставлены, а узловатые пальцы напряженно стискивают поручни так, что дерево мнется податливой глиной. Взгляд исподлобья и опущенный подбородок, есть что-то бычье в облике, готовность к броску - не дань обстоятельствам, а суть. Не удивительно, что его аватара - дикий тур.

- Радегаст, я всегда восхищалась твоей грубой силой, - женщина улыбается и миллионами звезд вспыхивает Пространство, - но, поверь, прямое вмешательство только ухудшит положение.

- На кону очень многое, - рокочит литавры, голосу мужчины мало места в любом помещении, поле брани более подходит для его раскатов, - если они закрепятся, это изменит мироздание.

- Быть может, пришла пора, Ребенку нужны новые игрушки?

- Нам никто не может запретить обороняться.

- Участие Семей нарушит равновесие.

- Раньше нам удавалось найти общий язык с Силами.

Мужчина - необузданный напор, женщина - рассудительная сдержанность. Так было и так будет в вечном взаимодополнении двух начал.

- То была еще молодая реальность, а мы оставались чуть больше людьми.

- Паллада, тот мир все равно не спасти, мы должны отстаивать это, - мужчина-бык поднимает ладонью вверх свою пятерню.

- Дело уже не в мире. Помнишь, Семьи тоже заняли чье-то место.

- Предлагаешь оставить все, как есть?

- Не только. Попробуй еще раз забрать свору.

- Бесполезно, они, как и хозяйка, бродят по мирам так и когда им захочется - Бык

взбешен, но теплое излучение Совы расслабляет напрягшийся разум.

- Трехликая еще слишком слаба, а мы и так сильно рискуем.
- Мы потеряем еще один форпост.
- Еще не время последней битвы, так сказал Видящий.
- Не могу сидеть, сложа руки. Я приду!
- Нет! - озорные зайчики в глазах женщины скованы ледяными кристаллами, - Пусть мир сам, если сможет, породит равного. Это будет лучше, чем Чужие.
- Чем оно обернется миру - добром или злом?
- Какая разница?...

Мертвый город. Да, на его задворках еще теплятся остатки сознания, но назвать это жизнью нельзя - существование, без надежды на будущее, вырождающееся бытие. Два десятка лет назад - центр провинции, известный далеко за пределами империи. Теперь - сметенная огненной волной с севера, глядящая на мир выжженными глазницами оконных проемов черная свалка отходов погибшей цивилизации. Прошрое, замершее на берегах величественного некогда озера. Сколько еще столетий будут смотреть с укором на деяния предков медленно погребаемые пылью времен безмолвные равнины.

Когда-то это место прозывалось предместьем Глазсков, гора - Кайской. Теперь - лишь элемент дышащего смертельными испарениями городского пейзажа, не лучшее место для стоянки случайных путников. Завтра - запретная территория, посещение которой будет караться смертью для смельчаков, позарившихся на отвратительные артефакты проклятой культуры. Но это завтра наступит очень-очень не скоро.

Однако сейчас - далеко не самый худший район, не затопленный запертыми водами, не оскверненный в полной мере дыханием смерти, открывающий величественный вид на центр Старого города. Слева - возносящееся вверх, некогда белое, закопченное ныне дымом пожарищ скопление жилых построек. Когда впервые полыхнул огнем горизонт, тысячи людей еще почитали этот надел покойным и уютным пристанищем. Черные стены, испещренные бездонными дырами стоят теперь памятниками людской беспечности. Чуть дальше - синие воды могучей реки, разрезающей город на две половины, отводящей излишки недавно кристальных вод Озера. Прекраснейшего Озера, названного коренными жителями этих мест, пришедшими задолго до имперцев, Морем Естества - Байгал-Далай. Три опоры рухнувшего, не выдержавшего мерных ударов ледовых плит моста, скрученные словно рукой титана остовы металлических ферм.

На противоположном берегу - руины и среди них непостижимым образом вздымается в небо тонким шпилем несуразный обелиск. Украшенный тремя ярко-красными полосами на ровной, лишенной украшений белой поверхности, указующим пальцем он грозит тучным небесам, роняющим вниз скупые тяжелые капли дождя. Что это - башня Владык, правящих городом, неподвластная разрушительному действию освобожденной стихии? Или просто гигантская труба, выбрасывающая на безопасную высоту сажу и грязь - остатки жизнедеятельности? Какие жертвы и каким богам приносили жители к этому алтарю, если понадобилось соорудить столь циклопическое строение? А рядом, намного ниже, у подножия слева, на берегу реки белеющий храм с треугольным навершием, справа, чуть дальше, другой, с зелеными куполами, потом еще один, иной формы, но такой же ослепительной белизны, неестественной на общем серо-буrom пасмурном фоне. Воздвигнутые разнообразным богам, либо противоположным ипостасям одного божества они остались упрямо стоять, когда гибли в огне остальные здания.

Русло делает крутую петлю, отчего центр города становится похож на остров, остров святилищ, и за одинокими шпилями снова синее лента реки, а дальше, сколько хватает взгляда, вплоть до горизонта, бесформенным нагромождением, развалины, руины мертвого города.

Кайская гора, застройка более чем вековой давности, одинокая и безлюдная, как и большая часть этой свалки. Обиталища бродяг и мутантов, кого непознаваемая сила города удерживает в своих незримых границах, не выпуская за пределы, там, в центре,

подмигивающем местами неровными отблесками костров. Здесь тихо и пусто, даже стаи пожирающих друг друга собак не забредают на эту сторону.

Тихо и пусто, лишь трое странников, нашедших себе приют под сводами полуразрушенной лачуги. Двое, мужчины, склонились у огня и развлекают себя извечным спором, третья, девушка - снаружи, сидит на обломке, бывшем когда-то частью здания и нависающей теперь над обращенным к реке склоном горы.

Жизнь всегда контрастно выглядит на фоне разрушений, навевающих скорбные мысли о смерти, но девушка удивительным образом вписывается в пейзаж, состоящий из навороченных глыб, изогнутых железных прутьев, разбросанной утвари, наполнявшей раньше людские жилища. Она как часть всего этого, будто всегда находилась здесь, каменной горгульей всматриваясь в унылую картину - морозящий дождь вперемешку с изредка пробивающимися сквозь багровую пелену туч лучами заходящего солнца и белеющие в развороченном крошеве стены храмов. Абсолютно естественная в окружающем хаосе.

Если присмотреться, внешность девушки, при всем кажущемся сродстве с руинами, окажется очень привлекательной. Она прекрасна, густые черные волосы, собранные на затылке в бесформенный узел и прилипшие к щекам вдоль сбегающих струек воды пряди, огромные глаза, уставшие, с темными кругами и бескровные губы, рваные лохмотья вместо одежды, с трудом прикрывающие наготу - ничто, однако, не может оттенить красоту лица и гармоничность фигуры. Девушка сидит, подобрав ноги в потертых сандалиях, охватив колени руками, покрытыми змеящимися татуировками, какими на западе привыкли украшать женщин для утех, сидит и исподлобья смотрит вперед. Туда, где над умершими святилищами, над вонзающейся в небо полосатой стелой, вопреки обыкновению необычайно низко, ниже облаков зависло отливающее серебром тело дракона. И в ее глазах, темных, но не черных и не карих, как следовало бы ожидать, а густо-синих - ожидание, печаль и Ненависть.

- Кэт! - окликивает девушку один из спутников, плотный, дородного, не гармонирующего с сутью бродяги, вида человек, - еда готова.

Девушка не шевелится.

- Не беспокой ее, - возражает второй, худощавый, гибкий, как прут лозы молодой человек с прислоненной к колену гитарой, - она опять ушла.

- Несчастный ребенок...

- Да ладно, - юноша дует на деревянную ложку и пробует зачерпнутую из котла похлебку, - пусть еще покипит.

Плотный откидывается назад и смотрит на плачущие небеса. Свинцовые тучи кажутся тяжелыми, не способными удерживаться в воздухе, готовыми в любой момент обрушиться вниз, погребая под собой жалкие остатки жизни.

- А я уверен, - возвращается он к прерванному разговору, - все, как в пророчествах.

- Дались тебе эти пророчества, Брат, они ведь все, как не поверни, ни о чем, зато под любое событие подвести можно.

- Не скажи... написано было: "и раздался глас трубный, и выпал град, смешанный с кровью и огнем, и все это низверглось на землю. Третью земли сгорела, треть деревьев сгорела, и вся трава сгорела". Или вот: "почернело солнце, словно власяница, и вся луна стала кровавой. Звезды небесные упали на землю, как фиги, колышимые сильным ветром. Небеса раскололись и свернулись, как свиток". Хочешь еще? "Треть моря превратилась в кровь, и треть всего живого, что было в море, умерло, и треть всех вод стала горькой, и многие умерли от этой воды, ибо стала она горькой, треть солнца, и треть луны, и треть звезд были поражены, и стала черной их третья часть, и потому день лишился трети света своего". Ведь случилось? А написано было когда!

- Ты еще вспомни, что треть населения погибнет, и все птицы небесные мертвыми упадут на землю, День Гнева е-мое.

- Ну, почему нет?

- Потому - все без всякой мистики укладывается в сценарии: после выброса световой энергии огненная взвесь ударной волной поднимается вверх, разносится на большие расстояния, а потом горящие частицы выпадают на землю и порождают множественные очаги возгораний. После выделяющееся при пожарах тепло вызывает активное движение воздушных масс, создавая ураганы у поверхности, опять же вверх устремляются дым, пыль и сажа, сплошной тучей закрывающие солнечный свет, вызывая эффект сумерек и, как следствие, глобальное похолодание. Затем отравленные осадки и все такое. И мертвые птицы, и треть населения, ведь основной удар пришелся по крупным городам, в общем, все логично.

- Откуда ты такой умный?

- Мне, когда шарахнуло, пятнадцать лет было - книжки читал.

- Значит, сейчас тридцать три... Замечательный возраст.

- Знаешь, а я знал, что ты так скажешь, Большой Брат.

- Ты, кстати, намного моложе выглядишь, не говорили?

- Конституция у меня такая, а может, гормональный баланс сбился - жесткие излучения...

- Да... слушай, не о том мы спорим - укладывается, не укладывается, ведь главное - предсказано было.

- Просто ты фразы из контекста выдергиваешь... Дальше-то что по плану в твоём апокалипсисе?

- Может, и выдергиваю, - мужчина издает короткий смешок, - людям, Рус, ведь вера нужна, а там, по тексту, много разного, но в конце концов - Пришествие Царствия Небесного.

- Альфа и Омега, начало и пиз... конец, - кажущийся юношей продолжает помешивать бурлящую похлебку, - интересно, а драконы каким боком в твоё писание лезут? Иносказательно? Так вон они, - кивает в сторону трубы-стеллы, - небо бороздят.

- Да, есть там и про дракона. И женщину, что породит Избранного, призванного править народами жезлом железным. Дракон же - Зло, и небесные воинства должны поразить его и сбросить на землю.

Неожиданно со стороны сидящей девушки раздается звонкий переливающийся смех. Она смеется радостно, от души, словно тысячи серебряных колокольчиков попеременно оглашают пространство своими яркими трелями. Звуки текут, завораживая, и даже солнечные лучи, что с трудом пробиваются сквозь черную пелену, начинают играть радужными красками. Время останавливается и вновь обрушивается на присутствующих унылой действительностью, когда смех прекращается.

- Так ликуйте же, небеса, и те, кто обитает на них! Но горе земле и морю, ибо дракон сошел на вас! Он полон злобы, ибо знает, что немного времени ему осталось! - нараспев декламирует девушка слова древней книги и озноб колкими дорожками змеится по спинам не знающих страха мужчин.

Спутники замирают в ожидании продолжения. Но та, кого называли Кэт, хоть это и не настоящее её имя, вновь молчалива и бездвижна.

- Ух... аж мурашки по коже от её откровений, - первым приходит в себя плотный.

- Не говори, - соглашается Рус и тянется за гитарой.

Старый инструмент. Кедровый корпус когда-то покрывал темный блестящий лак, а теперь дека потерта, а дорогой мозаичный рисунок розетки местами обтрепан. Колки и порошки раньше сверкали, радуя глаз - сейчас их покрывает матовый налет. Но музыкант берет гитару нежно, подхватывает гриф двумя пальцами правой руки и ласково скользит левой ладонью по волнующим обводам боков. Все струны, а это очень непросто в наступившие времена, на месте, хоть и перетянуты для левши и, даже не слыша первых аккордов, можно с уверенностью сказать - инструмент настроен на совесть. Ловкие пальцы начинают танцевать по ладам.

А в небе голубом горит одна звезда,

Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда.

Кто любит - тот любим, кто светел - тот и свят

Пускай звезда ведет тебя дорогой в дивный сад.

Голос молодого спутника спокойный и сильный, чуть грустный и такая же грусть в больших темных глазах, направленных вверх, сегодня все почему-то смотрят на небо, но в осанке, расправленных плечах, и гордом подбородке - достоинство. Достоинство человека, идущего на эшафот - ведь совсем не важно, как долг путь обреченного, десять твердых шагов по крутой лестнице или дорога длиной в тысячи верст и несколько лет. Достоинство осознающего неизбежность человека.

Тебя там встретит огнегривый лев,

И синий вол, исполненный очей,

С ними золотой орел небесный

Чей так светел взор незабываемый.

Названный Братом покачивает головой в такт музыке. Высокий и массивный, он действительно напоминает деревенского пастыря, а густая окладистая борода лишь усиливает сходство. Солнце не спеша скатывается за горизонт, и скоро в небе воцарится идеально круглый силуэт луны, едва различимый в густом мареве.

- Сказано, - задумчиво говорит Брат, лишь смолкают последние аккорды, -

"стояли перед престолом и вокруг него четыре живых создания, со множеством глаз спереди и сзади. И первое из них было подобно льву, второе - быку, а у третьего было человеческое лицо, четвертое же было подобно орлу летающему".

- Да ну тебя! - усмехается гитарист, - Это же просто песня.

А в это время где-то все готово к жертвоприношению.

Общность существ, презираемая всеми и именуемая не иначе, как уроды. И гордо называющая себя метаморфами. Бессловесные животные, парии в мире считающих себя нормальными. Избранные, подвергаемые ужасающим превращениям на новом витке рукотворной эволюции вида. Первыми ступившие на путь Великой Трансформации. Из десяти оплодотворенных женщ... м-м-м... самок лишь одна вынашивает плод. Из десяти разрешившихся только у двоих рождается жизнеспособное, нет, даже так - условно жизнеспособное потомство. И только у половины из оставшихся приплод хотя бы относительно разумен. Один процент - неутешительная статистика. Все это компенсируется чрезвычайной плодовитостью. Способные понести самки метаморфов почти всегда беременны - так велит их свежее испеченная религия. Требующая посредством слепого подбора неисчислимых вариантов, методом упорных проб и постоянных ошибок, всемерно оказывать помощь странному божеству в сотворении совершенного создания - Равного. Надо сказать, среди сотен невообразимых порождений иногда, редко, встречаются довольно любопытные экземпляры. Впрочем, речь не о этих капризах ополоумевшей природы или, пусть так, результатах усердного поклонения. Речь о самом культе, его обрядах. Предписывающих, например, ежегодное посещение Воронки - гигантского кратера в теле земли, заполненного грязно-зеленой жижей, в толще которой зиждется невероятная жизнь и, возможно, обитает сам Бог. Бездонной ямы, за несколько верст окруженной чужеродной, неестественной растительностью. Где лишь самые выносливые, преодолев головную боль и ломоту суставов, добираются до берегов и в религиозном экстазе исторгают содержимое своих внутренностей, впитывая божественную благодать. Очередную дозу. Для обилия и богатства метаморфоз. Метаморфы, ни во что не ставящие собственные жизни, заставляющие страдать себя, своих самок, своих детей во имя грандиозной цели - торжества Нового Человека.

Ежегодное паломничество - не единственное проявление учтивости высшим силам. Невнятные молитвы, избыливающие малопонятными терминами, вдохновенные проповеди Посредника - обязательная рутина, не стоящая внимания. Гораздо интереснее богоугодные жертвоприношения, что регулярно знаменуют пришествие большой луны и благоприятным образом влияют на возбужденное сознание паствы. Потому что жертва - еще один элемент

торжественной церемонии отрицания старого. Потому что жертвы - не собратья по несчастью, а заблудшие, отвергающие прогресс атавизмы. Косные и слепые, противящиеся переменам жалкие остатки тупикового направления в развитии Человечества. Наивно полагающие себя людьми. Ископаемые. Не способные в кажущихся бессмысленными явлениях так называемых драконов усмотреть волю существ, ими управляющих. Лишь метаморфам дано знать истинную природу Дракона. Но тсс - это уже тайное.

Все готово к жертвоприношению в преддверие Ночи полной луны. Почти все, за исключением одной досадной мелочи. Сегодня у метаморфов отсутствует кандидат на роль жертвы.

- У нас гости, - Рус уложил гитару в плотный чехол и весь подобрался.

Еле слышимый шелест осыпающегося щебня со стороны расположившихся чуть ниже по склону развалин действительно выдает присутствие посторонних.

- Пятеро, - подтвердил Брат, - не больше.

- Нормально, договоримся, - музыкант подтащил к себе рюкзак, перелатанный шнурованный мешок на металлической раме, удобно лежащий на плечах и не напрягающий спину, и положил руку на приточенное оружие.

Более чем полуметровый широкий чуть изогнутый клинок сидел на длинной, в половину роста, рукояти легкого металла. Необычное орудие убийства было явно самодельным - где подсмотрел Рус столь странную конструкцию оставалось загадкой, сам же он уверенно именовал этот гибрид меча и копья Глевией. Имеется в запасе у странников снаряжение и поэффективнее, да стоит ли тратить невозполнимые заряды в пустяковой стычке? Брат тот вообще даже не посмотрел в сторону пары своих тонконосых ледорубов с изогнутыми желтыми рукоятками и ременными петлями, носивших не менее оригинальные прозвища - Гривеля. Тоже достойный инструмент, созданный, правда, для иных целей, но легкий, прочный и удобный, позволяющий владельцу, как говаривали соратники, заклевать любого, кто не внемлет миролюбивым речам Большого Брата.

- Друзья мои! - повысил голос последний, - Таящийся во тьме вынашивает черные мысли! Неужели алчете вы нашего скромного имущества? Выходите к огню, убедитесь в скудности бедных путников!

- Не выйдут, - также громко отвечает Рус, - боятся, что ли?

- Разве могут вызвать страх трое мирных пилигримов? - смиренно улыбнулся Брат, - Быть может наши скромные визитеры нуждаются в помощи и просто стесняются обратиться, скрываясь в сумерках?

- А, тогда конечно, наша обязанность - оказать всемерное участие.

- Кончайте трепаться, - хрипло отхаркнулся сумрак и на свет, покачиваясь, выползли три несуразные фигуры.

Один высокий и плечистый, с непропорционально маленькой головой, широченными ладонями-лопатами. Второй среднего роста, синевато-белесый, жирный, как слизень и безобразный в жидких бесцветных клочьях волос. Третий - словно сложившийся по полам под прямым углом, высоколобый, длинные руки гибко шарят над землей, похожий на паука, наверное, старший. Трое.

Брат бросил взгляд на Руса и отрицательно покачал головой.

- Остальные, щадя наши взоры, предпочли остаться в тени?

Обладатель маленькой головы ощерил рот в редкозубой улыбке:

- Ты думаешь, что умный, мертвый человек, - слова он с клочкотом выплевывает, словно такой способ общения противен стремящемуся к вершинам совершенства.

- Мертвый? - удивился Рус.

- Не принимай слова моего друга лично, - хрипит Паук, - для метаморфов все вы - мертвецы, отжившие положенное.

- Метаморфы? - включился в разговор Брат.

- Измененные и изменяемые.

- Мутанты?

- Как будет угодно.
- И чем мы можем помочь вашему несчастному племени?
- Наверное, нам должно стать реально мертвыми, дабы соответствовать вашим воззрениям? - это уже Рус.
- Отнюдь, вы уже мертвы с точки зрения эволюции, а мы не воюем с мертвецами.
- И все же?
- Нам действительно нужна некоторая помощь - лишь один из вас, остальные могут быть свободны, пусть будет доброволец и решим дело мирно.
- Что станет с добровольцем?
- Он умрет, - в словах Паука полное безразличие к ископаемым.
- Такое не входит в наши планы.

Беседующие говорят спокойно и взвешенно, словно речь идет о приобретении овощей на рынке.

- Тогда умрете оба, а женщина станет нашей самкой.
- Мы воины, урод, - слова Руса бесстрастны, но костяшки пальцев уже побелели на рукояти Глевии.

Воины, это значит, что битва для них - профессия, а несколько неполноценных - не противники, лишь пища для их кровожадного оружия, повод поупражняться в искусстве убийства беззащитных, пусть даже двое, наивные, вооруженные луками, застыли в засаде. Пауку этого не понять.

- Толстый и баба должны остаться, - зашипел он в никуда.

Тут же в то место, где только что сидел Рус чиркнули о камни, высекая мелкие искры, две стрелы. Гитариста там уже нет. Казалось бы надежно упакованная, Глевия легко выскользнула из петель и в ловких руках Руса с радостным свистом рассекла воздух. Тело плечистого урода, что с ревом бросился навстречу наискось перечеркнула кровавая полоса. Непозволительно близко подошли метаморфы к своим противникам, хотя их можно понять - они же не воины. А Брат широко замахнулся и бросил что-то в темный проем, откуда прилетели стрелы.

Вдруг остов дома словно подсветился изнутри неестественно белым, святым светом, которого никогда не увидеть в настоящей природе. Из пустых глазниц окон брызнули практически осязаемые ослепительно яркие лучи, сопровождаемые пронзительным, закладывающим уши визгом. Нет, так кричать не способно ни одно живое создание.

Рус, не взирая на все эти эффекты, уже там. Вывалившиеся наружу, обезумевшие, сжимающие головы ладонями еще две пародии на нормальных людей - прекрасные цели для Глевии. Жаль только, они не способны сопротивляться.

Брат тоже, с несвойственной грузному телу грациозностью, оказался на ногах, сжимая в руках свои Гривеля-ледорубы, наедине со Слизнем и Пауком. Паук оперся на все четыре конечности, наверное, ему так удобнее, припал к земле и начал боком, еще более усиливая сходство с насекомым, обходить противника, жирный, отвлекая, принялся наскакивать спереди. Брат развел ледорубы в стороны и слегка повернулся в сторону Паука, стараясь не упускать из виду обоих. Он абсолютно спокоен - воин должен бояться перед боем, чтобы стимулировать выброс адреналина, и после, когда оный начинает покидать кровь.

Они бросились на Брата почти одновременно, только Паук оттолкнулся всеми четырьмя чуть ранее. Мужчина, вопреки принятой позиции, не стал блокировать удары и защищаться от нападающих. Слегка отклонив рукоятью невесть откуда взявшийся в руке Паука кривой нож, Брат кувыркнулся мимо Слизня и ловко чиркнул его отточенным клювом ледоруба по дряблему боку. К месту схватки уже подоспел Рус и его уже окровавленная Глевия устремилась в приземлившегося Паука. Удар был смертельный, отбить его было невозможно, уйти движущийся по инерции метаморф просто не мог. Он сделал нечеловеческое - несущийся вперед, ухитрился резко подбросить тело вверх и в сторону. Вместо тщедушного горла оружие лишь глубоко полоснуло по плечу.

Тонко заверещав, на трех конечностях, прыжками, отталкиваясь от стен разрушенных

зданий, с неестественной быстротой урод бросился прочь. Рус не стал его догонять, да и скорее всего и не смог бы, столь стремительны были движения.

А Слизень, похоже, даже не заметил рвано разошедшихся на боку тканей и обнажившейся в кровавистой улыбке безобразной желтовато-зернистой жировой прослойки. Он не чувствовал боли. Зато толстяк с удивлением обнаружил, что остался один против двоих неласково улыбающихся воинов. Отступать было некуда - с двух сторон на него напирала Рус с Братом, с третьей, безучастно наблюдая за поединком, оказалась странная черноволосая девушка. И Слизень принял единственное, кажущееся ему правильным, решение. Нелепо переваливаясь, но тем не менее достаточно быстро, он обогнул Кэт захватил ее за плечо и, приставив к горлу тонкий ржавый нож, попятился от наступающих.

- Ну-ну, спокойнее, - посоветовал Слизняку Брат, приподняв вверх пустые ладони.

Ледорубы чуть покачивались на охватывающих запястья ременных петлях, готовые в любое мгновение вновь приняться за прерванное занятие. Крови им, в отличие от Глевии Руса толком испить не удалось, а оружие не любит обнажаться без толку.

Слизняк пробубнил что-то нечленораздельное, он был еще и нем, но понять смысл того, что он хотел сказать, было не сложно.

- Тихо, тихо! Ты ее отпускаешь и спокойно уходишь, - пообещал Рус, - Слово.

Слизняк помотал плешивой головой - верить таким головорезам он не собирался. Пат. Он также пытался назад, волоча за собой не сопротивляющееся тело девушки и царапая мраморную шею рыжим, быть может и от засохшей крови, лезвием. Вдруг в глазах Кэт блеснуло нечто ей не свойственное. Страшное. Правая рука метнулась к ножу и пальцы тисками сжали острие, не давая больше давить на нежную плоть, голова дернулась назад и затылок с хрустом приложился в синеватую безгубую челюсть.левой девушка тоже перехватила державшую нож руку метаморфа, сама присела и нырнула назад подмышку Слизня, удерживая его потную ладонь с клинком. И вот она уже за спиной, а урод с удивлением разжимает руку - деревянная рукоять коротко дергается, удивительным образом направленный девушкой нож оказался в груди метаморфа.

А Кэт теперь совсем не интересуется Слизняком, который сначала рухнул на колени, потом лицом вперед, еще больше загоняя лезвие в свое жирное тело, и забился в ритмичной агонии. Может быть, он ее и раньше не интересовал?

- Ну ты даешь! - присвистнул Рус.

- А ты говорил - безобидная, - Брат толкнул напарника в плечо и кивнул в сторону реки, - Смотри!

От берега отчалила и шустро начала удаляться в противоположную сторону небольшая лодка.

- Резвый какой!

- Спайдермэн.

Чуть позже, отчищая лезвие любимой Глевии, Рус заметит Брату:

- Зря ты шутиху перевел, я бы и так справился.

- Знаешь, ведь хрен его знает, - ответит Большой Брат, - подстраховаться никогда не помешает.

На самом деле, оглушительный вопль освобожденного духа шутихи сыграет не последнюю роль в предстоящих событиях. Пагубную или благотворную - можно судить лишь оценивая случившееся после с полностью беспристрастной точки зрения, а на это не способен никто. В любом случае - сыграет. Об этом спутники еще не знают, разве что за исключением, чем черт не шутит, Кэт, истинное имя которой несколько иное.

Станным образом дерущиеся ухитрились не вывернуть мирно бурлящий на костре котел с похлебкой. Количество жидкости значительно поубавилось, но это лишь пошло на пользу загустевшему вареву.

- Думаешь, вернутся? - Рус осторожно пригубил обжигающую пищу и блаженно закатил глаза.

- Могут, - Брат ел размашисто, орудуя ложкой не менее уверенно, чем Гривелями, и то,

что употребляемое слишком горячо, его не смущало - вот ведь луженая глотка.

- Они придут, - Кэт сидела нахохлившись, подобрав ноги и держа под своей ложкой ладонь ковшиком, - пришло время Селены.

- Чье время?

- Селена меняет Охотницу.

- А, конечно.

- Она о луне, - пояснил Брат, - насколько я помню, древние считали, что три фазы луны находятся под властью трех разных богинь. Ну там, увядание, возрождение и полнолуние. Селена - полная луна.

Воины синхронно посмотрели на ночное светило. В городе его багровый диск на фоне развалин казался особенно громадным и зловещим. Позднее, чем выше он будет подниматься, тем скромнее будет выглядеть, разрушая иллюзию, создаваемую более мелкими ориентирами.

- А полнолуние - время психов, вот они и зашевелились.

- Значит, доедим и сматываемся?

- Смысл? - Брат вновь взялся за ложку, - Куда?

- Да, за город среди ночи - резона нет, да и если выследят, в чистом поле отбиваться, стрелами забросают - мало не покажется. Что предлагаешь?

- Среди руин от них бегать тоже толку никакого. Можно здесь остаться, место хорошее, высотка, забаррикадуемся, чтоб со всех щелей не поперли. Бойцы они, сам видишь - никакие.

- Да, дальше поножовщины не идут. Только, слышь, реакция у того горбатого - и тебя чуть не зацепил, и из-под Глевии ушел, а ведь должен был уже червей кормить.

- Если в одном месте убывает, должно же хоть где-то прибывать.

- Ты о чем?

- Они несчастные люди.

- Ну, Брат... Так сделай счастливыми - стань их ужином!

- Думаешь, мы им нужны для жратвы?

- Нет, конечно - они соскучились по интересным собеседникам.

- Спасибо, Рус.

- Это за что?

- Ты признал, что со мной приятно общаться.

- Э-э, нет! Когда тебя пробивает на проповеди, только вон Кэт способна не заснуть.

Мужчины весело засмеялись и даже девушка задумчиво улыбнулась.

- Ладно, - Брат хлопнул ладонью по колену, - пошли, посмотримся, нам еще камни таскать, там определимся, кто первый ночь дежурит.

- А чего там решать, - Рус поднялся, - ты по жизни встаешь не заря, а я ложусь под утро - значит, твоя вторая смена.

Они устроились в маленькой комнате на первом этаже жилого дома. Единственное окно выходило в сторону реки и с улицы находилось много выше человеческого роста. Узкий вход в комнату завалили обломками так, что снаружи на разбор ушла бы вся ночь. Из окна просматривался широкий сектор вниз с горы и Рус удобно устроился, положив локти на трухлявый подоконник.

- А может, они и не сунутся вовсе, - Брат зевнул, заворачиваясь в одеяло.

Девушка тоже находится у окна. Тонкая спина изящно изогнута и подбородок лежит на сгибе руки, лицо обращено туда же, куда смотрит Рус. Она, при всей своей странности, женщина, и очень привлекательная, поэтому поэт и музыкант изредка косится в ее сторону.

- Прекрасная ночь, не правда ли? Эта луна, эти звезды, хочешь, я спою тебе дивную серенаду?

Для Руса эти заигрывания давно уже стали чем-то вроде игры, насмешки над молчаливым безразличием спутницы. Она не выглядит недосыгаемой, возможно, если проявить некоторую настойчивость, Кэт не откажет, но это будет выглядеть как уступка,

снисхождение. Поэтому Рус смеется и подтрунивает, тщетно пытаясь разжечь огонь в ледяной пустыне. Неожиданно взгляд девушки становится теплым и озорным, заставляющим сердце забиться чаще а низ живота сжаться в тянущем, сосущем ощущении. Мужчина чувствует, как тает, растворяется и весь мир вокруг сокращается до размеров двух ярко синих озер-глаз напротив... И строго-назидательным голосом звучат незнакомые слова, срывающиеся с бледных, но безумно притягательных губ:

- Audi, vide, sile.

Ну и кто кого подначивает?

- Фу ты! - Рус затряс головой, отгоняя наваждение и Фокусируя зрение на окружающей действительности, - Опять, ты, Кэт, со своей тарабарщиной! Брат, а, переводи!

- И правда - делом бы занялся, - недовольно заворочался тот, - Она сказала - слушай, смотри, молчи.

- Понаучиваются мертвых языков... - деланно возмутился Рус, - Дорогая, ты так больше не делай, а то втрескаюсь, как пацан, буду лишь хвостом волочиться, ни на что не годный, и на гитаре тренькать.

Девушка понимающе улыбнулась. По-настоящему. Что-то знает она или предчувствует, неподвластное органам простых смертных. Что-то предстоящее в недалеком будущем.

Не сунутся... Как бы не так - обязательно. Они бы может и не решились, будь у них добыча попроще. Но время не терпит, сдавливая виски нависающий над головой бледный шар и укоризненно взирает новая звезда, недавно занявшая свое место на небосводе - Мать драконов.

А Кэт улыбается уже не Русу, задумчивое удовлетворение, усмешка блуждает по лицу девушки, находящейся и рядом и в недостижимых высотах. Полнолуние. А дальше ночное светило начнет убывать, постепенно пожираемое черной тенью. Неминуемая смерть, предшествующая очередному обновлению. Темное время, время власти другой богини древних - Трехликой. И это хорошо.

Рус растолкал своего напарника очень скоро - в тусклом свете отчетливо выделялись скользящие по водной глади темные силуэты трех лодок.

- Не меньше дюжины, - зевнул, потягиваясь, Брат.

- Расчехляйся, - Рус расстегнул чем-то подобный на гитарный фуляр и извлек наружу самострел.

Похожий на те, которые повсеместно стали использовать в последнее время. Но только похожий. То же ложе, те же дуги, однако все формы - легкие и изящные, плечи двойные, с колесиками-блоками на концах и сложными перехлестами тетивы, удобная ребристая рукоять, защищенная дужкой спусковая скоба и поблескивающее стеклами прицельное приспособление. Такие сейчас не делают, странно, что предки пользовались схожим оружием. Невероятно, но этот арбалет - из минувшей эпохи.

- Ты из своей бомбарды погоди - сразу засекут, сначала я их щекотну, - посоветовал он Брату, который тоже взял в руки что-то, посерьезнее ледорубов.

Выглядит оно, конечно, грубее рядом с воздушными линиями арбалета. Потертое деревянное ложе с кованым затыльником и две короткие толстые трубки на нем - незатейливо и основательно, как и сам хозяин.

- Вообще спешить не будем - пусть втянутся, порыскают, - решил Брат.

- Угу, - согласился Рус и просто, без видимых усилий натянул тетиву.

Метаморфы не замедлили себя ждать. Первыми показались уже знакомый Паук в обществе двоих, не менее корявых, и еще одного, как ищейка шарящего носом у самой земли. Четверка остановилась и проводник начал указывать куда-то на землю, Ищейка упал, начал елозить лицом в грязи, пока его судорожные движения не прервались радостным щебетанием. Он вскочил, высокий, стройный, почти нормальный, широко расставил ноги и, неестественно выгнув спину и подняв лицо к луне, начал ритмично водить им из стороны в сторону. В полной тишине это зрелище походило на неспешный танец, в чем-то красивый,

где-то отталкивающий. Неожиданно лицо повернулось в сторону окна и замерло. В бледном свете Селены оно оказалось таким же круглым и луноподобным - отсутствие даже намека на глаза, несимметричные дыры ноздрей без признаков носа и узкая щель рта. Тонкая рука метнулась вверх в указующем жесте, но тело беззвучно отбросило назад - короткое оперение выросло из груди Ищейки и он упал навзничь, Рус улыбнулся в темноте и начал вновь взводить свое бесшумное оружие. Брат лишь покачал головой, в который раз удивляясь - почти триста футов, нереальное расстояние для прицельной стрельбы из нынешних поделок.

Нападающим хватило мгновения, чтобы осмыслить произошедшее. Выстрел они, понятное дело, не засекли, но направление определить смогли. Пока они рассыпались, музыкант успел всадить стрелу в спину еще одного сопровождающего Паука.

- Минус два, - прошептал Рус.

Брат еле заметно кивнул и обернулся к девушке - та сидела в глубине комнаты на колченогом стуле, прижавшись лопатками к стене и запрокинув голову.

- Tredecim, - чуть шевельнулись ее губы.

- Еще тринадцать, - тихо перевел Брат.

Рус сделал осторожный шаг назад, вглубь комнаты, поднялся во весь рост напротив окна и по дуге провел арбалетом, отслеживая малейшие признаки движения среди разбросанных обломков. Тихо. Нападающие растворились - толи отошли, чтобы предупредить остальных, или двинулись вокруг, разведывая безопасные подходы.

Снаружи где-то под стеной хрустнуло стекло, Брат пальцем указал Русу направление, тот утвердительно качнул подбородком и беззвучно поплыл к противоположному углу окна. Внизу вновь закрипели осколки и арбалетчик спустил тетиву. Упругий звук вонзающегося в плоть металла и хриплый вскрик. Двенадцать.

Тут же из-за разрушенных зданий, из тьмы вынырнули четыре приземистые фигуры и резво бросились вперед, оглашая ночь свистящим дыханием.

- Твою мать! - выругался Брат, - Вычислили!

- Своего подставили, - Рус уперся ногой в стремя арбалета и, распрямив спину, ввел в зацеп замок.

А его напарник поднял руку с зажатой "бомбардой".

- Не спеши! Этим мы и так положим! - Рус бросил стрелу на направляющую и, почти не целясь, выстрелил.

Еще один метаморф словно наткнулся на стену и опрокинулся на спину, широко взмахнув руками и высоко подбросив ноги. До окна добежали трое, где их, спрятавшись в тень, поджидали сжимаемые мозолистыми руками Глевия и Гривеля - дальнобойное оружие было пока отложено.

Кто-то из бегущих, не останавливаясь, метнул в квадрат проема короткий дротик, но скрытый мраком Брат легко уклонился.

- С линии! - рявкнул Рус, чутьем воина осознавший следующий ход метаморфов.

Бойцы синхронно оказались под прикрытием стены по обе стороны от окна и вне светлого серого прямоугольника, что оставляла на ободранном от досок полу нахально заглядывающая внутрь луна. Действительно, только они ушли, из развалин по три, с короткими интервалами в обороняющихся устремились длинные стрелы. Траектория была, конечно, не очень удачная, наконечники больше царапали потолок и чиркали по стенам выше человеческого роста, но какая-нибудь шальная посланница могла и зацепить - слишком плотным был обстрел. Стрелы ведь они, впрочем, как и иные летающие снаряды - дуры. Только Кэт также безучастно сидела в углу и не реагировала на сыплющиеся да ломающиеся тонкие древки, похоже она скептически относилась к случайностям.

Пальба продолжалась безостановочно, пока наступающие не добрались до здания и узловатые пальцы первого из них не вцепились в подоконник. Пружинистым рывком метаморф бросил тело вверх и вперед, в окно, но длинная Глевия вынырнула сбоку и описала короткую дугу, разверзнув горло мутанта в кровавом подобии второго рта. Однако цепкие ладони следующего тут же впились в древко, сковывая движения, а третий,

массивный, но неожиданно ловкий, головой вперед кувыркнулся внутрь, уйдя из-под размашистой глассады ледоруба. Рус втащил своего оппонента и они застыли друг напротив друга, сжимая Глевию в четыре руки и соревнуясь в силе. Брат развернулся к противнику и бешено начал вращать Гривелями в ложных и настоящих выпадах. Схлестнувшийся с ним метаморф оказался удивительно хорош. Схватка могла бы затянуться, и даже неизвестно, кто вышел бы победителем - грузный мощный Брат или кошачье-грациозный мутант, если бы отстраненно сидящая позади Кэт не ткнула последнего под коленку. Нога предательски подломилась и этого хватило, чтобы острые клювы беспрепятственно погрузились несколько раз в незащитную плоть. Рус тем временем извернулся, вырвал оружие крутанул его мельницей над головой и последний из нападавших лишился сначала руки, а затем и головы. Не сговариваясь, воины выбросили мертвые тела наружу - дабы не мешали внутри и путались под ногами тех, кого принесет следующей волной. Сколько там осталось противников, кажется, восемь?

- Ну? - перевел дух Брат.

- Перекур, - Рус снова взялся взводить арбалет.

Передышки не получилось и бойцы принялись наблюдать следующее действие метаморфов. В бледном ночном освещении раскинувшегося перед окном двора показались семеро, по два спереди и сзади, а в центре, поддерживаемое с обеих сторон дюжими мутантами, плелось жалкое создание. Тощее и немощное, на дрожащих тонких ногах и с свисающими руками-плетьюми, оно отталкивающе выделялось даже среди безобразных спутников громадной, превышающей нормальную раз в пять, безвольно качающейся из стороны в сторону головой.

- Сейчас я этого лобастого, - Рус прижал к плечу арбалет.

- погоди, - остановил его рассудительный Брат, даже не поднимая свое оружие.

И зря.

Неожиданно обоими овладела какая-то странная апатия и слабость. Музыкант, с трудом сопротивляясь неподъемному грузу ставшего вдруг тяжелым арбалета, дернулся, короткий болт уныло вжикнул и ушел вверх, в лицо анемичной Селене. Брат выгнулся, пытаясь вскинуть бомбарду, но руки не слушались, да и разум медленно отказывал, погребенный под тяжелым прессом чужого отчаянного безразличия. Четверо из стоящих напротив неотвратимо уверенно двинулись вперед, а в окно уже лез, хромая, если можно так сказать, на раненную руку, неизвестно откуда появившийся Паук. Наверное, он все время находился поблизости, ожидая под стеной своего часа. дождался, вот он уже между бойцами и радостно скалится в обездвиженные лица, переводя взгляд с одного на другое, где сейчас живут лишь подернутые поволокой глаза. И узлами вздуваются вены на окаменевших руках в тщетных попытках хоть пошевелиться.

Паук распрямился, насколько позволил искривленный позвоночник, и начал поигрывать кривым кинжалом, словно раздумывая, с кого начать. Тьма за спинами воинов вдруг отступила, проявляясь мертвенно бледным, даже более безжизненным, чем лик луны, овалом. Мраморное лицо с глазами цвета синевы кованной истинным мастером стали, цвета бури.

Умирая, Паук осознает, что представшее перед ним существо страшнее любого из ужасных порождений отравленного города. Но он этого никому уже не расскажет.

А Кэт, она не поддается странному воздействию, подошла к окну и, напряженно морща лоб, уперлась взглядом в большеголового... телепата? На мгновение воины ощутили прилив сил, давление отступило, возвращая членам свободу движений. И молниеносно взметнулась вверх кисть Большого Брата, сжимающая полированный приклад. Но мгновение оно мгновение и есть. На полпути рука сорвалась и вновь опала гибкой плетью, лишь оглушительно рывкнуло двойным раскатом грозное оружие, в щепы разлетелся толстый подоконник и огненная вспышка осветила бескровные лица.

Позже, вспоминая этот кошмар, Рус споет словами старинной баллады:

Город стреляет в ночь дробью огней,

Но ночь сильнее - ее власть велика...

А сейчас Кэт бессильно прислонилась к стене и закусила губу, по виску ползет предательская капля пота. Время горячки-Селены... Еще слишком слаба...

Вновь обездвиженные бойцы могут лишь наблюдать, как вразвалочку приближаются четверо убийц, как бьется вдали в мелкой конвульсии большоголовый метаморф и как появляются на усеянном хламом дворе новые персонажи.

Один, высокий, ростом с Брата, плечистый, но настолько худощавый, что грязный свитер на нем кажется повешенным на вешалку, подволакивающий ногу, но вместе с тем изысканно хищный, безошибочно направляется к телепату. Спину ему прикрывает фигуристая девушка в обтягивающих кожаных бриджах и короткой матерчатой куртке. Пришелец играючи отражает атаку оставшихся с Большоголовым пары телохранителей, причем один сразу падает мертвым, второй тоже падает, но его добивает движущаяся следом девушка. Телепат стоит один и трясется, но не от страха - просто он не в состоянии самостоятельно удерживать свое тело. Женщина ойкает и оседает, но хромой также уверенно продолжает свой путь.

- Кто ты? - удивленный голос метаморфа не тонкий и писклявый, как можно было ожидать, а густой и гулкий, что, с одной стороны неудивительно при такой большой голове, а с другой странно - ведь грудная клетка у него меньше черепной коробки.

Затем удивление сменяется пониманием и негодованием:

- Опомнись, измененный брат!

Но сабля в руках хромого взлетает и опускается - редкий трофей, голова диаметром в фут падает в грязь.

Брата с Русом отпускает, начинает шевелиться упавшая позади пришельца девушка, а четверка оставшихся метаморфов нерешительно переминается и позорно спасается бегством. Их никто не преследует.

Воины в маленькой комнате предусмотрительно выжидают, неизвестно, чем еще обернется для них явление хромого с подругой, но Кэт безрассудно, легко спрыгивает с почти восьмифудовой высоты и спокойно идет.

Хромой боец отбрасывает в сторону оружие, сгребает скрывающую черты лица широкополую шляпу, после чего становится видно насколько оно обезображено, изуродовано шрамами, и медленно, словно остерегаясь провалиться на тонком льду или увязнуть в непроходимом болоте, движется навстречу.

Они встречаются посреди двора и лунный свет серебрит их силуэты и вновь зарядивший дождь омывает их лица. Он - сильный, страшный и одновременно грустный. Вытянувшийся рваный свитер висит, обнажая жилистую шею и, в прорехах, гибкую мускулатуру, а высокие шнурованные ботинки, в которые заправлены потертые темные штаны, плотно замазаны комьями налипшей грязи. Она - на голову ниже, хрупкая и изящная, в своих лохмотьях абсолютно подходящая, сочетающаяся с грубым оборванцем, печальная и чувственная. Они не отрывают глаз друг от друга и она ведет алебастровым пальцем, повторяя извилистое русло пересекающего его лицо шрама, тербит коротко и неровно стриженные волосы. Что это - капли дождя бороздят шершавые щеки или скупые слезы ищут себе выход?

- Здравствуй, Убийца Драконов, - говорит она.

ГЛАВА 10

Что делать немощному, находящемуся среди гигантов? Игра мускулов - любимое времяпровождение наделенных силой. Разделение мира - ставка в подобных забавах. На грани, ибо мощь противостоящих такова, что, будучи неосторожно освобожденной, неминуемо погубит и самих обладателей. Как быть слабому в таком окружении, если он претендует даже не на часть, но на целое? Говорят, что песчинка способна нарушить хрупкое равновесие, сдвинув с места гибельную лавину. Столкнуть глупцов в беспощадном

самоуничтожении, оставив осторожному пожинать плоды. Лукавство, потому что подобными методами не брезгают пользоваться и Могущественные.

Посмотри, как играет солнце на дивных сочленениях эластичного тела. Высота - их стихия и власть над ней безгранична. Удел червей - пресмыкаться в грязи, с безнадежной тоской взирая в бездонные небеса. Вись, лазурная синь, что много выше замаранной пелены туч, нависающей над проклятой реальностью. Безграничное пространство, пронизанное искрящимися лучами, и освежающая влага, роса воздуха, заставляющая свет распадаться дугой многоцветья. словно иное бытие, существующее здесь и сейчас, но вне досягаемости всех существ мира. Тварям не дано узреть подобное, тварям, а не обитателям этого великолепия - драконам. Изящность стремительных форм лишь подчеркивают единственные конечности - узкие острые крылья, неподвижные, способные лишь складываться и расправляться. Движения драконов безукоризненно рациональны, но полет их красив и чарующ, как танец. Они резвятся, будто их небольшие крылья имеют опорой не разреженный эфир, а нечто более... более осязаемое. Знаешь, передвижение некоторых морских обитателей сравнивают с полетом? Парение же дракона более подобно гибкому скольжению по водной глади. Или им подвластна иная логика мироздания, позволяющая, в нарушение всяких законов, на нереальных скоростях менять направление, изгибая тело в немыслимых пируэтах, либо, срываясь с места, в мгновение ока с хлопком исчезать крохотной точкой, оставляя за собой лишь белесый след? Небеса - среда обитания драконов, ибо никто, кажется, не видел их приземляющимися, выющими гнезда, не заглядывал в мутные купола их глаз. А быть может они вообще живут за пределами нашей сферы и, когда взмывают вертикально ввысь, стремятся туда, где лишь бестелесные духи способны носиться в пустоте? Быть может там, в холодном безмолвии их дом, копошащийся мириадами хризалид, грандиозный улей, в котором безраздельно властвует великая Мать.

Вот только если Там все так прекрасно и ничто, никто уже не в состоянии оспорить их превосходство, какая, черт возьми, сила притягивает, тащит драконов вниз, к жалкой грешной земле?

За странной парой заворожено наблюдают все.

Мужественный Рус, воин-бард, поэт и менестрель, одинаково ловко управляющийся и с гитарой и с длиннолезвийной пикой-глефой.

Чуть перешагнувший порог зрелости Большой Брат, воин-проповедник, миссионер и философ, несущий свою правду убедительным словом и парой ледорубов, формой отдаленно напоминающих распятия.

Молодая, но рано повзрослевшая Стерва, девушка-воин, обаятельная наемница, считающая своим оружием обольстительные формы и ядовитые жала стилетов.

Совсем еще мальчишка Ванко, ребенок-воин, паж и оруженосец, обученный Жизнью в свои двенадцать лет относиться к Смерти с цинизмом отъявленного убийцы.

Они встретились.

Ключник, настоящее имя которого никого не интересует, человек без возраста с глазами глубокого старца.

И Кэт, истинного имени которой никто не знает, ровесница новой эпохи с глазами... не поддающимися анализу глазами.

Убийца Дракона, говорит она, но разве можно убить дракона? Можно?

Древнее предание гласит, что убивший дракона сам становится драконом, чудовищем, пожираемый жадной жертвоприношений. Нет, Ключник отмечен клеймом иного заклатья. Даже он сам пока не знает, насколько невыносимого. А сейчас он почти счастлив, как человек, освободившийся от тяжелого бремени.

Они стоят и смотрят друг другу в глаза и молчаливое созерцание способно затянуться.

- Кхм! - деликатно нарушает тишину тактичный Рус.

- Здравствуй, Убивающая Вопросы, - Ключник с трудом отводит взгляд.

Что ж, поражать вопросы ответами, пусть даже смысл которых скрыт плотной завесой иносказаний, великий дар... и проклятие.

Получасом позже все шестеро сидят у костра и общаются, знакомятся, хотя Стерва, конечно, знает и Руса, и Брата, и даже, немножко, Кэт. Они сидят и не беспокоятся о новых визитах метаморфов, они уверены в собственной силе и слабости безумных детей токсичного Города. В этом они правы - хотя отдельные лидеры измененных и вызывают к еще одной попытке, к отмищению, сохранившие остатки благоразумия против. Слишком многие и так принесены сегодня в жертву. Из лучших, потерю некоторых так сложно будет восполнить многовариантной природе Воронки. А шестеро обычных людей... считающих себя обычными людьми... в большинстве своем считающие, шестеро сидят у костра, кружок у костра - это извечное место душевных бесед и тайных заговоров, сидят у костра и общаются, знакомятся.

Для них эта ночь под светлым взором гордячки Селены - ночь разговоров, воспоминаний и прозрений. Ответов на вопросы. На вопросы и на Вопросы.

- Я вас по Заре вычислил, - пояснил Ключник, - ее свист ни с чем не перепутаешь, мы на звук сразу и выдвинулись, потом кругами рыскали. Ну, а когда здесь в два ствола разрядили, тогда окончательно сориентировался.

- По Заре? - переспросил Рус.

- Он так шутиху называет, - Брат, как и Ключник, знает подлинные имена вещей.

- А как догадались, что мы - это мы?

- Да кто ж, кроме вас, так шуметь будет? - улыбнулась Стерва, - Чего вы с уродами не поделили?

- Да жрать им здесь нечего!

- Тобой, Рус, не наешься!

- А им Брат понравился - большой!

- А зачем вы нас искали, - Брата это интересует больше, чем причина конфликта с метаморфами.

- Ключник на Кэтти запал, ни дня без нее не может.

- Правда?

- Долго объяснять, - Рахан не склонен вдаваться в подробности.

- Во! - Стерва подняла вверх указательный палец, - Фиг чего добьешься! Ну, нашел ты ее - и что дальше?

- Что дальше? - это уже Ключник, глядя в задумчивые глаза Кэт.

А девушка, как говорили ее спутники, ушла.

- Девочка!

- Не трогай ее, - Брат положил ладонь на руку солдату, - Она сейчас не с нами.

Рахан кивнул.

- Она странная, и она может ответить, просто... просто так сложно задать правильный вопрос...

- Зачем тебе это?

Рус многозначительно посмотрел в сторону Стервы, мол, сел Брат на своего конька, сейчас твоему другу в душу ползет. Наемница беззвучно ухмыльнулась, поглаживая шевелюру ухитрившегося заснуть на ее коленях Ванко.

Им действительно пришлось тяжело в последнее время - Ключник, ведомый призрачной целью, шел как одержимый. Со слов девушки, отставание составляло более седмицы и, невероятно, группе, состоящей из хромого, раненой и ребенка, удалось наверстать такой отрыв в течение двадцати дней. Но эти два десятка дней были похожи на кошмар. На безумную гонку за тенью. Когда они плыли на дряхлой лохани, было еще терпимо, пусть и редкие остановки делались лишь для пополнения припасов, либо, совсем короткие, чтобы чуть размять ноги. Но они хоть плыли, время от времени вычерпывая набежавшую воду, маясь с непослушным парусом, дрожа в пропитанной влагой одежде. Пускай иногда казалось, что лучше бы было идти пешком. До тех пор, пока они не высадились на берег. Разлив был огромен, он питался несколькими реками, одна из которых, самая крупная, вытекала из Озера. Райского озера. К сожалению, их занесло в другой рукав,

к полумертвому поселку со странным названием Зима и три сотни миль вдоль раскисшей старой дороги, кишасей бандами, которые Ключник, экономя время, по волчьим обходил, этот путь им пришлось проделать на своих двоих. В изматывающем темпе. Только на окраине чертового города Рахан позволил устроить большой привал, чтобы перевести дух. Большой привал, продлившийся не больше пары часов, пока этот сумасшедший не услышал вдали грохот разрыва. А после - беготня по развалинам, ну, дальше все известно.

Зачем ему это, спросил Брат и вот Стерва неоднократно задавала себе вопрос - а на кой это ей самой? Хотя, может, действительно - путь в Эдем не должен быть легким. И все-таки - зачем? Начиная клевать носом в такт своим мыслям, наемница резко подобралась - кажется Рахан решил ответить.

- Я не знаю откуда, мистика какая-то, но эта девочка... девушка, когда я ее впервые встретил, она была намного моложе, эта девушка знает такие вещи, о которых я сам лишь догадывался. Ее ответы запутанны, но не бессмысленны - в них кроется истина.

Крупницу разумного можно усмотреть в любом бреде, но этого Брат говорить не стал, утвердительно качая головой.

- Иногда она переключается на чужой язык.

- Да, - с этим Брат сталкивался.

- Это именно язык - не тарабарщина, я не понимаю его, но уверен - язык.

- Язык, - подтвердил Брат, - мертвый язык, использовавшийся лишь специалистами.

- А ты?

- Я был... - Брат подобрал слова, - законником.

- И понимаешь, что она говорит?

- Не всегда, мы пользовались лишь специфическими терминами, плюс общий курс, крылатые выражения, я не был его поклонником, кто же знал, что пригодится.

- Тебе легче, мне она потом сама переводила. Я ее расспрашивал - она думает на этом языке. Улавливаешь? Думает!

На самом деле - странно. Общеимперский для Кэт - не родной язык. Впрочем, мало ли в какой среде пришлось расти бедному ребенку и с кем общаться. Мир полон загадок, и эта - не самая удивительная. А искалеченный мужчина просто одержим, не влюблен, его чувство еще бездумнее, он находится во власти своего идола - хрупкой девушки, обделенной разумом. Несчастный. Однако не стоит бывшему законнику судить ближнего - такие времена настали, что каждый встречный бесноват своими собственными демонами. Ущербны скорее те, кто живет, не задумываясь. Вера делает человека сильнее, или вера - лишь признак людской слабости?

- И все же - зачем тебе это? - Брат взялся за Рахана всерьез.

- Зачем? - Ключник замялся, словно понимая, что скажет сейчас глупость, окончательно закрепив за собой репутацию блаженного, уверовавшего в несбыточное, в чудо, - Она считает, что не поздно еще все исправить. И я ей верю!

Последние слова солдат произнес твердо, жестко, тоном, не терпящим возражений, и обвел взглядом собеседников. Ванко посапывая спал, Стерва не стесняясь зевала, Рус пощипывал струны, настраивая лады, Кэт, обыкновенно чужающаяся людей, и, когда у нее был выбор, старающаяся оказаться в одиночестве, прижалась к плечу Ключника и не мигая смотрела на костер. Только Брат остался внимательным слушателем, впрочем, никто не хотел оспаривать заявлений Рахана - и ладно. Одни пророчествуют скорую гибель мира, другие - пришествие царствия небесного, все, тем не менее, осознают неизбежность перемен, понимают, что жизнь изменилась. А этот верит, что все еще можно вернуть на круги своя, но говорят же в народе, что каждый имеет право сойти с ума по-своему.

- Ключник, - Стерва еще раз зевнула, отчаянно борясь со сном, - Кэт тебя так назвала... Ты что, действительно убил дракона?

Это уже интереснее.

- Драконы, драконы... - прошептал себе под нос Рахан, - Какие они, к чертям собачьим, драконы?

- А кто?...

Воспоминания приходят как всегда неожиданно. Вот ты бредешь сквозь снежный вихрь, темную мглу и промозглую стужу, ориентируясь на призрачный источник света, просто догадываясь, что где-то рядом должно быть жилье и вдруг перед самым лицом вырастает прочная дубовая дверь и медный молоток, готовый призвать хозяев. Мгновение, и ты уже греешь замерзшие пальцы у жадного жерла камина и потягиваешь обжигающий грог. Или имя. С чем может сравниться ощущение осознания себя? Когда ослепительной вспышкой озаряет понимание - с этой секунды ты для себя уже не никто, ты - это ты? Так и сейчас - ведь одно дело Знать, а совсем другое - Помнить.

Собравшиеся слушают, все, даже Кэт, а Ключник рассказывает то, что возникает в памяти калейдоскопом картинок. Конечно, словами нельзя передать оттенки собственных реминисценций, но смысл донести можно.

...Звонко режут луженые глотки сирен, истлевшим призраком баньши надрываясь в тщетной попытке вывести бойцов из себя. Мир в узкой прорези забрала кажется враждебным и опасным, но это хорошо и правильно: уютная скорлупа тяжелой брони, оружие, как продолжение рук слитно сидящее в ладонях, и надежные товарищи, готовые всегда подставить плечо - все, чему сейчас можно доверять. Надсажено воют назойливые сирены, отбрасывая красные факельные сполохи, и глаза воинов в глубине шлемов отсвечивают недобрым багрянцем.

- Пошел! - рявкает в девять пар ушей как рождественская елка увешанный смертоносными игрушками Бонза и хлопает громадной ладонью, способной забивать гвозди, по заливку Тарана, исторгая его наружу.

Так, наверное, рождаются дети, с криком покидая тесное пространство, ритмично пульсирующее кровавым, устремляясь в узкий, пронзительно изливающийся белым светом проем. Бойцы один за другим сыплются в чавкающую грязь и заученно занимают положенные позиции - здесь каждый на уровне рефлексов знает свое место в их безукоризненном построении.

Свершилось. Там, дальше, внутренний и внешний круги оцепления, состоящие, наверное, из лучших, но тут, в этом Месте, только десятка Бонзы, потому что они - элита, избранные. Совершенное оружие. Оружие - это не замысловатое содержимое их ранцев, не доспехи, названные тяжелыми не за изрядный вес, а за способность противостоять практически любым воздействиям, оружие, бесценное оружие, это они сами. Абсолютное орудие смерти. А напротив, в обугленной, дымящейся полосе поваленных деревьев то, за чем они пришли. Надо признать, Это повержено не их стараниями, воздух - не их стихия. Постарались молодцы летуны, захлебываясь собственной кровью, поразившие неуязвимый объект, опрокинувшие его вниз, во власть мальчиков Бонзы. Впервые в мире. Свершилось.

Они движутся короткими перебежками, успешно используя разбросанные стволы в качестве прикрытия. Когда один делает шаг, четверо смотрят на мир лишь в прорези прицелов, готовые в любое мгновение вспороть пространство огненными росчерками. Вон не знающий промаха Робин слился с окружающей грязью и все, что он увидит на расстоянии мили, станет мертвым, будь на то его желание. Вон Таран, для которого просто нет преград, с холодным спокойствием высматривает себе достойного противника. И Лекарь, тоже лучший, способный наравне с бинтами и снадобрями, не хуже остальных управляться с оснащением, дарующим не жизнь, но смерть. Здесь нет имен, имена остались дома, а здесь только прозвища, характеризующие специализацию, короткие и понятные.

- Ключник, связь, - шепчет Бонза и этот шепот слышат лишь те, кому нужно его слышать.

- Папа Бонзе! - мгновенно реагирует Ключник.

- Да, - отвечает кто-то далекий и всемогущий.

- На позиции, - переключается Бонза.

- Движение есть?

- Глухо.

- У нас тоже.

- Я пошел?

- Двигай.

Десятка ползет дальше и вот их взорам открывается Это. В парящей горячей грязи среди черного бурелома. Длинное измазанное тело. Ничего грандиозного и захватывающего. Просто необычное. Похожее на гигантского земляного червя, только постепенно сужающегося к хвосту и резко заостренного в передней части, а так - те же кольца сочленений, та же расслабленная пластичность. Оно взбороздило землю, оставив за собой длинный глубокий ров, и поэтому нос, кажется, расположен как ему должно быть, не завален, не перевернут, но остальное тело безвольными кольцами перекручено в странном подобии штопора. Дохлая пиявка. Или сломанный воздушный змей, из таких, что запускают в красочных феериях жители Востока. Только железный. Такое не в состоянии подниматься в воздух. Стреловидное крыло, наподобие акульего плавника устремленное вверх - сейчас та часть тела, где оно расположено, лежит на боку, узкое крыло, визуальное, не может обеспечить Этому необходимую подъемную силу. Не может, не должно, не в состоянии. А мертвые петли, что описывало это творение вверху, откуда было низвергнуто, причем такие, что головная часть уже выходила из фигуры, а хвостовая только начинала входить в вираж - это что, обман зрения?

- Папа Бонзе!

- Вижу, работай.

Группа разделяется на пятерки и начинает с двух сторон обходить создание. С хвоста. Хвост такой тонкий, что при желании можно поставить на него ногу и запечатлеть себя у поверженной жертвы. Но они пришли сюда не за этим. После, разве что. Передняя треть тела много толще - в три человеческих роста, общая длина, ее трудно оценить, но никак не менее двухсот футов. Бойцы крадутся вдоль боков к расположенным в носовой части двум мертвенно мутным куполам-буркалам. Им нужно попасть внутрь. Найти хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее вход. Дальше в дело вступит Ключник, двери и замки - его забота. Любые: сложные механизмы, где детали притерты до скольжения, а используемые отмычки чуть толще волоса и запоры, где все управление осуществляется лишь током энергий. На то он и Ключник. Исключительное средство, к которому боец прибегает крайне редко - разрушительное вещество, способное жечь и испарять все, на что направлено его действие, универсальный ключ от каждого замка.

Нужды в услугах Ключника нет - в боку, или это спина, а может, живот, зияет, дымясь, рваное отверстие, успех кого-то из безвестных летунов. Бойцы перегруппируются - Робин в десятке шагов напротив, по бокам у самого проема Бонза и Таран, чуть дальше по сторонам Лекарь и Ключник.

- Разрешаю! - невидимый Папа не ждет вопроса.

Специальность Тарана - входить первым, он устремляется внутрь, но не успевает углубиться во тьму, потому что видит свое отражение в миллионе фасеток громадных отливающих сталью глаз. Тряпичной куклой тело Тарана вылетает из пролома и шлепается в грязь, а ведь это почти три сотни фунтов плоти и почти столько же - снаряжения. Паники нет, ситуация под контролем, рано отвечать агрессией на агрессию. Взять живым, повторять приказ необходимости нет. Вперед выступает Лекарь - медик, психолог и контактер. Он разводит руки в миролюбивом жесте... и еле ухитряется увернуться от рассекающей воздух клешни. С молниеносной прытью, свойственной лишь насекомым, наружу вырывается сильно увеличенное подобие помеси скорпиона и богомола. Маслянисто поблескивающее туловище на шести ногах с длинным хвостом, увенчанным истекающим ядом жалом, и тонкий торс с парой четырехпалых клешней и большой вытянутой головой, половину которой занимают глаза. Люди заученно рассыпаются в стороны, тварь мечется между ними, но это не затравленная суeta, а расчетливый бой, который ведет насекомое одновременно с тремя противниками. Робин все еще держит дистанцию. Клешни мелькают боевыми косами, неустанно обрушиваясь то на одного, то на другого. И элитным бойцам приходится туго,

даже подоспевшая со второй стороны пятерка не в состоянии спасти ситуацию. Выброшенная тонкая паутина-сеть легко испарывается бритвами конечностей, а удары все сыплются и сыплются, неуязвимая тварь разбрасывает лучших из лучших с легкостью старого учителя, делящегося искусством с новичками. Так оно и есть, ибо бойцы - всего лишь люди, пусть и превосходящие своих соплеменников в силе и реакции, но все же рожденные человеческими матерями. А противостоящее существо, они пока этого не знают - миллионами лет эволюции выведенная в пределах вида каста, единственным призванием которой является борьба за безопасность рода, не продолжение, не повышение благосостояния, а только защита. Все это похоже на ад. Лекарь в стороне, он все еще пытается снять с головы оттащенного в сторону Тарана жутко деформированный шлем, из-под которого толчками брызжет кровь. Шлем, легко выдерживающий удар кувалды. Робин не ввязывается. Семеро противостоят одному. С трудом. Клешни, жало, хвост - никакого иного оружия. Падает оглушенным еще один боец, Лекарь вытаскивает его, потом еще и еще. Каждый пропущенный удар твари, благо их немного, пропущенных, выводит из строя человека. С податливостью жести мнутся стальные шлемы, в строю остаются уже четверо, не считая Лекаря и, в резерве, стрелка Робина. Четверо, каждый из которых может успешно противостоять десятке хорошо подготовленных воинов, но - людей. Чего они пытаются добиться? Подсечь, спеленать злосчастное создание, нет, пока им удастся лишь худо-бедно отбивать его неистовые атаки.

- Схема два! - откровением свыше звучит в ушах бойцов разочарованный голос находящегося за сотни миль отсюда Папы.

И тут раздаются глухие хлопки со стороны ожидавшего своего часа Робина. Выхлоп - оружие мощное, на это задание все вышли с самыми тяжелыми игрушками. Тварь останавливается в атакующем порыве, делает пол шага назад.

На прочном хитине две неглубоких вмятины да пара поверхностных царапин. Однако. Схема два - уничтожение вероятного противника и захват судна. Пространство наполняется грохотом разрывов и огненными вспышками, но живая ткань оказывается прочнее мертвой стали - поверхность костяного панциря лишь покрывается копотью и незначительно мнется.

С щелчком плети испаривает воздух извивающийся хвост и Бонза, предводитель лучших, не издав ни звука, валится на руки Ключнику. На животе десятника распускает лепестки ярко-красный цветок, тяжелая броня, вы говорили.

- Док, мать твою! - орет Ключник, - Штопай брюхо, сейчас кишки вывалятся!

Рядом подкошено падает подоспевший Робин. Лекарю что, разорваться? Если у десятерых ничего не вышло - что смогут сделать четверо?

Папа молчит - им даже отходить уже поздно.

- Прикрывайте! Все! - надывается Ключник.

Тот, кто осмеливается брать на себя инициативу, наверняка знает, что делает и Лекарь тоже отрывается от своих подопечных и в едином строю бросается вперед. Ключник кубарем катится под ноги твари, пока та расправляется с оставшимися. Итог: чуждое создание прыжком разворачивается к поднимающемуся на колено Ключнику, за тыл она не беспокоится - там три недвижных или едва шевелящихся тела. Ключник тоже долго не протянет, он с трудом сжимает истекающее кровью плечо, ах да - тяжелая броня способна противостоять ПРАКТИЧЕСКИ всем видам воздействия. А насекомое невредимо, налипшая грязь не в счет, только что это еще приклеено там на брюхе, похожее на большую лепешку мягкой глины? Ключника работа. Он стоит на коленях под нависающими клешнями и улыбается. Сколько времени прошло с того момента, когда Таран заглянул в темный проем? Не поверите - чуть больше двух минут.

- Пока, - шепчет Ключник разбитыми в кровь губами и с щелчком сжимает кулак.

Величественное зрелище - склоненное над коленопреклоненной фигуркой слабого человека тело могущественного насекомого-кентавра. Но торжественную тишину нарушает глухой раскат, сопровождающийся треском и чавканьем. Осколки панциря отделяются от спины твари и вверх бьет сноп огня и дыма, смешанный с ошметками внутренностей и

зеленоватой слизью. Направленный взрыв, крайнее средство из арсенала Ключника для самых неподатливых запоров, способен прожечь полуметровую броню. Тварь вопит так громко и пронзительно, так обреченно и безысходно, как может кричать, умирая, либо бессмертное, либо очень, очень долгоживущее существо. И теперь уже Ключник возвышается над противником, сняв душный шлем и разглядывая свое тающее отражение в гаснущем миллионе фасеток громадных мутнеющих глаз. В меру волевое и мужественное, но скорее добродушное, правильные черты, не более, ничего примечательного, лицо уставшего тридцатилетнего человека. Отнюдь не портрет героя.

- Сраный драконий наездник, - пинает он распростертые остро пахнущие останки и смачно сплевывает кровью...

- Так значит, драконы... - прошептала Стерва, лишь закончил Рахан свой рассказ.

- Драконы - всего лишь машины, механизмы... летательные аппараты.

- А наездники, те, кто ими управляет, кто они?

Ключник неопределенно пожал плечами:

- Не знаю. Мы не успели вернуться, как разверзся хаос. Чужие.

- На что они были похожи? - еле слышно спросил Брат.

- Похожи? На гигантских богомоллов, насекомые такие. Ну, в общих чертах

- Саранча, - еще тише прошептал Брат.

- Что?

- Саранча. "...из облака дыма на землю пала саранча, и ей была дана сила, подобная той, что имеют на земле скорпионы. Но сказано ей было, чтобы не вредила она ни траве, ни земле, ни растениям, ни деревьям, а только людям, на лбу у которых нет печати Божьей. Саранча была похожа на коней, готовых к битве. На головах у саранчи были золотые венцы, а лица были подобны человеческим лицам. Волосы у нее были словно женские волосы, а зубы - словно львиные клыки. И грудь у нее была словно железная броня, а шум ее крыльев был словно грохот множества колесниц, влекомых скакунами, рвущимися в бой. У нее были хвосты с жалами, словно жала скорпионов..."

- Откуда это? - удивился Рахан.

- Откровение.

- Настольная книга нашего Большого Брата, - горько усмехнулся Рус.

- "...и я увидел Звезду, упавшую с неба на землю. И был ей дан ключ к проходу, ведущему к бездне. И отомкнула она проход, ведущий к бездне, и вышел дым из прохода, словно из огромной печи. И потемнело небо, и солнце потускнело от дыма, валившего из прохода, и на землю пала саранча...", - глухо присоединилась к Брату Кэт, - Так будет.

- Да?

- Истинно.

- Истинно, - повторил Брат.

- И что мы можем сделать? - с кажущимся спокойствием процедил Рус, - Слышала, эти твари неуязвимы.

- Сделать? - Кэт задумчиво подняла голову и посмотрела вверх.

Не на Селену, чуть левее. Потом опустила взгляд и обвела людей кристальным взглядом прозрачных синих глаз. Глупых людей, не желающих понимать такие очевидные вещи.

- Как что?... Убить Звезду.

Они остались на Кайской горе еще на один день - нужно было как следует отдохнуть, да и не мешало определиться, что делать дальше. Рахан с Кэт понятно - станут гасить звезды, но как быть остальным, далеким от судеб мира?

Дожило. Короткое лето кончалось. К следующему полнолунию можно ожидать первых робких морозов, а через два месяца земля наверняка укроется снежным покрывалом. Мир изменил свое отношение к нашкодившим обитателям - стал холоднее.

Утром Кэт, как гуляющая сама по себе кошка, ушла бродить по мертвому городу, почему-то никто не беспокоился, не мог допустить мысли, что нечто способно причинить ей

вред. Ключник задумчиво вертел в руках любопытное оружие Руса, тот, раньше ни под каким предлогом не предавший кому бы то ни было свою Глевия, заинтересованно наблюдал за калекой. Остальные спали.

- Удобная конструкция, - оценил Ключник.

- Ничего нового, - потягиваясь, протер глаза кулаками Брат, - Можно?

Ключник вопросительно посмотрел на Руса, тот кивнул и солдат передал оружие.

- Глевия, она же глефа, - Брат, не вставая, крутанул ее над головой с несколькими перехватами, - Хотя нет, глефа - такая разновидность алебарды, у нее и древко подлиннее и лезвие шире и короче. А это... это скорее нагината.

Затем, не прекращая вращение, бросил глевию-нагинату в сторону Руса. Гитарист ловко словил ее одной рукой и начал зачехлять.

- Нагината, глефа... Сам сделал, как хочу, так и называю. Глевия - это да! Как имя любимой... А на что похожа, - Рус улыбнулся, - да хоть на косу с ручкой.

- Романтик, - ухмыльнулся в ответ Ключник.

- Ага, - для довольного Руса это было комплиментом.

- У основания рукояти добавь круглую гарду - можно будет скользкие удары на лезвие принимать.

- Здесь? - Рус провел ладонью в указанном месте, - Умно. Как будет время.

Плотно пообедав собранными с мира по нитке припасами разношерстная компания собралась на некое подобие совета.

- Завтра разбегаемся? - начал Брат.

Разбегаются, уходят каждый в свою сторону, вот только кто с кем? Ключник молчит у него уже есть спутник, вернее - спутница. Рус с Братом без особой цели, но на юг, по стопам легенды о рае. Остальные?

- Я пойду с Раханом, - старающийся больше молчать и слушать Ванко при этом придерживался собственного мнения.

Ключник едва заметно покачал головой, бедный мальчишка упрямо лнул к угрюмому калек, не взирая на кажущееся безразличие своего кумира.

- Малыш, - горько заметила Стерва, - они идут мир спасать.

Прав, как прав все-таки Полк, - подумал Брат. Только через кровь и слезы, в поту и грязи можно строить, восстанавливать потерянное почти навсегда за три дня безумной Войны. Долго, мучительно, переступая через себя и через других, маня и обманывая, запугивая и убивая. Жизнью первого поколения лишь заложив, нет, только расчистив место для будущего фундамента нового общества, которое даже навряд ли пойдет по следам старого, топчась по своим граблям и учась на собственных ошибках. Прав, тысячу раз прав. Но как нестерпимо хочется поверить в чудо, в сказку, в исключительное право избранных единственной жертвой или иным деянием исправить, возратить ушедшее, повернуть время вспять. Человек ведь слаб и ленив - такова его природа.

А Ключник подумал, что на целый мир ему просто плевать. И даже более того - будь его воля, он бы сам растоптал, размазал эту чудовищную действительность как густую тягучую слюну. Все что ему нужно - мстить. За близких - жену и детей, медленно, один за другим уходящих из жизни у него на руках. За товарищей - того же Бонзу, в страшных корчах и мучениях умирающего от действия неизвестного яда. За себя - свое безумие и четырнадцать лет забвения. И даже за Ванко - ребенка без будущего, одного из миллионов. Мстить, найти бы только достойного противника.

Кэт положила ладонь на предплечье Ключнику. Может не стоит отталкивать добровольных помощников, пусть это и мальчик, полезный уже тем, что способен очеловечить грезящего местью калек. Может и не стоит.

- А ты? - Брат посмотрел на Стерву.

- А мне все равно, - девушка посмотрела на Ключника, - Куда вы пойдете?

- Да, - присоединился Рус, - в чем заключается план спасения мира?

- Действительно, - это Брат.

Ключник просто перевел взгляд на Кэт.

- Будущее сокрыто.
- И что делать?
- Вопросать.
- У кого.
- У имеющих доступ к нитям судеб.
- И они ответят? - усомнился Брат.

Ключник почти не слушал говорящих. Что ему - теперь он исполнитель, пойдет, куда позовут, упокоит, кого скажут. Ответственность думающего Ключнику надоела.

- Стремящийся к знанию достоин стать внемяющим истине.

Все очарование, вся загадочность прошлой ночи безнадежно рушатся в свете дня. Вселяющие надежду пророчества - лишь мечтания, навеянные обстановкой: мистической игрой пламени и треском поленьев, усталостью да мастерством рассказчиков. И Кэт из таинственной ночной предсказательницы сейчас представляется дешевой гадалкой, туманно вещающая простакам в извечной манере уличных проповедников. Только Рахану об этом лучше не говорить.

- И когда же они ответят? - тон Брата полон унылого разочарования.
- Не когда - где, - а Кэт не замечает, либо делает вид, что не чувствует иронии.
- Ну, где?

И Кэт рассказывает. О множественности реальностей. О незримых перегородках, разделяющих родственные миры и о эфемерных нитях, вечными скрепами удерживающих их в единой локации. О бесчисленных пространствах загадочных измерений, общих для каждого мира и индивидуальных в своей неповторимости. О невозможности заглянуть за тонкую амальгаму зеркального отражения и тесной соприкасаемости границ. И об оголенных нервах действительности, пуповинах, центрах энергий и материй, сосредоточиях Сил.

- Есть множество точек в плоти бытия, где неосязаемые грани истончены и нестабильны - аномалии, врожденные пороки или следствие ненамеренных повреждений, но исток, краугольный камень, это место для мира всегда одно. Там ищущий сможет познать себя, а страждущий просвещения может надеяться на откровенность правящих мирозданием.

- И вы пойдете туда со своими вопросами?

- Конечно.
- Ты знаешь, где это место?
- Я могу его описать.
- И?

- В центре великого материка, одинаково удаленная от четырех океанов высится неприступная гора - двуглавая гора Спасения. Там небо сходится с землей, там царит вечная весна и молодость, там храмы из кристаллов и священный родник бессмертия, белый, как молоко, а люди не знают чувственных страстей и физических страданий. Искрящиеся пики поражают девственной белизной, а величественные ледники струятся четырьмя кристальными реками, опоясывающими гору и достойными омыwać ноги святых. Скорбные духом путники поднимаются вверх на ее седловину, но спускаются вниз пророками, обретшими великое знание.

- Хорошее место, - прокомментировал Рус, - а главное координаты понятные - центр материка.

Только Большой Брат подозрительно молчит, широко раскрыв глаза.

- Откуда, откуда тебе известно об этом месте?
- Я его просто чувствую, - обыденно заявляет Кэт.
- А я, я знаю где оно находится...

Теперь очередь философа рассказывать свои истории.

- В наше время можно было позволить себе беспечную молодость, - Брат уставился на большие ладони, - интересоваться эзотерикой, увлекаться нетрадиционными теориями. Мы

были юными и любознательными, шли туда, куда вела нас наша душа. Центр материка есть. В месте, равноудаленном от всех океанов действительно существует гора, покрытая белым снегом. Она так и называется - Белуха и у нее на самом деле две вершины. Предмет священного почитания местного населения. Веды признают ее центром мироздания, согласно религии востока с ее склонов спустился Достигший Цели, основатель великого учения, а мистики всего мира считают, что у ее подножья расположена волшебная невидимая страна Шамбала или вход в нее. А в ледниках, правда, берут свое начало четыре реки - Катунь, Берель, Аккем и, кажется, Аргут. Вытесняемые с запада староверы искали там свою землю обетованную - Беловодие. Мы с друзьями тоже разыскивали ее.

- Нашли?

- Не нашли, но на горе, в седловине были. Энергетика в том месте, скажу я вам... природа живописнейшая, воздух... Чувствуешь такую легкость, душа словно крылья расправила. Спускаешься вниз, радость до краев переполняет, если это и есть просветление, то там оно снисходит. Святой край.

Брат поднял голову и посмотрел на Кэт. Посмотрел, как смотрит на нее Ключник.

- Я с вами.

Проняло старика. Рус теребит струны и начинает насвистывать что-то про то, что лучше гор могут быть только горы, что завидовать стоит тем, у кого впереди непокоренная вершина, а так же про надежду в крепость рук и вбитые в стену крючья, мольбы о надежности страховки.

- Не юродствуй, - бросил Брат.

- А что? - Рус накрыл ладонью деку, душа звук, - Чем я хуже? Что так в горы, что этак! Может метнуться с вами, с богами поговорить без посредников? Сколько той жизни - когда еще предложат за мир постоять? А, сестренка, прогуляемся?

Стерва обвела всех взглядом. Отрешенная Кэт, невозмутимый Ключник, Брат со странным блеском в глазах, довольный Ванко и безалаберный Рус.

- Психи. Отпусти вас одних - пропадете!

Мертвое место, покинутый город. Пройдут тысячи лет и он, так и оставшийся лишь уходящим в землю нагромождением развалин, станет объектом паломничества идущих по стопам древней легенды. Пилигримы будут следовать узким тропам, проложенных среди гигантских стволов, между замшелых руин, больше похожих теперь на выходы скальных пород, сверяя свои маршруты с ветхозаветными текстами. Текстами, собранными по крупицам из разных источников, написанных гораздо позже реальных событий и крайне неоднозначно отражающих роль и мотивы тех Шести, кто назначил отправной точкой своего странствия именно это место. Отнюдь, это не будет массовым поклонением священным реликвиям - в сотне бытующих в том очень далеком будущем религий описываемые события будут лишь одним из вариантов предания о конце света. Однако стоит признать, что из всего богатого множества вероисповеданий упоминание о Шести будет с разной степенью значимости встречаться примерно в трети мифов. Самое интересное то, что поступки упомянутых персонажей в разных учениях будут трактоваться как благие, как пагубные, а иногда - как и вовсе беспредметные. Чего стоят хотя бы притчи малочисленного племени называющих себя новыми людьми о Шести Демонах. Нет, беспредметная праздность - это, конечно, хуже всего.

Но, как бы то ни было, фразу Стервы "отпусти вас одних - пропадете" можно смело считать исходным моментом, поле которого Шестеро стали Единым.

Девка, урод, пустозвон, раб, шут и ублюдок. Наемница, калека, философ, невольница, бард и ребенок. Воины света. Ставленники тьмы. Сокрушители драконов. Повелители собак. Демоны. Ангелы. Кровавые убийцы. Орудие господне. Апостолы и иуды.

ГЛАВА 11

Знаешь что такое быть избранным? Находясь на вершине, благосклонно внимать

кающимся и проповедовать заблудшим. Обнажать справедливую сталь, устремляя навстречу павшим сияющие легионы. При этом знать о милостивой протекции свыше. Черта с два! В грязи и холоде, даже не рассчитывая на мимолетное внимание. По щиколотку в крови правых и виноватых, а чаще вообще непричастных. Неся страдание в душе и щедро даря его окружающим. И может быть потом, когда Все закончится, тебя назовут пророком.

Васильковые сапфиры глаз напротив. Черные точки зрачков - врата в бездну, окаймленные небесной синевой с завораживающе пульсирующими фиалковыми вкраплениями. Глаза - это мир, живущий своей жизнью, живущий вместе со мной. Я и она. И каждое из пяти чувств переполнено своими неповторимыми ощущениями. Глаза в глаза. Ее запах. Это не аромат цветов. Это воздух, море - свежесть, это испарина, пот - возбуждение. Плотское и возвышенное. Ее вкус. Тот, что собирают мои уста с ее влажных губ. Тягучий и томный, но резкий и сочный. Вкус жизни, достойный смерти. Мир, наполненный нашими звуками. Прерывистые стоны, сводящие с ума хриплые выдыхания, пульсирующая в висках канонада бьющихся слитно сердец. И бархатный шелест кожи под скользящими по ее телу пальцами. Чуткими пальцами, напрасно ищущими изъяны на безупречном шелке. Бесстыдными бродягами, заблудившимися меж холмов и впадин гибкого стана. Сверху вниз осязающими, читающими восторженную поэму ее форм. Упругие своды, созданные для моих ладоней, увенчанные, как церковные купола, священными символами, гордыми и твердыми, бесстыжими и вызывающими. Ниже. Пружинящая плоскость нежной замши, теплая и живая, податливая и зовущая. Центром мира, алтарной выемкой - идеальный отпечаток, волшебное отверстие, куда проваливается и хочет остаться, и задерживается мой средний палец на своем пути. Еще ниже. В сокровенное. В источающее вожделение заповедное лоно. Где пальцы лишь гости, милые, желанные, но только гости - единственный господин этого места не нуждается в помощи. Прочь отсюда, шkodливые скитальцы! Ее руки, впившиеся в плечи ласковыми капканами в едином порыве с ногами, что плотно охватили мою талию и скрещены на поясице. Каждое движение - непрекращаемый экстаз. Мы пьем друг друга, слившись устами. Мы забываем дышать, ибо зачем нам воздух, мы давно выше всего материального, мы черпаем силу из нахлынувших эмоций, и мы в состоянии довольствоваться этим малым, этим безграничным. Мы - обнаженная энергия и не нуждаемся в жалких людских атрибутах жизни.

Потому что я - монстр, чудовище, не известно какими силами удерживаемое в мире живых, а она, она совершенное существо, тоже не человек, она - Богиня.

Кэт присела на корточки у самой кромки и провела узким лезвием по покрытой зеленовато-желтым налетом глади. Тонкий слой мгновенно лопнул, обнажив черную грязную воду. Девушка описала кончиком стилета небольшую окружность и подняла клинок. С острия сорвалось несколько капель, породив волнение в образовавшемся водовороте. Закручивается галактической спиралью рваная пленка цветущих водорослей. Застоявшаяся вселенная, потревоженная вмешательством извне.

Стерва стояла рядом, наблюдая за движениями бывшей рабыни, как за магическим обрядом, призванным помочь в решении возникшей проблемы.

- Ну и как переправляться будем? - не поднимая головы, обратилась она к спутникам.

Рус огляделся по сторонам. Скользкий покатым берег, сжимающий реку в каменных объятиях, остатки моста - три гигантские покосившиеся опоры и лишь один сохранившийся пролет из пяти, связывающих когда-то центр с предместьем. Почти пять сотен метров. И ничего пригодного для переправы.

- Это единственное место? - спросил он у Брата.

- Это самое узкое.

- А там? - Рус дернул подбородком, указывая на юг.

- Остров Юность. Не думаю, что там переправиться проще, да и река шире... Хотя постой-ка! Возможно...

- Что?

- Если там перебираться, с острова напрямую в парк попадем.

- Минуя центр?
- Точно. Если там торчат мутанты, обойдем по этому берегу - так безопаснее.
- А театр?
- Я говорил - театр находится в восточной части парка.
- Пойдем через остров, - прервал обоих Ключник.
- Так ли нам туда надо? - Стерва не испытывала энтузиазма по поводу их вылазки.
- Решили, - отрезал Рахан.
- Я думаю - нужно, - подтвердил Брат, - Стоит рискнуть. Да, и еще где-то на этой стороне, напротив острова, была лодочная станция.
- Идем.

И они двинулись вдоль русла на юг, где на расстоянии пары миль виднелся посередине реки чуть выступающий над уровнем воды, поросший редкой растительностью остров со странным названием Юность. Впереди отряда Ключник с Братом, посередине Кэт с Ванко и замыкающими Рус и Стерва, вполголоса проклиная вчерашнюю безумную затею лезть прямо в логово уродов. Идею, пришедшую накануне вечером. Когда они, определившись с составом и конечной целью группы, начали уточнять детали.

Когда в общем-то понятная задача поиска конкретного места начала обрастать плотью подробностей.

- Это достаточно далеко отсюда, - ответил тогда на чей-то вопрос Брат, - Но, на самом деле, проблема не в этом.

- А в чем?

- Во-первых, - он начал загибать пальцы, - места там дикие. По-настоящему. Там даже до Войны никто не жил. Летом - только кордоны и паломники. Наперечет несколько стоянок - изб. Глухомань. Поэтому ни дорог, ни жилья, ни припасами разжиться. Тропы, что были, сейчас наверное заросли так - не сыщешь. Во-вторых - погода. В те времена проходимые были только три летних месяца, и то на вершине всегда морозы, а на подступах вечный дождь. Что там теперь творится - боюсь представить. В-третьих, конечно, все-таки как отсюда добраться я толком не знаю. Мало того, что по прямой тысячи две верст, так еще и дорог нет. Если на Путь выбирать, так раза в два дальше получится. И опаснее. Не знаю. Карту бы найти...

- Все? - лениво поинтересовался Рус.

- Ну и - горы это горы. Для восхождения серьезная подготовка нужна - у вас ее нет. Впрочем, к счастью, это не так важно.

- Почему?

- Потому, - Брат заерзал, устраиваясь поудобнее, - тут нам повезло. Белуха своими вершинами сориентирована строго с запада на восток, то есть на седловину подняться либо с севера, либо с юга. С севера ледовая вертикальная стена, там и опытным скалолазам несладко, зато с юга склон пологий и для новичков вполне даже проходимый. Оттуда и поднимемся.

- Хоть одна добрая весть, - сообщила Стерва.

- Да, - согласился Ключник.

- Нет, - возразила Кэт.

Все хором уставились на девушку.

- Шаги просветленного легки и воздушны, но поступь блуждающего тяжела и мучительна.

- Что ты хочешь этим сказать? - недобро нахмурилась Стерва.

- Мы обречем ответы на горе, - пояснил Рахан, - и наш путь вниз не составит труда.

- А дорога к истине, вверх, должна быть сложной, - закончил Брат.

- Ритуал?

- Наверное.

- Дух должен быть готов к инициации, - пояснила Кэт.

Впрочем, это правильно. Не склонны боги к доступным подаркам. Легенды расскажут,

как в ярком сиянии спускался среди скал Будда - Познавший истину. Как расцветала природа под ласковым излучением окружающей пророка ауры. Как дикие животные льнули к его рукам в надежде на мягкое прикосновение. Идущего вниз, словно по ступеням дивного храма. Золоченым ступеням центрального входа, меж двух подпирающих лазурное небо снежно-белых пирамид.

С этого момента начиналась история великого Сидхартхи, Достигшего Цели, до этого бывшего лишь никому неизвестным принцем Гаутамой рода Шакья. С момента сошествия. А историю непосильного восхождения, падений и неудач, отчаянного пути с черного хода не вспомнит ни один мудрец.

- И это значит...

- Что Силы услышат лишь того, кто придет по северному пути.

- Это невозможно, - замотал головой Брат, - мы не пройдем. Я слишком грузный, паренек - ребенок еще, женщины... женщины и есть, Ключник, вон хромой.

- Обо мне не беспокойся, - Рахан ухмыльнулся так, как улыбался своим противникам, которых привык побеждать.

Победит и гору. И спутников заставит ее победить.

- Тяжело, безумно тяжело.

- Будем думать, - остановил его Ключник.

- Хорошо, - Брат закрыл лицо руками, помассировал кончиками пальцев глаза и развел ладони, словно совершив омовение.

Испокон веков таким жестом отводили негативную энергию.

- Думать... начнем с того, что у нас есть максимум девять месяцев, чтобы туда добраться. Опоздаем - будем ждать еще год, без вариантов. Раньше придем - тоже особо смысла нет.

Девять месяцев - грубо, две с половиной сотни дней. Две тысячи верст, это восемь верст в день - прогулка. Вот только семь месяцев из этих девяти - зима, два из семи - зима жестокая, когда странствие самоубийственно. А две тысячи верст - не по торной дороге, неизвестным маршрутом, сквозь тайгу и сопки. Плюс проблема припасов и прочие перипетии пути.

- Раньше не успеем, - уверенно заявил Ключник, - опоздать можем.

- А звезда ваша того, дождется? - невинно поинтересовалась Стерва.

- Не знаю, - ответила Кэт.

- Карта нужна позарез, - продолжил Брат, - Белуха отсюда почти строго на западе, но по звездам на нее мы не выйдем.

У Ключника была карта. Прекрасная, бережно хранимая карта мира, толстый фолиант, мечта любого путника. Увы, она осталась где-то в лесу на подступах к уничтоженному хутору Ванко, оказалась добычей дьявольской Стаи.

- Карту найдем, - пообещал он, - по школам брошенным поищем, не может быть, чтобы хоть завалящийся атлас не сохранился.

Свою прежнюю он так и добыл, обшаривая какую-то полуразвалившуюся сельскую гимназию.

- Допустим, - согласился Брат, - Меня все же больше всего подъем волнует.

- Дойдем - разберемся, - заявил Рус.

- Не разберемся, - Большой Брат протянул ему рукоятью вперед свое оружие, - видишь?

- Ну, ледоруб.

- Сюда смотри.

На пятке инструмента было выгравировано заморскими рунами "Grivel".

- И что?

- Собственно, это и значит - Гривель, профессиональное снаряжение скалолаза. А еще кошки, крючья, карабины, канаты. Без этого на Белую даже соваться не стоит.

- Да, по школам мы этого точно не найдем, - согласился Рахан.

- Есть мысль, - задумчиво протянул Брат, - помню, был здесь один магазин. Как раз

такой утварью торговали. Находился на том берегу, рядом с городским театром. Если там что-нибудь отыщется...

- Завтра пойдем, - быстро уловил Ключник.

- Там же уродов тьма! - напомнила Стерва.

- Завтра, - повторил Рахан.

- Кто пойдет? - оживился Рус.

Он прав - мероприятие опасное, но Ключник недоуменно посмотрел ему в глаза.

- Все.

Нет желания разяснять, что если они отряд, то учиться действовать совместно необходимо с первых шагов, и вообще, при проведении любых операций, он всегда был противником идеи разделения сил. Как был сторонником принципов отсева и естественного отбора.

- И откуда ты все знаешь? - косо посмотрела на Брата Стерва, которой сразу не пришлось по душе эта затея.

- Я ЖИЛ, в отличие от вас. А еще это мой родной Город...

Поэтому сейчас они бредут не спеша, экономя силы по пыльной набережной и каждый воспринимает окружающее по-своему. Рус, расслабленно положив Глевию на плечо, идет и посвистывает, наслаждаясь сухой и относительно теплой погодой. Ключник, сжатая пружина, он, наверное, даже будь Город живым и изобилуй его улицы мирным населением, все равно настороженно зыркал бы по сторонам, предполагая неприятеля в каждом встречном. Стерва сегодня оправдывала свое прозвище, находясь в самом что ни на есть стервозном настроении. Ванко вообще ее такой видел впервые. Он, кстати, с мальчишечьей непосредственностью только и вертит головой, удивленно рассматривая окрестности. И Кэт, определенно изменившаяся после встречи с Раханом, уже не плетется отстраненно, как сомнамбула, а с почти детским любопытством присматривается, выискивает лишь ей понятные приметы. То возле пробившегося сквозь растрескавшийся камень синего цветочка присядет, то ржавую железку из обломков вытащит. Нет, она как была блаженной, так и осталась, но вкус к жизни у девушки проснулся, это все заметили. Большой Брат видит родной город, угадывает знакомые улицы, памятные места, угадывает, но не узнает. Это как картина, что была написана яркими мазками, насыщенная, радостная и такой оставалась потом в памяти долгое время. Но прошли годы и вот она лежит в пыли среди кучи мусора. Сломана, облезла позолоченная некогда рама, часть полотна промокла слезливыми подтеками и обросла едкой плесенью, другая потрескалась на солнце, покрылась сетью морщин. Краски расплылись и потускнели, местами вовсе осыпались, обнажив гнилой холст. Очертания изображенного размыты, детали вовсе отсутствуют. Так и Город. Восемнадцать лет - не большой срок для домов и проспектов, когда они полны Жизни, и разрушительный возраст, когда на них властвует Смерть. Брат бормочет еле слышно, но не спутникам, скорее сам для себя: "а здесь раньше...", "вот тут я впервые...", "там когда-то..."

Слева грязные воды глодают обветренные, выщербленные камни набережной, скребя о скользкие плиты полузатопленным хламом, распространяя затхлое зловоние и оставляя после себя гнойные желтые разводы.

Справа берег штурмуют руины, нестройными обвалами сползая с холмов, неся с собой прелый аромат разложения. Истлевшие остовы, некогда бывшие блестящими стальными повозками, перегораживают дорогу, выжженные, оплавленные, страшные, словно скелеты выбросившихся на сушу чудовищ.

- Говенный город, - ругается Стерва, путаясь в какой-то рухляди.

Наемница извергает длинную витиеватую фразу, никак не вяжущуюся с ее интеллектуальным видом, о чем не упускает заметить бард. Пока девушка размышляет, стоит ли обижаться на бойкого языком Руса, беседу прерывает Брат:

- Станция.

Станция представляла собой несколько крытых ржавыми листами сооружений, окружающих небольшую заводь, и врезающиеся в реку покосившиеся мостки. Среди пары

десятков разбросанных вытащенных на берег или затопленных на мелкой части посудин легко удалось найти одну достаточно сносную. Тяжелее, как ни странно, пришлось с веслами. Поиски ничего не давали, пока Рус не предложил порыться в постройках. Обитая рыжей жстью дверь оказалась запертой на тяжелый навесной замок.

- Подцепить бы чем, - Брат начал оглядываться в поисках инструмента.

- Гривелем своим ковырни, - посоветовала Стерва.

- Да неохота заточку портить.

Ключник подошел поближе.

- Заколку дать? - наемница, похоже, старалась не оставить ни одного из своих спутников без шпильки.

Рахан как-то озорно, что вовсе не вязалось с его зловещим видом, глянул на девушку. В нем, так же как и в Кэт, все чаще угадывались нормальные человеческие черты.

- Этот запор легко открыть голыми руками.

- Да ну!?

- Пари?

- На что?

- Если я сделаю это, ты на сегодня станешь паинькой.

- Голыми руками?

Ключник протянул вперед безоружные руки. Брат в очередной раз отметил, как неестественно выглядят истертые кожаные перчатки, свободно болтающиеся на тонких ладонях.

- Не напрягаясь, двумя пальцами.

- Ну-ка! - Стерва дотянулась до замка и изо всех сил подергала дужку, - Не откроешь - меня до театра на руках понесешь.

- Угу, - быстро согласился Рахан и без труда, как обещал, вытащил пробой из трухлявого косяка.

Завеса вместе с замком под хохот Руса со скрипом повисла на крепко вбитой в дверь петле.

- Кто бы подумал, что ты у нас такой артист... - язвительно отреагировала Стерва.

- Договор, - напомнил Рус.

- Проехали, - неожиданно расслабилась, даже попыталась натянуто улыбнуться наемница, - не мой день сегодня, мальчики.

- Нормально, - Брат тепло посмотрел ей в глаза, - все нормально.

На самом деле это прекрасно, что еще остались женщины, которые могут в вымирающем мире испытывать недомогание несколько дней в месяц. Те неприятные ощущения, что регулярно напоминают о способности женщины стать матерью.

Кэт молча подошла к Стерве и взяла за руку, позволив девушке окунуться в синюю безмятежность своего взгляда. Что там на этот раз - умиротворенность бескрайнего океана, колыбели жизни. Наемница почувствовала, как отпускает тянущая боль в основании живота и мягкая успокоенность рябью волн растекается по телу.

- Ох, - облегченно вздохнула она, - где ж ты, подруга, раньше была...

В помещении действительно оказались весла из легкого металла, не тронутого коррозией, лишь зеленоватым налетом. Лодку споро столкнули в воду и меньше, чем через полчаса, она уже скребла дном желтоватый песок узкой полоски пляжа на противоположной стороне реки.

- Вперед, - поторопил Брат, - до полдня к театру выйти надо.

На вылазку сочли разумным отправиться утром, с таким расчетом, чтобы действительно к полудню добраться до магазина и вернуться обратно до начала сумерек. Ключник, всю предыдущую ночь наблюдавший в подобранное на месте смерти Краба приспособление за перемигиванием огней на противоположном берегу, пришел к выводу, что наибольший период активности метаморфов приходится на темное время суток.

- Не спешим, - осадил Рахан спутников, чуть было не бегом устремившихся с

открытого пляжа под защиту деревьев, - аккуратно идем.

Члены маленького отряда, обнажив оружие, двинулись в таком же порядке, как шли раньше. Кэт и Ванко в центре, авангард Ключник с Братом и в тылу Рус со Стервой. По совету Рахана все держали в руках дальнобойные арбалеты. Рус свой изящный и смертоносный, солдат с наемницей - неуклюжие, но надежные самodelки и только Большой Брат извлек наружу тупоносый обреза.

- Не жалко? - вполголоса спросил его Рахан.

- Припасов пока хватает.

- Спрячь, шуметь будем только в крайнем случае.

Брат философски пожал плечами и заученным движением сунул оружие за спину в узкий карман рюкзака. Возникнет необходимость - он также молниеносно выхватит его.

- Расскажи про маршрут, знаешь?

Еще бы Брату не знать - чуть севернее парка, на одной из улочек старого города, в старинном трехэтажном доме с изящными шпилями и куполами-башенками, в уютной квартире с высокими потолками когда-то давно, в другой реальности обитал двадцатипятилетний перспективный адвокат. Высокий, худощавый, открытый миру и жадно старающийся жить насыщенно, словно чувствовавший, как скоро все изменится. Невидимым магнитом сейчас притягивает к тому месту. Но нельзя - Брат был в курсе, какие жуткие шутки творит с сознанием человека вернувшееся прошлое.

- Все просто - по этой аллее выходим через полверсты к рукотворной дамбе, там на набережную и, никуда не сворачивая, углубляемся в город. По прямой еще полверсты - мы в парке.

- Застройка какая?

- Должно нормально просматриваться. По левую руку несколько двухэтажек кирпичных, а справа - частные дома с участками.

- Хорошо.

- Еще... Ключник, я там жил недалеко, ты это... если я вдруг...

- Понял. Не пущу.

Аллея раньше представляла достаточно широкую дорогу среди рощи стройных высоких берез. Возможно, когда за парком тщательно ухаживали заботливые садовники, стригли газоны, уничтожали сорняки, это было излюбленное место отдыха горожан. Теперь дорожки заросли, покрытие растрескалось, выдавливая из-под себя мохнатые клочья острой травы, а по сторонам, среди покрытых бурым лишайником и пластинами безобразных наростов стволов главенствующим видом растительности стали высоченные неопрятные заросли бурьяна. Несмотря на напряженность, маршрут через парк прошел без осложнений, узкую стометровку дамбы тоже преодолели легко, в два этапа, но лишь отряд оказался на городской улице, Ключник шепнул что-то Брату и растворился в мертвых развалинах.

- А где Рахан? - через секунду опомнился Ванко.

- Везде, - емко ответила Кэт.

Брат подозвал к себе Стерву и спутники продолжили путь впятером, имея замыкающим лишь Руса.

А где-то рядом посланник смерти Рахан резал глотки паре наблюдателей, после чего, на ходу отирая лезвие, бесшумной тенью бросился вслед гонцу, несущему информацию о визитерах.

Благодаря невидимым действиям Ключника, дорога остальных протекала во внимательном ожидании, но не сложнее, чем через остров. Присутствия мутантов, да и вообще каких либо признаков жизни обнаружить не удавалось. Но если на тенистых запущенных аллеях безмолвие воспринималось настороженно, то безжизненные молчаливые постройки по обе стороны улицы внушали тревогу и чуть не паническое беспокойство. Поэтому вынырнувший вдали из подворотни серый мохнатый силуэт вызвал сначала общий выброс адреналина, а затем синхронный вздох облегчения.

- Собачка! - тонко позвал Ванко.

- Надо же, еще не всех пожрали, - заметила Стерва.

А пес приближался. И чем ближе он оказывался, тем страшнее, уродливее становился. Достаточно крупный, рожденный с длинной шерстью, теперь свалывшимися ключьями свисающей на боках, гноющимися пятнами язв и мертвенно болтающимся грязным слипшимся хвостом. Пес передвигался, будто подпрыгивая, покачиваясь на невидимых пружинах - тело то выгибалось, как в приступах рвоты, то задняя часть, шатаясь и заваливаясь, пыталась обогнать переднюю. Облезшие тощие бока ходили ходуном, судорожно наполняя воздухом хрипящие легкие. Пасть, оскаленная в некоей сардонической усмешке, искрошившимися черными клыками, вывалившимся распухшим языком и срывающимся длинными тягучими каплями желтой слюны. И глаза, отчаявшиеся, полные боли и опасного безумия. Пес - как сам город, с высоты удаленных сопок лишь сначала показавшийся нормальным. И он приближался, распространяя устойчивую вонь и осязаемую агрессивность.

- Бешеный, - Стерва подняла самострел.

- Не надо! - Кэт не приказала, нет она попросила, но только ли Брату показалось, что она обращается вовсе не к людям - к собаке.

Девушка оттеснила плечом наемницу и вышла вперед, присела на корточки. Пес все той же неровной походкой подошел вплотную, только выражение глаз несчастной твари неузнаваемо поменялось. Теперь они излучали щенячью преданность, извиняющуюся неловкость и немую мольбу о прощении. Даже хвост нелепо дернулся в тщетной попытке вильнуть. А Кэт, не гнушаясь, положила ладонь на изъеденную лишаем голову собаки, другой рукой почесала за рваным ухом, не отводя взгляда от гноящихся глаз. Несколько мгновений продолжался словно безмолвный диалог человека с псом, в течение которого девушка ласково поглаживала изуродованное существо, после чего милосердно, понимая кивнула. Пес, невероятно, почти по-человечески облегченно вздохнул, обошел Кэт, миновал стороной весь отряд и, покачиваясь, направился к небольшой каменной площадке.

На полпути бедняга обернулся и встретил мягкую, одобряющую улыбку, еще раз дернул хвостом, доковылял до площадки и улегся, положив голову на вытянутые лапы, наблюдая за удаляющимися людьми. Только отряд скрылся за очередным изгибом улицы, глаза подернулись мутной поволокой - легко, непринужденно и радостно душа пса унеслась в его щенячий рай. Чудеса.

По мере приближения к парку, Стерва, обладающая в связи со своим теперешним состоянием повышенной восприимчивостью, первой заявила, что здесь что-то не то. Постепенно все начали ощущать некоторое неудобство. У Брата слезились глаза, Рус принялся нервно почесываться, Ванко недоуменно тер словно заложенные ватой уши и буквально все испытывали колющие толчки боли в висках, усилившееся давление на плечи.

- Противное место, - заявила наемница, лишь оказалась на территории парка, - тишина гробовая, как на погосте.

- Нехорошее, - согласился Большой Брат, помолчал и добавил: - Всегда таким было.

И, в без того напряженном пути сквозь заросший гигантским чертополохом парк, бывший горожанин вполголоса поведал мрачную историю этого района.

Более полутора веков большой участок в границах города использовался местными в качестве кладбища. Несколько поколений горожан нашли здесь свое упокоение. Тут хоронили знатных и безродных, величественные мавзолеи чередовались со скромными надгробиями, хоть и говорят, что двухметровый слой земли уравнивает и богатых и бедных. Но, чуть больше сотни лет назад, новые правители решили, что умиротворяющей тишине и немому напоминанию о вечном не место в центре города. И кладбище уничтожили. Гранитные плиты вырвали из почвы и использовали для облицовки зданий. Страшно? Страшно жить в доме, на стенах которого еще можно распознать остатки надгробных надписей. Памятники попроще, из песчаника - не мудрствуя завалили землей и засадили черемухой. А останки - останки никто не перезахоранивал, так и остались лежать гробы под разбитыми дорожками, напоминая о себе глубокими промоинами после сильных дождей. На

бывшем кладбище организовали парк для отдыха и развлечений. Днем дети с радостными криками носились в каруселях над землей, в которой покоились их деды. Вот только матери, наблюдающие играющих чад, порой отгоняли наваждение - окружающее замирало, смех становился далеким, улыбки вымученно нарисованными, а движения, в нарушение законов мироздания, прерывистыми и замедленными. Матери отгоняли морок, украдкой осеняя себя знаменами, а после недоумевали - отчего дети так надрывно плачут по ночам и боятся сомкнуть глаза? Вечером в парке отдыхали взрослые. Но странное дело - мирные, дружелюбные люди при малейшем поводе выходили из себя, неконтролируемо верша ужасные поступки, а потом отчаянно рвали волосы в раскаянии, тщетно силясь понять, как такое могло произойти. Черные аллеи были полны насилия и трупов, став самым криминальным местом в городе. Нельзя беспокоить мертвых, пусть они в прошлом и добропорядочные граждане.

- Брр, - поежилась Стерва, - так что, мы сейчас по могилам топчемся?

- Да. Старики вспоминали, что первое время собаки кости по всему городу растаскивали.

Наверное, долгие годы аккумулируемая бывшим погостом негативная энергия выплеснулась, превысила допустимый предел, переродилась в новую, осязаемую форму. То, что раньше казалось поверьем, обретая власть только в периоды эмоциональной уязвимости - дети и пьяные, кто может быть непосредственнее, теперь получило силу, способную материально влиять на окружающее. Ближе к середине парка странное воздействие начало проявляться уже визуально. Природа подстроилась к изменившимся условиям и научилась довольствоваться коротким летом и мимолетной весной, многие растения успевали украсить себя зеленью листвы, а некоторые - худо-бедно плодоносить. Но здесь весны не было. Корявые сучья голых деревьев царапали небо, а лишенные кожи-коры стволы походили на уродливые человеческие фигуры, застывшие в мучительных позах.

Чуть дальше, в глубине просматривалось нелепое сооружение - на небольшом пригорке циклопическим нагромождением прямоугольных блоков высилась серая громада театра. Неизвестно, чего добивались забытые теперь зодчие, но храм искусств, многогранно угловатый и практически лишенный окон, больше походил на мрачную цитадель, вырубленную в скальной породе темницу.

- А где там могут быть магазины? - вполголоса, почему-то не хотелось нарушать гнетущее безмолвие, спросил Рус.

- Внизу, где цокольная часть выходит наружу - ряд павильонов.

- Торговцы в театре?

- Ну, бывали времена, когда купцы не гнушались предлагать свои товары и в церквях.

- Такое было?

- Это из старинной притчи.

Впрочем, Брат слукавил, он знал, что совсем немного не застал времена, когда старые монастыри использовали под амбары или казематы для душевнобольных, а на фундаментах великих храмов строили стадионы. Торговые ряды рядом со сценой - ничто, по сравнению с аттракционами на могилах. Иногда Брат мучился вопросом - а может мир заслужил такой конец? Нет, не заслужил - в его годы, добрые два десятка лет накануне войны люди медленно учились смотреть вокруг другими глазами. Не успели.

Театр приближался и в пасмурном небе его ровные грани казались творением чуждого разума, заброшенным в этот трещащий по швам мир из иной реальности. По пути через парк путники проходили мимо старой церкви, Крестовоздвиженская, вспомнил ее название Брат. Увы, вблизи она оказалась под стать окружающим руинам - осыпавшаяся штукатурка, зияющие прорехами, как лохмотья нищего, купола, слепые проемы окон с остатками пыльных бесцветных витражей и черный зев входа, немо шамкающий сорванными с петель кованными воротами. А театр разруха не коснулась, как будто не было для него Войны и хаоса. Словно появился он здесь уже после.

К театру, находящемуся чуть на возвышенности, мрачным приглашением вела

широкая каменная лестница. Гигантская печь, подумал Брат, вот что напоминает сейчас серое здание. Адский крематорий и крошечные фигурки людей у его входа, нависающего идеально прямыми углами. "Оставь надежду всяк..."

- Я туда не пойду, - Стерва кивнула в сторону лестницы.

- И не понадобится, - успокоил бывший горожанин, - лавки там, правее, внизу, подниматься не надо.

Все чаще стали попадаться стаи собак, мало чем отличные по внешнему виду от встреченного раньше пса. Разномастные, одни большие, другие совсем шавки, объединенные лишь одинаково бешеным блеском слезящихся глаз и безумным оскалом, они, тем не менее, вежливо уступали дорогу, убегали подальше. А потом, издали, невидимые, затягивали унылую, печальную, многоголосую песню. Путники не знали, что свора - храмовые псы, нежно пестуемые метаморфами. Жалкое подобие тварей, очищающих землю в угоду драконам - Стае. Храмовые псы, должны, и до этого справляющиеся с обязанностью в ключья рвать чужаков, посягнувших на святыню. Святыню? Храм?

Маленькая группа отчаянных, бредущая навстречу Судьбе под звуки собачьего воя.

Не доходя до подножия, отряд начал забираться вправо, к магазинам и только недавняя рабыня, шедшая чуть в стороне, продолжала двигаться по прямой.

- Кэт! - окликнул ее Рус.

Девушка перемещалась как заведенная кукла, словно зачарованная мрачным величием, Злом и Тьмой, исходящими от серых стен. Она обернулась. Взгляд осязанный, не затуманенный чужой волей. Понимающий и обнадеживающий. Улыбнулась.

- Похоже она знает, что творит, - пробормотал Брат, - идем побыстрее закончим с делами.

Чуть позже он оглянулся и поразился представившемуся образу. Тонкая, гибкая фигурка медленно плывет вверх по нескончаемой лестнице. Девственница, поднимающаяся на кровавый жертвенник Дракона. Вот только знал Брат, бывший когда-то адвокатом, а ставший странствующим проповедником, что вовсе не непорочна, по крайней мере телесно, изящная темноволосая девушка. Да и лестница, этот чертов театр, или храм, как подсказывало что-то в глубине души, появились здесь задолго до представляющихся крылатыми ящерами загадочных механизмов...

- Вот, - сказал Брат остановившись, - это тут.

Искомый магазин являл собой плачевное зрелище. Весь фасад раньше занимала огромная стеклянная витрина, служившая для выставки товаров. Сейчас стекол не было, а усыпанное бриллиантами мелких осколков внутреннее пространство было искорежено, завалено перевернутой утварью, истлевшей и разграбленной. Покосившаяся вывеска сообщала о названии лавки - "Вертикаль".

- Для нас здесь что-нибудь оставили? - поинтересовалась Стерва.

- Надо внутрь идти, в склады, - ответил проповедник, - погром, ничего удивительного, но товары здесь, не думаю, что интерес для толпы представляли - поищем, может, чего и сохранилось.

Оставив снаружи Стерву с Ванко, Брат и Рус, вооружившись заготовленными факелами, углубились в темноту подсобных помещений.

- Ключник шатается где-то, Кэт тоже достопримечательности осматривает, - наемница обратилась к мальчику, - А мы-то что здесь забыли?

Ванко пожал плечами.

Вблизи театр оказался не столь грандиозным, но все равно достаточно внушающим. Цокольное основание значительно превышало по размерам само здание и окруженная балюстрадой площадь напротив главного входа представляла, по сути, крышу нижнего этажа. Кэт поднялась наверх и прошла вдоль каменного ограждения и замерла в дальнем углу, облокотившись о перила. Девушка подставила лицо набрасывающимся порывам ветра, встряхнула головой, отдавая непослушные локоны во власть воздушным потокам, как будто находилась на палубе огромного корабля с гигантской надстройкой-театром в кормовой

части. Лестница, ведущая вниз к магазину оказалась скрытой углом здания. Неслышно из ниоткуда рядом с Кэт материализовался Ключник. Солдат оперся ладонью в камень ограды и попытался проследить направление взгляда девушки. Бесполезно - Кэт смотрела сквозь пространство.

- Плохо, - сказал Ключник ветру.

- Да.

- Ты чувствуешь это место?

- Да.

- Знаешь в чем дело?

Кэт покачала головой:

- Тут всего намешано...

- Излучение. Жесткое, только почему здесь - ума не приложу.

- Алтарь. Отсюда возносят молитвы.

Ключник помолчал.

- Я упустил гонца. Нам не дадут уйти.

Девушка поежилась и вздохнула, а Рахан начал рассматривать носки своих ботинок.

- Кэт... Группа на крючке. Сейчас у нас двоих еще есть шанс.

Собеседница никак не отреагировала.

- Девочка, мне дорог мальчишка, я хорошо отношусь к парням и к Стерве тоже, но мы вляпались. Когда я заметил - было уже поздно. Вдвоем мы можем прорваться.

- Тебе решать...

- Ясно... - Ключник с силой опустил ладонь на шершавый камень, - оставайся тут.

Рахан бросил к ногам Кэт свой рюкзак, покопался в его внутренностях и рассовал извлеченные предметы по карманам.

- Если что... - девушка не дала договорить, молча приложив тонкий палец к искривленному рту калеки.

- Молчи.

Солдат недобро ухмыльнулся и так же беззвучно, как появился, исчез за углом здания. А на губах Кэт, уже невидимая Ключнику, блуждала загадочная улыбка. Удовлетворенная.

Из черного нутра лавки то и дело доносились радостные возгласы - видно Брату с Русом посчастливилось. Стерва напряженно всматривалась сквозь остатки витрин наружу - совсем не нравилась ей эта тишина. И только в зале показались весело переговаривающиеся, груженные всякой всячиной напарники, девушка наконец рассмотрела копошащееся мельтешение среди темных стволов напротив. И со всех сторон.

- Вот черт!

Ловушка захлопнулась.

Метаморфов было много, действительно много, не десять, даже не сто - около тысячи. Разные. Изъявленные, распухшие, кривые, сгорбленные, передвигающиеся на четвереньках, ползающие, еле переставляющие ноги, прыгающие, с лишними конечностями и с отсутствующими, разумные и явные идиоты, а многие - даже выглядящие почти нормально. Разные. И все они плотным строем, не скрываясь, окружили единственный выход.

- Твою! - зашипел Брат, выдергивая из-за спины свое оружие, - Кунсткамера.

- Влипли, - констатировал Рус.

- Где этот сраный Ключник?! - закричала Стерва.

Ключника не было, только мутанты.

- Эй! - из толпы выбрался мужчина преклонного возраста.

Раковые наросты картофельными клубнями украшали серое лицо, но в целом метаморф был похож больше на человека, чем на экзотическое чудище.

- Вы там! Выходите по-доброму!

- И что? - отозвался Брат.

- Два варианта - праведная смерть или членство в нашей достойной общине.

- Может мы просто уйдем?

- Вы пересекли границу - обратной дороги не существует, увы.
- А как мы будем выбирать варианты?
- Очень просто - прошедшие небольшое испытание станут нами, не прошедшие - умрут.

- Не думаю, что нас устраивает такая альтернатива.
- Это наша земля и наши законы.
- Мы будем сопротивляться.
- Глупо. Многие из нас и так долго не протянут - днем раньше, днем позже. Мы завалим вас трупам. По сути нам ведь нужна лишь ваша женщина.

- Женщины, которая вам нужна, с нами нет, - ответил Брат.
- Ох уж эта Кэт, - пробормотала Стерва, - свет на ней клином, никто без нее не может.
- Лжешь! - взвизгнул кто-то из толпы, - я чую запах самки, она среди вас!
- Видишь, - голос предводителя полон укора, - некоторые метаморфы неприглядны с вашей точки зрения, но определенные способности в разной мере присутствуют у всех. А унюхать детородную самку, поверь, могут очень многие.

Рус повернулся к Стерве:

- Уродам не хватает здоровых женщин.
- Детородных, - поправил Брат.
- И что теперь? - возмутилась Стерва, - Меня променяете?

Рус фыркнул, Брат по-отечески покачал головой, а Ванко горделиво расправил плечи.

- Джентльмены, - горько усмехнулась девушка, - если это поможет, я...
- Поторгуемся? - прищурился картофелелиций.
- Уж лучше вместе подохнуть, - сквозь зубы сплюнул Рус и вскинул арбалет.

Толпа угрожающе зашевелилась...

- Стоять! - трубным гласом сверху звучит рычащий приказ.

Передние подаются назад, некоторые падают, подпираемые со спины, но колышущаяся масса замирает.

- А ты кто такой будешь? - метаморф поднимает уродливое лицо.
- Не важно, смотри сюда, узнаешь?
- Видел когда-то. Давно.
- У меня их много.
- Нам это без надобности.
- А я и не предлагаю. Просто уж очень кучно вы собрались - я сейчас такую мясорубку устрою...

Стоящий внизу явно беспокоится. Из помещения магазина конечно не видно, но даже не узнав голос, непривычно властный, легко догадаться, кто стоит наверху за балюстрадой. Вот только чем так озаботил Ключник предводителя мутантов? Ванко бы припомнил в небрежно подбрасываемом не ладони предмете зеленую стальную банку размером с кулак, подобранную когда-то Раханом у мертвого разбойника в разграбленном доме брата Слава. Вот только в единственном экземпляре.

Из толпы, мелькнув оперением, вверх резко взмывает стрела.

- Еще раз, - предупреждает лучника непринужденно увернувшийся Ключник, - и вокруг тебя на двадцать шагов все умрут. Ну?

Сзади к колеблющемуся предводителю проталкивается, раздвигая собравшихся и получая тумаки в ответ мутант со свежими следами побоев и шепчет что-то на ухо. Взгляд того меняется, становится заинтересованным и, что это - искра надежды?

- Ты убил Вия?
- Ты не представляешь, сколько на мне трупов. Я у них имена не спрашиваю.
- Это наш жрец, мне говорят, ты отрубил ему голову.
- Раз говорят, наверное я. И что теперь?
- И он назвал тебя братом?
- Он ошибся.

- Он назвал тебя измененным братом. Он, обращавшийся к нам как к детям!
- Послушай! Меня не заботят предсмертные бредни какого-то уроды!
- Это ты послушай! Из-за тебя мы рискуем потомством! Если Вий назвал тебя братом, значит он видел то, что другие не в состоянии. Кто бы ты ни был, и как бы мы к тебе не относились, мы отпустим твоих спутников, если сможешь нам помочь!

- А может мне лучше забросать вас своими игрушками?
- У тебя она одна, но не будем спорить - мое предложение взаимовыгодно.
- Я тебе не верю.
- Он не врет, - рядом с Ключником Колышется на ветру тонкая фигура Кэт и непослушная девушка кладет руку на плечо солдата, - им нужна помощь.

Рахан переводит взгляд с девушки на предводителя метаморфов.
- Поднимайся, поговорим. Один. Да, и скажи своим не нервничать.
Чуть позже Ключник окликнул Брата со спутниками, а метаморф распорядился беспрепятственно пропустить маленький отряд наверх.

- Ого, - присвистнула Стерва, увидев почти по мирному общавшихся противников, - уже спелись.

Действительно, было что-то умиротворяющее, ностальгическое, сказал бы Брат, в расслабленных позах трех людей. Кэт сидела на перилах, положив под зад ладошки, Рахан рядом на корточках, прислонившись спиной к камню ограждения, а метаморф локтем на балюстраде в позе мыслителя подпирал висок кулаком.

- Тарас, - представил Ключник собеседника, - вы останетесь здесь на некоторое время... пока я не вернусь.

- Откуда?
- Оттуда, - калека кивнул в сторону серой громады.
- А в чем проблема? - переспросил Рус, - Вместе пойдем.
- Нет.
- Нет, - повторил уродливый Тарас, - там невозможно находиться больше часа, а вам пожалуй вообще не стоит.

- А ему?
- Почему я знаю? Вий назвал его братом, а он мог находиться внутри сутки напролет.
- Ладно, - прервал Ключник обоих, - я сейчас по быстрому осмотрюсь, потом поговорим.

- Хорошо, - согласился метаморф.
- Тебе точно помощь не нужна? - Рус перекинул Глевию из руки в руку.
- Пока нет.

Рахан пружинисто вскочил на ноги и прихрамывая пошел к темному провалу главного входа в театр. Когда-то остекленные, а теперь просто пустые металлические скелеты дверей со скрипом раскрыли свои объятия перед солдатом и жадно сомкнулись за его спиной серебряными створками ворот в преисподнюю.

- Что там? - обратился Брат к Тарасу.
- Алтарь.
- Какой?
- Разве тебя интересуют наши боги?
- Но почему возле него нельзя быть долго?
- Кумир метафорфов источает гнев. Гнев божий - благодать, но не больше положенного.

- Что ж ты сам не идешь?
- Вкусивший от чаши гнева обретет благословение, но пресытившийся умрет.
- И?
- Там надо... найти то, что оставил Вий. На это нужно много времени. Те, кого посылал я, не вернулись.
- Полагаешь, Ключник сможет?

- Не думаю. Но это наш последний шанс. Вий назвал его братом. Вий видел пределы допустимого каждого.

Брат про себя было усомнился в словах метаморфа, но, вспомнив как легко подавил волю двух опытных бойцов большеголовый немощный урод, лишь вздохнул. Непокойные времена всегда изобилуют шарлатанами, но намного чаще, чем обычно, находится место и настоящему чуду.

- Ваши боги жестоки.

- Нет, наши боги честны. Смотри, он возвращается.

Рахан находился внутри недолго, но вид у солдата был утомленный.

- Ну вы... - тяжело дыша, он смахнул со лба бисеринки пота, - это же реактор.

- Ты нам льстишь, - улыбнулся Тарас, - так берешься?

- А есть возможность выбирать?

- Нет. И ты дал слово.

- Мое слово, - Ключник посмотрел в глаза с холодным безразличием, - меня не связывает. Но у нас сделка и я предлагаю немного изменить условия.

- Насколько?

- Если я не возвращаюсь до утра, вы все равно отпускаете моих спутников.

Тарас задумался.

- Это справедливо. Согласен.

- Всех, - подчеркнул Ключник.

- Всех, - оскалился Тарас, - А мое слово меня связывает?

- Конечно, ведь они будут вооружены и ты оставишь с ними пятерых женщин, способных плодоносить. Если все будет по-честному, ты ничего не потеряешь.

Долгие мгновения собеседники буравят друг друга взглядами.

- Принято, - наконец кивнул головой метаморф.

- Я знал, что тебе можно доверять. Мне необходимо немного подготовиться, а ты пока приведи своих дам.

К подножию театра спустились вместе. Тарас с не очень довольным выражением на распухшем лице и Ключник, буркнувший спутникам, что находиться им вблизи открытого входа в логово, куда и сами метаморфы заглядывали с опаской, не очень хорошо.

Тарас рыкнул своим смотреть в оба, чтобы гости не разбежались, и растаял за их спинами, Рахан предложил отряду вновь расположиться внутри магазина.

- Побудете здесь до завтрашнего утра, - потом обратился к Брату, - отойдем.

Они немного прошли в сторону вдоль ропщущей толпы мутантов, пока проповедник первым не нарушил молчание:

- Что там?

- Хреново. Фонит сильно. Аж воздух горячий.

- Почему?

- Эти безумцы хлама натаскали из эпицентра, прям светится.

- Божий гнев. Благодать.

- Ага, пятнадцать минут побыл, а голова уже раскалывается. Проклятие.

- Не иди.

- Я должен, - Ключник досадно, сейчас завоет, посмотрел куда-то сквозь Брата.

Слишком долго и, самое главное, трудно объяснить появившееся недавно осознание необходимости толи искупить нечто, толи оправдать, отработать когда-то давно наложенное бремя ответственности.

- Мы никому ничего не должны, - несколько неуверенно заявил Брат, им тоже с некоторых пор овладевало ощущение нереальности и, предначертанности, что ли, эпичности происходящего.

- Должны, Брат. На, возьми, - Ключник протянул предмет, которым угрожал Тарасу, - Помнишь, как пользоваться?

- Естественно, - оружие тут же скрылось за пазухой, - она у тебя одна?

- Конечно, держи, вот еще.

Из рук в руки переключал еще один образец военной мысли предков. Тот, что когда-то выхватил из ослабевших пальцев работягу Лекарь, спасая Ванку. Потом переданный Ключнику во время памятной встречи на хуторе, когда два бывших соратника не знали, обнимать друг друга, или бросаться с ножами. Предмет, вскоре пригодившийся Рахану в противоборстве с мастером клинков Серым, потерянный и вновь вернувшийся к солдату в Осетрово.

Брат взялся за удобную рукоятку и левой рукой не очень умело, а может, он просто позабыл, как это делается, потянул на себя стальной кожух, скрывающий внутренние механизмы. Оружие плотно клацнуло.

- Необычный образец.

- Осторожнее, на предохранитель поставь. Это Грач, такими только специалисты пользовались. Ума не приложу, откуда он в этой глухомани всплыл.

- Спасибо. Ты все отдал - думаешь, не вернешься?

- Не знаю. Если эти уроды не смогли, они-то должны быть попривычнее...

- Не факт, их организмы ослаблены.

- Все может быть, в любом случае - позаботься о Кэт. Рядом с ней я начинаю задумываться о том, во что не верю. А сейчас возвращаемся, попробую хоть немного обезопаситься.

Они вернулись обратно в магазин, где Ключник, не стесняясь, разделся догола и начал рыться в ворохе полуистлевшего тряпья, бывшего некогда товаром. Стерва вновь словила себя на заинтересованном разглядывании сухощавого, но словно отлитого из каучука, иссеченного шрамами тела. Тем временем Рахан извлек необычное одеяние, в котором брюки переходили в куртку, яркое, шуршащее, с торчавшей сквозь расползающиеся швы ватой, и облачился в него. Потом подобрал с пола громадные, плотно прилегающие очки-маску, обмотал лицо ошметками шарфа, закрывая нос и рот, натянул на голову капюшон. А сквозь толпу уже шел навстречу Тарас в сопровождении женщин. Пятерых дам, прилично, по сравнению с остальными мутантами, одетых и достаточно ухоженных, но с невыносимой, адской тоской в глазах. За исключением, впрочем, одной, плоское лицо, широкие скулы и непосредственный взгляд раскосых глаз которой выдавал в ней идиотку. Все пятеро выглядели почти естественно, лишь с незначительными отклонениями от нормы. Племенные самки.

- Ты подготовился, - прокрипел Тарас, - Иди.

- Хорошо.

- Я проведу? - спросил Брат.

- Не надо, - остановил его Ключник.

- Тогда удачи.

У начала лестницы проповедник вновь окликнул солдата, тот обернулся, сверкнув стеклами.

- Рахан, чем они там занимаются?

Сквозь вылезающий ворс шарфа прозвучал печальный, без тени иронии ответ:

- Селекцией.

Десять шагов на эшафот. Или сколько там ступеней на каменной лестнице? Брат знал точно - тридцать три. Немного, скажете вы, тем не менее - прежде чем спуститься, надо подняться и каждому уготовано свое лобное место, своя голгофа. Бывший адвокат еще раз бросил взгляд на здание театра. Крематорий? Печь? Точно сказал Ключник - реактор. Топка, питающаяся душами и извергающая убийственные испарения.

- Селекцией? - Брат схватил за рукав попытавшегося двинуться в противоположном направлении Тараса, - Что это значит?

- Вий умел управлять трансформациями, предугадывал и дозировал. Он редко ошибался. И все делал сам, - метаморф вырвал руку и ретировался, бросив напоследок, - Даже если ваш справится, все равно сдохнет потом в страшных муках.

- Что он имел в виду? - поинтересуется Стерва несколькими мгновениями позже.
- Он прав, - вздохнув, ответит Брат, - зараза, которая там, убивает. Рано или поздно. Но - всегда.

А Ключник вернулся. Только начали собираться сумерки, он появился в сопровождении четырнадцати кутающихся в покрывала женщин.

- Смотри, они ведь все в тяжести, - шепнула Стерва Русу.

Действительно, в фигурах несчастных угадывались различные сроки беременности.

А Ключник устало брел последним.

Практически сразу среди терпеливо стерегущих отряд метаморфов оказался Тарас. Он пересчитал спасенных и кивнул:

- В расчете.

Ключник не отреагировал - запотевшая маска и толстый шарф все также скрывали лицо.

- Отпускай заложниц, я сдержу слово, потому что, даже если ты не был измененным, то теперь стал им.

Ключник не отреагировал - похоже, все его силы уходили на сохранение равновесия. Мутанты забрали женщин, тех, кого привел Рахан, тех, кто оставался для обеспечения безопасности отряда, и побрели на север, в центр города. Удалившись на приличное расстояние Тарас обернулся.

- Так издохни теперь в корчах, проклиная тот миг, когда появился на свет!!!

Тут Ключник засмеялся. Глухо, словно материал шарфа плотным кляпом забил рот, каркающее, как будто изнутри настойчиво рвалось наружу впитанное телом зло.

Тарас сплюнул и пропал во тьме, а Ключник закашлялся.

- Что там было? - почти хором спросили Брат и Стерва, когда скрылась из вида спина последнего метаморфа.

Ключник покачал головой. Быть может, потом.

Когда-нибудь потом, если останется жив, он расскажет. Расскажет об одном из ликов ада. Сейчас он не хочет. Не хочет и не может.

Ключника повело, солдат схватил руками воздух и рухнул бы навзничь, не оказись под ладонью хрупкое плечо Кэт. Так же он просто упал на колени. К нему бросились все и быстрые пальцы девушек уже срывали маску, открывая безжизненно бледное лицо, опухшие слезящиеся глаза и кровоточащие ноздри. А Рахан хрипел бескровными синими губами, чтобы друзья держались от него подальше, и белесые волдыри лопались на щеках, источая бесцветную жидкость. Потом был спотыкающийся бег через кладбище-парк, когда Брат с Русом тащили калеку под руки, Кэт на ходу сдергивала с него одежды, а Стерва с Ванко двигались на отдалении, подчиняясь распоряжению проповедника. Парк, улица, дамба над застоявшейся мутной жижей, отматывается назад череда событий, аллеи острова Юность и песчаный пляж, ласкаемый относительно чистыми водами реки. Там нагого Ключника ввели в поток и Кэт, прогнав остальных на сушу, долго совершала омовение. Она то поддерживала солдата, то опускала в воду, бросала в лицо пригоршни брызг, шепча нараспев незнакомые молитвы, очищая плоть в извечном обряде от въевшейся скверны.

Позже на покачивающейся лодке отряд переправился на другой берег и остановился в небольшом, неплохо сохранившемся домике. Именно там и тогда Кэт впервые отвела Ключника в отдельную комнату и оставалась с ним всю ночь...

ГЛАВА 12

Притча слепого старца, псалмы из священной книги. Что это? Проблески воспоминаний о событиях, участником которых был теперь дряхлый герой? Быть может - отголоски настоящего одной из реальностей - эфемерные обрывки снов? Видели сейчас уже мертвые глаза воочию, как обманчиво медленно, в рокоте боевых колесниц, черными молниями вонзаются в небеса адские стрелы смертных, способные поразить богов? Откуда

такая уверенность, что безграничное могущество всегда уравновешено досадной уязвимостью гигантского колосса, попирающего твердь хрупкими стопами? А может эти озарения - пророчества способного заглянуть вперед сквозь завесу времени? Никогда не спеши с выводами, ибо все слышимое - ничто, как обрывки фраз.

Рой. За кажущейся хаотичностью движений - отточенная рациональность, четкая субординация и холодный расчет. Каждая особь - винтик гигантской машины, не знающей сбоев и поломок. Механизм не испытывает жалости, не терпит привязанностей и не понимает чувств. Разрушение - единый удар, где в беспорядочном мельтешении каждая точка находит жалом лишь ей одной положенную цель. Созидание - общий порыв, бездумное действо единиц, непостижимой мозаикой выполняющих алгоритм миллиарда циклов. Могущество, созданное стремлениями безликой массы. Единица - ноль, но множество единиц - бесконечность. Мастоdont, крушащий бивнями скалы, в ужасе бежит, почувствовав за многие мили бесстрастную необузданность маленьких членистоногих. Рой. Они - сила. Все - бесполое касты выносливых фуражиров и безжалостных солдат, старательных зодчих и участливых нянек, несостоявшиеся самки охраны и творческие бездельники самцы. Разумные, хоть их общественное поведение больше похоже на выстроенную миллионами лет эволюции инстинктивную программу. Коллективное сознание, коммуникативные ценности и безразличное пренебрежение ко всему, не связанному с Семей - чуждый, трансцендентный разум, не допускающий даже мысли о паритетном сосуществовании видов. Никакой политики - беспрекословное уничтожение конкурентов, не бездумное, практичное, доведенное до виртуозности. Уничтожение, но не истребление - прагматичная логика найдет унижительное применение в сложной организации роя даже растоптанному оппоненту. Есть в мироздании что-либо, способное противостоять им? Лишь соперничающие в жажде поработать сородичи. И дрейфуют по упорядоченному, выныривая из ниоткуда, испещренные сотами инкубаторов величественные кочевья-гнезда, роящиеся в поисках очередного мира-улья. И тысячи бойцов, абсолютно неразумных в обычном понимании, в любой момент готовы обратить свою врожденную ярость против бессмысленно сопротивляющихся аборигенов. И перечеркивают изумрудные, багровые, лазурные и шафрановые небеса множества миров стройные силуэты неуязвимых летательных аппаратов, таких же древних, как и сама раса скитальцев. Стремительные тела, не живые и не мертвые, порождения инородной науки или до неузнаваемости преобразенные, извращенно модифицированные оболочки некогда прекрасных существ, плоть, пораженная всесильными паразитами? Ответ на этот вопрос давно уже стерся из генетической памяти всепожирающего сообщества, как не несущий полезной нагрузки, никчемный, с точки зрения процветания вида. Только благосостояние Семей и все, что с ним связано. Общие желания, общие цели, общие методы, подчиненные единой воле конкретного существа. Всемогущей Прародительницы, Царицы, Матери.

И конечно божество в подобной культуре может быть только одно - Она, сочетающая в себе и элементарное и сверхъестественное.

По правую руку - стена, уходящая вертикально вверх, слева - зеленое море Тункинской котловины и синяя лента реки. Отряд шел споро. Когда Брат вел пальцем по желтой бумаге карты, прочерчивая линию предполагаемого маршрута, он сказал, что путь вдоль Тункинских гольцов, в долине реки Иркут окажется самым легким участком их странствия. Порядка четырехсот верст на запад по сносной дороге, через богатую на дичь местность действительно давались без затруднений. Шли по предложенной Ключником схеме - два дня марша верст по сорок, потом дневка, отдых и пополнение припасов в окружающих лесах. Надо сказать, сам Рахан двигался с напряжением. Его явно мучила одышка, частые носовые кровотечения, общий темп он еще держал, но об участии в охотах и ночных караулах речь идти не могла. И без того обезображенное лицо выглядело теперь еще страшнее - к змеящимся рубцам и мертвому глазу добавились теперь ожоговые шрамы, очерчивающие следы от маски, которую одевал солдат в театре. На одной из ночевок, через силу давясь густым наваристым бульоном, он рассказал об ужасном святилище метаморфов.

Мрачные стены, вылизанные давним пожаром, встретили человека гнездящимся по углам тревожным сумраком. Скучный свет в фойе театра проникал сверху, сквозь покрытые толстым слоем пыли и гари, чудом уцелевшие толстые стекла. Искать, по словам Тараса, нужно было не здесь, а где-то в бесчисленных переходах, среди грязных подсобок, в темных лабиринтах подвалов. Проблема была в том, что все, кого надо было вывести из дышащего смертельным излучением здания, находились в разных местах, в неравной мере поглощая тот яд, что определил для них изощренный Вий. Тот умел управлять трансформой, говорил Тарас, возможно, теперь уже мертвый жрец действительно лучше других ощущал течение и последствия мутаций, быть может, ему было Дано, и он Видел. Но в чем были виноваты несчастные женщины, человек решительно не понимал. А еще, и об этом не говорилось, но человек твердо знал, что иначе нельзя, собирать по одной и водить следом по черным коридорам четырнадцать девушек не следовало. Это значит - либо выводить каждую, растрачивая драгоценное время и все больше подрывая собственное здоровье, или обнаружить местоположение всех, а потом самым безопасным путем организовать эвакуацию. При условии, если человек сам не падет в бессилии, вдохнув невидимой смерти. Даже не углубляясь в тоннели театра, гость этого места чувствовал порами, легкими страшную, напряженную затхлость, исходящую из нутра здания. Он не знал почему здесь. Он не был знаком с обычаями мутантов, их регулярными паломничествами в область Воронки, откуда нескончаемым караваном, надрываясь и сменяя изнуренных тащили они жуткие трофеи, сувениры, сполна вобравшие в себя Гнев Божий. Начинать надо было с зала. Где почти двадцать лет назад страсти зрителей питали искусство актеров, а эмоции выступающих, в свою очередь, проникали в души публики. Где теперь аккумулировалась энергия страданий, возносясь с молитвами к безликим сущностям, обратившим свой взор на то, во что превратились верные жители Города.

Света в зрительном зале не должно было быть. Но он лился из рукотворных, толи естественных, вызванных временем и катаклизмами, брешей в плитах крыши, освещая выглядящий бездонным провал на месте сцены. Там, на границе света и темноты, зловещей декорацией возвышался Алтарь. Переплетение изогнутых невиданной мощью тяжелых стальных балок, каменных блоков и обгоревших стволов, не беспорядочное, завораживающее извращенной архитектурой творение. Безобразный мегалит, дольмен с распахнутым каминной топкой зевом входа, увенчанный кошмарной скульптурой, воздевающей кривые сучья рук к сокрытым небесам. И клубящееся вокруг болезненно бледное марево, различаемое только сверхъестественно обостренным зрением человека. Многочисленные пирамиды, некоторые еще курящиеся догорающими углями, разбросанные по всему помещению, соединенные меж собой выложенными камнем дорожками в сложной пентаграмме. Но величие конструкции можно оценить только от Алтаря, так как пол зала не горизонтален, он спускается вниз, к тому месту, где была сцена. Все материалы, из которых собран этот невообразимый ансамбль - светятся, излучают, ломая сложные цепочки, выбивая кирпичики, определяющие геном человеческого развития. Порождая болезни и мутации. А еще смрад, режущие глаза миазмы, что исходят от рухнувших вниз в глубокие подвалы подмошников. Загляни туда, человек различил бы нагромождение тлеющих останков, кости и ключья плоти принесенных в жертву, а больше самих метаморфов, не вынесших тягот возложенной на них миссии. Ведь здесь - еще и место погребения. Тут тепло. Даже жарко от клокочущих в пространстве реакций и человек понимает, что каждое мгновение в зале - широкий шаг к смерти, но он осматривается, осматривается зорко, ощупывая всеми органами чувств каждый закуток. Шевеление вверху, где каменным языком нависает балкон галерки и человек по-кошачьи бросается туда.

Первая. Худошавая, почти подросток. Одежда ярких раскрасок, непривычная в мире рванья и лохмотьев, тщательно уложенные длинные волосы - это когда во избежание колтунов и паразитов все стараются стричься коротко, босая, словно ноги ее никогда не ступали по щебню развалин и битому стеклу. И ржавый ошейник, угрюмые звенья цепи, ведущие к неровно вбитому кольцу в стене. Старый вылезший матрац, дырявый,

изъеденный, наверное, крысами, если только они в состоянии жить в таком месте. Девушка без сознания. Наверяд ли Вий предполагал оставлять ее в такой близости от источника излучения на столь долгий срок, а значит то, что девушка находится в плачевном состоянии, вина его - человека, убившего жреца. Небольшой замок открывается легко и девушка бережно выносится наружу, в фойе, где, возможно, придет в себя, пока человек будет искать остальных.

Увы, если в зале была одна, там могут быть и другие. Человек не спеша, тщательно выверяя каждое движение, стараясь почти не дышать возвращается и осматривает все пространство вокруг сцены. Насыщаясь рентгенами. Больше ничего примечательного, кроме, разве что, огромной ударной установки, спрятанной на одном из балконов. Да, внизу, у алтаря, взирая на сложные руны, отмеченные в углах горящими навершиями пирамид, под мерный бой барабанов, легко было овладеть сознанием напуганной толпы, внушить ей нечеловеческие идеи.

С залом покончено и посетитель храма начинает шаг за шагом исследовать здание театра. Сверху вниз. Двоих он находит на относительно безопасной крыше. Относительно, потому что из провалов над залом, все-таки они рукотворные, ощутимым потоком, плавая воздух, рвется в высоту неумная энергия. Человек спускается ниже. Еще одна женщина оказывается в театральной уборной, заваленной пыльными платьями и облезшими париками. Та смеется и говорит, что никогда не уйдет отсюда. Хорошо, пусть пока побудет, здесь ведь почти безвредно. Ниже. В одном из коридоров человек натывается на троих поисковиков-метаморфов, присланных до него Тарасом. Те слабо шевелятся, прося о помощи. Человек переступает через них - у него договор только на спасение женщин. Кто-то хватает его за штанину, но острая сабля поднимается и опускается, облегчая несчастному страдания. На остальных нет времени, каждый миг внутри здания - мучительная пытка после. Человек следует дальше, взяв на заметку странный характер ранений, ранений - мутантов остановило не столько, или не только излучение, и следы крови на стенах. Теперь он передвигается еще медленнее и осторожнее, несколько жалея, что отдал настоящее оружие своим спутникам.

Когда он нашел пятую женщину, предательская слабость впервые сковала члены, заставив прислониться к стене и некоторое время стоять, восстанавливая дыхание и унимая дрожь. Несколько позже его стошнило, тоже в первый раз, и он еле успел стянуть закрывающий органы дыхания шарф. Чем дольше он находился в этом месте, тем более нереальные очертания приобретало его окружение, напоминая пьяный вяло текущий бред, из которого нельзя выделить отдельные события, а лишь монотонное, одурманенное действо. Перерывы становились все чаще и дольше, время, необходимое на восстановление сил растягивалось с каждым разом чуть не вдвое. Страшные приношения из Воронки хранились не только в зале, по одному ему известной системе Вий оставлял их и в многочисленных помещениях театра. Не менее безумными принципами он пользовался, размещая женщин для облучения потомства.

Все ниже и ниже. Абсолютно лишенный света подвал. Огромный, запутанный, превышающий по размерам сам театр. Нереальное зрение позволяло человеку сносно ориентироваться в полной темноте, но и оно начинало подводить, заставляя больше надеяться на слух. Расслабляться нельзя - ловушки, простые и наивные, вроде волчьих ям на месте рухнувших перекрытий или грубых механизмов, приводимых в действие натянутой через коридор бечевой, незатейливые, но при этом безжалостно смертоносные. А потом человек столкнулся с тварями, населяющими подвалы театра, жадно питающимися жертвами обрядов и неохотно поднимающимися вверх, к свету. Что-то говорилось о крысах? Нет, ни одно живородящее существо не способно находиться в этом аду, изводясь на нет в течение первого же поколения. Ядовитая плесень и насекомые. Пауки гигантских размеров, плюющие комьями липкой паутины толщиной с добрую нить. Человек обходил плесневые наросты, остерегаясь ожогов, и убивал пауков, подозревая, что неестественно распухшие, со следами укусов конечности встреченных наверху поисковиков - работа челюстей этого нового вида арахнид. Затем, кажется, он только и делал, что отдыхал, лежал, выбрав закуток

побезопаснее, откашливая обжигающую гортань взвесь из спор, что выбрасывали невиданные растения подземелий, и проклиная каждый момент на протяжении предшествующих восемнадцати лет, когда он имел возможность, но так и не смог легко умереть. Он бы удивился, а может быть и нет, если бы узнал, что представленная вокруг чуждая флора и фауна - тоже образцы, доставленные старательными метаморфами из зоны Воронки.

Ключник нашел всех, хотя не очень то помнил последнюю треть своих странствий. Нашел и вывел наружу в грязную, суровую, но прекрасную после подземелий действительность. Нашел и вывел, а после изнеможенно упал на руки своих друзей и теперь уже больше двух недель напоминал заводную куклу, днем упрямо ломящуюся в указанном направлении, а вечером, израсходовав завод, бессильно падающую на землю. И каждую ночь с ним уединялась Кэт, восстанавливая отчасти запас сил, а утром он поднимался и шел вперед, шел до вечера, практически не стесняя отряд. Ему не становилось хуже, но ощутимых перемен к лучшему тоже не намечалось. Брат лишь качал головой, боясь предположить, во что и как скоро выльется Рахану эта безумная гонка.

Брату вообще не очень нравился их поход. Даже окружающий пейзаж, первозданный, практически не измененный после Войны, такой же умиротворяющий, каким был двадцать лет назад, во времена путешествий бывшего адвоката, не радовал его. Брат считал, что они вышли абсолютно не подготовленными. Да, добыча, найденная на складах магазина, была бесценна, но Ключник заставил избавиться от всего, заявив, что снаряжение, провалявшись столько времени рядом со стенами театра, тоже зарядилось и таскать его на себе самоубийство. Они оставили все: прекрасные широкие лыжи, отлично сохранившуюся палатку, удобную теплую одежду и полный комплект амуниции для покорения гор. Все, за исключением ветхой карты, содранной со стены одного из кабинетов. Со слов Брата, на ней была большая часть пути, а главное, еще можно было различить тонкие пунктиры туристских маршрутов через горы - неоценимое преимущество, позволившее этому предмету остаться в рюкзаке странствующего проповедника.

Котловина постепенно сужалась и теперь горные хребты, называемые местными жителями гольцами громоздились не только на севере, но на юге и спереди - на западе. По мнению Брата горы были вполне пригодными для тренировки новичков.

- Ну что скоро вверх полезем? - поинтересовался Рус, небрежно несший рюкзак на одном плече.

- Еще нет, - Брат сверился с картой и указал надпись на бумаге, - сегодня остановимся в этом поселке, а завтра конечная точка - Орлик.

Палец пополз вверх, вдоль поворачивающего на север, зажатого между скал русла Иркуты, через небольшой перевал, пересекаемой ниткой дороги, и к верховьям другой реки, Оки. Ниже по течению, в дневном переходе находился завершающий пункт первого этапа их путешествия - поселение Орлик. Там они планировали сделать большой привал, попытаться разжиться снаряжением, все-таки предгорье, и набраться сил перед следующим этапом. В первую очередь это касалось Ключника - в теперешнем состоянии ему в горы путь заказан.

От Орлика на запад пунктирной линией с перекрестьями даванов и точками зимовий вела пешая тропа. Через хребты и долины, где-то через пятьдесят верст находился достаточно серьезный перевал. Пятьдесят верст - один хороший бросок, уверенно заявил Рус. Брат лишь улыбнулся - это горы, пятьдесят верст по карте на деле оказываются чуть не сотней, петляющими вверх-вниз, нет, простая арифметика здесь не подходит. Дай бог, пойти этот участок за неделю. Да и дальше не лучше - горы не заканчивались, тропа вилась еще вдвое большее расстояние, пока спускалась в огромную, окруженную со всех сторон горами котловину, пестреющими синими пятнами озер.

- Тоджинская долина, Азас - заповедные места, - рассказывал Брат, - до ближайшего жилья не добраться, глушь та еще.

По планам Брата, маршрут от Орлика до следующего населенного пункта на пути, села Чазылары, расстоянием этак верст триста, они должны были пройти максимум за месяц.

Учитывая, что большая половина пути - горная страна, а остальное - безлюдная даже до Войны местность со скорее всего практически не сохранившимися тропами.

- Это будет почти половина пути до Белой, а после наступит зима, - рассуждал Брат, - но там и в зиму, наверное, можно будет помаленьку идти. Местность более-менее обжитая, равнинная, так что не спеша даже в самые морозы, до следующего горного массива. А там...

Там карта заканчивалась и путешественники решили ориентироваться по обстоятельствам. К тому же горы в тех местах по словам проповедника были по-настоящему трудными. Но до них еще дойти...

Окружающее возвращало путешественников назад во времени. Не тронутые войной, людским безумием места - хрустальные реки, перекатами омывающие валуны порогов, частокол островерхих лиственниц, покрывающий отвесные кручи сплошным колким ковром, и, несомненно, сами горы, не покатые сопки родины Ванко, а настоящие скалы, гранитными исполинами столпившиеся вокруг узких глубоких долин, до самого горизонта щекочущие небеса, вычесывающие пух облаков своими вершинами.

- Чудная страна, - романтик Рус положил руку на плечо восхищенного Ванко, - я такое раньше только на картинках видел, надо же - забросила судьба.

Даже циничная Стерва уже который день находилась под величественным очарованием природы:

- А сам ты откуда, помнишь?

- Помню. Я ведь с Полком почти с самого начала был. Мы не с Запада, как принято считать.

- Не с Запада? Но...

- Ну да, конечно - дружина, большинство бойцов присоединились к нам там, где и ты - на равнинах центральной части империи, как это называют, на Пути. Но костяк, Полк, Краб, думаешь откуда такое прозвище, мы шли с Востока.

- Что ж вас оттуда сорвало?

- К столице прорывались. Думали там власть осталась, инфраструктура, хоть какое-то подобие порядка.

- И как?

- Ну, пол пути преодолели, но чем дальше - тем хуже, и все больше свидетелей - за хребтом, говорят, выжженная пустыня. Не то, что правительства - людей не осталось.

- За хребтом? - подключился к беседе Брат.

- Который разделяет Восток и Запад. Узкая складка старых обветренных гор, перечеркивающая континент с севера на юг. Говорили, что теперь она служит преградой для огненных смерчей, которые сейчас вспахивают остатки цивилизации.

- Смерчи?

- Смерчи, - подтвердил опирающийся о посох Рахан, - Главный удар, понятно, нанесли по центру. Там все - как на другой планете, воронки, кратеры и расплавленная земля.

- Ты-то откуда знаешь?

- Был в столице. Запада просто не существует.

- Так что, жизнь осталась только на востоке?

- Наверное... Рус?

Рус вздохнул и покачал головой.

- Жизнь... лишь очаги. Я жил на берегу океана... Ах море... оно как небо. Нежное, ласковое, ослепительно синее. Или мрачное, суровое, отливающее свинцом. Просто разглядывать блики солнца на волнующейся поверхности - уже блаженство. А в тот день море взбесилось. Оно сначала отхлынуло от берега, словно пытаясь заполнить образовавшуюся где-то в глубине бездонную скважину, а после обрушилось на нас сокрушающим все валом. Волна превышала любое из зданий в городе, а город был немаленький, столица приморья, крупнейший на востоке порт. Его смыло, как песочный замок. Больше полумиллиона народа. Там тоже были горы, не то, конечно, что здесь, но в них можно было спастись. Тайфуны, цунами, для нас это не было в новинку и, лишь начало

обнажаться дно, все устремились вверх. Не успел никто. Вода поднялась много выше, чем смогли добраться даже самые проворные. Мне повезло. Я в это время уже был на вершине, зима, мы занимались спортом, на вершине, но волны лизали лед у носков моих сапог. Я видел все. Белую стену пара, далеко, там, сплошной завесой вздыбившую горизонт. Обратившиеся вспять реки, которые раньше мирно по тихим долинам впадали в океан, а теперь, круша и сметая, ринулись обратно к своим истокам. Потом видел, как море вернулось в свои границы и не оставило после себя ничего, кроме грязи. И еще, ужасно, но океан, вода, она почти кипела, а пришедший ураган обжигал, как пар, рвущийся из горловины чайника. Тот Восток, Дальний восток, погиб так же безвозвратно, как и Запад.

- Я думаю, - Брат на ходу поправил рюкзак, - только здесь, там, куда мы идем, в глубине материка, в местах, окруженных со всех сторон высокими горами, что-то могло остаться как прежде. Климат тут всегда был суровый, а катаклизмы не могли обрушиться с полной силой. Беда в том, что тут практически никто не обитал - заповедники, дикая природа.

- В рассказах про обетованное может крыться истина? - поинтересовалась Стерва.

- Отчасти. Развитой промышленности, других атрибутов цивилизации здесь никогда не было, а то, что этих мест в меньшей мере коснулась война и они более, нежели другие территории, чисты, это, полагаю, бесспорно.

К вечеру следующего дня они, как и планировали, оказались в Орлике. Поселок старателей уютно расположился между крутобоких гор на берегу петляющей Оки. Дорога, пыльная и размякшая, но еще не заросшая окончательно, змеилась вдоль отрога и плавно спускалась вниз. Там, уже скрываясь в тени хребта, который загораживал начавшее скатываться на запад светило, неровными рядами были разбросаны добротные, хозяйского вида бревенчатые дома. Здесь не было видно следов разрушения, пожаров, селение разительно отличалось от хуторов-фортов, сохранившихся вдоль Куты. Там население изолировало свои жилища высокими насыпями, частоколом, используя в качестве строительного материала окрестные постройки, а освободившиеся территории вокруг попросту выжигались, увеличивая безопасное пространство до враждебного леса. Не было это похоже и на Усть-Кут с его крепостью - Осетровом и на несколько верст вокруг раскинувшиеся неряшливыми развалинами. Здесь поселок от природы отгораживали лишь покосившиеся со временем редкие заборы. Либо этих мест действительно не коснулись ни война, ни ее последствия, либо селение вымерло и ни одна душа даже не пыталась возродить в нем жизнь.

Курившиеся над некоторыми домами дымные столбы, однако, подтверждали, что люди здесь есть. Точно также, как он делал всегда, приближаясь к обжитым местам, Ключник поплотнее закутал лицо и низко надвинул на глаза широкополую шляпу. Мутантов, чаще их называли уродами, не любили нигде, а Рахан сейчас на обычного человека походил мало.

Поселок встретил путников гоняющим пыль по улицам ветром да поскрипывающими на сквозняке ставнями. Они остановились посреди широкой улицы в центре села. Шесть уставших странников - тучный Брат в попоном на рясу длинном плаще, Рус, небрежно положивший руки на переброшенную за шею зачехленную Глевию, Стерва, вызывающе сексапильная в обтягивающей коже, держащая ладонь на плече Ванко, который повзрослому цепко смотрел вокруг. А еще опирающийся на костыль, похожий на прокаженного Ключник и отстраненная, прозрачно воздушная Кэт. Посреди старающегося казаться мертвым поселка. Протоптанные тропинки и ухоженный вид некоторых дворов предательски извещал об обратном. Просто, наверное, здесь не очень жаловали чужаков.

- Эй, хозяйева! - окликнул зашторенные чистыми занавесями окна Рус.

Окна настороженно промолчали.

- Можем мы здесь переночевать?

...

- В каком-нибудь из пустых домов?

- Дикий запад, - фыркнул Ключник.

- Че? - в полголоса переспросила Стерва.

- Так, не обращай внимания.

Восприняв тишину в ответ, как невысказанное согласие, отряд расположился в небольшой чистой избе на окраине. От большой печки толку добиться не удалось, поэтому огонь развели на улице. Только в котелке начала бурлить похлебка, у калитки, смущенно покашливая, оказался невысокий, ссутуленный старик.

- Заходи, не стесняйся, - приглашающе махнул рукой Рус.

Старик, семеня ногами, проковылял во двор и уселся в круг.

- Угощайся, - предложил Брат.

Гость покачал головой:

- Благодарствую.

Когда он находился рядом, было видно - тот действительно очень стар. Стар настолько, что скорее всего пребывал в преклонном возрасте даже до войны. Шамкающий, иссохший, кутающийся в длиннополую шубу и в тоже время пронзительно смотрящий на мир выцветшими глазами.

- Как жизнь-то, дедушка? - поинтересовался Брат.

- А помаленьку, - старик протянул руки к костру и как-то настороженно покосился в сторону Кэт, - вы уж не серчайте.

- Что так?

- Давно у нас гостей не было, почитай как годков десять. Отвыкли мы. А последний раз-то, которые приходили, шибко буйные оказались.

- Так времена беспокойные... потрясли вас?

- Народ мы, сынок, спокойный, однако все старатели - с золотишком дело имели. А металл, он, сынок, размазней не любит. Извели мы их, всю ватагу, чтобы не повадно.

- Молодцы. Тихо тут.

- Тихо, да. А вы-то зачем к нам пожаловали?

- В Тоджин идем.

- Так вас, детки, к четям на кулички занесло. Здесь тупик, дорога заканчивается. А в Тоджин... уж к Азасу этим путем и в добрые годы только единицы хаживали. Знаешь, как один ученый мне сказал - аппендикс тута.

- А тропы?

- Стежки? Дык... ледники ниже спустились. Тяжко нынче на них.

Они еще долго так сидели. Дед милостиво соизволил таки отведать нехитрой снеди, а после поведал о нелегком бытии заброшенного поселка.

О конце света здесь в свое время скорее догадались, чем узнали. Ну, громыхало, ну сумерки. От большой земли отрезало - так зимой и раньше, бывало, лавина сойдет, и больше месяца тишь да глушь. Ну, потом конечно слухи дошли, однако кое-как свыклись. Из значительных событий - лет с десятков назад и вправду налетели лихие люди, разобрались с ними тихо и по-быстрому. А три года тому вся молодежь с места снялась. Пошли лучшей жизни искать, по дороге, как иначе, там ведь Город, хоть и далеко. А старики остались. Куда им лучшая жизнь, свой век бы дожить. Мрут теперь помаленьку. Сам Алгуй, так старика звали, вообще не понятно, каким чудом на белом свете задержался - гляди, скоро уже сотня лет стукнет. Молодежь то, поди обустроилась где жить полегче.

Такой вот тебе рай. Вымирающий. Не стал Брат Алгую говорить, что скорее всего вырезали его односельчан на кровавых дорогах безжалостного Пути, иначе как объяснить, что никто не вернулся в это действительно тихое и чистое место. Потерянный оазис.

Разговор вернулся к западным тропам. Алгуй презрительно крикнул, когда ему попытались показать затертую карту. По бумажкам в горы ходить! Без проводника, однако, нечего и соваться. Раньше ведь даже на лошадках вверх ходили и то, старик поучительно поднял скрюченный подагрой палец, вместе со знающим человеком. Какие нынче лошадки, себя бы прокормить. А знатная была скотинка! Коротконогие, мохнатые, но неприхотливые и выносливые. Да...

Постепенно кое-как по карте маршрут все-таки уточнили, у старого Алгуй память оказалась феноменальной. Дорогу до Долины Вулканов, лежащей на пути отряда, старик помнил до мельчайших подробностей, Брат только и успевал строчить пометки с ориентирами на полях карты. Дальше похуже, но нужные перевалы бывший проводник описал достаточно детально, в общем, помог.

За все время Алгуй вел себя с путешественниками непринужденно, позволяя иногда с высоты прожитых лет нравоучительный тон. Только в сторону Кэт он отчего-то старался не смотреть, лишь бросал робкие косые взгляды, словно видел в ней нечто, неподвластное другим и внушающее трепетное уважение. А когда, прошамкав: "Пойду я, жавтра вштавать рано", поднялся и уже было тронулся идти, замер на мгновение и обернулся к девушке.

- Ты уж приветь меня Там, как должно, а? - помолчав, проскрипел он утирая слезящиеся глаза.

- Не бойся, Алгуй, сын Чагдара, - ласково улыбнулась не проронившая до этого ни слова Кэт, а старик вздрогнул - никому из странной шестерки не говорил он имени своего отца...

Уже стемнело, а уставшие путники все не ложатся. Алгуй разрешил им оставаться в Орлике столько, сколько понадобится для подготовки к походу через горы. А сегодня, сегодня хочется посидеть расслаблено, вытянув ноги к танцующему пламени. Легкая часть маршрута закончилась. Впереди - только тяготы и лишения.

Брат рассказывал об особенностях хождения по горам.

- Тропа, она ведь не дорога - камни, грязь и бурелом. Из земли каждый корень торчит, норovit подножку поставить, каждый куст колючками за одежду цепляется. А еще крутые подъемы с резкими спусками постоянно чередуются - это тебе не по равнине чесать. У вас сейчас за плечами в рюкзаках, ну, килограмм по сорок поклажи - вроде немного, а в гору оказывается - неподъемное бремя. По горам учиться ходить надо. Каждый шаг должен быть максимально экономичным - никаких прыжков, ускорений, только монотонное передвижение. Видишь ствол на пути - переступи, не перемещая центр тяжести, и упаси бог вскакивать на него, спрыгивать, минимум лишних телодвижений. Вообще каждый шаг должен твердым быть, устойчивым, потеря равновесия - почти наверняка падение...

- Ледники... Ну, выйдем на лед - отдельно проинструктирую, а пока стоит знать - если есть возможность передвигаться по земле, на лед ни ногой. Лучше всего, конечно, подниматься по курумнику. Что это? Тропинка такая каменная, увидите - поймете.

Проповедник блаженно запрокидывает голову и втягивает воздух полной грудью:

- Хорошо... Как двадцать лет назад... точно так же - у костра... только не я нотации читал а мне... ее звали... а, неважно. Рус, сыграй...

Так же молниеносно, как оружие в мгновения опасности, в руках барда оказывается гитара. Тихие, печальные переборы льются, заставляя трепетать душу. Это обнаженные нервы натянуты над взволнованным грифом. Это сердце издает звуки, а грудная клетка резонирует, придает глубину, окрашивает миллионом оттенков.

Побледневшие листья окна
Зарастают прозрачной водой.
У воды нет ни смерти, ни дна.
Я прощаюсь с тобой.
Горсть тепла после долгой зимы
Донесем. Пять минут до утра
Доживем. Наше море вины
Поглощает время-дыра.

У Брата увлажняются глаза. Нет, он не рыдает, просто слезы скапливались уже долгие годы, а теперь находят дорогу наружу. Наверное, все-таки это ложь, что слезы умеют высыхать или испаряться, просто иногда они текут внутрь, пропитывая душу, пока не

переполняют чашу человеческих чувств.

- Это все..., - шепчет он охрипшим голосом, и даже Ключник, бесстрастный Ключник, покачивается всем телом в такт аккордам.

Неуловимое чародейство песни покоряет всех, и странники еще долго молчат когда смолкают последние звуки.

Кэт смотрит вверх. Рус невольно прослеживает направление ее взгляда и Видит. В том же самом месте. Небосвод движется. Солнце тяжело поднимается на востоке и величественно уплывает за горизонт на западе. Луна, скрывая свое второе лицо, плывет, кутаясь тенью. Чужие светила танцуют хороводами созвездий. И только Она неподвижна, поблескивающая точка, кровавое око, вззирающее вниз с холодной безразличностью.

- Это Звезда? - благоговейно спрашивает бард.

- Да, - холодно отвечает девушка.

Подо льдом слов - сдавленная тисками, заключенная в стальные оковы ненависть.

- Странно, она как будто прибита в одном месте.

- Да.

- Но почему?

- Орбита Кларка, - отвечает за Кэт Ключник.

- Что?

- Место, находясь в котором всякое тело остается неподвижным относительно любой точке на Земле.

- Значит, Звезда привязана к нашему миру?

- Ну... что-то вроде того.

- И что это нам дает?

- Понятия не имею.

Рус снова оборачивается к Кэт:

- Как ты планируешь ее уничтожить?

Но девушка лишь пожимает плечами.

- До нее тридцать шесть тысяч верст, - кривит рот Ключник, - никаким оружием прошлого нельзя было достать объект, находясь здесь, на поверхности.

- То есть, мы должны попасть туда?

- Это невозможно.

- Что же делать?

- И увидел я звезду, упавшую с неба на землю... - задумчиво цитирует Кэт слова древнего пророка, слова, толкование которым искали тысячи философов на протяжении тысячи лет.

Утром Алгуй снова навестил отряд, но на этот раз он появился не один. Рядом, семени в такт шаркающей походке двигалась сухонькая подвижная старушка.

- Санжима, травница, - представил ее дед, - пусть вашего больного глянет, хуже-то от этого точно не будет.

Брат с Ключником только переглянулись - прошлым вечером Рахан своей немощности старался не выказывать, а о помощи тем паче не просил. Спорить между тем не стали и старушка быстрыми жестами осмотрела-ощупала тело солдата.

- Силен, силен, сыночек, ведь смерть в тебе гнездо свила, - причитала целительница, - забрать хочет, а не может. Силен духом, сынок, сильнее смерти, но что ей душа, она тело твоё, как вода камень точит. Подсобить тебе надо, чуть-чуть подсобить, вижу - не один ты борешься, а и моя поддержка лишней не будет. Телу, телу подмогу, забыли о нем, о брэнном.

И полетели в кипящий котелок, распространяя пряный аромат, пучки высушенных трав, а после вовсе диковинные ингредиенты.

- Женьшень корешок, хозяина тайги желчь, рог марала молодой, - колдовала над варевом Санжима и вежливо отваживала старающуюся заглянуть под руку Кэт, - отойди, отойди, сиятельная, не твоё это, не твоё...

Часа не прошло, а Рахан уже прихлебывал, чуть кривясь, обжигающий напиток, а лицо

его сплошь покрывали бинты, пропитанные загадочными снадобьями на барсучьем жиру.

- Вот, сыночек, тебе бы зиму у нас подлечиться - все девки б твои стали.

После манипуляций Ключник посвежел ощутимо, но, покачивая головой лишь задумчиво смотрит в сторону бывшей рабыни.

Санжима украдкой бросила взгляд на Кэт и заискивающе ей улыбнулась, потом наклонилась низко к солдату, шепнула, захлебываясь словами:

- Ой, смотри, не дело, как бы хуже не было - не по тебе невеста, - да побежала, бросив напоследок, - А отвар ты пей, сынок, разогревай да пей, что попадется, корешок или какой кусочек - не брезгуй, не выбрасывай, разжевывай и глотай.

- Спасибо, мать.

- Спасибо, - вторит Кэт, - твоя сила, от природы, это как раз то, чего не хватало...

А Стерва лишь хмыкнула:

- Чудные... что она, что вы.

- Не суди, молодка, - поправил ее Алгуй, - только в старости можно понять, какая честь и какой ужас иметь возможность посмотреть в глаза Смерти.

Что он имел ввиду четверо из шести не поймут никогда. При жизни.

- Поговорили мы со стариками, - продолжил Алгуй, - поможем Вам, потому как святые вы люди, хоть и сами того не понимаете. Отдыхайте у нас - сколько положено, с припасами подсобим, а после проводника дам, Ринчиндабу. Он хоть и старый, однако крепкий еще, обузой не окажется, до самого перевала вас проведет, если сможет. А не сможет, так и вам туда лучше не соваться. Места он знает, и в Азас, давно конечно, хаживал, а к Вулканам так до Войны группы постоянно водил.

Вышли в дорогу через седмицу. Надо было торопиться - до полной установки зимы оставался лучший месяц. За это время необходимо было пересечь горную страну, что по прямой составляло верст двести, а на деле могло обернуться расстоянием много большим, труднопроходимым и опасным, и добраться до жилья, еще сотня верст. Семь дней покоя положительно сказались на Ключнике благодаря заботам и зельям старой Санжимы и еженощным обрядам с Кэт, когда плотское превращалось в очищающее душу священнодействие. Теперь он походил хоть и на больного, но уже встающего на путь выздоровления человека.

- Недельку бы еще, - вздыхала старуха.

- Время, время, - торопили путников первые ночные заморозки.

- На перевал пойдете, как Вулканы минете, сверни к источникам, там дневку сделай, пусть хоть кости прогреет, - поучала Санжима проводника.

Не исключено, что по другую сторону гор Рахан снова мог спуститься прежней развалиной.

Остальные члены отряда тоже часов зря не теряли. Дряхлые жители Орлика на помощи не настаивали, охотой да рыболовством пополнить запасы на зиму могли и самостоятельно, однако с некоторыми заботами по хозяйству справлялись с трудом. Поэтому Брат с Русом, взяв в подсобные Ванко, помогали латать крыши, колоть дрова, выполняли другие работы, требующие физической силы.

Отправлялись утром и провожать отряд вышло практически все население, сдружившееся за небольшой промежуток времени и с Русом, развлекающим по вечерам стариков песнями из прошлого, и с Братом, с которым так легко беседовалось на самые сокровенные темы, и с общим любимцем Ванко, неунывающей Стервой, что там говорить, даже с угрюмым хищником Раханом. Только с Кэт старики, как в первый вечер и Алгуй, а потом Сати, держались почтительно, чуть не благоговейно воспринимая каждый ее взгляд, каждое слово. Впрочем, бывшая рабыня по своему обыкновению многословием и не отличалась.

Старики снабдили отряд крепкой, хоть и латанной-перелатанной палаткой, в которой могли с минимумом комфорта разместиться все шестеро, лыжами, пусть старыми и не такими шикарными, как добытые в городе, но добротными и надежными. Также хозяева не

поскупились на припасы - вяленое мясо с рыбой, сушеные мелкие фрукты и, немыслимая щедрость, немаленький мешок сухарей. Вдобавок каждый из путников уходил из Орлика со свернутыми за рюкзаками комплектами теплой одежды и вооруженный хорошим айсбалем - носатым ледорубом на длинной тростеобразной рукоятке, заканчивающейся острым металлическим шипом.

Когда Брат, похвалив доставшееся снаряжение, все-таки заикнулся о всяких там карабинах, ледобурах, кошках да жумарах, Алгуй лишь рукой махнул - такого не найдем, да и, даст бог, не понадобится. Между тем, после этого разговора, к амуниции отряда добавились три прочные веревки метров по тридцать.

В общем, выдвинулись грузеными изрядно, неся за плечами груз, раза в полтора превышающий обещанные Братом сорок килограмм. Ринчиндаба уверенно повел отряд практически строго на запад по теряющейся между камней тропинке вверх по пологому горному склону.

- Срежем, выйдем к Сенце, речка такая, - пояснил он, - вдоль нее дорога конная была аккурат до Долины.

Брат, поднявшись повыше, еще раз оглянулся на Орлик. Несколько десятков курящихся дымком изб посреди раскинувшегося многодворья. Тихо, спокойно отмирающее прошлое. Печальное, грустное место, которое могло еще стать процветающим центром, точкой возрождения. Или нет? Скорее всего, в эту эпоху свой шанс Орлик уже упустил, и навряд ли забредет сюда кто-нибудь лет через десять, когда скончается последний житель...

ГЛАВА 13

Это райский остров среди бушующих океанских волн, безжалостных и хаотично изменчивых. Он уязвим, он эфемерен, но он реален, а безжалостные буруны бьются о берег, смывая пласты плодородной почвы, шаг за шагом, все дальше вглубь. Ты знаешь, как этому противостоять - рукотворные дамбы, волнорезы и все такое, однако тебе некогда, ты отталкиваешь свою посудину и продолжаешь путь, ты научился выживать даже в хаосе. Ну и черт с тобой - остров справится без тебя.

Залеплены веки, песок норовит заполнить ротовую полость, просочиться в желудок, забиться в легкие. Нечем дышать, ничего не видно, но ты упрямо стремишься вверх, подчиняясь безошибочному чувству направления и панической жажде жизни. Вверх, вверх и вверх. Сколько осталось времени, как долго выдержат иссушенные легкие, прежде чем взорвутся острой предсмертной болью? Вверх. Рука, извиваясь змеей, тянется и, о чудо, вместо струящейся массы миллиарда песчинок вдруг проваливается в пустоту. На пустынной ровной поверхности вдруг показывается скрюченная ладонь, затем, червем, из земли вывинчивается человек. Ты лежишь на спине не в силах отряхнуться и шумно глотаешь воздух, неподвижный, сухой и горячий, но - безгранично сладостный. Вокруг - желтое море и бледная сфера над головой. Блаженство - ты жив. Но что это? Реальность вздрагивает, а земля и небо вдруг меняются местами. Ты падаешь, летишь туда, где только что был верх и потоки песка за спиной стремятся догнать тебя. Пространство перед тобой, там, где теперь низ, начинает сужаться стеклянной воронкой, узким горлышком, едва способным пропустить твоё тело. Ты задерживаешься здесь на мгновение, широко расставив конечности, скользя по идеально гладкой прозрачной поверхности и с ужасом замечаешь, мельком, на границе сознания и бреда распознаешь где-то за прозрачной пеленой, ограничивающей этот твой мир, огромные... миллион фасеток, глаза. В каждой из которых отражается... отражается, отражается какая-то геометрическая фигура - две пирамиды, нет, два конуса, соприкасающиеся своими вершинами. Мысли не хотят повиноваться, но ты в смятении понимаешь, что означает увиденное вкупе со сползающими по стеклу собственными пальцами и открывающейся спереди, внизу того зева, где ты сейчас находишься, громадной панорамы - поблескивающей на границах сферы. И в этот момент песчаная река толкает в спину, ты проваливаешься и продолжаешь полет, падение, а через вечность, сделав

прощальный вдох, бьешься грудью о подножие, твой теперешний низ, а тонны песка сыплются на голову, погребая тебя в своих жарких объятиях. Жизнь - это песочные часы и кто-то только что вновь перевернул их. Ты приходишь в себя, не помня кто ты и что с тобой приключилось, ты приходишь в себя от того, что просто чувствуешь, как задыхаешься и, повинаясь безотчетному ужасу да верному чувству направления безошибочно устремляешься вверх.

Глупец, какой смысл рваться к поверхности, если земля и небо скоро опять поменяются ролями.

Ключник вздрогнул, с хрипом втянул в себя воздух, ладонью размазал по лбу выступившую крупными каплями испарину. Чертовы сны - они приходят как всегда неожиданно и как всегда оставляют после себя неповторимый эффект присутствия. Действительно, жарко и на самом деле давящее ощущение, будто увяз в песке. Ах да! Это же грязевая ванна.

Дивная, окруженная со всех сторон льдистыми хребтами и защищенная со всех сторон островерхими пихтами долина Жойган, край минеральных горячих источников, куда настоятельно рекомендовала завернуть Санжима, поправить здоровье и восстановить силы. По-настоящему горячая ванна позволяет расслабиться и забыться, вот только далеко не всем забытие приносит облегчение. Здесь известные ванны с многообещающими названиями "Вечность" и "Молодость", священное место многих народов. И люди тут есть. Не поселок, не деревня, как называют местные, улус - несколько юрт да кочевье домашних оленей.

Ринчиндаба, за неделю пути ставший для путников Ринчином, быстро нашел общий язык с аборигенами и аппетитные куски оленины уже томятся над углями, распространяя умопомрачительный аромат и являясь залогом дружественных отношений. Хорошо, спокойно, даже лучше, чем в Орлике, живее как-то. Там - тлен, медленное угасание, здесь - природа, дикое существование, не нуждающееся в цивилизации. И ведь такие долины, с теплыми источниками, с голубыми озерами, сочными лугами, они разбросаны по горам, встречаясь с завидным постоянством. Быть может это и есть рай, настоящий, натуральный, какого ищут те, кто направляется в южные горы, а он здесь, западнее?

Нет, понимает Ключник, понимает Брат и Рус, понимает даже Стерва с Ванко, а Кэт просто знает и все. Нет, потому что зимой эти места - клубящиеся паром, обрастающие ледяными горами, кристальные дворцы Королевы Холода и больше половины года данные земли вовсе не принадлежат Жизни.

Как не принадлежали жизни пройденные ранее лавовые поля Долины Вулканов.

Путешествие начиналось легко и непринужденно, выючная тропа вдоль Сенцы, на которую выбрались, преодолев сносно сохранившийся мост через Оку, оказалась бурно заросшей высокой травой, с трудом угадываемой дорожкой, когда поднимающейся, когда спускающейся к самому руслу реки. Шлось легко - часовая ходка верст на пять, легкий привал, поэтому, особо не напрягаясь, к вечеру второго дня отряд вышел к знаменитой на всю округу Долине Вулканов. Открывшееся зрелище впечатляло. В свете заходящего солнца окружающий ближайший вулкан пейзаж напоминал окрасившуюся багрянцем поверхность Луны. Пористая поверхность пемзы и вулканического туфа была иссечена глубокими трещинами и представляла собой невообразимый лабиринт, попади внутрь - окончишь жизнь в бесполезных поисках выхода.

- Лавовая река, - пояснил Ринчин, - на нее ни ногой, там внизу под несколькими метрами застывшей пены настоящая вода течет, если провалишься - все. А вон вулкан Перетолчин, мы на него пойдем, на него тропка ведет и оттуда обзор хороший. Сориентироваться надо, давно я здесь не был, куда дальше идти вспомнить.

И они направились к потухшему вулкану. Обманчиво надежный слой туфа был покрыт фиолетовой порослью, никак не похожей на обычную земную растительность, громоздящиеся высоченные глыбы отбрасывали кровавые тени, а виднеющаяся в провалах-колодцах вода была черной и маслянистой.

- Там пруды целые, - рассказывал проводник, аккуратно ощупывая дорогу, когда

пришлось пересекать лавовое поле, - опасное место, народу здесь пропала тьма.

Остальные шли молча, ступая след в след и экономя дыхание, как учил когда-то Брат - поднимаешься, два шага вдох, один выдох, спускаешься - выдох на три шага растягиваешь, чувствуешь, пульс в висках стучит, стань, наклонись, обопрись на айсбаль, сделай восемь глубоких вдохов.

Дорога закончилась, сказал Рус на очередном привале - остались только направления. Ринчин согласно кивнул. Две версты лавового поля и невысокий подъем на поросший редким лесом, свободный от лавы Перетолчин отняли, с коротким привалом, два часа. Вид с вулкана, что вниз, в жерло, что вокруг, во все стороны от возвышенности, еще больше поверг путников в ощущение нереальности.

- Другой мир, - прошептала Стерва.

- На Западе, возле столицы, - ответил Ключник, - точно так же.

Так да не так, сожженная земля на западе - дело человеческих рук, в отличие от поля лавы, возникшего в результате игры стихии. А двухсотметровое в диаметре, пятидесятиметровое в глубину потухшее жерло с синеющей на дне лужицей - ничтожная, сказал бы любой метаморф, жалкая ямка по сравнению с воронками, что остаются в местах излияния Божьего гнева. Новые времена рисуют новые пейзажи. Сейчас треть планеты - поверхность другого мира. Ад рукотворный много страшнее ада, созданного изобретательной природой.

Ночевать остались у кратера, а утром Ринчиндаба, вооружившись предложенным Ключником оптическим приспособлением, принялся исследовать окрестности.

- Туда, - после получаса молчаливого созерцания, указал он на юго-запад, - отсюда из-за хребтов почти не видно, но там пик Топографов, а рядом с ним удобный перевал на ту сторону - Хэлгин.

- Топографов? - переспросила Стерва и только внимательный Ключник заметил, как вздрогнула Кэт, услышав название самого перевала.

- Большие люди, - пояснил Ринчин, Брат украдкой усмехнулся, - а по дороге как раз через Жойганские источники пройдем, как Санжима просила. Там земля святая, я каждый год раньше туда ходил на праздник Сурхарбан, из лука стрелял, да, боролся, на лошади скакал, важный праздник - середина лета.

До обещанного Жойгана добирались пять дней - тропы растворились меж оползней, спустившиеся с гор ледники перегораживали торосами узкие ущелья, а сложенные из камня, указывающие проходимые направления небольшие горки-туры были разбросаны и засыпаны снегом. За этот переход небольшой отряд добился одного положительного результата - к изматывающему темпу вверх два-один, вниз два-три приноровились все. Придем к источникам, в ваннах мозоли отпарим, подбадривал попугчиков не по годам выносливый Ринчиндаба. Грязевые ванны и теплые источники Жойганской долины оправдали все мыслимые ожидания.

Девушки, особо не стесняясь, совершив по настоянию Ринчина омовение в кристальных горячих источниках, заняли дарующую по легендам эффект омоложения купель с соответствующим названием "Молодость". обстоятельным мужам досталась "Вечность".

- Ринчиндаба! - окликнул копошащегося в сторонке проводника вальяжно развалившийся Брат, - Смотри, это что, птица?

Провожатый повернулся в указанном направлении и обмер.

- Мечиртке, - благоговейно прошептал он, - матушка-сова! Столько годков видно не было. Вернулась, байгуш-странница. Остальных птичек с собой привела?

Даже местные, тывины, как назвал их Ринчин, приподнялись с мест высматривая неожиданную гостью. Кэт, находящаяся в сторонке от общего внимания, тоже исподлобья глянула на птицу и шикнула что-то недовольно. Сова ухнула, поднялась с места и, хлопая крыльями, медленно, с чувством собственного достоинства скрылась за верхушками пихт. Чудесней зрелища, чем вид летящей твари, Ванко видеть не приходилось, хотя он, конечно,

слышал рассказы взрослых о населявших раньше землю крылатых созданиях.

- Надо же, - присвистнул Брат, - я думал, совсем пропали птицы, а у вас...

- Так у нас тоже не было, - вздохнул проводник, - оно впервые.

- Может быть - налаживается? Как тут здесь вообще со зверьем?

- Похуже стало, зиму не всяк пережить способен. Оленьяшки вот, маралы встречаются, там, в низовьях бобер, еще можно на барса натолкнуться, но это вовсе редкость. В реках наших хариуса полно, им и пропитаться можно.

- А чудные, новые твари встречались тебе?

- Новые? Рыбу как-то видел - без чешуи и с зубами. Жуть! А так... нет, не приходилось.

- Да ну! - Брат даже привстал из теплой вязкой жижи, - А волколаков тоже в этих местах не замечали?

- Вот те еще! Что за сказки! Слыхом не видывали.

- Однако... - Брат задумчиво вернулся на насиженное место, - даже не верится. Про единорога и спрашивать стыдно. А драконы?

- Что в небе? Так я их руками не щупал, на зуб не пробовал, а до войны среди облаков много чего летало.

- И то правда... Действительно - как другой мир...

Другой... с чем может быть связано существование наравне с нормальным сверхъестественного? Которое здесь, в краях ранее далеких от цивилизации и сейчас воспринимается лишь как отголоски древних легенд. Брат попытался вспомнить и не смог точно определить - когда точно на их пути исчезли проявления Стаи. Наверное, уже в районе Разлива ночной воздух перестал тревожить ужасный вой страшных тварей. В городе, в городе, наверное, что-то ощущалось, но потом, по мере удаления, вновь успокоилось. Задай он такой же вопрос Ключнику, который путешествовал до встречи с ним в обществе только Стервы с Ванко, то, пожалуй, получил бы схожий ответ. Не исключено, что реальность истончается лишь в местах, испытавших воздействие сокрушительных сил, которые пошатнули мироздание. Или странных тварей, проникающих через прорехи в бытии, привлекают районы, источающие эманации человеческих эмоций - боли, страха, ненависти, которые вызывает Война, порождает Смерть. А уголки, подобные этому, практически сохранившие первозданный уклад, оттого и выглядят нетронутыми. Оттого, что здесь нет людей.

Этот день промелькнул быстро и радостно - поход наряду с ожидаемыми лишениями дарил яркие моменты, недоступные в серой обыденности. Пряный запах незнакомых трав, исходящий от дымящихся кусков мяса, ласкающие объятия теплого ила грязевых ванн, снимающие с усталого тела напряжение и дарящие взамен расслабленную негу - картинки из гостеприимного Жойгана будут преследовать странников в холодном безмолвии гор еще долгое время. Выходили из долины рано утром, наполнив доверху фляги целебной водой минеральных источников, вдобавок к тяжелым рюкзакам, груженные, сколько хватило сил, запасом дров, испытывая в сердцах жгучее желание остаться.

- Не бойсь, - кряхтя штурмуя не очень крутой подъем, успокаивал Ринчин, - Хэлгин - перевал несложный, через него испокон с той стороны к нам ходили, там, может и снега-то нет. Погода хорошая - ни тебе ветра, ни дождя. Нам удача сопутствовать должна - Жойган, он не только тело лечит, он от скверны очищает, злых духов, что козни строят, отгоняет.

Погода и вправду стояла на удивление. Долина горячих источников встретила путников теплым затишьем в середине сентября и своим благословением отправило попутчиками солнце и безветрие. Такое и летом нечасто бывает.

- Хэлгин, - рассказывал неутомонный Ринчин, остальные старались молчать, экономя дыхание, - так называется, потому что на нем берет начало одноименная река. Хэлгин, на юг течет. В этих местах много рек истоки свои прячет - Тиса, Сенца, Изиг-Суг и самая великая река, Бий-Хем. Не знаешь? Как это... Енисей по-вашему. К чему это я? Ах, да - Хэлгин, это название так, для всех, а по-настоящему у нас это место называют: "Лицо Саян". Есть поверье, что на перевале Хэлгин расположены пять глаз Великого Духа наших гор, пять глаз

- это пять озер, путешественники Хэлгин еще и перевалом Пяти озер нарекали. Верхнее озеро, самое высокое - закрытый глаз, никто не видел его воды чистыми, свободными ото льда, остальные - изумрудное, молочно-голубое, черное и серебристо-стальное. Цветные глаза гор. Вы их увидите. Будем мимо идти, не вздумайте из них воду пить или камень бросить - если в глаза хоть песчинка попадет, они заплачут и погода испортится, так что ни-ни. Еще говорят - когда откроется слепой пятый глаз Духа, наступит окончание времен, конец света.

- А сейчас, - стараясь уместить каждое слово в предложенный им самим режим дыхания, спросил Брат, - этот пятый глаз подо льдом?

- Уж и не знаю, - подумав, ответил Ринчин, - тывины, что в Жойгане устроились, с той стороны пришли, если что, они б сказали.

Нынешние обитатели долины горячих источников действительно появились из-за гор и проделали это совсем недавно. Они очень помогли Брату, дополнив его карту важными заметками и подтвердив - дорога через горный массив существует, очень сложная, но все равно проходима. "Олень, однако, прошел" - веско мотивировали они свои доводы. Смущение вызывал только тот факт, что тывины шли в начале лета, в наиболее благоприятный для штурма перевалов период. Сейчас, за неделю-две до первого снега, оставалось лишь уповать на благорасположенность погоды. Каждый из членов отряда в глубине души пообещал никоим образом не потревожить зеркало озер-глаз.

Им довелось увидеть глаза гор: изумрудную зелень, сравнимую с цветом высокогорных лугов, молочную голубизну неба, отражающую белые облака, черную бездну, словно и не вода плескалась в скальных объятиях, и честную сталь дорогого клинка, созданного для благородных дуэлей. Никто даже не задумался, сколько печали в серых глазах Брата, как глубоки темные глаза Руса, сколько детской непосредственности в голубых глазах Ванко и озорной энергии в зеленых - Стервы. И уж тем более никому не пришло на ум сравнение ледяных торосов и трещин верхнего озера с безжизненным буркалом правого глаза Ключника. Что будет, когда вскроется толстый слой льда?

Знамения и знаки, символы и пророчества выстраиваются в цепь и слепые старухи, у которых одно око на троих, да и то выкрадено завравшимся мальчишкой, выслушав донесения бездушных соглядатаев удовлетворенно кивают головами.

Шестеро остановились на перевале и у их ног простерся целый мир. Седьмой, бывший с ними, уже искал место для палатки, он знал о горах все и устал любоваться их великолепием. Еще он не был одним из Шести и завтра их дороги расходились. Вперед и назад.

- Пик Топографов, - ткнул Ринчин в высившуюся южнее затянутую хмарью трапецевидную вершину, - а там, на западе, ваш Азас. Давайте лагерь ставить, огонь жечь.

И путники, нехотя, принялись заниматься обычными делами собравшихся на ночевку людей. А хотелось еще постоять вот так, глотая свежий ветер и ощущая себя хозяином гор, Покорителем вершин. Вправду сказать, первый перевал дался людям легко, поманил простотой и доступностью, ох, не насмехаются ли горы над новичками? Время покажет.

Время показало. Быть может, на пути вдоль пяти озер, кто-то из путников незаметно для себя оступился, потревожил непрочное равновесие песчинки, камушка на обочине тропы, а тот породил осыпь, сполз крутым берегом, бросился очертя в воду, вызвал раздражение, расходящееся рябью кругов на зеркальной глади. Или просто боги погоды опомнились, заглянули в свой отрывной календарь и поспешили исправить ошибку.

Спуск вниз сквозь непрозрачную морось и колючий ветер был тяжелее, мучительнее и дольше, чем подъем. Ссадины и синяки упрямо противоречили общепринятому мнению, что спускаться всегда проще, чем подниматься. А сзади, по ту сторону перевала, этого никто ни слышал, скатывался вниз, ломая руки, сделав лишь один неверный шаг, опытный проводник, уставший любоваться великолепием гор. Его падение остановил крупный валун и он застыл в неподвижности с переломанным позвоночником и ясной головой, страдающий от жажды в двух шагах от озера с зеленой, как трава водой. Он умирал несколько дней, когда остальной

отряд преодолевал на ощупь следующий свой перевал, умирал мучительно, скребя старческими руками окровавленный снежный наст, но ни о чем не жалея. Маленький человек, попавший под колесо Судьбы, на мгновение прикоснувшийся к Истории и тут же выброшенный на обочину, счастливый, что ему посчастливилось заглянуть в глаза Смерти, ну и, за одно, в глаза гор.

- Снег... - на ладошку Стервы ложится пушистый ажурный комочек, сверкающий в лучах невесть откуда пробившегося среди туч солнца.

Миллиарды подобных ему водят хоровод вокруг кучки людей, опешивших от внезапно угомонившейся стихии. Снег. Не та крупнозернистая льдистая масса, опасным скользким настом устилающая склоны. Снег, нежный и воздушный, кружащийся, уносящий с собой в край волшебных сказок. А совсем недавно ветер жесткими порывами старался сбить путников с ног и бросал им в лица брызги колючей изморози.

- Снег... - девушка поправляет мокрый черный локон и даже озноб отпускает продрогшие тела, так мимолетно умиротворяюще действуют сверкающие искры снежинок.

- Снег, - бормочет бледный Брат с украшенной сосульками бородой, - идем быстрее, пока видно. Смотри, куда чуть не угодили.

Правее, в десятке шагов - страшная бездна обрыва под нерукотворным карнизом.

- Тур, - указывает Рус на невысокую каменную горку и странники спешат в выбранном направлении, по дороге подбирая разбросанные булыжники и укладывая, поправляя рукотворную пирамидку.

Навряд ли в обозримом будущем кто-нибудь еще отважится пройти этим путем, кому также понадобятся маршрутные вехи, но таков обычай - еще один из обрядов гор.

Пока видно - надо идти быстро. Погода изменчива, как характер модницы. Пока видно - это ненадолго. Мельтешение снежинок ускоряется, ускоряется и вновь ветер набрасывается со всех сторон, скрывает небо в серой мгле и вокруг - взвесь из воды смешанной со льдом, пронизывает, сквозняком пробирается под одежду и отбирает скопившиеся крохи тепла. И снова каждый шаг - движение в неизвестность, даже обостренные чувства Ключника бессильны перед оглушительным буйством сил природы. Неба нет, пространства нет и видимость дальше вытянутой руки - непозволительная роскошь. Время тоже остановилось. Кто знает - когда зайдет солнце? А может оно уже скрылось за хребтом, тем что должен быть впереди? И где он есть на самом деле?

Что-то кричит впередиидущий. Кстати, кто там возглавляет отряд? Не поймешь, даже голос неразличим в шуме ветра. А, Ключник нашел укрытие - скальный выступ, защищающий от ветра с одной из сторон. Ветер дует отовсюду и одновременно, но в этом месте его, кажется, на четверть меньше.

Оскальзываясь и падая, люди ставят палатку, попеременно ловя трепыхающиеся полы грубой жесткой материи. Вечностью позже - дрожа и ежась, кутаются в сырые одеяла, жмутся у костра, сложенного из нескольких оставшихся еще с Жойгана поленьев и подобранных где-то по дороге сухих комьев ягеля. А еще они потягивают из железных кружек обжигающий ароматный чай из запасенных листьев черной смородины и веточек брусники и это - самый прекрасный, самый вкусный, самый желанный напиток...

Кто сказал что Ад - геенна огненная? Нет, Ад - это промозглая ледяная пустыня.

Снег в этом году выпал чуть раньше обычного. Ненамного - неделю, самое большее две, но, один раз укутав землю белым покрывалом, он уже не отступится до мая, а значит зима, длинная зима измененного мира началась.

Алекса погода ухитрилась застать врасплох. До Чазылары - два дневных перехода, а тропу замело настолько, что идти придется ориентируясь на верхушки горных кряжей. И на лед ступать пока опасно - еще не установился как следует. Хорошо хоть на полпути у впадения реки в местную водную артерию под названием Хам-Сыра должна быть изба промысловиков, добраться туда - отсидеться пару дней, благо - припасы позволяют. Ходил Алекс к восточной оконечности Азаса, истокам Бий-Хема с конкретной целью - исследовал уровень фона на территории бывшего заповедника. Шел, пока не иссяк недолговечный заряд

изношенного счетчика, но и без того было ясно - всплесков нет, чисто, чисто, как нигде на этом проклятом материке. Это хорошая новость, прекрасная, подтверждающая, что вся Тоджинская котловина, этот маленький мир чуть больше двухсот верст в поперечнике, пригодна для жизни, пусть несколько загрязнена на западе, но и то - в пределах нормы. Прогнозы оправдывались - защищающие долину со всех сторон горные хребты не пустили внутрь несущие отравленные осадки воздушные потоки, остановили бушующие вовне пожары и позволили сохраниться сложившейся экосистеме, сформировавшейся в условиях сурового резко континентального климата. По сути, зима здесь ужесточилась незначительно и все местные виды легко к ней приспособились.

Домой. Изменение погоды - происшествие неприятное, но терпимое, день придется выкладываться по полной, месяц липкий снег до самой избушки. Не впервой, жалко - лыжи не прихватил. Алекс подбросил рюкзак на плечах, окинул взглядом подножие невысокого хребта, вплотную подступающего к реке и двинулся в нужном направлении. Он еще осмысливал нечто неестественное, увиденное мельком на склоне, когда в спину толкнул властный и одновременно усталый окрик:

- Стой!

Замерев на месте, Алекс понял две вещи. Первое - что резанувшее глаз полужаснеженное синее пятно на косогоре могло быть только верхом палатки, крайне редкое, невозможное явление в этих безлюдных краях. И второе - что в голосе незнакомца абсолютно не чувствуется акцента, что значит, он не принадлежит к племени местных тывинцев, хоть и не часто, но все-таки иногда встречающихся маленькими группами на территории бывшего заповедника. Скверно - чужак пришел издалека и это может оказаться очень, очень опасным.

Алекс медленно обернулся. Чуть выше в гору, закутанный в шерстяное одеяло на манер пончо, стоял высокий худощавый мужчина. Низ лица скрывал толстый шарф, а глаза находились в тени широкополой шляпы. Руку незнакомец угрожающе держал у бедра и затянутая в черную кожу ладонь сжимала тупоносый короткий предмет. Оружие.

Ствол, - отчего-то равнодушно оценил ситуацию Алекс, - ишь, вырядился, как есть - кабальерос.

Чужак, сильно припадая на правую ногу и в тоже время легко, словно хромота ничуть не стесняла его движений, спустился вниз и остановился напротив. Алекс ждал, прекрасно понимая, что предпринимать сейчас какие-либо действия рискованно.

- Жилье поблизости есть? - осведомился чужак.

Алекс покачал головой.

- А сам откуда?

- Чазылары.

- Далеко?

- Верст шестьдесят.

- Далеко... Помощь нужна.

Не один - догадался Алекс:

- Помощь?

- Пойдем, - приглашающее кивнул незнакомец.

Ствол он опустил и пошел первым - хорошая примета.

Возле палатки сидела черноволосая девушка в большой для нее телогрейке. Странная девушка - синие глазищи спокойно скользнули по Алексу, даже бровью не повела. А внутри сооружения лежали четыре человека, скорчившиеся, дрожащие, в негнущихся оледеневших одеждах, еле подающие признаки жизни.

- Что с ними? - впрочем, ответ был известен.

- Обморожение, лихорадка, жар. Сильный. Мальчишка в бреду.

- И как я могу помочь? - Алекс заметил, что собеседника тоже изрядно трясет.

- Им нужно в тепло.

Незаметно для себя Алекс изменил отношение к незнакомцу. Наверное, небесные глаза

его спутницы убедили исследователя в том, что встреченные ему люди да, опасны, но вполне вменяемы, не то, что агрессивно настроенные тывинцы.

- На полпути жилье есть. Там и печь, и припасы на крайний случай.

- Идем!

- Как? Эти четверо лежачие, погода меняется каждые полчаса. Без лыж и я за день не доберусь.

- Идем! Встанут, ты их не знаешь. И лыжи у нас есть...

И они встали. Пошатываясь пошли, а хромой всю дорогу нес на руках постанывающего мальчика и синеглазая порхала между изможденными путниками, что-то нашептывая, странным образом поддерживая их на ногах. Караван мертвецов, про себя назвал их процессию Алекс, которому отдали принадлежащие мальчику лыжи. Упрямые зомби, тянущиеся навстречу теплу. Хорошо хоть дорогу новый проводник знал хорошо, да и трудностей она не представляла. Шли, шли, шли... и удивительное дело, к вечеру измочаленные странники валились на дощатый пол уютной заимки. Добрались.

Только дверь затворилась за последним вошедшим, снаружи голодным воем взревела обиженная стихия, упустившая свои жертвы.

Стерва с Русом оклемалась быстро, а Брат с Ванко задержались в постелях почти на месяц. За это время Ключник несколько раз мотался в Чазылары, познакомился с тамошним старейшиной, приводил в избу местного лекаря.

Долгие морозные вечера под потрескивание дров в маленькой печурке располагали к общению. Алекс, частый гость на удаленной заимке, охотно рассказывал историю Азасской общины. Война застала имперскую экспедицию топографов, тех самых, со слов Ринчина, больших людей, геологов и еще каких-то там труднопроизносимых специалистов на территории дикого заповедника. Что они здесь искали или исследовали вдали от людей сам Алекс, тогда еще мальчишка, сын начальника экспедиции, толком не знал. Программа поддержки малых народов это называлось. В один из зимних дней пропала связь - единственная ниточка, связывающая отряд из более чем сотни ученых с цивилизацией. Белый шум - описал это явление рассказчик. А потом - тоже самое, что и в Орлике. Когда немного поуспокоилось, выбрались в Чазылары, крошечное и единственное поселение в центре заповедника. Там узнали об услышанном местными в последние мгновения сквозь треск помех по дальней связи - свершилось то, чего боялись и отказывались в глубине души верить, Война. Не поделили что-то политики.

Народ в экспедиции подобрался деятельный и, самое главное, образованный. Осмотрелись - жить можно, главное, чисто, ну и стали обустраиваться. Торфа кругом навалом, запустили теплостанцию, десять лет разведку вели, на севере, где вообще до них людская нога не ступала, нашли черное золото - нефть, сейчас добычу налаживают. Настоящего золота тут, к слову сказать, тоже завалилось, только кому оно сейчас надо. До войны на огромной территории Тоджинской котловины жило всего около шести тысяч населения и то все больше в западной части, там центр района, село Тоора-Хем, с десятков улусов по течению Бий-Хема. Сейчас в той стороне пусто, те немногие, кто остался, постепенно в Чазылары перебрались. Бывшее поселение в десятке дворов теперь не узнать - ветряки, котельная, кузница, лесопилка, ферма. Сейчас в общине почти тысяча членов - живут, трудятся, детей рожают.

- Так уж у вас все ладно? - переспрашивает Брат, а сердце поет, из груди рвется: "Вот оно! То место, что искал!"

- Да нормально, - отвечает Алекс, - Тоджин - место уединенное, заповедное, извне сюда попасть тяжело. В остальной Тыве сейчас черт те что творится. По горным тропам местные пробирались - рассказывали. Новообразование - Орда, все под себя подбирают, грызутся друг с другом.

- А вообще здесь с местными как?

- Ну, - Алекс помялся, - до войны, говорят, имперская политика этот край не жаловала, ресурсы разворовывались, население спаивалось. Тывины, кстати, к алкоголю устойчивости

никакой не имеют - национальный метаболизм. Короче, с таким отношением нашего брата тут недолгоблывали, было за что. Но здесь, в Тоджине, коренных немного, а которые есть - лояльные. Были пару стычек вначале, что там говорить, подавили. Сейчас тихо.

И Брат нетерпеливо ерзает в постели, мечтая побыстрее воочию взглянуть на Чазылары - остров порядка в океане хаоса...

Окрепшие странники смогли покинуть свое пристанище только в конце октября. Зима к тому времени уже установилась по-настоящему, такая, к какой привыкли обитатели всей планеты, и о какой даже помыслить не могли восемнадцать лет назад.

Ключник с утра ушел в поселок и вернулся оттуда во второй половине на подводе, запряженной парой мохнатых коротконогих лошадок. У них и конюшня имеется - восхитился про себя Брат. Животные споро тащили сани по окрепшему льду реки, становившемуся зимой главной магистралью, а Рахан сидел рядом с возницей и кутался короткий полушубок. Ключник за четыре недели вынужденного отдыха если и стал чувствовать себя лучше, то на внешнем виде это сказалось мало - язвы и ожоги, доставшиеся в катакомбах театра, добавили шрамов на и без того безобразном лице, вдобавок он полностью облысел. Монстр, глядя на него, думал Брат - такими в довоенные годы изображали адских демонов. Да и болезнь никуда не делась, просто из прогрессирующей стадии перешла в вялотекущую - приступы слабости мучили бывшего солдата с упрямой периодичностью. Сейчас, похоже, Рахану снова нездоровилось.

Ждать, однако, следующего дня не стали, лошадей пристроить негде, и на ночь глядя двинулись обратно. В спускающихся сумерках Брат попытывался у возницы, не шалят ли в этих краях волки или еще какие создания. Собеседник отвечал отрицательно и брат с удивлением пришел к выводу - сверхъестественных тварей нет и здесь. Приехали поздно и сразу же уединились в отведенной для гостей избе.

Утром Брат проснулся от доносившихся снаружи звуков. Это были шумы жизнедеятельности здорового хозяйства. Где-то тарахтел невидимый двигатель, повизгивали пилы, многоголосо мычали, блеяли животные. В остекленное окно были видны новые постройки. Новые, белеющие брусом, возведенные недавно, в любом случае - уже после войны. Удивительно - поселок на самом деле рос, не перестраивался, сжимая свои границы, укрепляя оборону, не вяло существовал в довоенных пределах, а рос, увеличивался. В это верилось с трудом - но зрение не обманывало, в подтверждение ему слух услаждал радостный перестук молотков по наковальне, крики отдаваемых распоряжений и смех, детский смех.

В дверь гулко застучали.

- Доброго утра, - на пороге стоял Алекс, - извините, что рано, но вашего Ключника в совет просят.

А потом шепнул молча и быстро собравшемуся Рахану:

- Кажется, началось.

Когда бывший солдат вынырнул наружу, Алекс пояснил заинтересованным товарищам причину:

- Помните, про Орду рассказывал? Два дня тому назад их посольство прибыло, полсотни человек. Гости, вчера знакомились, сегодня речь держать будут, восток, дело тонкое. А ваш Ключник с нашими старейшинами общий язык нашел, он-то ушлый, обещал помочь, если проблемы возникнут. Наши все-таки в переговорах не очень, тем более с тывинами.

- Что так? - поинтересовался Рус, Алекс лишь рукой махнул, "сами увидите".

- Рахан - переговорщик! - фыркнула Стерва и осеклась, как-то в Осетрово у нее уже была возможность убедиться в непрогнозируемых возможностях калеки.

- Посмотреть можно? - уточнил Брат.

- Конечно.

Тывины внешне создавали впечатление людей диких и агрессивных. В островерхих шапках и длиннополых шубах, держащие под уздцы все тех же невысоких лошадок, пять

десятков воинов, именно воинов - ордынцы, не скрывая, носили оружие, держали себя независимо и даже вызывающе.

- Это Тыва, - с акцентом выговаривал старший из них, в более дорогих одеждах, скуластый, яростно вращая раскосыми глазами, - Ты, орус, к нам пришел, тебя звали? Не нравится - к себе обратно пиздуй. А здесь наша земля. Тебя терпят - по нашим законам жить будешь! Орда придет - станешь за лошадьми говно убирать! Чашпан!

Ключник держался чуть в стороне, интересовался у подошедшего Алекса:

- Орус, чашпан - это оскорбления?

- Да, чашпан - сорняк.

- А вы их как называете? Обидно.

- Минусы, потому что глаза узкие, сойот - это совсем унижительно.

Стоящие напротив тывинов старейшины чувствовали себя неловко. Они умели строить, умели работать - ругаться, а тем более воевать их не обучали. Для них Война была далеко, обошла стороной.

- Эй, сойот! - прокаркал Ключник, плечом проталкиваясь вперед.

Предводитель пришельцев побагровел и поперхнулся.

- Тебе говорю! Здесь свободная земля. Азас. В гости пришел, а брешешь, как собака.

- Ты... - прошипел тывин, - завтра Орда твой двор вытопчет, бабу твою испробует, а башкой твоей, урод, наши дети станут играть.

- Орда! - Ключник плюнул, - У вас хоть один воин есть? Сами, как бабы! Покажи силу! Я, хоть и калека, твоего любого положу!...

В центре людского круга расслабленно стоит на морозе обнаженный по пояс Рахан. Смотреть на его тело жутко. Кожа да кости. Той возрождающейся мускулатуры, что была до посещения храма метаморфов, как не бывало. Фиолетовые узоры шрамов на бледно-синей коже. Мешком свисают штаны заправленные в обернутые мехом сапоги - в одежду свободно бы влезло три таких Ключника. Высокий и нескладный. Сплевывает. Слюна красновато-коричневая. Куда ему до его противника.

Массивный, не уступающий ростом калеке, но раза в три шире. Дородный, толстый, но под розовой кожей шарами перекачиваются мышцы и здоровый пар поднимается от спины. Он бьет себя ладонями по плечам и притопывая движется вокруг Рахана, тот, хромая, лениво вращается вслед неприятелю. Тывинцы радостно улюлюкают, поселенцы помалкивают - откровенно проигрышно выглядит их ставленник рядом с представителем Орды.

- Сцыш, минус? - нахально скалится Ключник в глаза ордынскому богатырю.

В ответ толстяк с гортанным ревом бросается вперед. Руки-лапищи со свистом хватают воздух, а Рахан, пригнувшись, вертится волчком, да еще ухитряется пнуть противника в колено. Теперь он сзади, а ордынец, потирая ушибленное место, не менее быстро разворачивается. Крепкий мужик. Второй заход заканчивается с тем же результатом. Ключник снова уворачивается и опять лупит в колено. На штанине тывинца проступает кровь - рифленая кованая подошва достаточно болезненно контактирует с человеческой плотью. Прихрамывая теперь даже больше, чем калека, под возмущенные вопли соплеменников, они считают такую манеру боя бесчестной, богатырь бросается в третью атаку. Крепкий мужик и упрямый.

- Скучно, - говорит Ключник и на этот раз не уходит.

Он даже не бьет, просто подставляет раскрытую ладонь по направлению движения разъяренного оппонента. Челюсть тывинца подбрасывает вверх и в сторону и он сам на заплетающихся ногах сворачивает с пути. Но все еще стоит, трясая головой и разбрасывая на снег кровавые брызги. Очень крепкий и очень упрямый - низко наклонившись, вновь штурмует неуловимого Рахана. Ключник вздыхает, отклоняется, пропускает мимо и бьет кулаком в основание черепа. Хруст и ордынец падает и его тело агонизирует мелкой дрожью и туша дробно трясется рябью жировых складок. Наверное, он умирает.

- Ну? - спокойно спрашивает Ключник у застывшего напротив предводителя.

Тот выкрикивает что-то на своем утробном наречии и на тощего безоружного калеку

бросаются сразу все ордынцы. Безоружного? Уже нет. Ключник, не глядя, отпрыгивает назад, но в нужном направлении, выхватывает у кого-то, у Руса, свою переданную ранее саблю. И устремляется навстречу. Врагов много, но они мешают друг другу и их движения стеснены толстыми шубами - серая сталь клинка мелькает серебряной молнией, а обнаженное белое тело ножом проходит сквозь масло толпы, разбрасывая на пути неподвижные кровоточащие останки.

- Стоять! - Алекс уже слышал этот окрик месяц назад на заснеженном склоне и на него он тогда подействовал отрезвляюще.

Ордынцы нерешительно топчутся, потому что круг, нарушенный ими, уже сомкнулся, и пятьдесят человек сейчас внутри его. Нет, не пятьдесят - их количество уменьшил на четверть в одно мгновение изможденный, страшный, как дьявол, урод. Но и не это главное - обидчик стоит вплотную к их начальнику, очень уважаемому и влиятельному в Орде человеку, и острое жало сабли щекочет шею бледнеющего бая.

- Ты не посмеешь, - шепчут бескровные губы, - я посол, гость!

- Да мне похрену, - смеется Ключник, - Я не местный.

Лезвие погружается в плоть и коротким взмахом перечеркивает гортань. Крови много, вожак тывинцев падает и скребет снег в надежде в последний раз почувствовать руками промерзшую почву. Тщетно, позже его тело бросят в прорубь ниже по течению, не утруждаясь предать земле. А его соплеменники уже покорно бросают оружие...

Прежде чем начать допрос, Рахан демонстративно и хладнокровно, как баранов, зарезал шестерых молчаливых пленников. Седьмой запричитал, только к нему приблизилась зловещая фигура. Вот только языка поселенцев тывинец не понимал и еще одно тело повалилось мешком, орошая кровью снег.

- Шутхер! - пронеслось между связанными пленниками.

После седьмого убийства Ключник поуспокоился и наконец соизволил спросить ордынцев кто из них может объясняться на имперском.

- Они считают его дьяволом, - позже поделится с Братом и Русом Алекс, - внешность, характер, бойцовские навыки... И имя.

- Что имя? - удивится Рус.

- Рахан. В мифологии народов востока Раху - демон, испивший напиток бессмертия богов и вызывающий затмения солнца и луны. Раху-шутхер, Архан-шутхер - испокон веков здесь так называли дьявола.

Ближе к полудню старейшины Чазылар собрались на совет. Пригласили также Брата с Ключником, хоть и с опаской теперь смотрели в его сторону не только поселенцы из числа тывин, но и бывшие члены азасской экспедиции.

Саньч, крепкий старик, представившийся топографом, расстелил на столе огромную карту всей Тывы. Подробную карту, у Ключника аж глаза заблестели.

- Тоджин, - начал топограф, - всегда был районом труднодоступным. До войны сюда добирались или воздухом, или по реке. Здесь, - палец пополз вдоль синей ленты петляющей на запад, - летом Бий-Хем судоходен. Есть еще дорога, с юго-запада, вот, через перевал Даштыг Арысканныг-Арт, хоть и недостроенная, но идти по ней можно. На перевале наши дозоры - такую группу пропустить не могли, Бий-Хем, понятное дело, подо льдом. Вопрос - откуда взялись ордынцы?

- Все просто, - ответил за всех уже допросивший пленников Ключник, - по льду и пришли.

- Да, - кивнул один из старых тывинов, - был там зимник, заброшенный.

- Что ж - надо и там дозоры ставить.

- Поздно, - все обернулись к Рахану, - в районе Сейбы, уж не знаю где это, Орда, тысячи три всадников.

Полторы сотни верст, все склонились над картой и Саньч указал на точку поселка.

- Вот он, зимник, - подтвердил местный тывинец, - сорок верст между поселками Сейба и Сыстыг-Хем, Бий-Хем там на много рукавов ветвится, тот район так и называли - Сорок

Енисеев. Дальше дорога до Тоора-Хем хорошая, оттуда и к нам добраться без труда.

Саныч побледнел, побледнели все участники совета, вздрогнул Брат - Орда в нескольких переходах. Сила в три тысячи воинов по нынешним временам - громадная, неудержимая лавина и, после сотворенного сегодня с послами, договориться с ними будет невозможно. Это конец.

И только Ключник остался невозмутимым.

- Их нужно остановить.

- Как? Самое большее, вооружив женщин, мы можем выставить тысячу. Мы не солдаты, а это война.

- Зимник, Сорок Енисеев... Вы же умные люди. Просто нужно заново кое-что изобрести.

- Что?

Черный Дух, что заточают в латунные гильзы под пробки свинцовых пуль. Ванко, например, видел странный темный порошок, когда Рахан врачевал Стерву, видел и не знал, как он называется. Кордит. Изобретение мастеров востока, сотворенное для развлечения, но научившееся сеять смерть. Ключник улыбается.

- Порох.

- Порох... это несложно, но что с ним делать? Военную промышленность мы не создадим.

Ключник вздыхает. Он солдат. Он убивал, убивает и, скорее всего, будет убивать. Так его учили. Он умеет делать это тысячью способов - от традиционных до самых невообразимых. Он может пользоваться любым оружием - сложным образцом военной мысли и вполне, казалось бы, мирным предметом. То, на что был способен любой из элитного отряда Бонзы. А еще Ключник - мастер дверей, запоров, и последнее средство в его арсенале, его специальность, управление буйством стихии, освобожденной энергии огненных веществ.

- Промышленность не понадобится - нужно просто взорвать лед.

- Да, я понял... - Саныч тербит седую бороду, - в экспедиции, еще Тогда, проводились некоторые работы. Мы использовали для этого кое-что и оно у нас осталось. Это лучше, чем просто порох.

- Если это то, о чем я думаю, - Ключник посмотрел старику в глаза, - то это меня вполне устроит.

- Это то, о чем ты думаешь.

Детали уточнили быстро. Вместе с Раханом решили отправиться Рус и Алекс. Пленников, двадцать девять человек, оставшихся после учиненной Ключником резни, должны были отпустить, даже не так - с позором изгнать через день после выдвижения отряда. Содержимое принесенных трех тяжелых старых рюкзаков удовлетворило солдата - он подбросил в руке воскового цвета бруски и заявил, что Орда запомнит его фейерверк надолго.

- Я остановлю их, - заявил Ключник, когда приготовления закончились, - но это будет услугой.

- Услугой? - переспросил Саныч.

- Да. Взамен вы потом поможете мне и моим спутникам добраться до Белой горы.

- Я знаю, о каком месте ты говоришь - это очень далеко отсюда. Не буду спрашивать зачем тебе туда нужно, - Рахан кивнул, ведь он и сам толком не знал - зачем, - но я пороюсь в своих картах, если надо, дам проводника и помогу с припасами. Хорошо.

- Скажи мне, - после паузы продолжил старик, - даже если у тебя все получится, Орда, она сможет вернуться потом, позже, через год или два?

- Конечно.

- И что нам тогда делать?

Ответ вызовет мурашки на коже старого ученого:

- Это ваши проблемы - учитесь воевать.

В преданиях Орды сохраняются рассказы о том чудовищном дне. Когда гарцующие наездники, лучшие батыры, цвет нации, обуянные справедливым гневом на не чтящих законов гостеприимства огулов, в мгновение ока были поглощены взбесившимися водами Бий-Хема, Большого Енисея. Страшное место, Мерзлый Яр, где излучина реки упирается в пласт вечной мерзлоты и подмытый берег представляет собой высокий черный обрыв, из которого торчат грязные глыбы древнего льда, стволы доисторических деревьев и камни, этот участок Енисея станет местом паломничества и скорби целого народа. Немногие, единицы, выжившие в этом аду и сумевшие вернуться в родные кочевья, будут вспоминать, как с громом разверзся лед под копытами верных коней и фонтаны освобожденного от зимних оков Бий-Хема ударили вверх. Как торосами дыбились льдины одна на одну, сбрасывая с себя смелых наездников. И как смыкалась над тонущими черная вода великой реки, а замерзающие пальцы соскальзывали со льда и тела уносило течением. Кошмарный день. А еще те, спасшиеся, расскажут, что видели на вершине обрыва из мерзлоты страшного демона, одноглазого, желчного и хромого. Архан-шутхер - дьявол из старинных преданий, сошедший на грешную землю, будет стоять на краю кручи, смеяться, раскинув руки, и пророчествовать пришествие Тьмы.

Граждане Республики Азас, единственного, наверное, неостровного государства, сумевшего возродить цивилизацию, долгое время находившегося в изоляции от остального мира и поэтому сохранившего самобытную, еще довоенную культуру, сумевшего не перебить друг друга в резне с соседями, тоже будут вспоминать День Убийства с некоторой неловкостью. Даже несколько веков спустя они будут испытывать стыд за то, что пошли на поводу у кровожадного маньяка, что их беспечность привела к смерти многих людей, что процесс мирного сосуществования двух великих наций мог начаться много раньше, без периода вражды и непонимания.

Никто не подумает о том, что было, если бы три тысячи разъяренных воинов ворвались в незащищенную долину.

Легенды, передающиеся из уст в уста, упомянут, как отговаривал членов древнего совета старый тывин, представитель титульной нации, глядя вслед удаляющемуся каравану из шести чужаков, двух проводников и трех мохноногих лошадей. Каравану, отправившемуся по дорогам бескрайней Тывы к загадочной цели. Слова старого тывинца перескажут в разной интерпретации, но смысл их будет один: "Не пускайте Архан-шутхера к мировой горе Меру! Последствия будут ужасны".

Шаманы, иступленно колотя свои бубны, скоро споют песнь горя - Раху вновь поглотил Солнце.

ГЛАВА 14

Дитя страха и недоверия. Восхищение вызывает стройное тело твоё в глазах создателей, ужас порождает среди врагов и невыносимые страдания несет поверженным. Ты - архангел, грозным вершителем судеб в столпе огня и грома яростно рвешься в небеса. Суть твоё - смерть и разрушение, но имя тебе, данное творцами - Тополь. Есть ли в мире сила, превосходящая тебя в безудержной ярости? Десятью солнцами изливают на землю гнев братья твои. Колесит по миру неуловимым призраком, ждет своего часа в надежде расправить крылья Скальпель. Скрылся, замер в глубокой шахте за тяжелыми скрижалями сводящий с ума сотней лживых обликов Сатана.

Там, где нет ничего, это самое ничто приобретает самые замысловатые формы. Изящные бедра выглядывают из-под сотканной из паутины туники и черноволосый силач, хоть и повидал всякого как в теперешнем, так и в тысяче других отличных воплощений, нехотя косится на соблазнительные абрисы. Владелицу дивных ног это могло бы порадовать или развеселить, она способна даже рассердиться - все зависит от настроения, но обстановка складывалась не лучшим образом, отодвигая на задний план любые эмоции.

- Радегаст, мы ответим, когда нас спросят?

- Да, - рычит мужчина-воин.
- Что мы ответим, Радегаст?
- Правду.
- Это будет вмешательство - после этого начнется цепная реакция.
- Если все так плохо - может быть я...
- Нет-нет, достаточно! Что со стаей?
- Я им не хозяин! Отвлекаю пока. Или ты предлагаешь переловить их поодиночке, этих бестий, скачущих среди измерений резвее Психопомпа?

- Да... они слушали лишь Гекату.
- А она не слушала никого. И, наверное, правильно делала.
Женщина с совой на плече утомленно массирует виски. Даже такой человеческий жест полон неземной грации и соблазна. Опять этот беспредметный спор...

- Радегаст, согласись, мы ведь совсем не боги, а лишь посредники тех сил, природы которых сами до конца не понимаем.

- И что?!

- Драконьи наездники, эти существа, они тоже способны поглощать энергию возносимых молитв.

- Не они - их Матка! И вообще - добрая жертва питает даже душу смертного.
- Не скажи - это другое. Я боюсь.
- А я - нет!
- Ты тоже боишься, Радегаст, только по-своему. Я думаю, они идут нам на смену.
- Черта с два! Мы - боги! Мы - правильные боги, хорошие боги, честные боги... Ты ответишь, когда тебя спросят?

- Не знаю... пока - не знаю.
Мужчина закатывает глаза, потом с ревом оборачивается и швыряет в никуда своим рогатым шлемом.

- Белка, - поясняет он озадаченной женщине, - Рататоск. Подслушивала.
Странные времена настали, если белок интересуют беседы богов, ну, или сущностей, считающих себя таковыми.

А судьба одного полуживого, далеко не самого ключевого мира заботит, пожалуй, одну только Смерть.

Степь - белая пустыня, поэзия безмолвия под аккомпанемент ветра. Высокие клочья ковыля раскачивают высохшими метелками над наметенными вокруг сугробами. Снег, снег, снег - сводящее с ума однообразие. Серая полоса гор по правую руку так же монотонна, как уходящая за горизонт плоскость слева, спереди и за спиной. Что же он дует все время в лицо? В какую бы сторону не шли, все тридцать четыре дня перехода, все время в лицо. И это не легкий ласкающий бриз, это выюга, обжигающая, колкая и вездесущая, выдавливающая слезы и тут же замораживающая льдинки в уголках глаз. Шаг за шагом - на запад.

Проводники, два малоразговорчивых тывинца, провели отряд в обход ордынских стойбищ до небольшого села Самагалтай за двенадцать дней, петляя по едва заметным тропам то на юг, то на юго-запад, а то и вовсе на восток. В селе оба остались, у кого-то из них там были родичи, а после зимы планировали вернуться в Азас, потому как "порядок там". Дальнейший маршрут группы представлялся прямым, как палка, по желтой линии дороги на подаренной Санычем карте.

- Там Орды не будет, - напутствовали на прощанье проводники, - видите горы? Это хребет Тану-Ола, Тыва за ним, на севере.

- А здесь? - интересовался Брат.
- Тут граница - мало кто живет.

То, что мало кто живет, путники убедились практически сразу. Населенные пункты, отмеченные на довоенной карте, встречали странников пустыми домами, пограничные посты с грозными надписями скрипели покосившимися, распахнутыми настежь воротами.

- Южная граница империи, - рассказывал Брат, - только она здесь условная, полоса на карте, и до войны так было.

- Что так?

- Дальше - дикая степь, кому она надо. Территория, как тогда шутили, самой независимой страны в мире.

- Это почему?

- Потому, что от нее ничего не зависело.

Юмора из прошлого никто не оценил. Так и шли - справа хребет Тану-Ола, слева призрачная граница самой независимой страны, спереди и сзади пустые села и километры дороги. Проводники советовали дней через десять пути осесть где-нибудь на три месяца, переждать самые лютые морозы. Указывали на карте село Хандагайты, удаленное от Самагалтая верст на триста, мол, там зазимуйте, но село уже одиннадцать дней, как осталось за спиной, а они шли и шли, останавливаясь только в старательно помеченных на плане пустых зимовьях, устраивая дневки после каждого перехода для пополнения припасов и отогревая у ржавых печурок отмороженные пальцы. Добывать пищу в безжизненной степи было все труднее, в ход начинал идти неприкосновенный запас, но тяжеленные рюкзаки не становились от этого легче, с каждым шагом прижимая спины к земле, и только движение, голой волей переставляя непослушные ноги, не позволяло телу упасть. Мороз усилился настолько, что в пути даже не разговаривали - стоило открыть рот и словно ледяная корка сковывала язык.

На горизонте маячили темные точки - Кызыл-Хая, последний поселок на маршруте, после которого дорога на карте приобретала вид пунктирной линии.

- Может здесь остановимся? - спросит вечером чуть-чуть отогревшаяся Стерва.

Ключник смерит ее воспаленным взглядом, потом посмотрит на смущенного Брата, отводящего глаза Руса, на Ванко, разучившегося плакать, и молча кивнет головой.

И потянется к гитаре забывшая ощущение струн рука и польются, лаская утомленную душу, слова старой песни.

До Белой останется около пятисот верст, но продолжить путь они смогут только через четыре долгих месяца...

Тюнгур. Раннее утро.

Ровно год назад двенадцатилетний парнишка рассмотрел на свою беду слабое копошение в ледяной пустыне. Не заметь тогда Ванко израненного Ключника, кто знает, быть может множество смертей, произошедших за этот год и, тем более, еще предстоящих, искупила бы гибель всего одного человека. Ну, подобрали бы позже замеченное поземкой окоченевшее тело незнакомца, предали земле очередного несчастного, да и забыли - не впервой. Полусожженный хутор не стал бы логовом разбойников, терроризирующих поселки на всем течении Куты, как это происходит сейчас. Осетрово не лежало бы в забвении и Полку, не исключено, удалось бы объединить разрозненные поселения в подобие государства. Лекарь был бы жив и мог бы в будущем... хотя, пожалуй, хватит и одного обладателя сверхъестественных способностей. Сохранилось бы странное сообщество метаморфов и плоды экспериментов Вия, а вдруг, породили бы новую, совершенную расу существ. Орда, по примеру древней воинствующей структуры, собирала бы дань со все расширяющихся территорий, увеличивая зону влияния. Даже никому незаметной гибели маленького человека, проводника Ринчиндабы могло не случиться. И еще не забывайте о драконах. Наверное, в одной из множества реальностей подобное произошло и события приняли именно такой оборот. Или имел место лишь один из предложенных вариантов, а может - произошло нечто иное, в корне отличающееся и невообразимое. Странная штука - Время и неожиданные фокусы способно оно вытворять с Историей.

Ровно год назад, жаль только, никто не считает дни, никто не ведет летопись происходящего, не пытается создать жизнеописание-евангелие. Пока не пытается.

Посмотреть сейчас на Ванко, ведь выходит - он всему виной, ровно год назад - мальчишка, розовощекий, любознательный деревенский подросток. А теперь? Волчонок,

мокластый, вытянувшийся, ему тринадцать, но выглядит много старше. Может это из-за взгляда? Ведь в его глазах - сила и уверенность. Не так давно, уже после зимовки в Кызыл-Хае, на просторах Чуйской степи в одной из стычек с бродягами он убил своего первого противника. Честно убил, его навыки - плоды тренировок с Ключником, скучные зимние вечера располагают к учению. И убил достаточно легко - Рахан прекрасный учитель, а большинство блуждающего по миру отребья до сих пор полагаются лишь на грубую силу и численное превосходство. Теперь он даже не Ванко, в боевом порядке имена должны быть короткие и внятные, теперь он Ван, и свое место в построении он знает четко.

Кстати, никто не слышал о воинственном племени ванов, последователях неистового божества Одан Хана, или преданий о ванийских наемниках? Ах да, первые упоминания о ванийцах появятся лет этак через сорок после описываемых событий.

В общем, Ванко поменялся. Конечно, изменились все, в большинстве своем похудели, да шрамы Ключника зажили и приобрели вид какого-то зловещего узора на лице, изменились все, но Ванко, Вана теперь не узнал бы и покойный отец.

Тюнгур, маленький поселок на берегу Катунь, откуда обычно начинали паломничество все путешественники на Белуху. Так и сейчас - традиция. До вершины чуть больше пятидесяти верст на юг.

Раннее утро. Молочный туман скрывает все вокруг, но перед шестью путниками-бойцами, он медленно начинает расступаться, отдергивая свои густые щупальца, неохотно сползая в реку. Десяток минут, и о недавнем мареве напоминает лишь узкая змейка пара, клубящаяся над руслом. Узкий подвесной мост переброшенный через Катунь ждет новых странников. Сколько лет не ступала нога человека на его покрытие? Выдержит?

- Вперед, - сплевывает Брат, нарушая торжественность момента, он бывал в этих местах и имеет право вести за собой отряд, - С богом.

Нога в поношенном ботинке ступает на деревянный настил...

Шлось легко - не пропали даром уроки Брата по правильному дыханию, да и тренированные сухие мышцы путников давно уже воспринимали нагрузку, как нечто само собой разумеющееся. В районе полудня, когда спускались в долину реки Аккем, что в числе многих струится с белой вершины мировой горы, миновали небольшую избушку-зимовье.

- Быстро идем, - прокомментировал Брат, - обычно в этом месте первую ночевку устраивали, а мы, глядишь, к вечеру еще на Панораму выйдем.

- Куда? - переспросила Стерва.

Опыт переходов уже позволял непринужденно, без одышки беседовать даже на подъемах и спусках.

- Панорама - место, откуда впервые открывается Белуха.

- Ну, посмотрим, что за она - ваша гора счастья.

- Не разочаруешься.

К Панораме действительно вышли за один день, но насладиться прелестями горы было невозможно - стемнело. Зато утром всех разбудил восторженный возглас выбравшегося из палатки Руса. Вслед за ним вывалили наружу все. И обомлели.

Окруженная, как боролатыми стражами, поросшими лесом горами, на фоне только начинающего светлеть неба, двумя идеальными пирамидами вонзалась вверх, сверкая ослепительной белизной и отсвечивая золотом, она - Вершина Мира.

Как когда-то закопченный дымом пожарищ, излучающий смертельные испарения театр-реактор вызывал ассоциации со входом в Ад, так грациозная Белуха, с ее правильными пиками и отвесной стеной-седловиной воспринималась, как Врата Рая.

- Боже... - прошептала Стерва, отчего-то созерцание бесконечно прекрасного, как и отвратительные зрелища, всегда напоминает о Вечном, - Боже, это... это...

- Гора Белая, - продолжил Брат, - седловина - Аккемская стена, полторы тысячи метров почти вертикального подъема. Красиво?

- Это завораживает, - выдохнула девушка.

- Да, святое место. До стены еще около двадцати пяти верст. Будем идти по руслу

Аккема, через Аккемское озеро, тут по пути метеостанция была, может снаряжением немного разживемся. Если все нормально, выйдем сегодня к Томским стоянкам - постройка такая легендарная у самой стены. Оттуда завтра на штурм.

- А куда спешим? - поинтересовался Ключник.

- Погода. Середина мая, а в этих краях и раньше даже летом стабильности не было. Предсказывать можно только на сутки, самое большее двое. Сейчас ветер северный, значит сегодня-завтра будет сносно, но стоит ветру поменяться, дождь, снег - да что угодно.

- Переждем.

- Может надолго затянуть, а у нас припасов только на десять дней. На брусничном чае долго не продержимся.

Всю дорогу до метеостанции Стерва пялилась вверх, разглядывая то и дело проступающую между верхушек елей вершину, несколько раз спотыкалась.

- Оторваться не могу, - оправдывалась она перед сделавшим замечание Братом, - такая громада, как будто небо поддерживает.

Ванко тоже бросил очередной взгляд в сторону Белой. Грандиозно. Как гигантский хрустальный трон из старых сказок, возвышающийся посреди чистого темно-синего неба. Окружающего просто не существует - любое великолепие меркнет рядом с царственным величием.

Настроение испортил вид иссохших скелетов в помещении метеостанции. Двое несчастных, отрезанных от погибающего мира той страшной зимой, когда реальность содрогнулась от Удара. Пергамент мумифицированной плоти и рассыпающиеся листья ветхих журналов-дневников. Брат бережно открыл последнюю страницу. Корявый и рваный почерк скрывал не менее бессмысленное содержание. Это писал окончательно сошедший с ума человек. У одного из трупов отсутствовали конечности. В тексте - упоминание о незабываемом вкусе людского мяса. Такое произошло с тщательно подбираемыми на совместимость, привыкшими к одиночеству специалистами. Что говорить о простых людях? Брат аккуратно перевернул несколько желтых листков. Летопись последних дней. Брат прочитал молитву и вышел наружу - обыскивать небольшую постройку желания не было. Не такой щепетильный Рахан остался и некоторое время гремел утварью, но даже неплохая добыча из трех комплектов кошек и пары ледорубов не смогла нарушить тягостного молчания. Ледорубы действительно пришлось кстати - идти вверх, опираясь сразу на два айсбала очень удобно.

К полудню добрались до озера.

- Там справа, - не попад нарушил тишину Брат, - в Аккем впадает речка Ярлу.

- И что? - Стерва все еще была заморожена вершиной.

- Долина реки носит имя Долины Эдельвейсов. Считается, что там находится вход.

- Вход? Куда?

- В Шамбалу - волшебную страну, в другое измерение.

- Пойдем, посмотрим?

- Быть там - не значит видеть. Хотя знаешь, я тоже хотел бы еще раз побывать в Долине. Такая энергетика - даже больше чем здесь чувствуешь себя на пороге... чего-то далекого и прекрасного.

- Лимбо, - разговаривает сама с собой Кэт, - преддверие, один шаг.

- А, идем, - неожиданно согласился Брат, - свернем на часок. Заночевать и здесь можно - у озера зимовье есть. К Томским завтра выдвинемся. А Долина Эдельвейсов силы придает - они нам ближайшие пару дней понадобятся.

Переpravляясь через Аккем, вымокли и продрогли основательно, тем не менее, лишь вступили в окруженное скалами лоно Долины, ощущение нереальности происходящего навалилось на странников с удвоенной силой. Долина вулканов, черные лавовые поля которой пришлось пересекать когда-то, уже вызвала чувство нахождения в чуждой реальности, однако то было мертвое место, а здесь все было полно жизни, иной, отличной от привычных норм, но яркой и радостной. Причудливые склоны не устлала броская

растительность - сами скалы переливались невозможными фиолетовыми, желтыми, бирюзовыми оттенками, рябящими глаз после темной мрачной серости гор на лесных берегах Аккема. Восхождение на Белуху - как странствие по загадочным измерениям, восхищенно подумал Брат, ведь впереди еще волшебное безмолвие ледяных пустынь и, если повезет добраться на противоположную сторону, молочные истоки белых вод Катуня, вытекающей из таинственной хрустальной пещеры. Белуха, ее подножия, верное название дали этому месту лучше разбирающиеся в эзотерике предки - Беловодие, Обитель Бессмертных.

- Вход. Я его чувствую, - прошептал Рус.

- Где? - Стерва тоже говорила в полголоса.

- Везде, там, тут, будто мое Я расщепляется на миллиарды атомов, впитывается и одновременно вбирает в себя каждый камень, каждую травинку, чтобы где-то на изнанке, не здесь, вновь собраться и обрести форму.

- Странно, - подтвердил Брат, - похожие ощущения, ты очень точно описал. А раньше считали, что должен открыться портал. Там, в Городе Солнца.

- Материя мира истончена до предела, - сама себе пробормотала Кэт.

- На камне, смотрите! - вскрикнула Стерва и протянула руку в сторону громадного, растущего из земли почти белого валуна, окруженного рукотворной стеной из булыжников, сложными и многочисленными невысокими башенками.

Наверное, именно это место Брат назвал Городом Солнца, но отнюдь не неказистое сооружение привлекло внимание бывшей наемницы - на вершине камня ярким шафрановым пятном выделялась сидящая фигура.

- Кто это?

- Человек?

- Здесь?

- Невероятно!

Медленно, словно боясь испугнуть неожиданное видение, все шестеро двинулись в сторону Города Солнца. Чем ближе они продвигались, тем отчетливее становился виден странный хозяин этого места. На неправильной формы светлом валуне, лишь верхушка которого виднелась из земли, предполагая поистине гигантские размеры камня, сидел, скрестив ноги, сухощавый старик и по-отечески улыбался. Одет он был, несмотря на ощутимый мороз, лишь в яркую оранжево-желтую шелковую мантию, а снежно-белая длинная борода чуть развевалась в легких порывах ветра.

Как только отряд приблизился вплотную, старик легко, не меняя позы и уж точно не отталкиваясь руками, соскочил с места и оказался на земле, напротив. Невысокий, худощавый, бронзовая кожа, белый ежик коротких волос и светящиеся глаза излучают любовь и участие.

- Приветствую странников у врат Шамбалы! - нараспев и чуть с усмешкой произнес он чистым голосом.

- Приветствуем, - ответил за всех Брат, - но... кто вы?

- Махарадж, Хранитель-защитник - не важно. Важно - зачем я здесь.

- И зачем? - спросила Кэт, похоже, эта беседа в ее компетенции.

Старик задержал свой взгляд в бездонных синих глазах и чуть склонился в почтении.

- Госпожа, я посмею отговаривать Вас от восхождения.

- Это не обсуждается, Хранитель.

- Увы, тогда я вынужден принять меры и смогу остановить Ваших спутников.

- Не меня.

- Что сможет Госпожа одна?

- Получить ответы.

Старик покачал головой:

- Пустые ответы - ничто.

- Ты не сможешь препятствовать нам.

- Вы не повернете?
- Нет.
- Очень жаль, Госпожа, жаль, Вы неправы, - Хранитель развел ладони, наполовину скрытые широкими рукавами.

- Мы спасаем мир.
- От чего, Госпожа, и каким способом?
- Драконы, неужели тебя не волнует их присутствие, старик. А способы... их в такой войне не выбирают.

Старик снова полуулыбнулся:

- Драконы... в наших верованиях Дракон - священное, мудрое животное. Но дело не в этом. Ваши методы... гнев и ярость - они могут быть очень, очень разрушительными, губительными. Для мира.

- Ты не оцениваешь реальной угрозы.

- Я призван оберегать этот мир. Госпожа, мы можем говорить без обиняков?

Кэт впервые задумалась.

- Я не знаю, с кем ты хочешь общаться, - помолчав, ответила она.

Старик согласно кивнул, обратил лицо к небу и закрыл глаза:

- Приди, адская, земная и небесная Бомбо, - начал он и вокруг его замерцало серебряное сияние, - владычица широких дорог перекрестков, - сияние поползло, охватило камень, вобрало в себя Кэт и замерло, оставив вне чуть размытой полусферы мыльного пузыря пятерых спутников, а Хранитель продолжал, - ты, перед которой трепещут живые и мертвые, ты, дающая холодный свет разума и ввергающая в мрак безумия, ты, убивающая и дающая жизнь, жестокая смерть и великая мать, единая во множестве, древняя, как мир и вечно молодая, Горго, Мормо, Луна в тысячах видов, брось свой взор, приди под сучий вой, возрадуйся - льется теплая кровь!

Старик легко полоснул острым ногтем по собственному запястью и потряхнул ладонью - мелкие рубиновые брызги разлетелись веером, преодолели призрачное препятствие и там, медленно, почти застыв в воздухе, продолжили свой полет, даже не думая падать на землю. Хранитель открыл глаза.

Стоящая напротив его девушка почти не изменилась. Та же рваная телогрейка, тяжелые, не по размеру сапоги на ребристой подошве, но одновременно словно иное существо легкой дымкой наложилось на фигурку Кэт. Тяжелыми складками спадает с плеч длинное платье. Тени громадных псов устроились у ног. В правой руке массивный факел с окованным верхом, в левой - громадное кольцо, связка из трех серебряных ключей.

- Да, - грустно говорит женщина-девушка, неизвестная-Кэт, - ты знаешь несколько имен, но разве это дает тебе Власть?

- Нет, конечно нет, - Хранитель вежлив, не более, - имена - их множество: Хелгин, Хэлль, Хекет, Геката, Кали, иных я не знаю, под тысячью солнц незнакомых миров они звучат по-разному, а три Ваших аспекта так не похожи даже в единой сущности. Позвольте, я буду называть Вас привычным мне именем? Кали?

- Кэт - сейчас и здесь.

- Как угодно, Госпожа. Остановитесь.

- Нет, Махарадж.

- Я не позволю, - старик почему-то посмотрел на замершего вне границы Ключника, - ВЫ уничтожите мир.

- Нет, Махарадж.

- Ведь это не воля богов, всех богов.

- Нет, Махарадж.

- И что, Госпожа.

Кэт непреклонна:

- Нет, Махарадж.

Старик опустил лицо в ладони, вздохнул, поднял глаза и легонько хлопнул.

Тут же там, рядом и невыносимо далеко, медленно, вне подернутой дымкой сферы время течет по-другому, из-за складок местности к пяти странникам устремляются стриженные наголо бойцы в желтых одеяниях. Их движения замедленны, размыты и смазаны, как и движения мгновенно, в том, их измерении, разворачивающегося отряда Ключника. А девушка и старик, как в театре, безучастно наблюдают за вспыхнувшей битвой. Послушников в желтом вчетверо больше, чем гостей Города Солнца, но они безоружны и некоторые из них сразу падают - Рахан, не стесняясь пользуется огнестрельным оружием, да и Брат тоже, но он, кажется, промахивается. А потом линия бойцов преодолевает короткое расстояние и люди сталкиваются в рукопашной. И в тот же миг становится ясно - уровень подготовки бритоголовых монахов неизмеримо выше скромных сил пятерки. Женщина-тень все также бесстрашна, но Кэт, реальная, трепетно вздрагивает, когда обманчиво медленно падает Ванко, потом Стерва, затем Брат и мгновением позже Рус. На ногах странным образом остается лишь Ключник. Он быстр, не так ловки и отточены его движения, но в скорости солдат превосходит нападающих. Последних это не смущает - победа лишь дело времени. Похоже на то.

- А ты не боишься, - женщина чуть грустна, - что сейчас твои люди убивают Калкина - последнего Будду?

Старик внимательно всматривается в стремительные даже сквозь призму времени движения Ключника и качает Головой:

- Нет, увы - это скорее пес, из тех, что тебе служат, - внезапно лицо Хранителя озаряет печать понимания, - Твой возлюбленный! Твой брат! Воплощение Фенрира! Цербер порвал Цепь! О, великие Силы!

А Кэт перечеркивает болезненная гримаса:

- Прости, Хранитель.

- За что?

- Ты еще не чувствуешь... Если бы ты меня не пробудил, они до сих пор плутали в неведении. Поверь, я их не звала, они чувствуют мое присутствие и идут.

- Кто, Госпожа?...

Пространство наполняется звенящей напряженностью, как потрескивающая стена могучей плотины за мгновение до того, как лопнут вековые скрепы, отдав мир во власть стихии.

- Стигийские псы.

Из ниоткуда, презрев законы мироздания, с противным скрежетом камня по стеклу возникают черные поджарые тени. Змеиные усмешки на узких мордах, частокол острых клыков, источающих ядовитую слюну, тонкие лапы, широкогрудые тела и извивающиеся петлями хвосты. Свора. Кто сказал что их сотни? Их семь - просто бестии умеют быть одновременно в нескольких местах. А сейчас они счастливы - после многих годов разлуки вновь обрели свою Хозяйку, но что это, она в опасности? Опечалена? Ничтожные смертные атакуют... атакуют... собрата? Отца!? Псы заканчивают с послушниками быстрее, чем Хранитель успевает смахнуть со лба бисеринку пота. И уже все поле, ущелье Ярлу, Долина Эдельвейсов, устлано желтыми телами в ярких красных мазках. А псы, все семь, идут к Кэт, не обращая внимания на призрачную сферу, идут, лапятся, по щенячьим вилям хвостами.

- Это конец, Хранитель? - женщина-девушка печально треплет костяные наросты на головах послушно склонившихся тварей, - Теперь глупо говорить о равновесии? И нет смысла отступать?

- Пожалуй, да... - печально вздыхает Махараджи, - это конец.

- Прости, старик, я не хотела. Такой ценой. Зря ты пытался нас остановить.

Хранитель молчит. Кэт ласково отсылает собак:

- Прочь, и больше не смейте меня искать.

Псы, обиженно скуля, так, что содрогаются горы, медленно тают в пространстве. Уходят. Уходит и Кэт, покидая пределы сферы. У самой границы она замирает и оборачивается:

- Хранитель, если что-то случится с миром, я буду плакать о его судьбе.

Махарадж молчит. Слезы катятся из глаз. Он УЖЕ о ней плачет.

А Ключник, пошатываясь и не понимая происходящего, смотрит как из под мутного непрозрачного купола показывается Кэт, прежняя, задумчивая и грустная. Сфера тает, меня очертания, пропадает, растворяясь в воздухе, и снова в центре нелепого сооружения из каменных башенок, окруженного невысокой оградой, виден громадный, почти белый валун. А рядом, тяжело прислонившись к камню стоит, опустив плечи, уставший, жалкий старик.

Хранитель останется здесь навсегда - даже в более поздних преданиях будут встречаться упоминания о странном отшельнике, живущем у белого камня среди разноцветных скал. Будут рассказывать, что старик существует с самого рождения нового мира, но сам он ни словом не подтвердит, не опровергнет предположений - предпочтет оставаться немым.

- Пойдем, - Кэт приблизилась к Ключнику и провела ладонью по часто подымающейся вверх-вниз груди, - они должны быть живы.

Действительно, хоть и бездвижные, соратники Рахана просто были без сознания. Больше всех досталось Русу - несколько переломов и сильно разбитое лицо. Ванко со Стервой пощадили - они отделались без повреждений, а Брат, тот вообще уже пришел в себя и сделал это похоже давно. Он точно видел псов в действии и сейчас находился в подавленном состоянии. Как зомби, со стеклянными глазами он приподнял бесчувственное тело Стервы и поплелся за бережно несущим Руса Раханом. Кэт подошла к Ванко и тихонько потрясла за плечо. Мальчик встряхнулся, словно пробуждаясь от глубокого сна, встал и, держа девушку за руку, последовал за печальной процессией.

Отряд остановился на берегу живописного Аккемского озера в маленькой избе-зимовье. Брат опустил тело Стервы на жесткие тесные нары и на ватных ногах вышел наружу. Там он повернулся лицом к священным пикам Белухи и упал на колени. Через некоторое время из избышки показался Рахан с Кэт.

- Они пришли в себя, - сообщил он проповеднику, - пусть полежат, монахи били по нервным окончаниям.

Брат не отреагировал - он плакал. Ключник постоял нерешительно и опустился рядом на жухлую траву, Кэт прошла чуть вперед, к берегу и повернулась лицом к горе. Молчание затянулось.

- Знаешь, - Брат по-детски всхлипнул, все также глядя в никуда, - историю о месте под названием Мегиддо?

- Поле последней битвы, - ответил Ключник.

- Да, последней битвы добра со злом - так говорят религии Запада. А на Востоке считают, что это произойдет у входа в Шамбалу. Здесь.

- И ты полагаешь?

- Она только что произошла.

- Битва?

- Битва. Ведь это не обязательно столкновение многих ратей божественных воинств. Порой достаточно одного человека, единственного поступка, чтобы изменить ход Истории. Битва - понятие духовное.

- Что-то непохожи те монахи на адское воинство, - усмехнулся Ключник.

- Истинно, - Брат все также старательно отводил взгляд, - согласно писанию, Добро побеждает, потому, что в это хочется верить, потому, что это правильно. Но всегда есть вероятность, что вмешательство извне склонит чашу весов и восторжествует Зло.

- Что ты хочешь сказать? - Ключник нахмурился.

- Ты видел, КАК мы победили? Адские порождения... - Брат набрал полную грудь воздуха, - силы Зла... одержали верх... мы - пособники Тьмы!

Кэт смотрит вперед, на девственно-чистую вертикаль Аккемской стены. Тонкая фигурка у самой кромки воды. Солнце еще только склоняется на запад, но зажатое меж двух хребтов озеро уже в тени, покрытое синим полумраком. А изумрудные горы по его сторонам

упираются вершинами в ярко-голубое небо с белыми росчерками перистых облаков. Зеркало озера отражает белизну облаков и кажется - небо перевернулось. Впереди, так же, как и озеро, скрывая боковые склоны за меньшими, придворными горами, вонзаются вверх подсвеченные золотистым нимбом солнечных лучей симметричные пики Белухи, стена между ними искрится и кажется идеально ровной. Все играет, краски отчетливы и насыщены - режет глаза белизна, успокаивает взор зелень, и синева во множестве градаций от нежно голубого, до пронзительного ультрамарина заставляет сердце учащенно биться от восхищения. Весь мир вокруг прозябает в сумерках под давящей пеленой свинцовых туч, но здесь, в этом священном месте, солнечные лучи не встречают преграды. Разве все это похоже на торжество Тьмы?

- Законник! - Кэт развернулась резко и безучастный Брат вздрогнул от шторма в глазах девушки, - Ты говорил, что знаешь легенды, связанные с Мировой Горой.

- Да, - голос Брата задрожал.

- Шаманы рассказывают, что на этой вершине Небесная Птица повергла Дракона.

- Так говорят.

- Значит Дракон - Зло?

- Не знаю, я ничего не знаю, - Брат низко склонил голову, - ничего...

Слова девушки становятся мягче:

- Ты слишком доверяешь символам, несчастный, и ищешь знаки там, где их может и не быть. Зло... Добро... Тому, кто привык делить мир на черное и белое, никогда не дано познать многообразия красок радуги, - потом, почти нежно, - Брат, наша битва еще впереди.

- Да, - Ключник пружинисто поднялся, - когда настанет мой Армагеддон, я почувствую.

Кэт задумчиво улыбается. Какие слова рвутся у ней наружу? Что девушка знает о жизненных циклах много больше, чем может сказать? Что мир подобен человеку - рождается, развивается, обретает зрелость, увядает и гибнет, оставив о себе лишь воспоминания и зародыш чего-то нового? А смерть мира, также как и людская, бывает тихая и незаметная или мучительная и агонизирующая, а бывает героическая, прекрасная. Впрочем, опять же, что прекрасного в смерти?

Что думает Кэт, какие хочет сказать слова не узнает никто, невысказанные мысли - ветер в печной трубе, взвыл и затих и нет о нем больше напоминаний...

На берегах Аккема задержались на двенадцать дней, пока Рус окончательно не поправился. Для восполнения припасов Ключник, взяв на подмогу Ванко, несколько раз возвращался к Тюнгуру. Не то, чтобы у подножия Белой Горы совсем не было дичи, но, когда в подтверждение слов Брата о невозможности охоты в святом месте Кэт кивнула головой, Рахан решил не искушать судьбу. Брат, к слову сказать, все время оставался тихим и задумчивым, однако своими размышлениями ни с кем не делился. Невероятно, но погода все это время оставалась выше всяких похвал, лишь курящиеся вершины Белухи говорили о бушующих там ветрах да тонкая корка льда по утрам на поверхности озера подтверждала, что ночные заморозки не приснились.

Утром тринадцатого дня вышли к Томским стоянкам. Тропа была почти не видна, а когда переправились через Верхнее Аккемское озеро и вовсе пропала. Взору странников предстала широченная каменная дорога усыпанная булыжниками разных размеров.

- Морена, - сказал Брат, - след, оставленный древним ледником. Идти можно везде - все, что могло осыпаться, уже осыпалось, а трещины давно забиты гравием. Вверх, до первого льда.

Через пару часов, преодолев невероятный подъем, тяжелый даже для тренированных путников, отряд вышел к выбросившему длинный язык леднику.

- Теперь смотрите, - предупредил Брат, - вон каменистый гребень - курумник. Идем, сколько можно, по нему, след в след. Когда будем вынуждены переместиться на лед - удвоенное внимание. Лабиринт трещин. Кошки есть только у троих, поэтому строимся через одного. До Томских стоянок подъем легкий, главное - в ледопад не забуриться.

- Ледопад?

- Ледопад. Склон горы сам по себе не ровный - выступы, обрывы и прочее. А ледник медленно сползает вниз и там, где под ним возникают перепады, он ломается, трескается, дыбится торосами, сползает пластами. Заблудиться между этого нагромождения льда проще простого, а трещины могут быть бездонными, выбраться из них порой невозможно.

Вопреки ожиданиям, подъем на гору оказался не упрямым карабканьем вверх, больше это действительно походило на блуждание между скальных выступов и ледяных глыб. Только к вечеру отряду удалось выбраться к деревянному обшитому железными листами с почти плоской крышей и парой крошечных оконцев домику, прислонившемуся одной стеной к склону.

- Пришли, - вздохнул Брат и нырнул внутрь.

- Что это? - удивилась Стерва.

- Как - что? Томские стоянки.

Томские стоянки внутри оказались вполне уютным строением с длинным столом посередине и расположившимися по бокам нарами. За дверью следовал небольшой тамбур, по обе стороны от которого было, к удовольствию Брата, свалено разное снаряжение. Хоть и ржавые, кошки, какие-то крючья, карабины и мятые каски.

- Живем, - усмехнулся Рус и, сбросив рюкзак, устроился за стол поближе к окну и вытянул длинные ноги, - да тут даже дрова припасены, зря с собой волокли.

- Зря, не зря, - проворчал Брат, - оставим здесь, вдруг кому пригодится.

Рус от души рассмеялся.

- Ну ты дал... Кто же еще сюда потащится?

- Мы вернемся, - Брат горько улыбнулся барду, - Если не сможем взять вершину.

- Законник, - отчего-то последнее время Кэт обращалась к Брату именно так, - ты готов идти с нами?

Брат перевел взгляд на девушку. Такой обреченности в его глазах соратники не видели на всем длинном пути.

- Я пойду до конца. Даже если я поверну - мою душу уже не спасти. Ведь так?

На уставшего Брата не мигая смотрела синяя Вечность.

- Твоя душа в любом случае обретет покой, обещаю.

Отчего от такого странного обета сразу же стало легче?

Утром, готовясь к выходу на последний штурм и потягивая горячий чай за столом, Рус неожиданно присвистнул. Он смахнул пыль с участка стены под окном и взорам путников предстала выцветшая кривоватая надпись: "Ребята, постарайтесь не погибнуть!"

- Она всегда здесь была, - вздохнул Брат, - маленькая молитва Белухе.

Как рассказать о подъеме на гору? Кто не был, не сможет понять, каково это - идти, отдыхая после каждого шага. Кто не почувствовал, не поймет, что испытываешь, перевалив очередной бергшруд. Что такое ночевка в тонкой палатке на такой высоте, что легким просто не хватает кислорода для полноценного дыхания. Каково оно - держать на себе сорвавшуюся вниз связку из двух человек и по дюйму, обливаясь потом на пронизывающем ветре тащить, тащить неподъемное бремя чужих жизней и надеяться на прочность собственных сухожилий и надежность старой веревки? Представь себе трещину шириной в самом узком месте около десяти метров, а противоположный край возвышается не меньше, чем на пять. Как преодолеть такую преграду? Такого нельзя забыть, как нельзя забыть сумасшедший разбег прихрамывающего Ключника с разматывающимся, прикрепленным к поясу тросом. Сумасшедший разбег и прыжок в бездну над которой просто висает распростертое тело и медленно удаляется вперед и вниз, почти презрев законы тяготения. Почти - ведь надо-то вверх, но люди не птицы, нет. Как мгновенно группируется тело солдата, оказавшись совсем рядом с зеркальной вертикалью и с широким замахом одновременно вонзаются в нее в брызгах хрустальной крошки кривоносые, взятые у Брата, Гривеля, и лучшие, самые отточенные кошки. Клеймом в душах запечатлеется распластанное на далекой стене тело и вечным зовом останется в ушах облегченный стон, когда Ключник застынет, перестает скользить вниз, оставляя на поверхности глубокие

борозды и подтеки крови от разбитого лица. Опять ему досталось, впрочем, хуже уже не будет. И не забудут его шумное дыхание, разносящееся на всю округу, будоражащее пласты снега на склонах, и звонкие удары ледоруба. А лавина? С чем сравнить мощь устремившихся масс в клубах снежной пыли? Восхождение. Подвиг, битва, битва с природой, с собой. Может это и есть обещанный Армагеддон? Незабываемое. К вершине, в слепом мареве облаков, против ветра и непогоды - своя война каждого из нас. Покорение.

И небо под ногами, под ногами, там, где облака, а вокруг - только белый пух, вата, клубящаяся у носков закованных в кошки сапог, и две, уносящиеся вверх вершины, которым нет равных. Наверное - таким видят небо драконы. Или боги. Ты победил в очередном сражении. Разбрось руки в стороны и кричи. Кричи, обезумев от счастья. Теперь ты болен горами. Всю оставшуюся жизнь, насколько долгой или быстротечной она не была, ты будешь просыпаться среди ночи от этого крика. Торжественного вопля покорителя вершины. Пусть эта, сегодняшняя - лишь седловина между двух пиков Священной Горы.

Они сидели, прижавшись спинами, дрожали от холода и смеялись от переполняющих душу чувств. Подарки Белухи - видения чужих измерений.

Такого нельзя увидеть на земле. Лед, холод, звенящая тишина, прерываемая порывами ветра, и никакой жизни - совсем другой мир. Но не это главное - окружающая обстановка совсем не похожа на вершину горы. Остров в океане пара. Плотная пелена облаков затянула небо до самого горизонта - погода к середине восхождения испортилась окончательно, однако здесь, в отличие от склонов, солнечно и ясно. Все потому, что верхняя граница облачности находится ниже, отряд протаранил эту завесу на пути к вершине и поэтому место, где они сейчас находятся - остров, парящий над облаками. Откровение - увидеть облака сверху. Там, внизу, бушует непогода, ветер с упорством вцепившейся в тряпку дворняги рвет и мечет, стараясь погresti под снежными наносами. Здесь, вверху, от порывов с востока защищает одна из величественных вершин, а осадков нет вовсе - только солнце играет на кристальных ледяных гранях, осыпая пики пригоршнями бриллиантов.

- Пришли, - тяжело прошептал Рус обветренными, воспаленными губами, - возле того разлома я думал все - свернем.

- Твой прыжок, - Брат повернулся к массирующему распухший перебитый нос Ключнику, - одно из самых захватывающих зрелищ, что мне довелось увидеть.

Рахан ухмыльнулся.

- Знаете, - задумчиво протянула Стерва, - если и есть на земле место, где можно говорить с богами, то это оно. Вслушайтесь.

Сквозь завывания ветра отчетливо проступал мелодичный серебряный перезвон невидимых бубенцов.

- Что это?

- Мелодия сфер, - черты лица Кэт расслаблены, - здесь сходятся воедино все миры локации. Пуповина, родник - точка соприкосновения.

Брат откинулся на холодный гранит скалы и закрыл глаза. Странное ощущение - пустота в душе словно уходит, заполняется тягучим нектаром умиротворенности. Сознание уже не стеснено границами черепной коробки, расплывается аморфной массой по всему телу, робко проникает в окружающее пространство. Нирвана.

- Не стоит расслабляться, - предупредила Кэт, - испытание вечностью могут выдержать лишь очень сильные духом. Связь с телесными оболочками может прерваться и тогда...

Да, в таком случае восхищенный дух воспарит над бранным телом, оставив плоть во власти суровой реальности и следующие покорители вершины, если таковые найдутся, обнаружат здесь оледеневшую мумию с блаженной улыбкой на лице. Брат встряхнулся - хорошего понемножку.

Кэт поднялась:

- Пора, - вышла в центр и жестами показала спутникам встать вокруг, осмотрелась. Затем пробежала между товарищами мелкими шажками - вытоптала в снегу дорожки соединяющие каждого из стоящих с остальными четырьмя, вновь вышла на середину и

опустилась на колени.

Брат нахмурился - пентаграмма, заключенная в пятиугольник. Далеко не самый приятный знак для истинно верующего в Единого бога.

- Постой, - окликнул он Кэт, - какие ответы ты хочешь получить?

Девушка пожала плечами:

- Как уничтожить Звезду.

- А это надо делать?

- Конечно.

- Зачем? Может, они пришли нам помочь?

- Они пришли занять наше место.

- Я не верю.

- Не веришь? Посмотри вокруг.

- Но Война - дело наших рук, мы сами...

Кэт посмотрела на Брата, как на неразумное дитя. Заговорил Ключник.

- Ты так ничего и не понял. Нас нужно было лишь подтолкнуть, чтобы мы начали уничтожать друг друга. И у Них это прекрасно получилось. Не мешай ей.

Кэт сбросила с головы каску, нахлобученную Ключником перед началом подъема, сняла вязанную шапочку с прорезями для глаз и подняла лицо к небу. Губы ее беззвучно зашевелились.

Ветер стих. Окружающий пейзаж приобрел нарисованную неестественность - вроде все, как прежде и в тоже время чужое, незнакомое. Незаметно начал нарастать слышимый раньше где-то на пороге сознания серебряный перезвон и вот уже прежние бубенцы набатом, бронзовым колоколом бьют по вискам. Воздух сгустился вязущим киселем, жаром обдало лица, а ладони покрылись изморозью.

Не очень приятно оказаться под взором богов?

Дон, Дон, Донн. В унисон вибрации воздуха что-то коротко выкрикивает Кэт на незнакомом языке.

Дон, Дон, Донн. Нарастающим ритмом стучит кровь в висках, а затылок сдавливает стальными тисками.

Дон, Дон, Донн. Легкие наполняются и каждый вдох дурманит голову - так пахнет воздух после грозы.

Дон, Дон, Донн. Глазные яблоки сейчас взорвутся от невыносимого давления и слезы ручьями бегут по щекам.

Дон, Дон, Донн. Суставы отдают ломотой, сухожилия подрагивают в такт сокращающимся, как под действием тока, мышцам.

Дон, Дон, Донн. Все тело, каждая его клетка пульсирует в резонансе с учащающимся биением мироздания.

Дон, Дон, Донн. Все быстрее и быстрее - вразнос.

Донн! Девушка без чувств падает на снег и немедленно тряпичными куклами оседают обессиленные спутники.

Когда Ключник с Братом, справившись со слабостью подошли к лежащей навзничь Кэт, она еще находилась без сознания. Рахан опустился рядом с ней и бережно положил ее голову себе на колени.

- Слушай, - позвал он Брата.

Губы девушки продолжали шевелиться и слабый шепот был едва различим.

- Она с кем-то разговаривает, - пробормотал Брат, - достучалась.

- Переводи - это твой язык.

Брат наклонился пониже и прислушался.

- Aeronavis matertris.

- Челнок матери...

- Terra ingeniosa colenti.

- Благодатная почва.

- Auferte malum ex vobis, - шепчут бескровные губы.

- Что-то об искоренении зла, - переводит Брат.

Пауза.

- Ultima ratio.

- Последнее средство.

- Какое? - спрашивает подошедшая Стерва, но Кэт общается вовсе не с ней

- Ultima!

- Последнее...

Напряженное ожидание.

- Satan!

- Сатана?! - переводчик бледнеет.

- И что это значит? - похоже, Ключника не смущает упоминание о Князе Тьмы.

А шепот Кэт все ускоряется, захлебывается.

- Khartallahh!

- Dombaroff!

- Allessk!

- Uzshuur!

- Dershafisk!

- Shanhis!

- Не понимаю, не понимаю, - растерянно бормочет Брат.

- Переводи, - требует Ключник.

- Это не латынь!

- Переводи!

- Это бред! Ну - карталах, домбаров, алеск, ушур, дершафиск, шанхис. Абракадабра!

- Septem palatium!

- Седьмой чертог.

- In cubili oblivioni traditus! - бьется Кэт.

- Логово, - кричит Брат, улавливая знакомые слова, - забытое всеми логово!

- Логово Сатаны? - переспрашивает Стерва.

Брата вырывает и он падает в обморок. А девушка открывает глаза.

- Последнее средство - Сатана, скрывающийся в забытом всеми логове, - мрачно подводит итог Ключник.

ГЛАВА 15

Счисление пути, инерционная навигация, вектор результирующей силы, ось акселерометров, попадающая траектория, момент отсечки тяги, настроенное значение функционала, момент разделения. Что за бред бормочет себе под нос сгорбившийся над столом безумец? Так звучит литания рукотворным богам.

Замри. Затаи дыхание. Почувствуй дрожь земли, монотонное гудение скрытых в толще механизмов. Что это? Песок струится вниз, очерчивая многоугольник входа, массивный восьмиугольный люк приподнимается и уходит в сторону, обнажая бездонное жерло шахты. А почва вокруг провала взрывается огненными гейзерами, искрящимися фонтанами отводя отработанные газы. Фейерверк продолжается несколько мгновений, вибрация нарастает, нарастает... и вдруг обрывается короткой агонией. Тишина, вяжущая вата в заложенных ушах. Из черного омута медленно поднимается, словно в родовых корчах извергаемое самой плотью мира, аспидное, величественно стройное тело. Сожми ладонями виски и запрокинь голову, попытайся охватить взором то, что уже целиком оказалось над поверхностью и на миг замерло, пьяно покачивая тупым носом в поисках равновесия, будто разминая затекшие за десятки лет обездвиженности члены. Вздروгни. Нет, это не обрушится вниз многими тоннами, видишь - оно подтянулось, судорога с глухим ропотом прокатилась под железной кожей. Оно отряхивается. И рвутся толстые пуповины, отсекаемые гильотинами, падает вниз

бессильный корсет стальных оков и на столбе пламени вонзается в туманное небо массивная колонна. Два удара сердца - и вынырнувший из недр объект уже в невообразимой высоте, наклонившись, как против порывов ветра, устремляется к своей безумно далекой цели. Сатана рвется навстречу своему аду. А небеса, потирая ушибленное место, мгновенно оправившись от нанесенной пощечины и все-таки чуть запоздало, наносят ответный удар. Зажмурься. Всеми цветами спектра, сполохами затмевая облака вспыхивает высь. Осанна! Грянет ангельский хор, предвещая сошествие рая и над головой разгорается второе солнце, многократно белее, ярче и чище старого. Ослепительное и беспощадно близкое светило. Эдем? Доля секунды превращает плавящуюся землю в пенящееся пузырями стекло. Черная завеса вдоль всего горизонта плотной стеной тянется в космос и небосвод становится подобен пятаку света на дне глубокого колодца. Пространство проваливается вниз, а свод схлопывается, повергая землю в первозданную тьму. Не бойся - скорее всего, даже наверняка, ты давно мертв.

Все это до последней детали похоже на то, что уже сотворил Сатана где-то на другой стороне мира...

Спуск вниз занял день. Просто спуск, маршрут несложный по сравнению с северным склоном, но туман и дождь отнюдь не делали его приятным. Не блистало солнце за спиной, золотые ступени не были высечены в скале и уж точно не расцветала природа за стопами опечаленного отряда. Разбудить Сатану - последнее средство из арсенала всемогущих богов. Такая перспектива не воодушевляла никого, только Кэт сосредоточенно шагала с чувством выполненного долга, да Ключник загадочно кривился, словно знал что-то особенное.

Они прошли мимо истока Катуня, обещанная хрустальная пещера из которой несколькими ручьями изливались молочные воды, оказалась грязным подтаявшим гротом в основании ледника, сама жидкость тоже имела мутноватый вид, как будто неравномерно размешанная известь наполняла воду. Рахан молча подошел к потоку и омыл сапоги в священных водах. Брат попытался урезонить бывшего солдата, однако, встретив замороженный взгляд, замолчал. Святотатец этим не ограничился - смачно плюнул на берег:

- Сатаной шарахнуть... мало нам без этого.

- Постой, - обернулся Брат, - о чем ты?

- А сам не догадался? Карталах, Домбаров, Алеск, Ушур, Дершафиск, Шанхис - ничего тебе не говорит? А так - Карталах, Домбаровский, Алейск, Ужур, Державинск, Жангиз-Тобе? Ничего знакомого? Странно. Привал устроим - напомним.

На привале, в сумерках у костра, когда всеобщий потерянный настрой навалился с новой силой, Брат припомнил разговор.

- Да шахты там были, шахты - ведь это даже не секретная информация.

- Вот, черт, - понимание наконец снизошло и до бывшего законника, - так значит Сатана это...

- А ты что думал? Боги, откровения. Все как день ясно. Вон, - Ключник ткнул пальцем в небо, - Звезда - как его, улей. Матка в космосе не родит, ну или, может, как-то не так.

- Не может разрешиться подобной себе, - подтвердила Кэт.

- Ага. Значит, будет посадка. Наша задача найти Сатану и направить ее в зону высадки. В момент приземления, что бы там ни было...

- Челнок, - снова подключилась Кэт.

- Вот-вот, челнок во время приземления и несколько мгновений после максимально уязвим. Да и Сатана такая штука - десять головок и две сотни ложных целей. В общем - реальный шанс накрыть.

- Сатана - она? - переспросила вдруг Стерва.

- Она, она - не обращай внимания, - и, обращаясь к Брату, - Вот и вся мистика.

Брат пошевелил костер.

- А девочка? - он посмотрел на Кэт.

- Предвиденье очень редкий дар, но его нельзя отрицать. Тем более сейчас. Все мутирует.

- А ты? В театре такую дозу отхватил, а сейчас на ногах. Чудо?
- Наша группа в программе Росгена участвовала. Чем там только не пичкали. У меня же тело регенерирует, как у ящерицы, может уже и геном то нечеловеческий. Кто его знает случайно так получилось или все просчитано. Не будь Войны - был бы сейчас подопытной крысой.

- А волколаки? - все еще сомневался Брат.
- Устойчивая мутация. То, что в Долине Эдельвейсов произошло, комментировать не буду - Восток, тайные знания, монахи всегда загадкой были.

- Выходит...
- Нет ничего сверхъестественного. Никто за нас мусор убирать не станет. Война еще не закончилась и следующий ход за нами... Вот этими ручками, - Ключник вытянул свои жуткие птичьи лапы, глянул и сунул в карманы.

- А ты сможешь ее направить?
- Должен. Нам такие вещи усердно вдавливали - спецподразделение.
Брат помолчал.
- Ключник, ты отдаешь себе отчет, что это не окончит Войну?
- Да.
- Может быть - оставим все как есть?
- Ты не видел Чужих. Если они начнут плодиться - человечеству конец.
- Не спорю. Ты понял, где искать?

Рахан задумался.
- Ни черта я не понял. Изначально пояс состоял из шести точек, все, кстати, не так далеко отсюда. Потом, когда страну поделили, две демонтировали: Державинск и Жангиз-Тобе. Осталось четыре и все, готов поспорить, в Войну отработали. И по ним отработали - тоже факт.

- И что?
- Почему она сказала семь чертогов? Логово Сатаны - понятно, но откуда семь? Их шесть, шесть, голову на отсечение даю. А?

Кэт невозмутимо пожала плечами, что с нее взять - что слышала, то и пересказала. Какие же это пророчества, если все просто и понятно?

- О каком логове забыли?
- И что теперь делать?
- Пат, - Рахан потянулся за картой, - думаю, надо пройти к одной из баз. Может быть, там какая-нибудь зацепка найдется. Смотри - ближе всего отсюда Алейск, примерно здесь, на севере и Жангиз - на западе. Что туда, что сюда, четыре сотни верст, НО Жангиз пустой был уже до Войны, а на месте Алейска скорее всего воронка. Так куда пойдем?

- Наверное, на запад, - предложил Брат, - через горы лезть не надо и места должны быть спокойные - степь. За две недели там будем легко.

- Хорошо. А теперь - спать.
- Давно пора, - не принимавший участия в беседе Рус широко зевнул, подскочил и в шутовском поклоне приоткрыл перед Стервой полог палатки, - добро пожаловать в наши скромные чертоги.

- Да уж - царские палаты, - улыбнулась Стерва и, сделав вид, что приподнимает кончиками пальцев подол длинного платья, шагнула внутрь.

- Чертоги, палаты, - пробормотал Ключник и застыл на месте, - как, говоришь она тогда сказала? Семтем палатиум?

- Septem palatium, - подтвердил Брат, - Семь чертогов.
- Или палат?
- Или палат - это одно и то же.
- Семь палат, - Рахан хлопнул себя по лбу, - Какой кретин! Ну конечно!
- Что? - переспросил Брат.
- Все! Идем к Жангиз-Тобе!

Снаружи остаются только Ключник с Кэт. Девушка осторожно прикасается к руке солдата, поглаживает запястье.

- Ты теряешь веру.

- Ее никогда и не было, - Рахан сгибом пальца проводит по щеке собеседницы, - а сомнения - они уходят.

- Ты помнишь имя, данное тебе родителями?

- Помню, это уже чужое имя.

- Оно ускользает от тебя, это очень плохо. Тебя назовут тысячью разных имен, но, пока помнишь свое истинное имя, ты остаешься собой, а не тем, что хотят видеть от тебя окружающие. Не забывай себя, Богом данный.

- Богом данный... забавно. Прости, я, кажется, становлюсь равнодушным к знамениям, пророчествам и символам. Совпадения.

- Несчастный, - девушка робко поцеловала Рахана, - не боишься сам стать богом?

- Нет, - Ключник ответил на поцелуй, - если ты будешь со мной.

Кэт отстранилась и посмотрела абсолютно серьезно:

- Все боги одиноки...

Утром Рахан подозвал Брата и ткнул пальцем в карту:

- Смотри.

- Семипалатинск, - прочитал тот название города.

- Именно, - подтвердил Ключник, - Жангиз-Тобе рядом с ним. Не приложу ума откуда там Сатана. Не оставили же в спешке, в самом деле. Не исключено, незадолго до войны назад смонтировали. Втайне. Еще вариант - вообще не убрали. Шумиху устроили, а сами оставили. На черный день. Замаскировали базу под заброшенную и все такое. Политики - с них станется. А может быть все это чушь. В любом случае гадать нечего - на месте посмотрим, разберемся.

- Мне тут подумалось...

- Что?

- Ты сказал - наведешь.

- Думаю, осилю.

- А где возьмешь координаты? С чего ты взял, что знаешь, где приземлится челнок?

- Попробую рассчитать. Против физики не попрешь. Оттуда, - Ключник посмотрел вверх, в то место, где по ночам зажигалась Звезда, - спуск вниз может быть произведен только по одной траектории.

- Лихо... ты уверен?

- Ну... - Рахан чуть замялся, - не то, чтобы на сто. Но широту просчитаем однозначно, а долготу можно будет подкорректировать по ходу. Главное - не прозевать момент отделения челнока.

- Задача.

- А то!

- Мальчики! - окликнула разговаривающих Стерва, - так мы идем?

Рус с Ванко уже заканчивали собирать вещи...

Каким оружием возможно сломить многократно сильнеешего противника? Мужеством и волей? Верой в победу? Надеждой на вмешательство высших сил? Молитвами и проклятиями. Ха! Десятитысячная армия, вооруженная лишь пращами, в ужасе падет ниц, услышав гром аркебуз трех сотен головорезов-конкистадоров. Один дракон играя разметет Орду и их жалкие стрелы не оставят даже царапины на панцире наездника. Нет, силе можно противопоставить только соизмеримые возможности. Кузнецы древности всю душу вкладывали в изготовление чудо-оружия, а недавние предки задействовали весь свой практически безграничный потенциал, породив дьявольское орудие возмездия. В далекой пустыне, окруженное песками и изредка задерживающимися на месте кустами перекаати-поля, замаскированное под неприметную, покинутую всеми хижину, стоит строение. Видимая часть его - только дверь из стали в полметра толщиной с громадным колесом-

запором. Но его подземная инфраструктура, все четырнадцать этажей служат одной цели - обеспечению жизнедеятельности страшного творения...

- Оно? - запыленное лицо Руса бороздили белые морщинки, начинающиеся в углах глаз веером разбегающиеся к вискам.

- Похоже, - Ключник опустил закрывающий низ лица платок и прокашлялся.

Пыль. Наряду с иссушающим жаром именно пыль доставляла страдания в пути через пустыню. Это был даже не песок - мелкая взвесь, горьковато-соленая, как пот, который пропитывал одежду и выдубливал кожу. Брат предполагал, что это соль, оставшаяся на месте испарившихся в войну внутренних морей. Всяко бывает, но как может испариться море Ванко, например, представить не мог. Собственно, моря в своей жизни ему повидать не довелось, поэтому приходилось верить на слово.

- И что? - Рус постучал по массивной створке, - как открывать будем?

- Ничего, - Ключник ухмыльнулся, - у меня еще с Азаса кое-что осталось.

- Ого, там на льду ты знатный фейерверк устроил.

- Настоящий фейерверк еще впереди, - Рахан серьезно посмотрел на товарища, - боюсь, его еще долго вспоминать будут.

Ключник копался возле двери около получаса.

- Там за дверью - Сатана? - вполголоса спросил Брата Ванко.

- Нет, Ван, не здесь. Тут пункт управления, отсюда ей можно отдавать команды.

- И она слушает?

- Послушает, просто надо уметь говорить на ее языке.

- Как Кэт и ты?

- Не совсем, - Брат улыбнулся, - тот, на котором говорит Кэт, очень древний язык, а этот, который только и понимает Сатана, новый язык, придуманный людьми для того, чтобы командовать машинами. Ключник должен его знать.

Поколдовав над запорами, Рахан отправил всех подальше, укрыться в пустыне было негде, а сам состряпал себе небольшой бруствер в песке, проделал какие-то последние манипуляции и бегом бросился под защиту насыпи. Громыкнуло, вспыхнуло и воздух наполни свист разлетающихся каменных осколков. С утробным скрипом массивная затворка отошла в сторону.

- Добро пожаловать, - прошептал Рус на пороге чернеющего провала.

- Останетесь здесь, - распорядился Ключник, - там километры тоннелей и полное отсутствие света. Разбивайте лагерь.

- Скажи, - Стерва обратилась к Брату, когда Ключник скрылся в прохладной темноте, - вы серьезно полагаете, что после уничтожения матки война продолжится?

- Да, наверное. Челнок - это ведь не вся Звезда. И драконы никуда не денутся. Если их иерархия похожа на семьи наших насекомых - термитов или ос, например, то матка для них все.

- Душа, разум, - подсказала Кэт, - без нее рой неуправляем.

- И что?

- Потенциал, - продолжил Брат, - дайте могучее оружие в руки безумцев, настроенных на месть...

- Они станут мстить?

- Думаю, да и уверен - в их арсенале найдутся технологии, не уступающие Сатане по разрушительной силе.

- И это значит...

- Еще одна Ночь и, как следствие, Зима. Потом, быть может, геноцид, охота на тех, кто выжил.

- До полного уничтожения?

- Надеюсь, что нет - сколько сможет продержаться муравей вне муравейника? Кажется, недолго.

- Рабам отпущено семь дней бесцельной жизни, - задумчиво промолвила Кэт, -

Свободных век годами не исчислен.

Похоже на очередное откровение.

- Рабочие касты, жизнедеятельность которых четко регламентирована, погибли в течение недели, - попробовал осмыслить сказанное Брат, - срок жизни не так жестко привязанных к иерархии элитных особей практически неограничен.

- Элитные особи?

- Самцы, я полагаю, - Брат посмотрел на Кэт в ожидании очередной подсказки, - С ними могут быть проблемы?

Однако взгляд девушки уже стал осмысленным:

- Не знаю, у трутней, например, даже жала нет.

- Я тоже так думаю - самцы скорее всего несут творческий или научный потенциал. Морфологически, конечно, они значительно превосходят человека, но до агрессивности и навыков Чужого-солдата им далеко. Одним словом, человечеству после уничтожения матки надо продержаться неделю. Не так много.

- Не так мало, - вздохнул Рус.

Ключник скоро выбрался наружу и вид имел удовлетворенный.

- Тут все в порядке. Похоже, никто эту базу не демонтировал. Законсервировали и держали про запас. Когда Война началась, скорее всего развернуть не успели, слишком быстро все завертелось. Или забыли - наши чиновники не такие сведения в архивах зарывали. Хотя это навряд ли - все-таки Объект. Все в смазке - только ключ повернуть.

- А где ты столько энергии возьмешь?

- Я же говорю - только тумблером щелкнуть. Там даже пыли нет. Резервные источники в режиме готовности - по боевому расписанию отработать хватит. Позже шахты проверю, но, думаю, там все тоже все как положено.

- Помощь надо?

- Не откажусь - такую махину запустить.

И завертелось.

После пары дней снований по темным коридорам где-то внутри утробно взревели невидимые механизмы и, мигнув, засветились молочно-белым стеклянные трубки вдоль стен. Ключник, как зачарованный появлялся лишь изредка и все бормотал себе под нос то что-то про обхождение контуров защиты, то про снижение выбросов и перевод системы в минимально излучающий режим. Сначала он сокрушался по поводу невозможности навигации, после заявил, что пора изобретать какой-то секстант, затем ночами торчал, разглядывая в просветы меж облаками звезды, используя нелепую конструкцию из реек, зеркал и маятников. А через тринадцать дней после начала работ, утром за очередным завтраком из странных запасов базы, называемых Раханом сухпаем, он торжественно заявил:

- Вычислил.

- Место посадки? - переспросил Брат.

- Да.

- И где?

- Понимаешь, ведь хороших мест на экваторе, а с орбиты Кларка комфортно садиться только вдоль него, не так много. То, что скорее всего будут выбраны острова, тоже очевидно - материковые зоны сильно загрязнены. Расчет оптимальной орбиты для снижения с учетом вводных дал это место, - Ключник пододвинул карту, - Хальмахера.

- Большой, - Брат рассмотрел зеленый островок посреди скопления участков суши - архипелага.

- У меня точные координаты есть, плюс-минус, конечно. После старта, опять же, Сатану нашу вести можно. Но, знаете, я этот остров весь к чертям собачьим на дно пущу, дури хватит - четыре носителя.

- Не стоит, наверное, весь остров - предположил Рус.

Ключник вздохнул:

- Херня это все - точечные удары. А так, четыре по десять - сорок головок в

Хамальхеру и только пузыри на поверхности останутся. Так оно надежнее.

- Может быть по одной, вдруг твои расчеты неправильные?

- Скажи еще - очередью. Нет, Рус, на второй залп у нас времени уже не будет. Это война быстрая - кнопку ткнул и ползи на кладбище.

- Почему?

- Потому, что старт засекается мгновенно. Носителю все равно - он пошел и его с курса сбить практически невозможно. А вот место пуска обречено - двадцать минут и его сравнивают с землей. И даже глубже.

- Значит, нам всем...

- Ничего это не значит. Вы все завтра снимаете лагерь и уходите. Куда угодно - я бы посоветовал или в Азас, или на юг. Уходите и ищите надежное убежище.

- А ты?

- А я глушу все системы, чтобы не дай бог не засекли, и жду начала.

- Как ты догадаешься что это началось?

- Буду просто смотреть в небо. Такое событие, как сошествие матери, не начнется просто так. Сначала вокруг Звезды начнется мельтешение, потом, возможно, корректировка орбиты, суeta драконов и, в итоге, от небесного тела отделится маленькая искорка и по дуге направится к Земле. Я не пропущу этого момента.

- Сидеть и смотреть в небо? - Брат усмехнулся, - Это нереально. Как долго ты выдержишься?

- Долго, - Ключник оскалился, - я умею ждать.

- Я останусь, - уверенно заявил Брат.

- Черта с два - это моя война.

- Я останусь - ты сойдешь здесь с ума!

- Я давно уже безумен. Не вынуждай убить тебя.

- Убить? Зачем?

- Чтобы отбить охоту остаться у остальных! - Ключник обвел суровым взглядом Ванко, Стерву, Руса и Кэт.

В начинающихся сумерках, в середине лета, даже такого прохладного как сейчас, по пустыне лучше путешествовать ночью, наружу из прохладного полумрака подземелий вышел маленький отряд. Пятеро были снаряжены, как перед дальней дорогой, шестой, обнаженный по поясу, явно намеревался остаться.

- Ты не передумал? - в очередной раз переспросил Брат.

- Не начинай.

- Быть может, ждать придется очень долго.

- Не думаю - атмосфера практически очистилась. Не век же им болтаться на орбите.

- Удачи тебе, солдат. Надеюсь, тебе повезет... Нам.

- Оставайтесь в живых. Слышите? - Ключник по очереди обошел товарищей, остановился первым возле Ванко, - Запомни, мальчик, то, что видел - ты будешь жить в другом мире. Не лучше и не худшем - другом. Вы, - Рахан обратился к Стерве с Русом, - здоровые и чистые, я знаю, будьте родителями тех, кто возродит человечество, не спорьте - вы можете стать парой. Ты, - это к Брату, - научи их, оставь в их памяти рассказы о прошлом, о величии, к которому смогут стремиться следующие поколения.

Кэт Ключник не сказал ничего. Он просто стал напротив долго смотрел в глаза, словно стараясь запомнить каждую искорку, вспыхивающую в синей бездне.

- У тебя все получится, - прошептала девушка, - И помни - мы всегда несем ответственность за тех, кого спасаем. Мы еще встретимся... чтобы попрощаться.

Рахан усмехнулся. Он уже не верил в пророчества, не хотел искать смысл в иносказаниях и прекрасно отдавал себе отчет в том, что его ждет.

- Прощайте.

- Прощай.

- Прощай.

- Прощай.
- Прощай.
- До встречи.

В сумерки уходят пять странников. Атмосфера действительно почти очистилась - последнее время почти каждая ночь полна яркого света звезд. Пятеро уходят, не оборачиваясь, потому что нельзя оборачиваться в прошлое, пятеро уходят, а шестой тяжело усаживается в вытащенное из недр рукотворной пещеры кресло, берет в руку подобранное год назад у сгоревшего хутора оптическое приспособление и смотрит вверх.

Сидеть так он будет долго. Ветер станет носить из стороны в сторону неприкаянные кусты перекасти-поля, цепляющиеся колючками за его ноги, песок истреплет полы его одежды, а солнце до черноты обласкает его страшное лицо. Группа кочевников набредет на необычного наблюдателя и начнет насмехаться над ним, а он будет лишь смотреть вверх, иногда невооруженным глазом, иногда, пользуясь старым потертым прицелом и изредка прихлебывать остывший чай из железной кружки. Он покинет свое место только тогда, когда незванные гости сунутся обшаривать помещения базы за его спиной. Он медленно поднимется и пойдет вслед за ними и там, страшным демоном выныривая из темноты коридоров покончит со всеми.

Наступит зима и пойдет снег - снег в пустыне и сугробы у его ног будут служить защитой от холода. А в одну из морозных ночей наблюдатель вдруг вздохнет и впервые заговорит, пусть даже сам с собой. Собственно, это будет трудно назвать разговором - он скажет всего одно слово:

- НАЧАЛОСЬ...

Зима. Сочельник. Те, кто еще жив, веселятся, отмечая праздник, смысл которого давно позабыли. Но в далекой пустыне одинокий безумец наконец, после почти полугодового бездействия начинает деятельность.

Ключник спускается вниз и вновь рокот машин возвещает об оживании базы. Он возвращается и, пользуясь приспособлением из реек, зеркал и маятника следит за движением отделившейся от Звезды искорки, покачивает головой и делает пометки в блокноте. Затем снова уходит в чрево станции, бегом - надо преодолеть четырнадцать этажей подземелья и успеть повернуть последний выключатель. Уже скоро.

Где-то далеко отсюда сильные пальцы, привычные к оружию, не менее ловко управляют со струнами:

Мой дом в холмах зеленых, мой дом в высоких травах.
Взбираются по склонам веселые дубравы.
С рукава слетает сокол - к нам приехал издалека
Всадник изумрудноокий из страны лесов высоких.
Там - мой дом в зеленых холмах!

Играй же, менестрель, играй! А рядом с ним медленно танцует девушка, движения легки и изящны, так же грациозны, как ее отложенный в сторону клинок.

Возьми янтарный перстень, жемчужную корону,
С тобой уедем вместе в мой дом в холмах зеленых.
Там несутся к морю кони, там вино в подвалах бродит,
Виноградной спелой гроздью звезды падают в ладони.

Танцуй же, дева, танцуй! И мальчик сидит у ног и поет, глядя на мир печальными глазами - не менее грустно смотрит он, когда приходится, в прорезь прицела.

Там печаль тиха, как вечер, там легенды море шепчет,
Там поет закатный ветер о давным-давно ушедших.

Там венки сплетают девы, там играют менестрели,
Там давно собрались гости, ожидая королеву.
Там - мой дом в зеленых холмах!

Пой, пой, дитя, не останавливайся - это песня о том, что уже мало кто помнит и нескоро, ой, как нескоро увидит.

В тесном кружке кочевников выступают бродячие артисты. Зачем убивать, а они это могут, если можно добывать на пропитание, демонстрируя собственное искусство? И играют, поют, танцуют, а в сторонке пристроился на солнышке, таком редком, худощавый, хотя в осанке чувствуется недавняя дородность, проповедник. Когда его коллеги закончат - он расскажет собравшимся, если они захотят его слушать, о том, что в ближайшее время вновь наступят сумерки, но этого не стоит бояться. Лучше всего найти укромное место, переждать катаклизм, а после мир родится заново и жить станет легче.

Кстати сказать, сами артисты не думают искать убежища. Зачем? Каждый из них в глубине души уверен, что заслужил честь или достоин проклятия - пережить грядущие испытания, дабы оправдать или искупить, впрочем, это одно и то же. И так, скорее всего, произойдет. Причем очень скоро.

А остальные избранные?

Примерно через месяц глубоко под землей, под слоем оплавленного камня окончательно придет в себя существо с обожженной маской вместо лица и кровоточащими культями вместо конечностей. Оно тщетно попытается разлепить покрывшиеся кровавой коростой веки и с ужасом осознает всю чудовищную безысходность своего положения. Наверное, отчаяние, если ему еще присущи какие-нибудь эмоции, послужит последней каплей, ввергнувшей сознание в пропасть безумия. Иначе чем, как не безумием, объяснить странные видения, образы, посетившие его в последующем, визиты, память о которых останется навсегда.

Первой придет девушка, почти девочка в лохмотьях и странным узором татуировок на предплечьях. Синеглазая и абсолютно неземная.

- Бедный, - скажет она, вытирая слезы, - бедный, прощай.
- Ты уходишь? - подумает существо, - Почему?
- Я должна.
- Останься.
- Я не могу, даже не так - это не в моей власти.
- И мы больше никогда не увидимся?
- Мое проклятье в том, что все, абсолютно все в конце концов приходят ко мне. Все, но не ты.
- Как это?
- Смертные обычно встречаются со мной дважды - при рождении и на одре. Ты же провел со мной слишком много времени и теперь наши пути расходятся. Прощай... Любимый.

- Ты меня обманывала...

Боль стеной огня оборвет мысль.

Вторым будет пес, плод невообразимой мутации - мощное тело на колонноподобных лапах, извивающийся змеей хвост и три головы на топорщащихся загривках.

Правая пасть недовольно зарычит, левая преданно лизнет в подбородок, а средняя лениво зевнет, сделав вид, что ей все равно.

- Ты кто? - подумает существо.

Морды посмотрят друг на друга, потом по сторонам и волчком потащат все тело в погоне за собственным хвостом.

- Зачем ты здесь?

Псина остановится, сжав сразу всеми тремя челюстями кончик яростно отбивающегося хвоста, и посмотрит исподлобья в три пары глаз. Создастся впечатление, что правая голова

крайне недовольна непроходимой тупостью, левая относится к ситуации иронично, а средней вообще наплевать.

- Фу! - подумает существо, отчего то вид страшной собаки вызовет ощущения чего-то родственного.

Пес послушно выплюнет хвост и шлепнется на зад с видом благосклонно исполняющей волю ребенка домашней болонки. Некоторое время будет продолжаться взаимное разглядывание, а потом нечто неуловимо изменится за спиной пса. Абсолютный мрак запечатанного огнем подземелья сгустится еще больше и тьма в глубине развалин станет осязаемой. Она начнет сгущаться, напозать и существо, уже познавшее в полной мере безотчетный ужас, отрешенно осознает чуждость, безусловную инородность стремящейся к нему силы. Холодная ненависть. Жизнь, смерть, боги и призраки, нет, то, что парализующее уставится на него из мрака, вообще не будет принадлежать существующему миропорядку.

Пес одним движением вскочит на ноги и развернется кругом. Три головы прижмутся к земле и яростный рык, сопровождаемый тремя клубящимися факелами, освещая пространство, оглушит бессильное существо. Шаг за шагом, звонко клацая челюстями, отсекая выбросы призрачной материи, трехголовая собака загонит чужеродное нечто в дальний угол и, предупреждающе рыча, снова усядется напротив.

- Хорошая собачка, - из ниоткуда появится третий, или это уже четвертый, если считать и Чужое, визитер.

Высокий, худощавый и рыжеволосый человек с маской невиданного зверя, одетый в одну лишь набедренную повязку.

- Как ты? - спросит он.

Если бы у существа остались губы, оно бы искривило их в сардонической усмешке. Гость, не глядя, шлепнется на валяющийся под ногами обломок камня и тот сразу примет вид обсидианового трона.

- Ничего, пройдет.

- Ты-то вообще, кто такой? - подумает существо, почти не надеясь на ответ.

- Ай, - махнет рукой рыжеволосый, - тебе имя надо? А ты свое то помнишь? То-то же! Ну, называй меня, если угодно, Сет, или Ваал, можешь Тифоном, еще где-то ко мне обращались, как к Локки, именовали Лукавым. Скажу по секрету, - мужчина заговорщицки подастся вперед, - Змий и Прометей - это тоже я. Важны не образы и ярлыки. Ты видишь перед собой лишь персонификацию древней, как мир, силы.

- Какой?

- Энтропия, хаос, революция, свободомыслие - разумный противовес созидательной тирании. Впрочем, тебя ведь не интересует философия. Ты хочешь понять, что произошло?

Если бы существо могло шевелиться, оно бы кивнуло.

- Видишь, - рыжеволосый укажет в сторону трехголовой твари.

Та, совсем по-собачьи, поднимет лапу и помочится на обвалившуюся перегородку, затем усядется и примется в три языка вылизывать собственные гениталии.

- Мое порождение, - гордо заявит гость, - Страж. Сила, неподвластная никому, даже мне, непредвзятая и независимая. Существует предание, что, когда наступит время последней битвы, Фенрир, это одно из его имен, станет убийцей богов и уничтожит мир, - рыжеволосый наставительно поднял палец, - Только не воспринимай гибель, как нечто безвозвратное. Смерть - это очищение, возможность возродиться в более совершенном качестве.

Существо начнет терять нить разговора и гость повысит голос:

- Опять меня заносит в дебри. Короче, ты - это он. Он - это ты. На самом деле все много сложнее, отдельные аспекты не подвластны даже мне, но, тем не менее - такая Сила не имеет права даже на отдаленное подобие самосознания. Поэтому проявления Пса - Убийцы Богов, нуждаются во внешних воплощениях. Ты - это Он. Обстоятельства, сделавшие тебя таким, какой ты есть, а это и непонятные мне манипуляции над твоим телом смертных ученых, и яд стигийских собак в твоей крови, и воздействие излучений капища мутантов, даже обряды

Гекаты, методы лечения которой очень далеки от традиционных, все обстоятельства, все вместе и по отдельности - Он. Отвратительные энергии, освобожденные орудием, пусть и носящим мое имя, не поверишь, тоже Он. Теперь вы с ним расходитесь, но Его печать, его бремя и проклятие навеки пребудет с тобой - отмеченный Кербером-Фенриром. Что? - рыжеволосый посмотрит на существо, не успевшее даже подумать о еще одном вопросе, - тебя интересует спутница, которую я назвал Гекатой?

Владелец необычной маски поерзает в величественном, но твердом и неудобном троне.

- Ах, это так неважно, но постараюсь удовлетворить твое любопытство. Та девушка, несчастное дитя лишенное разума - богиня, нет, не думай, не воплощение, именно богиня, а странности, что ж, не так легко нематериальной сущности осваивать бrenную плоть, согласишься. Геката. Не слышал? Неудивительно - вы отвернулись от богов, но хоть в легендах и преданиях? Богиня перекрестков и дорог, охотница преисподней, хозяйка стигийских псов. Она есть Смерть и она же, заметь, Начало жизни. Одна из немногих Древних, оставленных и почитаемых Семей. Всесильная и неуправляемая. Знаешь, кстати, Ключник, какой ее главный атрибут? Ага - ключ. А, чуть не забыл - еще она тоже мое порождение. Чем было вызвано ее появление? Сумасбродством. Ее непонятным никому умением балансировать на лезвии Закона. Чужие с их невероятным божеством, одновременно способным быть и в воплощенном и в астральном состоянии - угроза всему мирозданию. Нашему мирозданию. Ваш беспечный мир забыл богов, поэтому мы здесь слабы и неспособны противостоять агрессии в высших сферах. Повторюсь, матка Чужих - одно из тех странных божеств, безгранично могущественных, но, в соблюдение Равновесия, способных быть умерщвленными в материальном мире. Вместе с тем определенные правила запрещают нам вмешиваться напрямую в дела смертных. Поэтому решено было оставить твой мир без боя, тем более для нас последнее время он был никчем. Результат действий своенравной Гекаты - уничтожение серьезного противника, но и потеря, в любом случае, вашего мира. Если раньше мы были здесь лишь просто слабы - то теперь абсолютно бессильны. Не буду скрывать - я был бы рад, если бы этот мир погиб. Но, боюсь, он выкарабкается и как будут развиваться события в лишенной богов локации прогнозировать трудно. Чего вы тут, смертные, нагородите в наше отсутствие, даже подумать страшно. Боюсь, мы все-таки нажили проблему. В будущем. Знаешь, чем была та тень, отогнанная Кербером? Ну да - один из аспектов убитой тобой Царицы. Бестолковая псина привязалась к своему утраченному воплощению, зря - уж лучше бы матка до тебя добралась. Это так - ничего личного.

Потом фигура рыжеволосого подернется серым муаром, словно изображение, транслируемое далеким источником, исказят помехи. Наверное, неписанные законы мироздания действительно изолируют и мир и сознание существа от любых внешних сил. Гость заторопится, промямлит что-то на прощание и растает, не позволив себе эффектное исчезновение. Существо, только начавшее осознавать себя и услышавшее, мельком, в беседе одно из своих имен, проведет распухшим языком собирая остатки жидкости и пошлет жалкий, но полный презрения плевков в сторону недавнего собеседника. А потом, полное отрешенного отчаяния, повинувшись безошибочному чутью ростка, рвущегося к Солнцу, начнет долгий путь наверх...

Все это произойдет где-то через месяц, когда отбушуют пожары, немного стихнут тайфуны, ураганы, смерчи и когда наконец испустит дух судорожно бьющаяся и не желающая умирать гигантская тварь, невообразимым образом вплавленная в сгусток стеклянной пены, в какой превратится остров Хальмахера. Примерно через месяц.

А сейчас где-то далеко грустную мелодию наигрывает менестрель, сказочную балладу напевает под льющие звуки мальчик, прекрасная дева вальсирует в чарующем танце, проповедник, вздыхая, оплакивает судьбу мира.

Богиня перекрестков бредет в окружении лающих псов лишь ей одной подвластными путями.

Сова, хлопая крыльями, стремится убраться подальше из внезапно напивавшихся Смертью мест.

Белка, стрекоча, несет последние новости от корневища к кроне Великого Мирового Древа.

Здесь же, посреди холодной пустыни, рука, птичья лапа, тянется к приспособлению, названному когда-то красной кнопкой, но на деле не являющейся таковой. Губы, искривленные глубоким рубцом, шепчут второе слово, изрекаемое наблюдателем за пол года:

- Рок-н-ролл...

ЭПИЛОГ

Опущены плечи и висят безвольно мозолистые руки. Труд пропал даром - пока человек занимался каналом, иссяк, высох немногочисленный арык. Полно не помочь, семью ждет смерть либо кабала. А слезы прокладывают русла на покрытом пылью лице, формируя горы и континенты. Плачет ребенок, истошно и надрывно, сжимая поломанные статуэтки - ему надоели грубые куклы, его влекут механические игрушки. Змея методично поглощает собственное тело, но хвост ее отрастает с такой же скоростью, с какой работают мощные челюсти. Жизнь также, как и раньше, гибнет, сходит на нет и огненной птицей вновь возрождается из пепла.

Память приходит внезапно, как тайнопись, что проступает на папирусе в пламени свечи. Все вновь проносится перед глазами - освещенные электричеством улицы Усть-Кута и черные тени стигийских псов на его мостовых. Я вспоминаю мертвый Иркутск и жар радиоактивных обломков в капище, сооруженном на главной сцене его театра, помню звенящую тишину готовой прорваться плотины Братской ГЭС и стальные воды вечного Байкала, облизывающие грязный берег. Горы - живописные, даже после войны, Саянские хребты и Алтай с его царственной Белухой. Помню бросок сквозь казахскую степь, останки Семипалатинска и забытый всеми поселок Жангиз-Тобе - место дислокации пусковых комплексов баллистических межконтинентальных ракет СС-20 "Сатана". Я, оказывается, много чего помню и никогда не забуду, как не забуду синие озера глаз Богини-Смерти...

Странно, уже много лет я тщетно старался пробудить в себе эти воспоминания, а достаточно оказалось малого - ощущения в руках оружия из того, безумно далекого прошлого. "Корд" - крупнокалиберный пулемет, состоящий на вооружении накануне той войны, любимая игрушка моего напарника Тарана. Я поднял крышку ствольной коробки и привычным движением проверил механизм подачи и запорное устройство. Надо же - руки сами помнят абсолютно ненужную, казалось бы, последовательность действий. Пересчитал патроны - четыре ленты, двести штук калибра 12,7. Не мало для почти пятидесяти тысяч противника? Вполне достаточно - бронебойно зажигательная, каждая из пуль найдет себе не одну жертву в этой толчее. Еще минут десять - отсюда прекрасно видно, как втягивается в узкое и смертоносное ущелье чернокожее войско. Есть время поразмыслить.

Теперь я понимаю слова Кэт-Гекаты об одиночестве богов и ответственности за тех, кого спасаешь. Сколько прошло лет после Сумеречных Войн? Ошибаются современные хроники - их было две, не одна, с перерывом в двадцать лет, теперь я знаю. Так сколько? Единого мнения тоже нет - счет времени потерян, но, полагаю, не меньше пяти веков. И я до сих пор жив, мало того - исчезли многочисленные рубцы и шрамы, восстановилось зрение. Упорно напрашивается термин еще из Тогда - регенерация. Откуда такие способности? Рыжеволосый Сет упоминал о целом комплексе факторов. Все наше подразделение было участниками специальной программы, проводимой закрытой государственной конторой "Росген", в которой чертовы яйцеголовые пытались сделать из нас суперсолдат. Надо признать - это у них получилось. Вполне возможно, чего-то они все-таки намудрили. Второе - рентгены, подхваченные во время войны и после ее в Иркутске. В совокупности с генной инженерией полученные дозы облучения могли способствовать самым невероятным мутациям. Это все объективные предположения. А теперь метафизика. Яд стигийских псов и долгожительство, как подарок самой Смерти. Вот так-то...

Глупости, конечно, эти откровения - я вовсе не считаю себя богом. И Хранителем, как это принято называть, этого мира не являюсь. Те страшные поступки, которые я творил, нося имя Одан Хан, продиктованы только одним всепоглощающим чувством - ненавистью. Страшные, конечно страшные - я осознавал это тогда и полностью отдаю себе отчет теперь.

Принцы крови, самцы Чужих выжили, как и предполагал несчастный проповедник, до последних дней винивший себя в страданиях всего мира - Большой Брат. Полностью самодостаточные особи, они нуждались лишь в одном - спокойной жизни. После того, как я со своими последователями уничтожил нескольких из них, осевших в различных относительно чистых районах, они пришли к выводу, что защитой от бесноватого маньяка, одержимого расистскими идеями, могут стать только его же соплеменники. Так на всей земле стали возникать очаги людских цивилизаций, возвращенные остатками Чужих. О, они умели внушать идеи поклонения высшим существам, утверждая, что несут добро, разум и процветание! И как верещали, когда мои войска брали очередную твердыню, заливая рвы вокруг стен своей кровью и кровью послушников, своих братьев, пленяли их, а потом эти новые боги попадали мне в руки и зеленоватая слизь их организмов при попытках пьянила меня сильнее любого наркотика. Охота на драконов - вот как это называлось.

Добро, разум и процветание... Я был дьяволом, Сатаной их пантеона, но, когда меня пленили, Чужие отнеслись ко мне много гуманнее, чем я в свое время поступал с ними. Наверное, также гуманно, как прежние боги поступили с Локи или, как называли его в других мифах, Прометеем. Меня заточили в сыром подzemелье, оставили охрану из верных людей, даже не подозревающих о том, кого стерегут, и забыли, оставили наедине с ненавистью и безумием. Примерно на триста лет.

Надо же, теперь Одан Хана вспоминают, как бога. Никто, кроме меня, не знает, что в это место больше нет пути настоящим богам - что ж, приходится придумывать своих, каких есть. Чистилище - место, лишенное божественного в любых проявлениях. Я осмотрелся по сторонам. Мое святилище! Смех. Древний дот на берегу Красного моря, непонятно для каких целей возведенный бог знает когда египтянами.

Преследователи приближаются, но сзади уже спустились с перевала северяне, маленькая горстка людей, которые, я уверен, сыграют позже немаловажную роль в судьбе целого мира.

Да, я стал умнее - заточение пошло мне на пользу. Да, я манипулировал этими честными людьми и истинная причина нашей атаки на Секретную столицу известна лишь мне одному. Конечно, пока воины Грома дрались на улицах города, отвоевываая захваченные в плен семьи старейшин союза племен, я был не с ними. В одном из потайных мест цитадели я убивал своего личного врага. Очередного Принца Крови, примерно так звучит их титул на шелкающем языке насекомых. Самцы Чужих очень сильно отличаются от их солдат и, если обычного человека они превосходят на порядок, то я могу сражаться с ними почти на равных. И убивать их даже без помощи гексогена. Опять же - они напрочь лишены агрессии и способны только защищаться.

Я дернул затвор, досылая патрон в патронник. Зачем я веду эту войну? По чести, мне нравится новый мир - сильные люди, наделенные сверхъестественными способностями. Да-да, телекинез, телепатия, еще черт-те что, не поддающееся объяснению - думаю, последствия вызванных повышенным радиационным фоном позитивных мутаций. Сказать зачем? Я хочу, чтобы эта планета была только для людей. И я ни о чем не жалею.

Щеку приятно холодит металл ствольной коробки и в прорези, как влитая, застывает мушка. Я широко расставил ноги - отдача обещает быть сильной. Да, не жалею. О исчезнувшем с карты Индонезийского архипелага острове Хальмахера - не жалею. Об ответном ударе Чужих, направленном на заселенные области планеты, последующей еще одной Зиме и гибели второй трети населения мира - не жалею. Об устроенной резне, в которой смерти одного Принца предшествовала гибель тысяч человек - не жалею. Я могу сожалеть лишь об одном поступке, и то неизвестно послужил ли он толчком ко всем последующим событиям. Только самому себе способен признаться - Война, та, первая,

началась практически сразу после того, как я, именно я впервые убил Чужого-солдата, пилота сбитого нами корабля-дракона.

Я поднял глаза и посмотрел в то место, где по ночам отчетливо виден свет Звезды. Надеюсь, мертвой - когда-нибудь я доберусь и туда. Палец лег на спусковую скобу, будто занял положенное по праву место. Двести патронов и пять тысяч противников. Я сделаю то, что обещал Грому, но даже если останусь жив - никогда не вернусь к этим людям. Достаточно бедного племени ванов, потомков моего маленького спутника, всю свою историю посвятивших войне, которую вел безумный... бог?... одержимый местью. Бог... наши поступки, преломившись сквозь призму времени, окрасившись налетом истории, приводят к самым неожиданным последствиям. Сейчас я начну стрелять, а спасшиеся варвары, услышав раскаты грома, дополнят свои предания еще одной легендой. Сказанием о Страже перевала.

Ваны звали меня Одан Хан, северяне - Один, мой легендарный отряд, Шестеро - Рахан, а жители Тувы - по имени древнего демона Раху. Геката сказала - Богом данный.

А еще она сказала, что среди тысяч имен в сердце всегда должно оставаться место истинному, данному при рождении отцом и матерью. Наверное, когда человек утрачивает это имя, он становится призраком... или богом. Моя душа спокойна - я помню его.

Капитан Богдан Раханов, "Ключник", специальное подразделение "Альфа", экспериментальная программа "Берсерк".

Палец плавно спускает курок, приводя в действие молчавший полтысячи лет механизм. Только бы не осечка...

Конец

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
18.02.2010**